

**ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ФАКУЛЬТЕТІ**

**Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ халықаралық қатынастар факультеті
30 жылдық мерейт оий на арналған
«ҚАЗІРГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ:
ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕ»
тақырыбындағы халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдар
ЖИНАҒЫ
25 қараша 2020 жыл**

**СБОРНИК
материалов международной научно-практической конференции
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»,
посвященной 30-летию юбилею образования кафедры
международного права факультета международных отношений КазНУ
им. аль-Фараби
25 ноября 2020 года**

**COLLECTION
of materials of the International Scientific and Practical Conference
«ACTUAL PROBLEMS OF MODERN INTERNATIONAL
LAW: THEORY AND PRACTICE»,
dedicated to the 30 th anniversary of the formation of International Law Chair
of International Relations Department of Al-Farabi Kazakh National University
November 25, 2020**

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ФАКУЛЬТЕТІ

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ халықаралық қатынастар факультеті
30 жылдық мерейтойына арналған
«ҚАЗІРГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ:
ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕ»
тақырыбындағы халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдар
ЖИНАҒЫ
25 қараша 2020 жыл

СБОРНИК
материалов международной научно-практической конференции
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»,
посвященной 30-летию образования кафедры международного
права факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби
25 ноября 2020 года

COLLECTION
of materials of the International Scientific and Practical Conference
«ACTUAL PROBLEMS OF MODERN INTERNATIONAL
LAW: THEORY AND PRACTICE»,
dedicated to the 30 th anniversary of the formation of International Law Chair
of International Relations Department of Al-Farabi Kazakh National University
November 25, 2020

Алматы
«Қазақ университеті»
2021

*Рекомендовано Ученым советом факультета
международных отношений
(протокол № 4 от 25.12.2020 г.)*

Редакционная коллегия:

Сайрамбаева Ж.Т. – Заведующая кафедрой международного права
КазНУ им. аль-Фараби, кандидат юридических наук, и.о. профессора
Баймагамбетова З.М. – доктор PhD., доцент кафедры международного
права КазНУ им. аль-Фараби
Ахметова А.А. – PhD докторант кафедры международного права
КазНУ им. аль-Фараби

«Актуальные проблемы современного международного права: теория и практика»: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию образования кафедры международного права факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби (25 ноября 2020 г.). – Алматы: Қазақ университеті, 2021. – 232 с.

ISBN 978-601-04-5198-8

Материалы конференции включают в себя статьи представителей научного и академического сообщества ведущих ВУЗов и НИИ страны, ближнего и дальнего зарубежья, представителей государственных структур, дипломатических миссий и международных организаций, аккредитованных в Республике Казахстан.

Рекомендуется научным работникам и другим специалистам юридических и экономических специальностей, докторантам, магистрантам, бакалаврам юридических и экономических вузов.

ҚҰТТЫҚТАУЛАР/ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

АЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
СЫРТҚЫ ІСТЕР
МИНИСТРЛІГІ

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

*Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
Халықаралық қатынастар факультетінің
Халықаралық құқық кафедрасының ұжымына*

Сізді бүгінгі айтулы мереке – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қатынастар факультетінің Халықаралық құқық кафедрасының 30 жыл мерейтойымен Қазақстан Республикасы Сыртқы істер министрлігінің Халықаралық құқық департаменті ұжымынан және жеке өз атымынан шын жүректен құттықтаймын.

Еліміздің тәуелсіздік алар қарсаңында құрылған Халықаралық құқық кафедрасы елде кеңінен танылған халықаралық құқық саласындағы мамандардың орталығына айналды.

Кафедра түлектерінің арасында Қазақстан Республикасының атқарушы және заң шығарушы органдарында елдің мемлекеттік мүдделерін білдіріп жүрген көптеген табысты ғалымдар, басқарушылар және саясаткерлер бар. Осы қауымның көптеген өкілдері Сыртқы істер министрлігінде елдің құқықтары мен мүдделерін қорғап, Қазақстанның халықаралық аренадағы ұстанымын нығайту бойынша көпжоспарлы күш-жігеріне үлес қосып келеді.

Осы айтулы мерекені пайдалана отырып, Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қатынастар факультетінің Халықаралық құқық кафедрасының профессорлық-оқытушылар құрамына, докторанттары мен магистранттарына және студенттеріне зор денсаулық, қызметтерінде табыс пен сәттілік және барлық жақсылықтарды тілеймін.

Ізгі ниетпен,

*Халықаралық құқық
департаментінің
Директоры*

Н. Жұмақанов

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ПРЕЗИДЕНТІ ӘКІМШЛІГІ
БАСШЫСЫНЫҢ
БІРІНШІ ОРЫНБАСАРЫ

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
РУКОВОДИТЕЛЯ
АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

010000, Нұр-Сұлтан қаласы, Ақорда
2020 жылғы "02" қараша

№ _____

010000, город Нур-Султан, Ақорда
20 ____ года

Әл-Фараби атындағы
Қазақ ұлттық университеті
Халықаралық қатынастар
факультетінің ұжымына

**Ардақты ұстаздар!
Қымбатты студенттер мен түлектер!**

Сіздерді Халықаралық қатынастар факультетінің 25 жылдық мүшелтойымен және Халықаралық құқық кафедрасының 30 жылдық мерейтойымен шын жүректен құттықтаймын!

Бүгінде Халықаралық қатынастар факультеті – Қазақ ұлттық университетінің маңызды құрылымдық бөлімі ғана емес, тұтас еліміздің білім саласында өзіндік орны бар беделді оқу ордасы. Мұнда көптеген кәсіби оқытушылар мен ғалымдар жемісті еңбек етіп, отандық ғылымның алға басуына өлшеусіз үлес қосуда.

Ширек ғасыр ішінде бұл құтты шаңырақтан қаншама жас өркен білікті маманға айналып, түлеп ұшты. Қазір олар әлемнің түкпір-түкпірінде, мемлекеттік басқарудың барлық деңгейінде және бизнесте табысты еңбек етіп, Қазақстанды дамыту ісіне белсене атсалысып жүр. Мен де осы факультетте оқып, «Халықаралық құқық» мамандығын алып шыққанымды мақтан тұтамын.

Сіздер келешекте де мемлекет мүддесіне қызмет ететін өскелең ұрпақты тәрбиелеп, бәсекеге қабілетті кадрлар даярлай береді деп сенемін. Баршаңызға зор денсаулық, бақ-береке және толайым табыс тілеймін!

Ізгі ниетпен,

Дәурен Абаев

*Поздравляю коллектив кафедры международного права
Казахского национального университета имени Аль-Фараби
с 30-летним юбилеем!*

Кафедра международного права является лидером развития отечественной школы международного права. Этому свидетельствует тот колоссальный авторитет в образовательной, научной и экспертно-аналитической сферах, которым неизменно пользуется ваша кафедра.

Высокий уровень публикаций в ведущих отечественных и зарубежных научных журналах, выступления сотрудников кафедры на престижных научных форумах и конференциях, качество образования всех уровней – от бакалавриата до докторантуры (Ph.D.), свидетельствует о сложившейся и активно работающей научной и образовательной школе.

С момента своего основания коллективом кафедры был задан высочайший уровень научной деятельности. Свидетельством тому является проведение на базе вашей кафедры большого количества конференций и симпозиумов республиканского и международного уровней.

За прошедшие 30 лет кафедра внесла значительный вклад в подготовку высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов, которые в своей деятельности сочетают глубокие фундаментальные знания и необходимые практические навыки при работе в органах государственной власти и управления разного уровня. Вот уже на протяжении 30 лет выпускники кафедры неизменно становились и становятся дипломатами, учеными, хорошими организаторами, занимают руководящие должности в государственных и правоохранительных органах.

Искренне желаю дальнейшего процветания, творческой энергии для покорения новых вершин и больших успехов в подготовке высококвалифицированных кадров.

Председатель Комитета по конституционному законодательству,
судебной системе и правоохранительным органам
Сената Парламента Республики Казахстан, выпускник
и преподаватель юридического факультета
КазНУ им. Аль-Фараби

В.В. ВОЛКОВ

Құрметті Сағынғали Жоламанұлы, халықаралық қатынастар факультетінің қызметкерлері!

Бүкіл мемлекет үшін аса беделді әрі маңызды факультет әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар факультетін құруға және нығайтуға өз үлесін қосқаны үшін Сізді, сондай-ақ барлық қызметкерлерді факультет құрылғанына 25 жыл толуымен құттықтауға рұқсат етіңіздер!

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ халықаралық қатынастар факультеті еліміз тәуелсіздік алған алғашқы жылдары құрылып, өзінің қалыптасу және даму жолынан ойдағыдай өтті. Сіз заманауи талаптарға сай оқу процесін дамытуда және нығайтуда айтарлықтай жетістіктерге қол жеткіздіңіз.

Ширек ғасыр ішінде факультет түлектері жоғары білікті халықаралық қатынастар мамандарын даярлайтын, қазақстандық дипломатиялық қызметтің кадрлық құрамын құрайтын жетекші білім беру және ғылыми орталықтардың біріне айналды. Олар елдің сыртқы саяси мүдделерін қорғай отырып, жоғары кәсібилік, патриотизм және борышқа адалдық танытады. Ең жақсы іскерлік қасиеттер Сіздің факультетіңіздің қабырғасынан шығып, әртүрлі халықаралық ұйымдарда, мемлекеттік органдар мен қоғамдық құрылымдарда, ғылымда, түрлі салалық құрылымдарда жұмыс істеп жүрген түлектерді ерекшелейді.

Факультеттің оқытушылары мен ғылыми қызметкерлерінің аналитикалық-сараптамалық жұмысы өте жоғары бағаға лайық. Факультет аясында жарияланған монографиялар, оқулықтар мен оқу құралдары, сондай-ақ халықаралық қатынастар, халықаралық құқық және әлемдік экономиканың өзекті мәселелері бойынша шет елдерде жарияланған ғылыми мақалалар қазақстандық заң ғылымының осы бағыттарының дамуына өз үлестерін қосты.

Факультет жақын және алыс шетелдердің жетекші университеттерімен өзара белсенді іс-қимыл жасап, өзінің халықаралық байланыстарын кеңейте түсуде. Бұл факультеттің жоғары беделін, оның білім беру және академиялық саладағы жетістіктерін көрсетеді.

Жоғары білікті кадрлар даярлау ісінде және ғылыми-зерттеу жұмысында жаңа жетістіктер мен белестерге жете беріңіз деген ыстық ықыласымыз бен жылы құттықтауымызды қабыл алыңыз!

Қазақстан Республикасы Әділет министрлігінің
«Қазақстан Республикасының Заңнама және
құқықтық ақпарат институты»
ШЖҚ РМК директоры

Р. Сәрпеков

Нұр-Сұлтан қ., 2020 жыл

«ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ЖОҒАРҒЫ СОТЫНЫҢ ЖАНЫНДАҒЫ
СОТТАРДЫҢ ҚЫЗМЕТІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ
ДЕПАРТАМЕНТІ (ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ЖОҒАРҒЫ СОТЫНЫҢ АППАРАТЫ)»
МЕМЛЕКЕТТІК МЕКЕМЕСІ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ДЕПАРТАМЕНТ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ПРИ
ВЕРХОВНОМ СУДЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
(АППАРАТ ВЕРХОВНОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)»

010000, Нұр-Сұлтан қаласы, Есіл өзенінің сол жақ жағалауы,
Д. Қонаев көшесі, 39-үй, тел.: +7 (7172) 71-00-00
факс: +7 (7172) 71-03-14, e-mail: vsrk@sud.kz

010000, город Нур-Султан, левый берег реки Ишим,
улица Д. Кунаева, дом 39, тел.: +7 (7172) 71-00-00
факс: +7 (7172) 71-03-14, email: vsrk@sud.kz

30.11.2020 № 6001-20-9-6/248

**Әл-Фараби атындағы
Қазақ Ұлттық университетінің
халықаралық қатынастар
факультетінің және
халықаралық құқық
кафедрасының ұжымы**

Сіздерді Қазақстан Республикасының Жоғары Соты ұжымының және өз атынан халықаралық қатынастар факультетінің 25 жылдық мерейтойымен және халықаралық құқық кафедрасының негізі қаланғанына 30 жыл толуымен шын жүректен құттықтаймын.

Қазіргі таңда халықаралық қатынастар факультеті және халықаралық құқық кафедрасы әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінің маңызды білім беру бөлімдерінің бірі болып танылады. Ондағы кәсіби деңгейі жоғары профессорлық-оқытушылық құрам әртүрлі салаларға қажет, бәсекеге қабілетті мамандарды дайындаумен айналысуда. Танымал зерттеушілер заң ғылымының докторлары С.Ж. Айдарбаевтың, К.Н. Шакировтың, заң ғылымдарының кандидаттары Ж.Т. Сайрамбаеваның, М.К. Самалдықовтың және басқа да белгілі ғалымдардың жетекшілігімен іргелі ғылыми басылымдар мен монографиялар жарық көруде.

Халықаралық құқық кафедрасының еліміздің жоғары оқу орындары арасында, халықаралық құқық бағытында мамандар дайындайтын бірден бір көшбасшы кафедра екендігін ерекше атап өткім келеді. Сіздердің мамандықты тәмамдаған көптеген түлектер еліміздің барлық саласында жемісті қызмет атқаруда. Қазақстан Республикасының Жоғары Соты да халықаралық құқық мамандығын тәмамдаған мамандарымен ерекше мақтана алады. Сіздердің берген терең білімдеріңіз еліміздің дамуына ерекше үлес қосуда.

Келешекте де жоғары білікті мамандарды даярлай отырып, еліміздің өсіп-өркендеуіне сүбелі үлес қосатындықтарыңызға кәміл сенемін.

Факультет ұжымын 25 жылдық және халықаралық құқық кафедрасының 30 жылдық мерейлі мерекесімен құттықтай отырып, ел игілігі жолындағы еңбектеріңізге жеміс, заң шығару және ғылыми-зерттеу қызметінде жаңа жетістіктер тілеймін!

**Департамент басшысының
орынбасары**

Н. Байтілесов

084434

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВАВТ Минэкономразвития России

119285, Российская Федерация, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А

+7 499 143-12-35, info@vavt.ru, vavt.ru

ИНН 7729071387, КПП 772901001, ОКПО 01860779, ОГРН 1027739793212

19.10.2022 № 163-8/1179

Декану факультета
международных отношений Казахского
национального университета
им. Аль-Фараби, д. ю.н., профессору
Айдарбаеву С.Ж.

Уважаемый Сагынгалий Жоламанович!

Позвольте поздравить факультет международных отношений Казахского национального университета им. Аль-Фараби с 25-летием, а кафедру международного права – с 30-летием со дня основания. За годы работы Вам удалось создать ведущий в Казахстане образовательный центр, готовящий специалистов в сфере внешней политики, международного права и мировой экономики. Высокий уровень преподавания на факультете, новые образовательные технологии, обширные международные связи – все это позволило сделать Ваш факультет центром притяжения для всего евразийского научного и образовательного сообщества. Мы очень ценим и гордимся, что Вы являетесь Почетным профессором нашей Академии.

Наши учебные заведения связывают давние и прочные узы. В соответствии с заключенным договором мы реализуем совместные программы подготовки магистров, организуем повышение квалификации преподавателей, проводим гостевые лекции ведущих профессоров. Активным научным спросом пользуется находящийся в Библиотеке ВАВТ первый российско-казахстанский учебник по международному праву, написанный при Вашем соавторстве и изданный благодаря Вашим усилиям. Следует отдельно отметить недавно изданную в авторитетном европейском издательстве коллективную монографию, в подготовке которой приняли участие представители наших университетов. Высокий уровень монографии подтвержден индексацией в международной наукометрической базе данных.

Желаем Вашему факультету, уважаемый Сагынгалий Жоламанович, дальнейшего развития и процветания! Будем рады сотрудничать с факультетом и в будущем, уверены, что такое сотрудничество будет способствовать развитию связей между нашими учебными заведениями на благо наших народов.

Ректор, д.э.н., профессор

С.Г. Синельников-Мурылев

С.Г. Синельников-Мурылев

Казахский национальный
университет им. Аль-Фараби,
Факультет международных отношений,
Декану, профессору Айдарбаеву С.Ж.

Уважаемый Сагынгали Жоламанович!

Имеем честь поздравить коллектив профессорско-преподавательского состава и студентов факультета международных отношений с юбилейными датами - 30-летием со дня образования кафедры международного права и 25-летием факультета, с которыми сотрудничает наш Институт.

Президент Казахстана К.Токаев указывает, что "Образование и просвещение должны стать нашей национальной идеей". Об актуальности этой идеи подчеркивали руководители Штаб-квартиры ОЭСР в Париже в 2019 году нашим участникам семинара отметив, что "для вхождения Казахстана и других стран в группу развитых государств мира необходимо обеспечить существенный прогресс философии, научных знаний и управления этих стран".

Великий казахский просветитель Ж.Аймауытов говорил: "Ұстазы жақсының - ұстамы жақсы".

В этой связи выражаем уверенность, что профессорско-преподавательские составы факультета международных отношений и кафедры международного права способны внести свой должный вклад в дело подготовки специалистов-патриотов новой цивилизации, способных обеспечить повышение качества жизни народа и безопасности нашего государства в конкурентном мире, вхождение Казахстана число развитых государств планеты.

Искренне желаем коллективам факультета и кафедры неиссякаемого оптимизма, крепкого здоровья, семейного благополучия и личного счастья, а также больших творческих успехов на благо нашего Казахстана!

Ректор,
акад. Петровской АН РФ

А. Токтыбеков

Уважаемый Сагынгали Жоламанович!

Уважаемая Жулдыз Талгатовна!

Примите самые искренние, добрые поздравления по случаю знаменательной даты – 25-летия образования факультета международных отношений и 30-летия образования кафедры международного права !

Ваш университет является одним из лучших вузов в Центральноазиатском регионе, ведущим подготовку кадров по наиболее востребованным в настоящее время направлениям и специальностям, применяя все современные технологии и все возможные формы обучения. Сегодня, в эпоху глобальных перемен и инноваций, обучение и повышение деловой квалификации кадров имеют первостепенное значение и выходят на качественно новый уровень. Коллектив вашего факультета, понимая значимость все более возрастающих требований к подготовке лучших специалистов, активно стремится совершенствовать учебный процесс, внедряет современные обучающие инструменты и программы. Вы готовите высококлассных специалистов новой формации, востребованных в различных сферах деятельности, воспитываете достойную молодую смену с большим профессиональным и нравственным потенциалом.

Позвольте выразить искреннюю благодарность и выразить надежду за плодотворное сотрудничество наших университетов, нацеленное на всестороннее развитие Центральноазиатского региона. Надеюсь на его дальнейшее динамичное развитие и прогрессивный рост!

В эту юбилейную дату позвольте пожелать всему коллективу факультета добра, радости, неиссякаемого энтузиазма, вдохновения, благополучия и дальнейшего процветания!

С наилучшими пожеланиями,

Проректор по международным связям

Мансуров У.А.

INTERNATIONAL DEPARTMENT

Tel: (+992 37) 227 16 52; Fax: (+992 37) 227 16 52;

E-mail: id_rtsu@mail.ru

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)
ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

*Уважаемая Жулдыз Талгатовна!
Уважаемые преподаватели кафедры
международного права!*

Коллектив Института судебных экспертиз и кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) сердечно поздравляет Вас и Ваших коллег с 30-летним юбилеем кафедры международного права КазНУ имени аль-Фараби!

Образование кафедры международного права в 1990 году дало мощный импульс в подготовке юристов-международников и сыграло огромную роль в развитии международного права Республики Казахстан. И в настоящее время кафедра является одной из передовых, отвечая в полной мере своему девизу: «Равный среди первых, первый среди равных». Деятельность кафедры с момента основания и по сей день направлена на подготовку высококвалифицированных специалистов в области международного права, апробирование различных моделей образования по данной специальности и передовых технологий. Научно-исследовательская деятельность кафедры в области международного права не нуждается в перечислении, труды преподавателей кафедры, несомненно, внесли вклад в развитие международного права как Казахстана, так и России.

Уважаемые коллеги! Продолжайте и преумножайте заложенные традиции передачи знаний, храните научное наследие и расширяйте потенциал кафедры! Желаем Вам здоровья, благополучия, успешной реализации Ваших самых смелых планов и начинаний!

*Директор
Института судебных экспертиз,
заведующий кафедрой судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина*

 Е.Р. Россинская

МГЮА

CHRISTIAN-ALBRECHTS-UNIVERSITÄT ZU KIEL
Rechtswissenschaftliche Fakultät

Institut für Osteuropäisches Recht
Prof. Prof.h.c. Dr. Dr.h.c. Alexander Trunk

Leibnizstr. 2, D-24118 Kiel, Telefon +49-(0)431-880-2172 bzw. - 2886, Fax +49-(0)431-880-1777
<http://www.castlaw.uni-kiel.de> email: office-castlaw@law.uni-kiel.de

Декану факультета международных отношений

КазНУ им. аль-Фараби

д.ю.н., профессору Айдарбаеву Сагынгали Жоламановичу

11 ноября 2020 г.

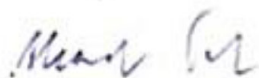
Уважаемый Сагынгали Жоламанович!

От имени Института права стран Восточной Европы Кильского университета я хотел бы передать поздравления с 25-летием факультета международных отношений КазНУ имени аль-Фараби, а также с 30-летием с момента создания кафедры международного права! Это очень важные события для развития международного сотрудничества с казахстанскими коллегами, интеграции казахстанской науки в международное образовательное и научное сообщество.

Кильский университет уже давно и плодотворно сотрудничает с КазНУ имени аль-Фараби, и мы были бы рады продолжить эту деятельность в рамках совместных научных проектов и публикаций!

Мы желаем коллективу факультета международных отношений и кафедры международного права дальнейших успехов в решении научных задач, успехов во всех сферах образовательной деятельности!

С уважением,

Директор Института права стран Восточной Европы Кильского университета

Профессор, д.ю.н. Александр Трунк

内蒙古工业大学

内蒙古工业大学

国际教育学院 SCHOOL OF INTERNATIONAL EDUCATION,
INNER MONGOLIA UNIVERSITY OF TECHNOLOGY

中国·内蒙古·呼和浩特爱民街49号
[Http://www.imut.edu.cn](http://www.imut.edu.cn)

地址 (Add) No.49 Aimin Street, Hohhot, Inner Mongolia, P.R.China
邮编 (Post Code) 010051

传真 (Fax) 0086-471-6510939

电话 (Tel) 0086-471-6575720 6576339 2214102
E-mail: fao@imut.edu.cn; alatan@imut.edu.cn; fanxb@imut.edu.cn

Respectable Professor Zhuldyz Sairambayeva,

I am delighted to learn International Law Department of Al-Farabi Kazakh National University is going to celebrate her 30th anniversary. Please accept my warmest congratulations on behalf of Inner Mongolia University of Technology(IMUT) to Professor Zhuldyz Sairambayeva, Dean of International Law Department, to the staff and students of the department and to the alumni at home and abroad!

After 30 years of perspiration, International Law Department of Al-Farabi Kazakh National University is now equipped with highly competitive faculty. It successfully gathered a large number of young international law talents and experts, making contributions to Kazakhstan international law personnel training, scientific research, social commitment, international exchange, cultural inheritance and innovation.

On such an occasion, it is our sincere hope that you can seize the opportunity, seek for innovation, and achieve more success in the future. We hope we can hold hand in hand to promote the common development of higher education in Kazakhstan and China, and to make greater contributions to establishing a community with a shared future for mankind!

Sincerely,

Professor DONG Jun

Vice-director of International Center

Inner Mongolia University of Technology

Заведующей кафедрой
международного права Казахского
национального университета имени
аль-Фараби профессору
Сайрамбаевой Жулдыз Талгатовне

Глубокоуважаемая Жулдыз Талгатовна!
Уважаемые коллеги!

Кафедра криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова сердечно поздравляет коллектив кафедры международного права Казахского национального университета имени аль-Фараби с юбилейной датой

30-летием со дня образования!

Сегодня Ваша кафедра под руководством декана факультета международных отношений профессора Айдарбаева Сагынгали Жоламановича стоит на первых позициях современного образования, науки и практики, проводит большую работу по подготовке высококвалифицированных национальных кадров. Высокопрофессиональный состав Кафедры решает сложные задачи в реализации образовательных программ по подготовке специалистов-международников.

Сотрудники Кафедры осуществляют широкую программу научно-исследовательских работ в области международного права, активно участвуют в работе по совершенствованию казахстанского законодательства и научному консультированию по вопросам международного права.

Научная и педагогическая деятельность Кафедры пользуется заслуженным признанием и уважением на факультете международных отношений и руководства Университета. За годы своего существования Кафедра установила партнерские отношения со многими кафедрами университетов ближнего и дальнего зарубежья.

Уважаемые коллеги! По случаю знаменательной даты – 30-летия со дня образования Кафедры международного права Казахского национального университета имени аль-Фараби, примите наши искренние поздравления и пожелания новых достижений! Благодарим Вас за сотрудничество и выражаем надежду на дальнейшее долгосрочное взаимодействие.

Заведующий кафедрой криминалистики
МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор

И.М. Комаров

25ème anniversaire
Faculté des relations internationale
***al-Farabi* KazNU**

Monsieur le Doyen S. Z. Aidarbayev,

A l'occasion du 25ème anniversaire de la Faculté des Relations Internationales de l'Université Nationale Kazakhe *Al-Farabi*, les membres du Laboratoire de recherche en droit et science politique, le LexFEIM (créée en 1987 sous le nom de GREDFIC par feu le doyen P. Gélard, décédé en juin 2020), souhaitent vous exprimer, ainsi qu'à Madame la doyenne K. I. Baizakova et Mr le doyen K. N. Shakirov et tous vos collègues, personnel administratif et étudiants, leurs sincères félicitations et leur admiration.

Depuis un quart de siècle, votre **Faculté des Relations Internationales** forme les diplomates, les experts, les chercheurs de votre pays et de nombreux étudiants venus des pays du monde, dans l'art de mener les relations internationales tant dans le registre politique (département d'études régionales et économiques), que juridique (département de droit international), que linguistique (département de langues et de traduction diplomatique). Atteindre **le rayonnement, la notoriété et l'excellence** en si peu de temps est un tour de force que seul votre travail acharné à tous a permis de réaliser. Dans votre rayonnement international, le hasard puis l'amitié ont permis que, pour la partie eurasienne, européenne et asiatique, nous ayons eu la joie et le plaisir de partager votre activisme. En 14 années, nous avons initié ensemble des visites croisées de professeurs (depuis mai et décembre 2006), des séries de colloques Europe-Asie depuis 2012 et Kazakhs-Franco-Coréens de juristes depuis 2014, ainsi que des échanges d'étudiants de Master et des codirections de thèse de doctorat, également depuis 2014.

Grâce à vous tous, nos amis du Kazakhstan, ce mariage de bonne volonté et de grande amitié, a conduit à de nombreuses naissances de bébés: une dizaine de livres collectifs et une demi-douzaine de numéros de Revue scientifiques.

Aucun obstacle n'a gêné cette collaboration et notre chemin commun est ouvert, ensoleillé et vaste comme les steppes de chez vous, et les prairies fertiles de chez nous.

Pierre M. Chabal

Dr of Political Science (IEP Paris)

Responsable de l'axe « Relations Internationales » du LexFEIM

Université Le Havre-Normandie, France

MARTIN-LUTHER-UNIVERSITÄT
HALLE-WITTENBERG

Juristische und Wirtschafts-wissenschaftliche Fakultät

Prof. Dr. Azar Aliyev, LL.M.

Institut für Wirtschaftsrecht

Professur für Internationales Wirtschaftsrecht und
Rechtsvergleichung

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, D-06099 Halle (Saale)

Заведующей кафедрой международного права, к.ю.н.,
и.о. проф. Сайрамбаевой Жулдыз Талгатовне

г. Халле, 21.10.2020

Дорогие коллеги!

Поздравляем Вас с замечательным праздником – 30-летием со дня образования кафедры международного права Казахского Национального университета имени аль-Фараби.

За эти годы Ваша кафедра объединила талантливых ученых и исследователей, сформировала крепкую учебно-методическую базу и научную школу, превратившись в мощный научно-образовательный центр международного масштаба. Многое сделано для подготовки специалистов-профессионалов в области международного права.

Желаем Вам дальнейшего процветания и успехов в развитии науки международного права. Хотелось бы отдельно пожелать Вам устойчивости и настойчивости в подготовке кадров, служащих на благо Республики Казахстан, а также на благо всего мира. Ведь именно те качества, которые вы закладываете в процессе образования формируют повестку будущего Республики и всего мира.

Желаем успехов и всего самого наилучшего!

С уважением,

доктор права, ассоциированный профессор университета города Халле

Азер Алиев

Hausanschrift:
Juridicum
Universitätsplatz 5
06108 Halle (Saale)

Tel +49-(0)345-5523135
Fax +49-(0)345-5527201

E-Mail:
azar.aliyev@jura.uni-halle.de

Д. А. Қонаев атындағы Еуразиялық заң академиясы

Декану факультета Международных отношений
Казахского национального университета
имени аль-Фараби доктору юридических наук,
профессору Айдарбаеву С.Ж.

Уважаемый Сагынғали Жоламанович!

От имени профессорско-преподавательского состава и от меня лично примите искренние поздравления с 30-летием образования кафедры международного права и 25-летним юбилеем факультета международных отношений! Являясь структурным подразделением КазНУ им. аль-Фараби – флагмана науки и образования в стране, Ваш факультет, на данном этапе, решает важную государственную задачу – готовит специалистов – международников. Особенно актуально это в условиях, когда Республика Казахстан, являясь полноправным субъектом международных отношений, играет все большую роль на международной арене практически во всех сферах межгосударственного сотрудничества.

Сегодня выпускники Вашего факультета плодотворно трудятся в различных государственных органах, международных организациях, в правоохранительной сфере и в других организациях, используя полученные за период обучения на Вашем факультете знания!

Искренне желаю Вам и в Вашем лице всему коллективу факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби дальнейших успехов в образовательной, воспитательной и научно-исследовательской деятельности на благо процветания Казахстана.

С уважением, Ректор ЕЮА им.

Д.А. Кунаева Д.ю.н., профессор

Ө.Ш. Жалаири

**«ТҰРАН»
УНИВЕРСИТЕТІ
МЕКЕМЕСІ**

050013, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Сәтпаев к-сі, 16А
Тел.: +7 (727) 2607000, факс: +7 (727) 2622298
reception@turan-edu.kz
www.turan-edu.kz

**TURAN
UNIVERSITY**

16A, Satpayev str.,
050013, Almaty, Kazakhstan
Tel: +7 (727) 2607000, fax: +7 (727) 2622298
reception@turan-edu.kz
www.turan-edu.kz

№ 10.2020 № 04-01/1088

(нөмір және кіріс құжат күніне сілтеме)

**Декану факультета Международных отношений
Казахского национального университета
имени аль-Фараби доктору юридических наук,
профессору Айдарбаеву С.Ж.**

Уважаемый Сагынғали Жоламанович!

От имени профессорско-преподавательского состава и от меня лично примите искренние поздравления с 30-летием образования кафедры международного права и 25-летним юбилеем факультета международных отношений!

За эти годы факультет не только стал одним из ключевых центров подготовки международных специалистов, но и получил широкое признание за рубежом. Ваш факультет прочно утвердился в качестве одного из ведущих учебных заведений в нашей стране в области международных отношений, снискал заслуженный авторитет и уважение в Казахстане и за ее пределами.

Сегодня на Факультет международных отношений плодотворно трудится коллектив талантливых преподавателей, ведется научная работа по широкому спектру актуальных проблем современного мира. Факультет подготовил множество высококвалифицированных специалистов, которые востребованы как в Министерстве иностранных дел Республики Казахстан и других внешнеполитических органах, так и ведущих общественных и бизнес структурах.

Надеюсь, Ваши выпускники внесут большой вклад в развитие науки, культуры и общества. Желаю Вашему факультету дальнейшего развития, процветания и прорывных научных достижений!

С уважением,
Ректор

Р.А. Алшанов

№ 005359

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ
ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІНІҢ
«АБАЙ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ
ПЕДАГОГИКАЛЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ»
РЕСПУБЛИКАЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК
КӘСПОРЫНЫ
СОРБОННА-ҚАЗАҚСТАН ИНСТИТУТЫ

050010, Алматы қаласы, Қазыбек би к-сі 28

MINISTÈRE DE L'ÉDUCATION ET DES
SCIENCES DE LA RÉPUBLIQUE DU
KAZAKHSTAN
« UNIVERSITÉ KAZAKHNE NATIONALE
PÉDAGOGIQUE ABAÏ »
L'ENTREPRISE PUBLIQUE
REPUBLICAINE
INSTITUT SORBONNE-KAZAKHSTAN

28, rue Kazybek bi, 050010, Almaty

Уважаемые Сагынғали Жоламанович!

Поздравляем Вас с замечательным праздником – 25-летием со дня образования факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби. История факультета берет начало в период образования и становления казахстанской государственности, и сегодня факультет является крупным образовательным и научным центром.

Ваш факультет объединил талантливых ученых и исследователей, сформировал крепкую учебно-методическую базу, многое сделал для подготовки специалистов профессионалов области международного права, мировой экономики, международных отношений и дипломатического перевода.

Именно профессионализм сотрудников факультета международных отношений позволяет ему каждый год выпускать высококвалифицированных специалистов, которые имеют огромный потенциал трудиться, творить, поддерживая развитие нашего государства и предлагая креативные решения для ее роста.

На этом факультете 30-ти летний юбилей празднует кафедра международного права, которая занимает достойное место не только КазНУ им. аль-Фараби, но и является известной как в Казахстане, так и далеко за его пределами. Этот результат — бесспорная заслуга профессорско-преподавательского коллектива — людей, искренне преданных своему делу.

Сегодня верность традициям, внедрение современных образовательных технологий позволяет коллективу кафедры международного права добиваться значимых достижений и иметь высокий рейтинг.

От всей души поздравляю коллектив кафедры международного права со славным юбилеем.

Желаю всему коллективу кафедры и факультета успехов в работе, новых перспектив, творческих идей, смелых решений.

С уважением,
Директор Института
Сорбонна-Казахстан,
член НСОД

Сабитова А.А.

*Уважаемый
Сагыннали Жоламанович!*

От имени всего личного состава Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. Макана Есбулатова и от себя лично сердечно поздравляю вас, профессорско-преподавательский состав, докторантов, магистрантов и студентов факультета международных отношений Казахского Национального университета им. аль-Фараби со знаменательной датой – 25-летием со дня основания!

За четверть века Ваш факультет заслуженно приобрел славу одного из авторитетнейших центров по изучению международных отношений, став ключевым источником, выпускающим талантливых специалистов, которым всегда гарантировано занятие престижных рабочих мест на высококонкурентном рынке труда не только в нашей стране, но и за ее пределами.

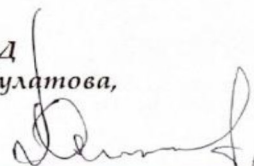
Выпускники Вашего факультета, благодаря высокому образовательному уровню и наряду с глубокими научно-исследовательскими традициями, вносят огромный вклад в развитие казахстанской науки, культуры и экономики. Основные достижения нашей страны в области внешней политики – это, в первую очередь, заслуга факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби.

Отдельно поздравляем кафедру международного права с 30-летним юбилеем! Как известно, создание кафедры было связано с процессом обретения Республикой Казахстан государственного суверенитета. Независимой стране требовались новые специалисты в сфере международного права. И кафедра международного права успешно справилась с поставленной задачей, став, по достоинству, признанным основным научным центром Республики Казахстан по подготовке юристов-международников высшей квалификации, тем самым внося весомый вклад в развитие нашего государства.

Широкая инновационная направленность, современные технологии, новаторские проекты, которые реализует кафедра международного права, позволяют ей уверенно идти в ногу со временем, заниматься серьезной исследовательской работой. Профессорско-преподавательский состав кафедры вызывает подлинное восхищение за сохранение славных традиций в деле воспитания и подготовки юристов-международников, обладающих передовыми знаниями и новым мировоззрением, способных брать на себя ответственность и принимать важные решения.

Желаю руководству, профессорско-преподавательскому составу, докторантам, магистрантам и студентам факультета международных отношений крепкого здоровья, счастья и благополучия, а также новых успехов, которые будут способствовать не только дальнейшему развитию КазНУ им. аль-Фараби, но и прогрессу всего высшего образования в Казахстане!

С уважением,
начальник Алматинской академии МВД
Республики Казахстан им. Макана Есбулатова,
к.ю.н., ассоциированный профессор,
полковник полиции

О.Х. Смаилов

**Уважаемые коллеги!
Дорогие друзья!**

Примите мои самые искренние, добрые поздравления по случаю знаменательных дат – 25-летия образования факультета международных отношений и 30-летия образования кафедры международного права Казахского национального университета имени аль-Фараби!

Сегодня, в эпоху глобальных перемен и инноваций, обучение и повышение деловой квалификации кадров имеют первостепенное значение и выходят на качественно новый уровень. Коллектив вашего факультета, понимая значимость все более возрастающих требований к подготовке лучших специалистов, активно стремится совершенствовать учебный процесс, внедрять современные обучающие инструменты и программы. Вы готовите высококлассных специалистов новой формации, востребованных в различных сферах деятельности, воспитываете достойную молодую смену с большим профессиональным и нравственным потенциалом.

Благодаря целеустремлённости, огромной созидательной энергии, творческому поиску, высокому профессионализму, умению бережно хранить заложенные традиции, Ваш коллектив неизменно добивается успехов в осуществлении самых смелых планов и идей.

В этот праздничный день от всей души желаю всему коллективу университета крепкого здоровья, счастья, радости, добра, неиссякаемого энтузиазма, вдохновения, благополучия и дальнейшего процветания!

С наилучшими пожеланиями,
и.о. ректора НАО «Университет Нархоз»
к.ю.н., профессор С.Г. Буянский

05 НОЯ 2026

АЛМАТЫ
УНИВЕРСИТЕТІ
ЖАУАПҚЕРШІЛІГІ ШЕКТЕУЛІ СЕРІКТЕСТІК

АЛМАТЫ ҰЗДІКСІЗ БІЛІМ БЕРУ УНИВЕРСИТЕТІ
Қазақстан Республикасы, 050031, Алматы қ., Аксай-3, 36
Тел.: +7 727 248 56 58, 248 57 48, Факс: +7 727 248 56 46
e-mail: info@almaty-university.kz; www.almaty-university.kz
«СЫМБАТ» ДИЗАЙН ЖӘНЕ ТЕХНОЛОГИЯ АКАДЕМИЯСЫ
Қазақстан Республикасы, 050004, Алматы қ.,
Қонаев к-сі, 43 (Жібек жолы қиылысы)
тел.: +7 (727) 313 21 50
e-mail: adt@symbat.kz; www.symbat-adt.kz

« 13 » 10 20 20 ж.

06/444

**Халықаралық қатынастар факультетінің
профессорлық-оқытушылық құрамына
Халықаралық құқық кафедрасына**

Алматы университеті ұжымының және жеке өз атымнан Халықаралық қатынастар факультетінің 25 жылдық мүшелтойымен және Халықаралық құқық кафедрасының негізінің қаланғанына 30 жыл толуымен шын жүректен құттықтаймын.

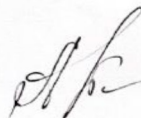
Қазіргі таңда Халықаралық қатынастар факультеті және Халықаралық құқық кафедрасы Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің маңызды білім беру бөлімшелерінің бірі болып танылады. Кәсіби деңгейі жоғары профессорлық-оқытушылық құрамы, әртүрлі салаларға қажет бәсекеге қабілетті мамандарды дайындаумен айналысуда.

Инновациялық әдістемелер мен оқу бағдарламалары кеңінен қолданылуда және іргелі құқықтық-ғылыми зерттеулер жүргізілуінің нәтижесінде, факультет пен кафедра Отанымыздың шегінен тыс жерлерге мәлім болуда.

Келешекте де жоғары білікті кадрларды дайындай отырып, еліміздің өсіп-өркендеуіне сүбелі үлес қосатындарыңызға кәміл сенемін.

Сіздердің барлықтарыңызға кәсіби жетістіктер мен жаңа табыстар тілеймін.

Құрметпен/
Алматы университетінің
тәрбие ісі жөніндегі проректоры

 С.Әлдекенов

001642

“САНКТ-ПЕТЕРБУРГТЫҢ
ГУМАНИТАРЛЫҚ КӘСІПОДАҚТАР
УНИВЕРСИТЕТІ” МЕМЛЕКЕТТІК
ЕМЕС ЖОҒАРҒЫ КӘСІБІН
БІЛІМ БЕРУ МЕКЕМЕСІНІҢ АЛМАТЫДАҒЫ
ФИЛИАЛЫ

050004, г. Алматы қаласы, Чайковский көшесі, 9/11,
тел: 345-35-04, info@sur.kz, www.sur.kz
e/shot KZ 147228000002124763, код 27, «Kaspi
Bank» АҚ филиалы, БИК CASPKZKA,
БИН 930541000610

АЛМАТЫНСКИЙ ФИЛИАЛ
НЕГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОФСОЮЗОВ»

050004, г. Алматы, ул. Чайковского, 9/11,
тел.: 345-35-04, info@sur.kz, www.sur.kz
БИК KZ 147228000002124763, код 27, филиал АО
«Kaspi Bank», БИК CASPKZKA,
БИН 930541000610

26.10.2020 № 336

Құрметті Сағынғали Жоламанович!

Жұлдуз Талғатовна!

«Санкт-Петербургтың Гуманитарлық Кәсіподақ Университетінің» Алматы филиалы, Халықаралық қатынастар факультетінің Халықаралық құқық кафедрасының 30 жылдық мерейтойымен құттықтайды.

Отыз жылдық кафедраның тарихы бүгінгі күні биік тұғырдан көрініп жүр. Сіздің кафедраның дарынды ғалымдар мен зерттеушілерді біріктірді, заңгер мамандарды даярлау үшін көп жұмыс жасалды. Осы жылдар ішінде кафедра көптеген ғылым докторлары мен кандидаттарын дайындады.

Кафедраның жетістіктері оның рейтингтік көрсеткіштеріне де әсер ете алмады, жетекші орындардың бірін иеленді, ол 2018 жылы университеттің алпыстан астам ұқсас бөлімшелерінің арасында қорытынды бірінші орынға ие болды. Мұндай ғылыми негізделген тәсіл кафедра ұжымына мемлекеттік қызметте, халықаралық ұйымдарда, жеке бизнес саласында және заң ғылымында лайықты орын алатын мамандарды даярлауға мүмкіндік береді.

Өте танымал университет ретінде қалыптасу жолында күрделі және үлкен белестерден өтті. Университеттің өмір сүру кезеңдері мемлекетіміздің қалыптасу кезеңдерімен тығыз ұштасып келді. Түлектеріңіз тек қана Қазақстан Республикасының аймақтарында ғана емес, сонымен қатар таяу және алыс шетелдерде қызмет атқарып жүргенін және жоғары біліктілік, жауапкершілік, білімдарлық көрсетіп, ерекшеленетіндерін үлкен мақтанышпен атап өту қажет.

Сіздің жоғары кәсіпқойлыққа, парасаттылыққа және студенттерге сезімталдыққа негізделген көп қырлы ғылыми және оқытушылық қызметіңіз әрқашан сіздің алдыңызда тұрған барлық міндеттерді сәтті шешуге алып келді. Сіздердің тамаша қасиеттеріңіз: көптеген заңгерлік және ғылыми мәселелерді шеше білу, өмірлік өзгерістерді мұқият түсіну, жаңа нәрселерді қабылдау және осы жаңа нәрселерді жүзеге асыру – қорғаныс

саласының кәсіпорындары, ғалымдар әлемі арасында сізге лайықты беделге ие болды. Табыс, тану және сәттілік сіздің әрбір бастаманызбен бірге жүрсін.

Сіздің даңқты мерейтойыңыздың құрметіне, Сіздерге амандық, гүлдену, шығармашылық жеңістер және білім мен ғылымның игілігі үшін жаңа жетістіктер тілейміз!

И.О.ДИРЕКТОРА

Н.Б. ЕРКЕБАЕВ

Уважаемая Жулдыз Талгатовна!

От имени Алматинского городского суда поздравляю Вас и ваш коллектив с 30-летием создания кафедры Международного права!

Кафедра международного права — одна из престижных и элитных кафедр Казахского национального университета имени Аль-Фараби, которая показывает пример динамичного развития и высоких стандартов образования по всему Казахстану, является одним из флагманов в деле подготовки высококвалифицированных специалистов юристов-международного профиля для самых разных отраслей права. Ваши выпускники — интеллектуальная элита Казахстана.

Мы признательны за качественные знания, и высококвалифицированных специалистов, которых выпускает Ваша кафедра Международного права Казахского национального университета имени Аль-Фараби.

Серьёзная теоретическая база, прекрасные преподавательские кадры, практические навыки, передаваемые студентам способствуют молодым специалистам, выпущенным на Вашей кафедре быть эффективными и востребованными.

Желаем Вам творческих успехов, реализации самых смелых идей и проектов!

**Председатель
Алматинского городского суда:**

 А.С. Смайлов

Алматы 2020 год

Общественная организация
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ (СОДРУЖЕСТВО)
АДВОКАТОВ»
*INTERNATIONAL UNION (COMMONWEALTH)
OF ADVOCATES*

№ 16/10 от 29.10.2020г.

**Заведующей кафедрой
международного права факультета
международных отношений
Казахского национального
университета
им. аль-Фараби
к.ю.н., и.о. профессора
Сайрамбаевой Ж.Т.**

Уважаемая Жулдыз Талгатовна!

Международный Союз (Содружество) адвокатов поздравляет Вас, профессорско-преподавательский состав, студентов, магистрантов, докторантов кафедры международного права факультета международных отношений Казахского Национального университета им. аль-Фараби с **30-летним юбилеем!**

Обучение юристов-международников имеет первостепенное значение в Республике Казахстан и выходит на качественно новый уровень. Кафедра международного права КазНУ готовит высококлассных специалистов новой формации, владеющих несколькими иностранными языками и применяющих свои знания при ведении юридической деятельности, умеющих работать с законодательной базой разных стран, востребованных в различных сферах деятельности.

ППС кафедры по праву может гордиться своими выпускниками, работающими в высших органах государственной власти – Парламенте РК, Правительстве РК, в департаментах по внешним связям органов государственной власти и управления, в министерствах и ведомствах Республики Казахстан, в судебных и правоохранительных органах, коммерческих и некоммерческих организациях.

В настоящее время Международный Союз (Содружество) адвокатов объединяет адвокатов стран СНГ - Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Армения, Республики Белоруссия, Республики Кыргызстан, Грузии, Украины, Узбекистана, Республики Молдовы. Позвольте от имени нашей организации выразить искреннюю благодарность за успешную подготовку адвокатов – международных, за высокие знания ваших выпускников.

Научно-образовательная и общественная деятельность кафедры международного права играют заметную роль в жизни факультета международных отношений, а также всего университета. Казахский Национальный университет является ведущим вузом Республики Казахстан, входит в топ -100 лучших вузов мира, является единственным представителем стран-участниц СНГ, Восточной и Центральной Европы, а также наряду с Сингапуром и Японией представляет весь Азиатский континент. И в этой связи, следует отметить, что в этом также есть большая заслуга коллектива кафедры международного права ФМО, которая вносит большой вклад в развитие науки международного права.

Широкая практическая, инновационная направленность, современные, новаторские проекты, которые реализует кафедра, позволяют уверенно идти в ногу со временем.

Благодаря целеустремлённости, творческому поиску, высокому профессионализму, умению бережно хранить заложенные традиции, Ваш коллектив неизменно добивается успехов в осуществлении самых смелых планов и идей.

В этот праздничный день от всей души желаю всему коллективу кафедры международного права крепкого здоровья, счастья, радости, добра, неиссякаемого энтузиазма, вдохновения, благополучия и дальнейшего процветания!

С уважением,
Президент Международного Союза
(Содружества) адвокатов
Воскресенский Г.А.

«Қазақстандық Харақаралық Арбитраж» ЖШС
Қазақстан Республикасы, 050040,
Алматы қ., Тимирязева көшесі, 15 «Б», оф.: 3, 18

«Kazakhstan International Arbitrage» LLP
15 «B», Timiryazeva str., off. 3, 18,
Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

ТОО «Қазақстанский Международный Арбитраж»
Республика Казахстан, 050040,
г. Алматы, ул. Тимирязева, 15 «Б», оф.: 3, 18

Tel./fax: + 7 (727) 313 11 61
tel.: +7 (727) 328 05 42
E-mail: info@arbitrage.kz
www.arbitrage.kz

№ 582 от 09.10.2018,

Декану
факультета международных отношений
КазНУ им. аль-Фараби, д.ю.н., профессору
Айдарбаеву С.Ж.

Заведующей кафедрой международного
права, к.ю.н., доценту Сайрамбаевой Ж.Т.

Уважаемый Сагынғалий Жоламанович!

Уважаемая Жулдыз Талғатовна!

Примите искренние и сердечные поздравления с двойным юбилеем – 30-летием Кафедры международного права и 25-летием Факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби!

Сегодня Факультет международных отношений КазНУ им. аль-Фараби во многом благодаря высокопрофессиональному профессорско-преподавательскому составу по праву является ведущим в Казахстане центром по подготовке юристов, специализирующихся в области международного публичного права.

Это подтверждают и выпускники Факультета, достойно представляющие Республику Казахстан не только на международной арене, но и в академических и деловых кругах внутри страны.

Широкую популярность среди студентов и профессорско-преподавательского состава страны завоевал блестяще организованный Кафедрой международного права конкурс по международному частному праву, единственный в стране конкурс, направленный на популяризацию научно-практических знаний в области международного частного права и международного коммерческого арбитража.

Студенты Факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби неизменно показывали хорошие результаты на этом конкурсе. Хочется надеяться, что проведение конкурса станет доброй традицией на долгие годы.

В качестве небольшого подарка примите от Казахстанского Международного Арбитража изданную нами в этом году литературу по международному частному праву и международному коммерческому арбитражу для использования в учебном процессе.

С наилучшими пожеланиями,

Исполнительный директор
Казахстанского Международного Арбитража,
Руководитель аппарата Арбитражной палаты Казахстана,
В.н.с. НИИ частного права Каспийского университета
к.ю.н.

Дүйсенова А.Е./

Қазақстан
Республикасының
Қызыл Ай Қоғамы

Общество
Красного Полумесяца
Республики Казахстан

050010, Алматы, а/ж 97, Қонаев к-сі, 86
Факс: +7 (727) 291 81 72
тел.: +7 (727) 291 62 91, 291 61 01
БСН: 961 240 004 229

050010, Алматы, а/ж 97, ұл. Құнаева, 86
Факс: +7 (727) 291 81 72
тел.: +7 (727) 291 62 91, 291 61 01
БИН: 961 240 004 229

Заведующей кафедрой
международного права
факультета международных
отношений
КазНУ имени аль-Фараби
к.ю.н., и.о. профессора
Ж. Т. Сайрамбаевой

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Уважаемая Жулдыз Талгатовна,

От себя лично и от сотрудников и волонтеров Общества Красного Полумесяца Республики Казахстан, члена Международной федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, хотелось бы сердечно поздравить кафедру международного права Казахского Национального Университета имени аль-Фараби с 30-летием!

За все годы существования кафедры ее профессорско-преподавательский состав вносит неоценимый вклад как в обучение специалистов в области международного права, которые успешно трудятся в различных сферах на национальном и глобальном уровне, так и в развитие юридической науки в Республике Казахстан.

Наше сотрудничество в продвижении международного гуманитарного права служит отличным примером партнерства во имя высоких гуманитарных целей Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца и в нашей стране, и на мировой арене.

Желаем всему профессорско-преподавательскому составу кафедры, а также вашим студентам дальнейших успехов и неиссякаемой энергии на пути к новым достижениям!

С искренними пожеланиями,

**Генеральный директор
Красного Полумесяца Казахстана**

А.К. Тастанова

Center for Emergency Situations
and Disaster Risk Reduction

CESDRR

Центр по чрезвычайным ситуациям
и снижению риска стихийных бедствий

ЦЧССРБ

Permanent Interstate Body - International Organization
Постоянно действующий межгосударственный орган - Международная организация

73, Amangeldy Str., Almaty, 050022
Republic of Kazakhstan
tel.: +7 (727) 220 - 73 - 31, 220 - 73 - 32,
email: cesdm@cesdrr.org

Республика Казахстан
050022, г. Алматы, ул. Амангелды 73,
тел.: +7 (727) 220 - 73 - 31,
220 - 73 - 32, email: cesdm@cesdrr.org

Исх.№ П-02-2025
от 28.10.2020 г

**Декану факультета Международных отношений
Казахского национального университета
имени аль-Фараби доктору юридических наук,
Профессору Айдарбаеву С.Ж.**

Уважаемый Сагынғали Жоламанович!

От имени Центра по чрезвычайным ситуациям и снижению риска стихийных бедствий и от меня лично примите искренние поздравления с 30-летием образования кафедры международного права и 25-летним юбилеем факультета международных отношений!

Являясь структурным подразделением КазНУ им. Аль-Фараби, Ваш факультет по праву считается ведущей кузницей кадров в области международных отношений и внешней политики, международного права и мировой экономики.

Научная и педагогическая деятельность факультета пользуется заслуженным признанием и уважением в республике и далеко за ее пределами. Учащиеся Вашего факультета плодотворно трудятся в различных государственных органах, международных организациях, в правоохранительной сфере и в других организациях, используя полученные за период обучения на Вашем факультете знания!

Желаю Вам и всему коллективу факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби дальнейших успехов в образовательной, воспитательной и научно-исследовательской деятельности на благо процветания Казахстана!

С уважением,

Директор

Дж. Укашев

К 30-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

Уважаемая Жулдыз Талгатовна!

Разрешите поздравить Вас и в Вашем лице весь профессорско-преподавательский состав кафедры международного права со знаменательным юбилеем!

Обладая огромным образовательным, научным, духовно-воспитательным потенциалом, кафедра международного права является одним из основных научных центров Казахстана по подготовке кадров высшей квалификации в сфере международного права. На протяжении 30 лет на кафедре прошли обучение большое число отечественных и зарубежных учащихся, которые стали дипломированными специалистами и успешно работают в области науки, образования и на практике. Кафедрой также осуществляется значительный вклад в научно-исследовательскую деятельность в области международного права, в разные годы были выпущены учебники, монографии и иные учебно-методические разработки по международному праву.

Примите слова глубочайшей признательности за Ваш самоотверженный труд на благо процветания нашей страны. От всего сердца желаем всем сотрудникам кафедры международного права крепкого здоровья, больших научных и педагогических успехов, а также уверенного взгляда в будущее.

*С искренним уважением,
советник директора Института законодательства
и правовой информации Республики Казахстан,
к.ю.н., профессор*

*Ведущий научный сотрудник
отдела международного права и сравнительного правоведения
Института законодательства и правовой информации
Республики Казахстан, к.ю.н.*

Ж.О. Кулжабаева

А.С. Иржанов

г. Нур-Султан, 2020 год

**Казахский Национальный Университет имени
Аль-Фараби
Институт государства и права**

Профессорско-преподавательскому составу
Факультета международных отношений
Кафедры международного права

От имени Института государства и права и от себя лично поздравляю факультет международных отношений с 25 - летним юбилеем, и кафедру международного права с 30-летием со дня ее основания.

Сегодня Факультет международных отношений и кафедра международного права являются одним из важнейших образовательных подразделений Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби. Высокопрофессиональный профессорско-преподавательский состав обеспечивает подготовку конкурентоспособных специалистов, востребованных в различных отраслях. Широко используются инновационные методики и учебные программы, проводятся фундаментальные научно-правовые исследования, благодаря которым факультет и кафедра широко известны за пределы нашей Родины.

Уверен в дальнейшем Вы будете вносить достойный вклад в дело подготовки высококвалифицированных профильных кадров, активной научной и культурно-просветительской деятельности.

Желаю Всем профессиональных успехов и новых достижений.

Председатель Казахстанской ассоциации
международного права
Директор
Института государства и права

А.А.Салимгерей

**АДВОКАТТАР АЛҚАСЫ
“АЛМАТЫ ОБЛЫСТЫҚ
АДВОКАТТАР АЛҚАСЫ”**

**КОЛЛЕГИЯ АДВОКАТОВ
“АЛМАТИНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
КОЛЛЕГИЯ АДВОКАТОВ”**

040000, Алматы облысы, Талдықорған қаласы,
Қаблоса Жырау көшесі, 69, тел./факс: 8 (7282) 24-40-33,
БИН 940440000267

040000, Алматинская область, город Талдықорған,
ул. Каблоса Жырау, 69, тел./факс: 8 (7282) 24-40-33,
БИН 940440000267

**өл-Фараби атындағы
қазақ ұлттық университетінің
халықаралық қатынастар факультетінің
халықаралық құқық кафедрасының
меңгерушісі, з.ғ.к., профессор м.а.
Ж.Т. Сайрамбаеваға**

Құрметті Жұлдыз Талғатқызы!

Алматы облыстық адвокаттар алқасы Сізді және халықаралық құқық кафедрасының профессорлық-оқытушылық құрамын, докторанттарын, магистранттарын, студенттерін 30 жылдық мерейтойымен құттықтайды!

Кафедраның оқытушыларының – ұлттық және халықаралық құқық саласындағы жетекші ғалымдардың қызметі біздің елімізде ғана емес алыс шет елдерде де белгілі. Кафедраның тәжірибелік, жаңартушылық бағытындағы жұмыстары, жүзеге асырып жатқан ғылыми жобалары оның әлемдегі үздік 200 университеттің қатарына кіретін, Қазақстан Республикасының жетекші жоғарғы оқу орны болып табылатын әл-Фараби атындағы қазақ ұлттық университетінің ең үздік кафедраларының бірі екендігі жөнінде қорытынды жасауға негіз бола алады. Халықаралық құқық кафедрасының басты артықшылығы оның білім алушылардың әлемдік стандарттар бойынша беделді қазақстандық және шет елдік профессорлар мен тәжірибелі мамандардан сапалы білім алуын жоғарғы деңгейде қамтамасыз ететін қос дипломдық бағдарламаларды жасауында, жоғарғы оқу орындары арасындағы және халықаралық академиялық ұтқырлықты табысты жүзеге асыруында.

Кафедраның профессорлық-оқытушылық құрамы өзінің жоғарғы мемлекеттік органдарда - Парламентте, Үкіметте, Қазақстан Республикасының министрліктері мен ведомстволарында, сыртқы байланыс бойынша мемлекеттік органдарда, халықаралық ұйымдарда қызмет істейтін түлектерімен мақтана алады. «Халықаралық құқық» мамандығының түлектері халықаралық құқық қана емес ұлттық құқықты жетік білуімен ерекшеленеді. Бұл өз кезегінде олардың кәсіби қызметін судья, адвокат, прокурор, Қазақстан Республикасының мемлекеттік органдарында, кеден және салық органдарында және өзге де ұйымдарда заңгер ретінде жүзеге асыруына мүмкіндік береді. Осыған байланысты, мұндай нәтижеге кафедраның профессорлық-оқытушылық құрамының еңбегінің арқасында қол жеткізу мүмкін болғанын атап өткіміз келеді.

Кафедраға облыстық адвокаттар алқасының атынан болашақта біздің әріптесіміз – адвокат болатын заңгерлерді жемісті даярлайтыны үшін, түлектеріңіздің жоғары деңгейдегі білімі үшін алғыс білдіргіміз келеді.

Халықаралық құқық кафедрасының ұжымына шын жүректен зор денсаулық, бақыт, табыс пен жарқын болашақ тілеймін!

Құрметпен,

Алматы облыстық
адвокаттар алқасының
Президиумының төрағасы

С.Т.Махышев

Декану факультета международных отношений
КазНУ им. аль-Фараби д.ю.н., профессору
Айдарбаеву С.Ж., заведующей кафедрой
международного права к.ю.н. доценту
Сайрамбаевой Ж.Т.

Уважаемые коллеги!

Руководство и коллектив юридического факультета Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова от всей души поздравляют Вас с 25-летием факультета международных отношений и 30-летием кафедры международного права!

Стало хорошей традицией выделять в календаре специальные даты, когда вся страна обращает внимание на ученых, которые развивают свое государство путем выполнения научных исследований, направленных на решение конкретных прикладных задач, подготовку высококвалифицированных, конкурентоспособных специалистов в области международных отношений и международного права.

Ваш факультет широко известен своим профессорско-преподавательским составом, своими выпускниками, которые представляют нашу страну в международных организациях, представительствах страны за рубежом. Ваша кафедра по праву считается ведущей кузницей кадров в области международных отношений и внешней политики. Ваш богатый опыт, высокий профессионализм в подготовке кадров в области международных отношений и международного права снискали вам заслуженный авторитет и уважение в сфере казахстанского образования.

От всей души желаем Вам, уважаемые коллеги, новых созидательных успехов на благо нашего государства – Республики Казахстан, успешных научных проектов и талантливых учеников!

Наряду с этим выражаем благодарность в налаживании и обеспечении плодотворного сотрудничества между нашими факультетами в научной и учебно-методической деятельности.

С уважением,
Декан юридического факультета
Карагандинского университета
имени академика Е.А. Букетова

А.М. Серикбаев

**Поздравление от коллектива юридического факультета
Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова**

Сегодня факультет международных отношений КазНУ им. аль-Фараби отмечает свой 25-летний, а кафедра международного права, входящая в состав факультета, — 30-летний юбилей.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби является ведущим вузом Республики Казахстан, входит в ТОП – 200 лучших вузов мира, является единственным представителем стран-участниц СНГ, Восточной и Центральной Европы, а также с Сингапуром и Японией представляет весь Азиатский континент. В этой связи следует отметить, что в этом есть и большая заслуга коллектива факультета международных отношений.

Достоянием казахстанской науки в сфере международных специальностей являются научные школы факультета, охватывающие в своей деятельности самый широкий спектр международных проблем. На факультете успешно функционируют свыше 10 ресурсных центров, в числе которых можно выделить Ресурсный центр американских и демократических исследований, Европейский информационный центр, Ресурсный и информационный центр о НАТО, Центр германских исследований, Ресурсный центр содействия ООН, Центр Евразийских исследований, Центр «КазНУ-G-global» и другие. Деятельность названных центров обеспечила прочную связь факультета с ведущими зарубежными вузами и научными центрами более чем 25 стран.

КазНУ удостоен чести быть Глобальным хабом ООН и Региональным хабом ЮНЕСКО по устойчивому развитию в сфере образования и науки, и факультет международных отношений вносит свой весомый вклад в развитие данных программ.

Факультет на постоянной основе привлекает известных казахстанских и зарубежных дипломатов для чтения лекций в рамках «Посольского часа», постоянными гостями факультета являются представители дипломатического корпуса США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, КНР, Кореи, Японии и многих других стран, коллеги из зарубежных вузов.

Значительное число выпускников факультета прошли программу «Болашақ». Многогранная деятельность факультета подтверждена участием его преподавателей в международных научных форумах, посвященных актуальным международным проблемам. Преподаватели и студенты факультета на постоянной основе становятся обладателями международных грантов таких авторитетных программ, как Фулбрайт, Айрекс, ДААД, Эразмус Мундус. Многие преподаватели факультета удостоены звания МОН РК «Лучший преподаватель вуза». В Диссертационном совете данного факультета, много лет успешно функционирующем при КазНУ им. аль-Фараби, защитил свою диссертацию нынешний Президент Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаев, а также другие известные в стране ученые и практики.

Сегодня факультет международных отношений успешно готовит кадры для госучреждений, а именно для МИД РК, исследовательских центров, университетов и бизнес-структур. Главное, чему учат на факультете, — это способность к государственному мышлению, осознанию и защите национальных интересов Республики Казахстан, пониманию процессов интеграции с другими странами.

Сохраняя преемственность и уважение к опыту своих предшественников, на факультете международных отношений успешно реализуется университетская стратегия развития, направленная на компетентностный подход в обучении.

25-летие факультета и 30-летие кафедры международного права — это не только повод для подведения определенных итогов, но и возможность добиться решения новых, еще более амбициозных, проектов и задач на будущее.

Коллектив юридического факультета Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова сердечно поздравляет коллектив вуза с юбилеями, отмечает неоценимый вклад факультета международных отношений в развитие науки международного права и международных отношений и успешную подготовку специалистов-международников.

Желаем факультету международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби успехов, процветания, выдающихся выпускников, роста объемов научно-исследовательских резервов и инновационных кластеров, а также новых побед и свершений в научно-образовательной сфере!

А.М. Серикбаев, декан юридического факультета Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, к.ю.н., доцент

*Уважаемые профессора и преподаватели кафедры
международного права
Казахского национального университета
имени аль-Фараби!*

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана рад поздравить весь коллектив и студенческий состав кафедры международного права Казахского национального университета имени аль-Фараби с тридцатилетним юбилеем!

Казахский национальный университет имени аль-Фараби — престижный, динамично развивающийся вуз с высокими стандартами образования, один из флагманов в деле подготовки высококвалифицированных специалистов для самых разных отраслей науки. На кафедре международного права КазНУ им. аль-Фараби сложились прочные традиции благодаря высокому профессионализму, ответственному отношению к педагогической работе, практическому опыту и эффективной организации учебного процесса профессорско-преподавательского состава. В настоящее время кафедра не только обеспечивает подготовку высококвалифицированных кадров, реализуя современные модели высшего профессионального образования, но и успешно занимается научно-исследовательской и публикационной деятельностью, укрепляя престиж и конкурентоспособность Университета.

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана желает вам дальнейшего развития и процветания, студентам — свершения творческих замыслов, профессорско-преподавательскому составу — новых научных достижений и неиссякаемой энергии, а также выражает искреннюю благодарность за плодотворное сотрудничество!

Декан факультета экономики и права
КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Н.А. КУДАЙБЕРГЕНОВ

Алматы, 2020

Уважаемая Жулдыз Талгатовна!

От имени ТОО "Kazakh Holding" хочу поздравить Вас, весь коллектив и студенческий состав кафедры международного права с 30-летним юбилеем со дня основания!

Основанная в 1990 году, ваша кафедра по праву считается первой и одной из ведущих в Казахстане.

Сегодня кафедра международного права является элитной кузницей кадров и во многом благодаря профессорско-преподавательскому коллективу прочно удерживает лидирующие позиции среди казахстанских вузов. Результат Вашей работы подтверждают Ваши знаменитые выпускники, среди которых известные государственные и общественные деятели, успешные предприниматели и сотрудники правоохранительных органов.

Сохраняя традиции кафедры, Вы активно внедряете передовые информационные технологии и инновационные педагогические методики, укрепляете авторитет кафедры международного права.

Желаю Вам крепкого здоровья, неиссякаемой бодрости, оптимизма и новых достижений!

*Генеральный директор
ТОО "Kazakh Holding"*

Д.К. Базарбеков

КАПИТАЛ

ЦЕНТР ДЕЛОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Профессорско-преподавательскому составу и студентам факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби

Примите самые искренние и сердечные поздравления с 25-летием со дня создания факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби, а также с 30-летием кафедры международного права.

За эти годы, благодаря высокому профессионализму преподавателей и современным подходам к организации учебного процесса, ваш факультет прочно утвердился в качестве одного из передовых учебных и национальных центров в нашей стране в области международных отношений.

Факультет по праву может гордиться преподавательским составом и уровнем подготовки высококвалифицированных специалистов – международников, чей вклад в развитие различных сфер жизнедеятельности нашего общества высоко ценится. Выпускники факультета занимают достойные места в структурах управления, как в бизнесе, так и на государственной службе.

Хотим отметить, что и в нашей организации успешно работают на руководящих позициях выпускники факультета международных отношений, а именно кафедры международного права и мы по достоинству оценили качество и профессиональный уровень их подготовки.

В связи со столь знаменательной датой желаю всем сотрудникам и студентам факультета успехов в дальнейшем развитии, сохранности и приумножении высокого научного потенциала, а также благополучия и процветания!

С уважением,
Генеральный директор
ТОО «Издательский дом Капитал»
Информационное агентство
«Центр деловой информации Kapital.kz»

Агибаева А.Ж.

**ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ФАКУЛЬТЕТІНІҢ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ КАФЕДРАСЫНЫҢ ҰЖЫМЫНА**

Халықаралық құқық кафедрасының ұжымын 30-жылдық мерейтойымен құттықтаймыз! Бүгінгі таңда, халықаралық құқық кафедрасы әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің маңызды білім беру ошақтарының бірі болып саналады.

Кафедраның профессорлық-оқытушылық құрамы әрдайым алға қойған міндеттемелерді сәтті орындап, жыл сайын білікті, кәсіби деңгейі жоғары және нарықта бәсекеге қабілетті мамандарды тәрбиелеп шығаруда. Кафедра бірнеше жылдар бойы мемлекеттік органдарға, ұлттық компанияларға, түрлі меншік нысанындағы ұйымдар мен халықаралық ұйымдарға кадрлар даярлауда. Бұл кафедраның еліміздің білім беру саласына қосқан зор үлесі болып табылады.

Мақсаткерліктің, орасан зор жасампаз қуаттың, шығармашылық ізденістің, жоғары кәсіпқойлықтың, қалыптасқан дәстүрлерді ұқыпты сақтай білудің арқасында Сіздердің ұжым ең батыл жоспарлар мен идеяларды жүзеге асыруда әрдайым табыстарға жетуде.

Алдағы уақытта да Сіздер жоғары білікті кадрларды даярлауға және белсенді ғылыми және мәдени-ағарту ісіне лайықты үлес қосасыздар деп сенеміз! Баршаңызға кәсіби табыс пен жаңа жетістіктер тілейміз!

*«Қазақстанның ғылымы мен өмірі»
ғылыми журналының редакциялық
алқасы мен кеңесі*

Профессорско-преподавательскому составу и студентам факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби

Примите самые искренние и добрые поздравления по случаю знаменательной даты – 25-летия факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби, а также 30-летия кафедры международного права со дня образования.

За эти годы, благодаря высокому профессионализму преподавателей и современным подходам к организации учебного процесса, ваш факультет прочно утвердился в качестве одного из передовых учебных и национальных центров в нашей стране в области международных отношений.

Факультет международных отношений является одним из ведущих факультетов по подготовке дипломатов, специалистов, востребованных в различных областях международных отношений, признанной «кузницей кадров» не только для органов государственной власти и государственных учреждений нашей страны, но и в сфере частного сектора.

Диплом факультета – это не только свидетельство высокого качества образования, разносторонних знаний, широкого кругозора, но и гарантия интересных предложений на высококонкурентном рынке труда.

Хотим отметить, что и в нашей организации успешно работают на ведущих позициях выпускники факультета международных отношений, а именно кафедры международного права и мы по достоинству оценили качество и уровень их подготовки.

Желаю руководству, профессорско-преподавательскому составу, сотрудникам и студентам факультета международных отношений и кафедры международного права дальнейшей плодотворной творческой и учебной деятельности, здоровья, благополучия и успешной работы на благо нашей страны!

С уважением,
Директор ТОО «Gakku Media»
телеканал «Gakku Media»

Нуролла С.Н.

MAIL: INFO@GAKKUTV • WEB: WWW.GAKKUTV

АЛМАТЫ, УЛИЦА МЫНБАЕВА, УГОЛ УЛИЦЫ КЛОЧКОВА 53/16
ТЕЛЕФОНЫ: +7(727) 224-91-11, +7 (727) 224-72-80, +7 (727) 2220-220

Профессорско-преподавательскому составу и студентам факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби

Примите самые искренние, добрые поздравления по случаю знаменательной даты – 25-летия факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби, а также 30-летия кафедры международного права со дня образования.

За эти годы, благодаря высокому профессионализму преподавателей и современным подходам к организации учебного процесса, ваш факультет прочно утвердился в качестве одного из передовых учебных и национальных центров в нашей стране в области международных отношений.

Диплом факультета – это не только показатель высокого качества образования, разносторонних знаний, широкого кругозора, но и гарантия интересных предложений на высококонкурентном рынке труда.

Факультет по праву может гордиться преподавательским составом и уровнем подготовки высококвалифицированных специалистов – международников, чей вклад в развитие многих сфер жизнедеятельности нашего общества высоко ценится. Выпускники факультета занимают достойные места в структурах управления, как в государственных учреждениях, учреждениях науки, образования и культуры, так и в сфере бизнеса.

Хотим отметить, что и в нашей организации успешно работают на ведущих позициях выпускники факультета международных отношений, а именно кафедры международного права и мы по достоинству оценили качество и уровень их подготовки.

Желаю руководству, профессорско-преподавательскому составу, сотрудникам и студентам факультета международных отношений и кафедры международного права дальнейшей плодотворной творческой и учебной деятельности, здоровья, благополучия и успешной работы на благо нашей страны!

С уважением,
Генеральный директор ТОО «Grand FM»
радиоканал «Love Radio»

Голубитникова Е.В.

Товарищество с ограниченной ответственностью «Grand FM»
Адрес: 050057 Республика Казахстан
г. Алматы, ул. Мынбаева 53 Б
Тел.: +7 (727) 224-91-11, 224-91-10 Факс: +7 (727) 224-91-12
www.loveradio.kz

БИН 090640014817
1) IBAN KZ449 143 989 148 C33 255 (төре)
ДБ АО Сбербанк БИК SABRKZKA
2) IBAN KZ711 9650 2FOO 0856 4445 (төре)
АО ForteBank БИК IRTYKZKA

Профессорско-преподавательскому составу и студентам факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби

Примите самые искренние и сердечные поздравления с 25-летием со дня создания факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби, а также с 30-летием кафедры международного права.

За эти годы, благодаря высокому профессионализму преподавателей и современным подходам к организации учебного процесса, ваш факультет прочно утвердился в качестве одного из передовых учебных и национальных центров в нашей стране в области международных отношений.

Факультет по праву может гордиться преподавательским составом и уровнем подготовки высококвалифицированных специалистов – международников, чей вклад в развитие различных сфер жизнедеятельности нашего общества высоко ценится. Выпускники факультета занимают достойные места в структурах управления, как в бизнесе, так и на государственной службе.

Хотим отметить, что и в нашей организации успешно работают на руководящих позициях выпускники факультета международных отношений, а именно кафедры международного права и мы по достоинству оценили качество и профессиональный уровень их подготовки.

В связи со столь знаменательной датой желаю всем сотрудникам и студентам факультета успехов в дальнейшем развитии, сохранности и приумножении высокого научного потенциала, а также благополучия и процветания!

С уважением,
Директор ТОО «Focus Media Kazakhstan»,
радиоканал «Той Думан радиосы»

Солодкий А.А.

Профессорско-преподавательскому составу и студентам факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби

Примите самые искренние и сердечные поздравления с 25-летием со дня создания факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби, а также с 30-летием кафедры международного права.

В настоящее время факультет международных отношений по праву занимает одно из ведущих мест в системе отечественного образования в области международных отношений.

Диплом факультета международных отношений - это свидетельство высокого качества образования, мировоззрения и профессионального уровня подготовки специалистов.

Благодаря высокому профессионализму преподавателей и современным подходам к организации учебного процесса, факультет по праву завоевал репутацию одного из важных образовательных и национальных центров. Выпускники факультета занимают достойные места в структурах управления, как в бизнесе, так и на государственной службе.

Хотим отметить, что и в нашей организации успешно работают на руководящих позициях выпускники факультета международных отношений, а именно кафедры международного права и мы по достоинству оценили качество и профессиональный уровень их подготовки.

В связи со столь знаменательной датой от всей души желаю всем сотрудникам и студентам факультета успехов в дальнейшем развитии, сохранности и приумножении высокого научного потенциала, а также благополучия и процветания!

С уважением,
Директор ТОО «Тамаша FM»
радиоканал «Радио Дача»

Сухомлинова О.С.

САРАП

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ САЛАСЫНА ЗАҢГЕРЛЕР ДАЯРЛАУ ҚАЖЕТ

Кеңес үкіметі уақытында Қазақстанда заңгерлерді дайындайтын жоғары және орта оқу орындары болғанмен, бірақ оларда халықаралық құқық мамандығы бойынша заңгерлерді дайындайтын факультеттер, кафедра да, тіпті халықаралық қатынастар бойынша мамандық болған жоқ. Қазір сол уақыттардағы орталықтан шыққан саясатты ескеріп отырсақ, мұның өз себептері де бар екен және ол менің байқауымша бірнешеу. Біріншісі, формалды түрде одақтас болып саналатын, 15 республика біртұтас даму бағытында, бірдей қоғамдық формацияда болып, ішкі және сыртқы мемлекеттік саясатта да бірдей түсінікте болды. Мұндай жағдайда барлық маңызды шешімдер Мәскеу арқылы шешіліп, халықаралық қатынастар да орталық билік арқылы іске асырылды. Басқаша айтқанда, республикаларда сыртқы саясат жүргізу, шет елдердің элементтерімен экономикалық, құқықтық мәселелері бойынша араласу құқығы болған жоқ. Сол себептен одақтас республикаларда халықаралық қатынастар, оның ішінде халықаралық құқық бойынша мамандар дайындау қажет деп саналмады. Екіншіден, ашық түрде айтылмаса да, кеңес үкіметі кезінде ұлтқа қарау, соған қарай алалау қандай да бір деңгейде болды. Мұның дәлелі ретінде сол кездерде қазақ ұлтынан шыққан халықаралық қатынастарда қызмет атқарған адамдардың болмауын айтуға болады. Яғни, одақ құрамында болған басқа республикалардың азаматтары болып саналатын өзге ұлттардың өкілдерін халықаралық қатынастарға жататын қызметтерге жақындата бермеу, тіптен жолатпауды білдіретін пиғыл-ой болған. Кеңес үкіметі кезінде қазақтан шыққан елші ретінде 1928 – 1932 жылдары Хиджазда Консул, кейін 1932-1936 жылы Сауд Арабиясындағы КСРО-ның өкілетті елшісі болған Нәзір Төреқұловты айтуға болады. Ол 1937 жылы халық жауы деп айыпталып, атылып кеткен. Оның елші болу себебін сол кездерде оқыған, сауатты адамдардың кеңес одағы елдерінде аз болуынан деп қана түсінуге болады.

Алайда, кеңес үкіметі кездерінде халықаралық қатынастарға жіберілмесе де Бірен-саран халықаралық құқық бойынша білім алған, халықаралық құқық мамандығы бойынша заң ғылымдарының кандидаты, қылмыстық құқық және криминология бойынша заң ғылымдарының докторы болған Жекебаев Өзекен Сүйікбайұлын келтіруге болады. Ол Москва мемлекеттік халықаралық қатынастар институтын бітірген және 1959 жылы Москва ғылым академиясында халықаралық құқық мамандығы бойынша кандидаттық диссертациясын қорғаған. Бірақ ол жақтан өз мамандығы бойынша жұмыс таппай, елге Алматыға келген. Алматыда халықаралық құқық бойынша кафедра немесе мамандық болмағандықтан, кейін, ғылым кандидаты деген аты бар болғандықтан, Қаз КСР Ғылым академиясына ауысқан.

Алғашқы қазақстандық халықаралық құқық мамандығы бойынша заң ғылымдарының кандидаты Ө.Жекебаев болса, құқықтың осы ғылым саласы бойынша алғашқы заң ғылымдарының докторы Сәрсенбаев Марат Алдонғарұлы болды және ол кісінің жетекшілігімен 1990 жылы Қазақ Ұлттық Университетінде халықаралық құқық кафедрасы ашылды. Сол уақыттан бері осы кафедраның жетекшілігімен халықаралық құқық мамандығы бойынша көптеген ғылым кандидаттары мен докторлары, сонымен қатар осы мамандық бойынша көптеген бакалаврлар, магистрлар дайындалды.

Биыл кафедраға 30 жыл, факультетке 25 жыл толғанын атап өте отырып, халықаралық құқық мамандығы бойынша заңгерлер мен заң факультетін бітірген заңгерлердің айырмашылығы туралы бірер сөз айта кетуге тұрады. Қазақстан жоғары оқу орындарының заң факультеттерін бітірушілер негізінен отандық, яғни Қазақстан Республикасының заңдары бойынша оқытылып, ел ішіндегі құқықтық қызметтермен айналыса алады. Ал ҚазҰУ халықаралық құқық мамандығы бойынша оқытылған заңгерлер азаматтық, қылмыстық, өкімшілік, қылмыстық және азаматтық процессуалдық сияқты отандық құқықтарды кейбір шет елдердің аталған құқық салаларымен салыстырмалы түрде оқиды және өздерінің арнайы мамандығы ретінде халықаралық құқықтық пәндерді өтеді. Сөйкесінше отандық заңдардың халықаралық құқықтық стандарттарға сәйкестік дәрежесін, яғни қаншалықты халықаралық актілерге сай немесе айырмашылығы бар екендігін анықтай біледі. Соған байланысты халықаралық құқық бойынша дайындалған заңгерлер шет елдік ұйымдармен бірлескен кәсіпорындарда, халықаралық ұйымдарда, мемлекеттің сыртқы саясатын іске асыратын Қазақстанның шет елдердегі дипломатиялық өкілдіктерінде заңгер ретінде жұмыс істеуге қабілетті болады. Әрине, Қазақстан сияқты өзге мемлекеттермен ашық саясат жүргізіп отырған және интеграциялық байланыстарға белсенді қатысушы елге осындай жан-жақты дайындалған заңгерлер көптеп керек-ақ.

Серік ӨПЕНОВ,

заң ғылымдарының кандидаты

ЮРИДИЧЕСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ПРАВОВАЯ ГАЗЕТА

ZANMEDIA.KZ

10 НОЯБРЯ 2020 ГОДА, № 84 (3482)

ГАЗЕТА

10 ноября 2020 года, № 84

urgazet@mail.ru

ПРАВО

ЮРИДИЧЕСКАЯ 5
ГАЗЕТА

НАУКА И ЖИЗНЬ

РАВНЫЕ СРЕДИ ПЕРВЫХ

В ЭТИ ДНИ КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАЗНУ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ ПРАЗДНУЕТ 30-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ СО ДНЯ СВОЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. В СВЯЗИ С ЭТИМ ХОТЕЛОСЬ БЫ КРАТКО ОСТАНОВИТЬСЯ НА ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТИ ОТ СТОЛОВАНИЯ ДО ФОРМИРОВАНИЯ В ОДНО ИЗ МОЩНЫХ НАУЧНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ В КАЗАХСТАНЕ.

Каримжан ШАХМУРОВ, д.ю.н., профессор, кафедра международного права факультета КазНУ им. аль-Фараби

В 1990 г. в составе юридического факультета КазГУ кафедра стала первой в истории Казахстана специализированной международно-правовой кафедрой. У истоков ее создания стоял известный ученый, д.ю.н., профессор М. Сарсенбаев, который, будучи первым заведующим, внес значительный вклад в ее становление и развитие с 1990 по 2000 год.

Создание кафедры международного права было связано с процессом обретения Республикой Казахстан независимости и реального суверенитета. Молодая страна остро нуждалась в собственных кадрах, юристах-международниках. Что интересно, ранее, в период развала СССР, специализированные кафедры международного права существовали

лишь в Москве и Киеве. В КазГУ им. С. Кирова в первой половине 70-х годов дисциплина «Международное право» читалась на кафедре государственного права и советского строительства, некоторое время на кафедре административного права различными известными преподавателями, в том числе У. Джамбаевым, Н. Сагындыковым, М. Биндер, А. Богодуховым, М. Сарсенбаевым.

Первым представителем Казахстана, защитившим кандидатскую диссертацию по международному праву, был У. Джамбаев (МГУ, 1959 г.). В 1978 г. кандидатскую диссертацию по международному праву защитил М. Сарсенбаев (ФТИМО), преподававший международное право в КазГУ. В период с 1965 по 1987 г. он был приглашен для организации и обеспечения отделения дипломатии и международного права в Кабульской университете (Афганистан). По возвращении из Афганистана в 1989 г. М. Сарсенбаев, будучи деканом юридического факультета, начал организационную подготовку по открытию специализированного международно-правового отделения и кафедры международного права в составе юридического факультета с учетом внешнеэкономической самостоятельности Казахстана.

В 1994 г. М. Сарсенбаевым в Институте государства и права Российской академии наук была защищена докторская диссертация по международному

праву. В 1998 г. был открыт первый в Казахстане диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности «Международное право». Первую кандидатскую диссертацию из граждан Казахстана в данном совете в 1999 г. защитил С. Айдарбеков, который с 2000 г. по декабрь 2003 г. являлся заведующим кафедрой международного права. С 2004 г. по сентябрь 2008 г. в связи с его обучением в докторантуре обязанности заведующего кафедрой исполнял

полкья к.ю.н., доцент М. Досымбеков. С 2008 г. С. Айдарбеков вновь приступил к обязанностям заведующего кафедрой. В 2011 г. им была успешно защищена диссертация на соискание степени доктора юридических наук, в сентябре 2017 года был назначен деканом факультета международных отношений. Заведующей кафедрой международного права была назначена к.ю.н., и.о. профессора Жулдыз Сейранбекова. Являясь специалистом в области международного права, в 2003 году она успешно защитила диссертацию на тему «Международно-правовое регулирование статуса транснациональных корпораций».

Более 30 лет кафедра международного права является основным научным центром Казахстана по подготовке кадров высшей квалификации в сфере международно-правовых отношений. На кафедре, как и прежде, выполняется основной объем научно-исследовательской деятельности в области международного права, именно здесь были выпущены все первые учебники, монографии и иные учебно-методические разработки по международному праву.

Кафедра международного права первой в республике апробировала различные модели образования данной специальности. Так, с 2000 года началась подготовка специалистов по программе бакалавриата, а в 2001 г. на базе кафедры впервые была открыта магистратура по специальности «Международное

определялся 4,5 штатными единицами, то в настоящее время этот показатель возрос до 33 преподавателей, имеющих научные степени (в т. ч. три доктора юридических наук, четыре доктора Ph.D, 15 кандидатов юридических наук и восемь магистров права).

Кафедра на данном этапе осуществляет стратегическое партнерство с такими организациями, как Представительство ООН в РК, Центр ОБСЕ в РК, Казахская ассоциация международного права, Международная ассоциация студентов-юристов (ILSA), Международный комитет Красного Креста, Американское общество международного права, Институт имени Макса Планка Сравнительного публичного и международного права (Гейдельберг, ФРГ), Институт имени Макса Планка Международного частного права (Гейдельберг, ФРГ), Университет Миссури Канзас-Сити (США), Университет Гавра (Франция), Университет Кадиса (Испания), Университет Гунбальта (Берлин, ФРГ), Харбинский Технологический университет (КНР), Цилинский университет (КНР), Университет Данди (Шотландия), Университет Цукубы (Япония) и др. И что немаловажно, международные контакты значительно оказались на таком уровне, как академическая мобильность студентов.

Достижения кафедры не могли не сказаться и на ее рейтинговых показателях. Занимая одно из ведущих мест, она в 2018 г. заняла итоговое первое место среди свыше 60 аналогичных подразделений университета. Подобный научно обоснованный подход дает возможность коллективу кафедры готовить специалистов, занимающих достойные позиции на государственной службе, в международных организациях, в сфере частного бизнеса и в юридической науке. Деятельность кафедры «Равный среди равных» — отражает стремление кафедры поддерживать и повышать достижения и имидж факультета казахстанского образования в сфере международного права.

30-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ: ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Айдарбаев Сагынғалий Жоламанович
*декан факультета международных отношений,
профессор кафедры международного права
КазНУ имени аль-Фараби,
доктор юридических наук*

2020 год стал особенным годом для всего человечества, которое впервые в своей истории столкнулось с невиданной по масштабам пандемией, вызванной неконтролируемым распространением коронавирусной инфекции. Вместе с тем, несмотря на пандемию и связанные с ней проблемы, государства и народы продолжили свою повседневную деятельность. Не стал исключением и Казахстан, в рамках которого под эгидой ЮНЕСКО был отмечен большой и славный юбилей 1150-летия выдающегося сына казахской земли, мыслителя Абу-Насыра аль-Фараби, имя которого носит наш Университет.

В рамках Университета свой 25-летний юбилей отметил и факультет международных отношений, в стенах которого функционирует кафедра международного права, которой в октябре 2020 года исполнилось 30 лет.

30 лет назад, в октябре 1990 года, еще при существовании СССР, на юридическом факультете Казахского национального университета имени аль-Фараби усилиями тогдашнего декана юридического факультета – в то время кандидата юридических наук, доцента М.А. Сарсембаева была создана первая в истории Казахстана специализированная кафедра международного права.

Сегодня миссия кафедры международного права КазНУ имени аль-Фараби очень точно отражена в ее девизе: «Первый среди равных, равный среди первых». Главная особенность кафедры не только в том, что она исторически первая в Казахстане, но и в том, что на протяжении всей своей 30-летней истории она несет тяжелое бремя лидерства, которое касается, прежде всего, подготовки профессиональных кадров. Особенно заметно особое место кафедры международного права КазНУ имени аль-Фараби при ознакомлении со статистикой подготовки научных кадров в сфере международного права. Не ошибусь, если скажу, что две трети всех научных кадров Казахстана в этой области были подготовлены или на кафедре международного права КазНУ имени аль-Фараби или при непосредственном участии этой кафедры. Это предмет для законной гордости всех воспитанников кафедры, которые успешно трудятся во многих сферах жизни общества и государства. Среди выпускников кафедры есть депутаты

и министры, послы и консулы, руководители и топ-менеджеры компаний, банков, успешные адвокаты и юрисконсульты. Кем бы они ни были, выпускники кафедры – это всегда компетентные в своей области специалисты, которыми мы гордимся.

Следует отметить, что за 30-летний период своей деятельности кафедра прошла через ряд этапов развития, на которых мне хотелось бы вкратце остановиться.

Первый этап в деятельности кафедры – это период с 1990 по 2000 годы. Данный этап связан с именем профессора М.А. Сарсембаева и характеризуется организационным и кадровым становлением кафедры.

Сам этот период можно было бы разделить на две части: 1990-1995 годы – период закладки организационных и кадровых основ кафедры. Так, период с октября 1990 по сентябрь 1993 года был отмечен большой текучестью кадров на кафедре, когда многих из ее немногочисленных преподавателей забирали в МИД, Парламент, Верховный Суд и другие структуры (Анарбек Карашев, Пернибек Умурзаков, Канат Батырбеков, Ботагоз Интыкбаева). Тогда везде ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров, которая отражалась и на кафедре. Кроме того, сам М.А. Сарсембаев был занят в это время подготовкой своей докторской диссертации, которую он успешно защитил в декабре 1994 года в Институте государства и права Российской Академии наук. Ситуация с кадрами несколько стабилизировалась только после 1993 года – с приходом на кафедру молодых преподавателей С.Ж. Айдарбаева, Ж.М. Аманжолова, Г.А. Машимбаевой, а также с переводом с другой кафедры кандидата юридических наук, доцента Г.Б. Испаевой.

Вторая часть первого периода – периода становления кафедры связана с отрезком времени с 1995 года по 2000 годы. Здесь судьбоносным событием стало создание в 1995 году в стенах КазНУ имени аль-Фараби нового факультета – факультета международных отношений, на который была переведена кафедра. Однако вплоть до 1997 года кафедра по-старому располагалась на юридическом факультете, из которого была передислоцирована лишь в декабре 1996 года в здание бывшего общежития №15, выделенного под размещение нового факультета. Данный пятилетний период был характерен вживанием кафедры в новый коллектив, который был довольно разнороден и состоял не только из юристов, но и историков, политологов, экономистов, языковедов. Большой вклад в создание единого и дружного коллектива нового факультета внес ее первый декан – профессор Г.Ш. Жамбатырова.

Важным событием, характеризующим этот период, является факт первой в истории нашей страны защиты кандидатской диссертации по международному праву гражданином Казахстана на территории Казахстана. Это событие состоялось 23 сентября 1999 года в диссертационном совете при юридическом факультете КазНУ имени аль-Фараби, когда была проведена защита кандидатской диссертации ученика профессора М.А. Сарсембаева – старшего преподавателя кафедры С.Ж. Айдарбаева.

К концу первого периода, т.е. к 2000 году кафедра международного права полностью сложилась и успешно обеспечивала одноименную специальность. В этот период были приняты первые государственные стандарты высшего образования по специальности «Международное право», опубликованы первые учебники и монографии, состоялись первые защиты кандидатских диссертаций по данной специальности.

Следующий период развития кафедры международного права – это период с 2000 по 2010 годы – период созревания кафедры. Данный период начался с переходом профессора М.А. Сарсембаева на другую работу и приходом на заведование кафедрой его ученика С.Ж. Айдарбаева. Характерными чертами этого периода являются отказ от пятилетней (советской) модели подготовки специалистов и переход на западную модель – бакалавриат, магистратура, докторантура PhD. Именно в этот период состоялись первые выпуски бакалавров, магистров и докторов PhD по международному праву. В этот период состоялись диссертационные защиты многих членов кафедры, поскольку начал стабильно функционировать диссертационный совет по международному праву. Большую помощь кафедре в этот период оказал академик НАН РК, д.ю.н., профессор С.Н. Сабикенов, который подготовил целый ряд специалистов-международников.

С 2004 по 2008 годы в связи с уходом С.Ж. Айдарбаева в докторантуру для завершения своей докторской диссертации – его место замещала к.ю.н., доцент М.С. Досымбекова. В 2008 году С.Ж. Айдарбаев вновь вернулся к заведованию кафедрой. Второй период в истории кафедры завершился защитой его докторской диссертации в ноябре 2010 года. Начиная со следующего года прежняя (советская) система подготовки научных кадров через аспирантуру и докторантуру с присвоением ученых степеней кандидата и доктора наук полностью прекратила свое существование в Казахстане. В науке начался период докторов PhD.

Третий период в истории кафедры международного права – 2011 – 2017 годы – был связан с расширением международных связей кафедры. В этот период были установлены прямые связи с опорными университетами: в Китае – с Харбинским технологическим университетом, во Франции – с Университетом Гавра, в Великобритании – Университетом Данди, в России – со Всероссийской Академией внешней торговли. Стали публиковаться первые совместные с иностранными партнерами статьи, сборники, монографии, начался обмен студентами и преподавателями, стали читаться лекции зарубежных профессоров, стал увеличиваться контингент зарубежных студентов кафедры, в магистратуре специальности «Международное право» открылось английское отделение.

Четвертый период в истории кафедры – начался с сентября 2017 года – с переходом профессора С.Ж. Айдарбаева на работу декана факультета международных отношений и приходом к руководству кафедрой выпускницы специальности «Международное право», к.ю.н., доцента Ж.Т. Сайрамбаевой. Данный период характеризуется новыми вызовами, стоящими перед сферой высшего образования, в т.ч. перед специальностью «Международное право» и обслуживающей ее кафедрой. Специальность «Международное право» успешно аккредитована международным агентством по аккредитации и экспертизе качества высшего образования FIBAA, независимым Казахстанским агентством по обеспечению качества в образовании (НАОКО), независимым агентством аккредитации и рейтинга (НААР) и занимает высокие места в казахстанском рейтинге вузов.

С 2017-2020 годы кафедра международного права достигла значительных успехов в научной и учебной деятельности. По результатам выполнения индикативного плана в 2018-2019 учебном году кафедра международного права заняла 1 место в рейтинге кафедр КазНУ, показав лучший результат по всем направлениям научной, учебной и социально-воспитательной работы. За высокой позицией в общем рейтинге кафедр Университета особо следует отметить огромную работу коллектива кафедры международного права во главе с заведующей кафедрой Сайрамбаевой Ж.Т.

Кафедра международного права с уверенностью смотрит в будущее и ставит перед собой задачи, направленные на повышение глобальной конкурентоспособности, дальнейшего повышения качества проводимых исследований и продвижения КазНУ в мировых рейтингах вузов.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ КАФЕДРАСЫНА 30 ЖЫЛ!

Сайрамбаева Жұлдыз Талғатқызы
*Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті,
халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі,
профессор, заң ғылымдарының кандидаты*

Биылғы жылы Қазақ ұлттық университеті, халықаралық қатынастар факультетінің құрылғанына 25 жыл, халықаралық құқық кафедрасына 30 жыл толды. Осындай айшықты мерейтой қарсаңында халықаралық қатынастар факультеті мен халықаралық құқық кафедрасы жайлы аздаған ақпаратпен бөліскім келеді.

Еліміз тәуелсіздік алған соң халықаралық қатынастар жолға қойылып, халықаралық қатынастар және халықаралық құқық бойынша мамандар даярлау қолға алына бастады. Осы себептен 1990 жылы әл-Фараби атындағы ҚазҰУ заң факультеті құрамында халықаралық құқық кафедрасы құрылды. Ол Қазақстан тарихындағы алғашқы мамандандырылған халықаралық құқық кафедра болды. Кафедраның бастауында з.ғ.д., профессор М.А.Сәрсембаев тұрды және ол кафедраны 1990 жылдан 2000 жылға дейін басқарды.

Қазақстан әртүрлі мемлекеттермен және халықаралық ұйымдармен байланыстарды тереңдеткен сайын халықаралық заңгерлерді дайындаудың маңыздылығы арта түсті, осы себептен халықаралық құқық бойынша жаңа мектеп қалыптастыру жолға қойылды.

Кафедраны 2000-2003 және 2008-2017 жылдар аралығында з.ғ.д., профессор С.Ж. Айдарбаев басқарды. 2004-2008 жылдары С.Ж. Айдарбаевтың докторантураға түсуіне байланысты өзінің докторлық диссертациясын аяқтау үшін – оның орнын з.ғ.к., доцент М.С. Досымбекова алмастырды. 2008 жылы С.Ж. Айдарбаев кафедра меңгерушісіне қайта оралды. Ал 2017 жылдан бастап қазіргі уақытқа дейін з.ғ.к., профессор м.а. Ж.Т. Сайрамбаева кафедра меңгерушісі қызметін атқарып келеді.

Кафедра ұжымы әр кезде де университеттің алдына қойылған мақсаттарға жету жолында жұмыла жұмыс істеп, жақсы нәтижелерге қол жеткізіп келеді. Университет басшылығымен ұйымдастырылатын ішкі рейтингтерде әрқашан алдыңғы орындарды иеленіп жүр.

Кафедра отыз жыл ішінде халықаралық құқық саласындағы жоғары білікті мамандар дайындау бойынша Қазақстанның жетекші ғылыми орталығына айналды. Кафедрада халықаралық құқық саласындағы ғылыми-зерттеу жұмыстарының басым бөлігі атқарылуда, осы сала бойынша барлық алғашқы оқулықтар, монографиялар, басқа да оқу-әдістемелік жұмыстар жазылуда.

Халықаралық құқық кафедрасы осы мамандық бойынша білім берудің түрлі модельдерін Республикада бірінші болып сыннан өткізді. Осылайша 2000 жылы бакалавриат бағдарламасы бойынша мамандарды дайындау басталды, ал 2001 жылы кафедра базасында «Халықаралық құқық және сыртқы

экономикалық қызмет», «Халықаралық қылмыстық құқық», «Халықаралық құқық және дипломатия» бағыттарында маманданумен «Халықаралық құқық» мамандығы бойынша алғаш рет магистратура ашылды. 2005 жылы отандық ғылыми жетекшімен қатар, шетелдік жетекші тағайындау және ізденушінің Еуропа, АҚШ және Қытайдың жетекші ғылыми орталықтарына оқу іссапарлары көзделген оқу мерзімі үш жылдық PhD докторантура өз жұмысын бастады.

Кафедра құрылғалы бері ұйымдық, ғылыми және әдістемелік тұрғыда нығая түсті. 1990 ж. кафедра құрамы 4,5 штаттық бірлікке тең болса, қазір бұл көрсеткіш бірнеше есе ұлғайған. Халықаралық құқық бөлімінің оқу процесінде әр түрлі білім беру технологиялары белсенді қолданылады. Қазіргі кезде Covid-19 пандемиясына байланысты кафедраның барлық жұмысы онлайн негізде іске асырылуда. Бұл мәселеде де кафедра ұжымы қажырлылық танытып барлық пәндердің онлайн нысанда, жоғарғы деңгейде өткізілуін қамтамасыз етуде.

Кафедра шетелдік университеттермен, халықаралық ұйымдар және қорлармен ғылыми байланыстар орнатқан. Кафедра мүшелерінің еңбектері қазақ, орыс, ағылшын, неміс, қытай, түрік тілдерінде, бірқатар шет елдерде шығарылды. Кафедра әртүрлі шет елдік ғалымдармен байланыс орнатып, бірлескен зерттеу жұмыстарын табысты жүргізуде. Оның жарқын мысалы ретінде кафедраның француз және корей ғалымдарымен бірлесе Еуропа мен Азия елдерінің құқықтық-саяси жүйелерін зерттеу бойынша атқарған жұмыстарын атап өтуге болады. Осынау жүйелі жұмыстардың нәтижесінде Еуропалық Peter Lang баспасынан төрт ұжымдық монография жарық көрді және оның екеуі Scopus деректер базасына енді. Бұл өз кезегінде кафедраның халықаралық деңгейде өзге елдердің халықаралық құқық саласындағы ұйымдарының арасындағы танымалдығын арттырып, кафедраның ғылыми потенциалының артуына оң әсерін тигізді.

Жыл өткен сайын кафедра ұжымы қазақ, ағылшын, орыс тілдерін жетік меңгерген мамандармен толығып, кафедраның өз елімізбен қатар алыс жақын шет елдердің білім іздеушілерін оқуға қабылдауға әлеуеті артуда. Бұл өз кезегінде халықаралық құқық кафедрасының тек өз елімізде ғана емес алыс жақын шет елдерде де мәртебесінің артып, болашақта бұдан да жақсы нәтижелерге қол жеткізетіндігіне жол ашары сөзсіз! Кафедра ертеңгі күнге сеніммен қарайды және алдына жаңа міндеттер қояды.

ППС КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Салимгерей А. А.,
*председатель Казахстанской ассоциации
международного права, директор Института
государства и права КазНУ имени аль-Фараби,
доктор PhD по международному праву, доцент*

О РОЛИ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАЗНУ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ КАЗАХСТАНА

Казахстан с момента обретения независимости в 1991 году активно участвует и сотрудничает с мировым сообществом, всячески поддерживая международный мир и безопасность. В этой связи, ключевым моментом на путь к международной арене является его вступление в Организацию объединенных наций в качестве полноправного члена в 1992 году.

Особенно в этот период научное сообщество страны стало осознавать необходимость ускоренного развития своей, казахстанской школы международного права. Основным побудительным мотивом для такого изменения стала объективная необходимость, исходящая из практических нужд государства, постоянно сталкивающегося с проблемами международного права в различных сферах деятельности.

Так, например, Казахстан инициировал проведение Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, обеспечил проведение в Астане и председательствование в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организации исламского сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности. В Вашингтоне на IV-м Саммите по ядерной безопасности, проходившем с 31 марта по 1 апреля 2016г., Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев выступил с историческим документом – Манифест «Мир. XXI век», в котором обратил внимание на необходимость согласованных действий наций по предотвращению войн и конфликтов. По результатам голосования, состоявшегося в Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке 28 июня 2016 года Республика Казахстан была избрана непостоянным членом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) от Азиатско-Тихоокеанской группы государств на 2017–2018 годы. Казахстан официально вступил в права непостоянного члена СБ ООН с 1 января 2017 года и осуществлял их до 31 декабря 2018 года. Особо следует выделить роль первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Нурсултана Назарбаева по созданию двух крупнейших международных организаций на Евразийском пространстве – Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества.

О роли и значении этих организаций в вопросах экономической интеграции и обеспечения региональной безопасности Казахстана написано огромное количество статей в средствах массовой информации, в научных трудах, но не будет преувеличением отметить, что сегодня Шанхайская организация сотрудничества – это практически вторая после ООН международная организация с крупнейшей территорией и с населением более 3 млрд. человек, на которой производится около трети внутреннего валового продукта мира.

Следует отметить, что в рамках единого Союзного государства (СССР) в Казахстане практически не готовились национальные кадры по международному праву.

В настоящее время, отдельные институты и отрасли международного права имеют для Казахстана особое значение, исследование и развитие которых, должно быть в особом приоритете во внешнеполитической деятельности страны и в правовой науке Казахстана. Это соотношение международного и национального права, в том числе имплементация международных обязательств государства в ходе совершенствования национального законодательства, а также международное морское право, международное космическое право, международное экономическое право, международное экологическое право, международное гуманитарное право, право международной безопасности и другие.

В этом контексте можно утверждать, что в каждой стране, в том числе и Казахстане, международно-правовая наука выявляет, прежде всего, национальные задачи, вытекающие из наиболее актуальных внешнеполитических проблем государства.

Таким образом, практическое осуществление международно-правового регулирования с участием Республики Казахстан по вышеуказанным проблемам предполагает всестороннее изучение международного права на основе проведения фундаментальных и прикладных научных исследований. Офи-

циальная позиция Республики Казахстан в разрешении вышеназванных проблем нуждается в научном обосновании международно-правовых решений для предоставления казахстанской дипломатии существенных аргументов в ходе отстаивания и защиты собственных национальных интересов по всем приоритетным направлениям, таким как устойчивое экономическое развитие, обеспечение экологической, энергетической и продовольственной безопасности, а также многим другим.

Безусловно, казахстанская школа международного права находится на этапе становления и в силу этого факта необходимо государственное стимулирование для её успешного развития и в первую очередь должна интенсивно развиваться научно-исследовательская работа по актуальным проблемам международного права, участником которых является Республика Казахстан.

Принято считать, что свой отсчет становление казахстанская наука международного права берёт с 1990 года, когда впервые в Республике, в составе юридического факультета Казахского государственного университета имени С.М. Кирова (а с 1992 года Казахского национального университета имени аль-Фараби) была создана специализированная кафедра международного права под руководством М.А. Сарсембаева (с 1993 года – доктора юридических наук). Таким образом, создание кафедры международного права связано с процессом обретения Республикой Казахстан реального суверенитета. Ранее специализированные кафедры международного права существовали лишь в Москве и Киеве. В КазГУ им. аль-Фараби дисциплина «Международное право» читалась на кафедре государственного права и советского строительства, некоторое время (в первой половине 70-х годов) – на кафедре административного права различными преподавателями

После обретения Казахстаном независимости центр тяжести подготовки кадров юристов-международников был перенесен на внешнеполитические аспекты. В период с 1990 по 1993 гг. стал формироваться костяк кафедры, первыми членами которой в эти годы были Г.Б. Испаева, Р.Г. Ахмадиев, А.Б. Идрисов, А.К. Уртембаев, П.К. Умирзаков, К.Б. Батырбаев, А. Карашев, С.Ж. Айдарбаев, Ж.М. Аманжолов, Г.А. Машимбаева.

В 1998 г. был открыт первый в Казахстане диссертационный совет в КазНУ имени аль-Фараби по защите кандидатских диссертаций по специальности «Международное право». Первыми из граждан Казахстана кандидатские диссертации в данном совете в 1999 г. защитили Айдарбаев С.Ж., Аманжолов Ж.М., Кудайбергенов М.Б., Машимбаева Г.А., Сайрамбаева Ж.Т., Сылкина С.М. и Салимгерей А.А. Айдарбаев С.Ж. с 2000 г. по декабрь 2003 г. являлся заведующим кафедрой международного права. С 2004 г. по сентябрь 2008 г., в связи с его обучением в докторантуре, обязанности заведующей кафедрой исполняла кандидат юридических наук, доцент М.С. Досымбекова. С 2008 г. С.Ж. Айдарбаев вновь приступил к обязанностям заведующего кафедрой. В 2010 году им была успешно защищена диссертация на соискание степени доктора юридических наук по теме «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в условиях глобализации мира: международно-правовые аспекты», а в сентябре 2017 года был назначен деканом факультета международных отношений. Заведующей кафедрой международного права была назначена кандидат юридических наук, и.о. профессора Сайрамбаева Жулдыз Талгатовна, в 2001 году успешно защитившая диссертацию на тему «Международно-правовое регулирование статуса транснациональных корпораций».

Более тридцати лет кафедра международного права является основным научным центром Казахстана по подготовке кадров высшей квалификации в сфере международного права. На кафедре выполнялся основной объём научно-исследовательской деятельности в области международного права, были выпущены все первые учебники, монографии и иные учебно-методические разработки по международному праву. Среди них следует особо отметить монографию профессора М.А. Сарсембаева «Международно-правовые отношения государств Центральной Азии» (Алматы, 1995), учебные пособия: М.А. Сарсембаев «Международное право» (Алматы, 1996), Г.Б. Испаева «Право, подлежащее применению к договорам международной купли-продажи» (Алматы, 1999), М.Б. Кудайбергенов «Международное уголовное право» (Алматы, 2000), С.Ж. Айдарбаев: «Қазақстан Республикасындағы шетелдік инвестицияларды құқықтық реттеу» (Алматы, 2000) и «Правовой статус естественных монополий в Республике Казахстан» (Алматы, 2002). Кроме того, членами кафедры был выпущен ряд коллективных учебников и пособий, в том числе: «ООН и права человека» на турецком языке (Анкара, 1998), «Международное частное право» (Алматы, 1996), «Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности» (Алматы, 1996), «Права человека» (Алматы, 1998), «Морское право и внутриконтинентальные государства» (Алматы, 2000), «Международные экономические организации» (Алматы, 2001) и др., всего более 30 учебных пособий. Кроме того, членами кафедры были разработаны и опу-

бликованы различные сборники международных документов и национальных нормативно-правовых актов, в том числе: «Международное уголовное право» в 3-х томах, «Таможенное право», «Международное воздушное право», «ВТО и Республика Казахстан» в 2-х томах и др.

В целом кафедра международного права стала одной из самых динамичных кафедр КазНУ имени аль-Фараби, с началом функционирования которой было положено начало подготовки национальных кадров, работающих в настоящее время не только в органах государственной власти, в иностранных, совместных компаниях, но и в научных учреждениях, в высших учебных заведениях страны.

В настоящее такое важное образовательно-структурное и научное подразделение как кафедра международного права факультета международных отношений КазНУ имени аль-Фараби обеспечивает подготовку конкурентоспособных специалистов, востребованных в различных отраслях.

Отметим, как структурное подразделение Университета кафедра стала одной из первопроходцев в области международного сотрудничества в науке и образовании не только в Казахстане, но и далеко за рубежом, и заняла довольно заметное положение в данной сфере. В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что, благодаря своим достижениям, кафедра приобрела известность в профессиональных кругах далеко за пределами своего вуза и страны, что, несомненно, способствует повышению престижа КазНУ им. аль-Фараби и укреплению его репутации как ведущего образовательного и научного учреждения.

В ходе своей научной деятельности кафедра международного права факультета международных отношений, имеющая многолетнее и плодотворное сотрудничество с Институтом государства и права КазНУ имени аль-Фараби, установили связи со многими казахстанскими и зарубежными ВУЗами, государственными органами и т.д. Труды членов кафедры международного права выходили на казахском, русском, английском, немецком, китайском, турецком и других языках в ряде зарубежных стран.

За прошедший 30-летний период кафедра международного права достигла значительных успехов в научной и учебной деятельности.

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что кафедра международного права внесла и по сей день вносит весьма значимый вклад в развитие отечественной науки международного права, а также выступает в роли новатора в преподавательской деятельности.

СЕКЦИЯ 1

«ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН»

Сарсембаев М. А.,
доктор юридических наук, профессор,
Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
Email: daneker@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ

В мире разработаны, приняты и имплементируются примерно 30 многосторонних международных конвенций и соглашений, связанных с эксплуатацией автомобильного транспорта, с его логистикой, осуществлением его основной функции по обеспечению перевозок, которые можно разбить на следующие классы: автомашины как транспортные средства, правовое урегулирование в области автомобильного транспорта, движение по автомобильным дорогам, установка дорожных знаков и сигналов, объекты инфраструктуры автомобильного транспорта, оперативное решение таможенных вопросов на переходах автодорог, перевозка скоропортящихся продуктов, перевозки грузов, опасных для жизни и здоровья, перевозки пассажиров. Эти классы постепенно в перспективе можно дополнить следующими классами новых конвенций: совместное производство экологически чистых электромобилей, ториемобилей, гелиомобилей; совместное производство и эксплуатация гибридных автомобилей и объектов их инфраструктуры (автомобиль-самолет, автомобиль-амфибия), совместное проектирование и строительство объектов придорожного сервиса, которые отвечали бы требованиям мировых стандартов.

В настоящее время деятельность железнодорожного транспорта по грузоперевозкам в мире регулируется 10-ю международными многосторонними договорами, конвенциями, соглашениями. Поскольку сегодня на мировой арене ведут речь о снижении привлекательности страновых и региональных железных дорог в глазах компаний и предприятий, желающих перевезти свой груз, необходимо тарифную политику сделать более гибкой, вместе с другими государствами, располагающими железными дорогами, согласовать вопросы предоставления своим клиентам возможных льгот в виде снижения оплаты за провоз грузов, создавать международные транспортные коридоры из железных дорог с общим управляющим комитетом. На международном уровне государства посредством международных договоров и соглашений должны организовать общую эффективную систему управления железнодорожными перевозками, в состав которой могли бы войти объединенные информационная и навигационная системы, с помощью которых можно было бы производить четкий обмен данными при осуществлении транзитных перевозок. В этом направлении работают двусторонние соглашения между теми или иными государствами, но они не приводят к должной результативности. Поэтому желательно по этим вопросам заключать региональные международные договоры и соглашения. К примеру, региональное соглашение с названием *«О создании железнодорожного пула государств в регионе в целях оптимального логистического решения поставок грузов»* способствовало бы созданию единой эффективной системы управления железными дорогами в регионе. В целях упрощения международной логистики при железнодорожной перевозке грузов, необходимо вводить цифровизацию, электронный документооборот, что на порядок сняло бы усложненность таможенных и пограничных процедур. А это повлечет за собой экономию времени грузоотправителя и грузополучателя, предотвратит их излишние материальные траты. При создании всемирной сети железных дорог встанет вопрос о необходимости разработки государствами универсальной международной конвенции примерно под таким названием *«О внедрении мировой логистики во всемирную сеть железных дорог для создания эффективной си-*

стемы поставок грузов». В такой всемирной конвенции можно сформулировать вопросы обеспечения транспортной безопасности, создать нормы об усилении координации и о повышении эффективности взаимодействия Международного союза железных дорог, иных международных специализированных организаций и органов государств по вопросам железнодорожных грузоперевозок, нормы о необходимости гармонизации и унификации законов и подзаконных актов о железнодорожном транспорте, входящих в пул государств по сотрудничеству в этой сфере.

Из 78 крупнейших трубопроводов мира 17 являются межгосударственными и столько же международных соглашений регулируют поставки по ним нефти и газа. В связи с уменьшением объемов, исчерпанием запасов нефти произойдет демонтаж некоторых направлений нефтетрубопроводов, другая часть будет перепрофилирована в газотрубопроводы. В мире объем разведанных запасов природного газа преимущественно в 30 странах составляет более 197 триллионов кубических метров, которых, по оценке компании «Бритиш петролеум», должно хватить на 50-60 лет. Поставщиками газа и донорами будущих газотрубопроводов станут Россия, Иран, Катар, США, владеющие запасами природного газа от 8 до 47 триллионов кубических метров. Маршруты и эстакады этих трубопроводов в перспективе понадобятся для принципиально нового вида транспорта – грузовых и пассажирских капсул, передвигающихся на высоких скоростях внутри более крупных по размерам пневмотрубопроводов, часть которых обретет статус международных и будет регулироваться международно-правовыми актами. Было бы целесообразно принять универсальную международную конвенцию *о международном сотрудничестве по эксплуатации магистральных трубопроводов*.

Международные грузовые авиаперевозки осуществляются на основе 22 международных универсальных договоров и соглашений о воздушных перевозках и большого количества двусторонних межгосударственных соглашений. Нам кажется, что не совсем правильно то, что Варшавская (1929 года) и Монреальская (1999 года) конвенции об унификации некоторых правил международных воздушных перевозок в своих названиях практически одинаковы: желательно дать им несколько разные названия. К тому же, не совсем понятно, почему в обоих случаях говорится «о некоторых правилах». Если в первой, Варшавской конвенции позволительно говорить о «некоторых» правилах, поскольку на первоначальном этапе было трудно охватить все правила, но через 70 лет, которые позволили накопить достаточный международно-правовой опыт регулирования грузовых воздушных перевозок, в Монреальской конвенции можно было бы закрепить термин «о регулировании *основного свода правил* воздушной перевозки грузов».

Морские грузоперевозки регулируются 27 многосторонними международными договорами, первым из которых является Брюссельская конвенция 1924 года об унификации некоторых правил о коносаменте, а основным международно-правовым документом в этой группе договоров является Конвенция ООН о морской перевозке грузов 1978 года. Что касается последней Конвенции, то можно сказать, что есть некоторые замечания к структуре и названию данного международного договора. Из 26 статей в Конвенции прямо и косвенно в 12 говорится об ответственности в процессе морской перевозки грузов, поэтому было бы логично этот договор назвать Конвенцией об ответственности при морской перевозке грузов. Думается, при заданном названии Конвенции о морской перевозке грузов надо было больше внимания уделять вопросам *порядка* осуществления морских грузоперевозок, где ответственность могла бы разместиться в одной статье.

Практически в каждом внутригосударственном праве 200 государств планеты функционируют различные законы о транспорте и логистике: «Об автомобильном транспорте», «Об автомобильных перевозках грузов», «О железнодорожном транспорте», «О морских перевозках грузов», «О речных грузоперевозках», «Об использовании воздушного пространства и деятельности авиации», «О дорожном движении», «О логистике», «О транспортно-экспедиционной деятельности», «О таможенной службе», «О торговом флоте», «О торговом мореплавании», «О транспортной безопасности», «О внутреннем водном транспорте». Мировая законодательная практика насчитывает не менее 1 900 внутригосударственных законов, регулирующих те или иные вопросы, имеющие отношение к логистике и транспорту. Члены мирового транспортного сообщества могли бы изучить разнообразные законы о транспорте и логистике друг друга и взаимно обогатиться специализированным правовым опытом друг друга.

В 37 индустриально-развитых странах мира (по классификации МВФ), где развито машиностроение, в том числе транспортное машиностроение, кроме внутреннего «жесткого права», в том или ином виде действует так называемое «мягкое право» в виде стратегий развития общего транспортного машиностроения, транспортной стратегии, стратегий развития транспорта по каждому виду в отдель-

ности. Эти документы, как правило, содержат обозначение периодов времени в годах и представляют собой интеллектуально-правовые акты государств по транспортному развитию, нацеленные в будущее. Примерами таких актов могут служить стратегические документы США, в которых Департамент транспорта совместно с управлением транспортной политики в ежегодных исполнительских планах обозначает проблемы и пути решения транспортного сектора страны; стратегия инновационного развития в транспорте (Япония); программы развития транспорта Китая. Страны СНГ (Россия, Казахстан, Украина) уделяют особое внимание разработке общенациональной стратегии развития транспорта, стратегий каждого вида транспорта в отдельности на период до 2030, 2050 годов. В экономической стратегии Сингапура больший упор делается преимущественно на логистику. Европейский союз в своей Стратегии «Европа-2020» развитию транспорта уделяет минимальное внимание, ограничившись одним абзацем о необходимости «модернизации транспортного сектора» в перспективе. Великобритания, Франция, Германия в своих стратегических документах обозначают определенные направления улучшения деятельности по вопросам транспорта.

В этой связи предлагаем: поскольку транспорт неразрывно связан с логистикой, желательно продумать вопрос о разработке стратегических документов, посвященных логистике, вопросам участия конкретного государства в мировой логистике. Думается, что подобного рода стратегические документы могли бы разрабатывать и принимать не только все индустриально-развитые государства, но и все другие страны, которые так или иначе задействованы или будут задействованы как участники промышленной сборки транспортных средств развитых компаний мира, покупатели-потребители транспортных средств развивающихся стран, как активные участники мирового логистического процесса. Изучив стратегические документы, заранее узнав количественные потребности стран-потребителей в транспортных средствах различных типов и видов, страны-производители транспортных средств могли бы заранее определить свое место в конкурентной борьбе за рынки этих стран. По нашим сведениям, не все страны имеют транспортные стратегии. Нам кажется, что развернутые стратегические транспортные документы, в том числе для индустриальных стран, все же необходимы. Наличие таких перспективных актов по вопросам транспорта и логистики позволяет государствам более уверенно вступать в отношения международно-правового характера.

Работа транспортной системы становится эффективной при усовершенствовании транспортной логистики и работы системы логистических центров, при прозрачности информации о нахождении доставляемого груза на том или ином участке; а также при внедрении системы оценки перевозимых грузов. Для того, чтобы создать единую соответствующую международным стандартам систему электронного документооборота, нужно наличие автоматизированной транспортной системы, соединенной с системами национальных ведомств, управляющих транспортными процессами. Но международно-правовые нормы в сфере транспортного машиностроения и строительства дорог (путей), эксплуатации всех видов транспорта могут быть эффективными, если во всех 200 странах мира на базе уже имеющихся законов о транспорте будут приняты новые законы со следующими условными наименованиями: *«О создании и развитии транспортного машиностроения»*, *«О внедрении цифровизации во всех видах транспорта»*, *«О производстве всех видов транспорта на электрической тяге»*, *«О производстве и эксплуатации беспилотных транспортных средств»*, *«О промышленной сборке транспортных средств с мировыми брендами»*, *«О ториемобилях»*, *«Об углубленном исследовании и использовании солнечной энергии на транспорте»*, *«Об использовании солнечных и электрических батарей на транспорте»*, *«О перевозке грузов на основе рациональной транспортно-логистической деятельности»*, *«О стимулировании мультимодальных, интермодальных, контрейлерных грузоперевозок»*, *«О строительстве автодорог (автобанов), железных дорог, каналов для речного (морского) транспорта с логистическими объектами»*, *«О качественном послепродажном сервисном обслуживании всех видов транспорта»*, *«Об организации принятия и сопровождения транзитных грузов иностранных государств и компаний по территории страны»*, *«О расширении транспортно-транзитного потенциала страны»*, *«О реализации норм подписанных международных договоров и соглашений о транспорте на территории страны»*.

Было бы целесообразно, чтобы в государствах региона, континента приведенные законы были близки по содержанию, унифицированы. При таком раскладе и технические регламенты могли бы стать примерно одинаковыми, что позволило бы оперативно выпускать серийные транспортные средства. Вопросы логистики при похожих законах также решались бы достаточно быстро и оптимально. ЮНИДО, руководящие органы региональных экономических союзов могли бы принимать модельные

или типовые законы по приведенным выше законам, как это делает ЮНСИТРАЛ, который, к примеру, 14 июня 1996 года принял типовой закон об электронной торговле, который в известной мере стал образцом для заинтересованных государств. Желательно, чтобы не только страны-производители транспортных средств, но и страны-потребители, в том числе Республика Казахстан, приняли у себя подобного рода законы и обеспечили их безукоризненное соблюдение.

Айдарбаев С. Ж.

*Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
халықаралық құқық кафедрасының профессоры,
заң ғылымдарының докторы*

Удербоева Б.А.

*заң ғылымдарының кандидаты,
Нархоз Университетінің доценті*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚҚА ҚАТЫСТЫ РЕСЕЙ КОНСТИТУЦИЯСЫНДАҒЫ СОҢҒЫ ӨЗГЕРІСТЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ САЛДАРЫ

2020 жылы Ресей өзінің Конституциясына бірқатар өзгерістер енгізді және сол өзгерістердің ішінде халықаралық заңнамадан, халықаралық келісім-шарттардан және халықаралық органдардың шешімдерінен Ресей Федералды Конституциясының басымдығын белгілейтін ереже пайда болды.

Жалпы айтатын болсақ, бұл өзгерістер Ресей Президентінің Федералды жиынға 2020 жылдың 15 қаңтарында жасаған жолдауында алғаш рет ұсынылып, 2020 жылдың 14 наурызы күні «Жария биліктің ұйымдастырылуы мен қызмет етуінің жекелеген мәселелерінің реттелуін жетілдіру туралы» федералды заңы ретінде қабылданды [1]. Түзетулер 2020 жылдың 1-шілде күні халықтың дауыс беруіне шығарылып, 3-шілде күні РФ Президенті «Ресей Федерациясы Конституциясын енгізілген түзетулерімен жариялау туралы» жарлығына қол қойып, 4-шілде күні түзетулер өз күшіне енді [2].

РФ Конституциясына енгізілген 206 түзетудің ішінен біздер үшін халықаралық құқыққа қатыстылары маңызды болып отыр. 2020 жылдың басындағы Жолдауында Ресей Президенті ол жөнінде былай деген еді: «Халықаралық заңнама мен шарттар талаптарының, сондай-ақ халықаралық органдардың шешімдерінің Ресей аумағында адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын шектемейтін, біздің Конституциямызға қайшы келмейтін бөлігі ғана әрекет ете алады» [3].

Сол кезде Ресейдің танымал газеттерінің бірі мұны Конституцияның халықаралық заңнама мен шарттардан, халықаралық органдар шешімдерінен басымдығын, яғни ресей құқығының халықаралық құқықтан басымдығын тікелей енгізу бойынша ұсыныс деп бағалады. Бұл басылымның айтуынша ұлттық құқық алдындағы халықаралық құқықтың басымдығынан бас тарту идеялары 1990-шы жылдардан бастап айтылып келді, бірақ ол кезде оларға ешкім құлақ асқан жоқ. Алайда, ресейлік заңнаманың халықаралық құқықтан басымдығын белгілеу жолына Ресей мемлекеті бірнеше жыл бұрын түсті. Атап айтқанда, 2015 жылдың орта тұсында РФ Конституциялық соты Адам құқықтары жөніндегі Еуропа сотының шешімдері Ресей аумағында елдің Негізгі заңына қайшы келмейтін жағдайда ғана орындалуы мүмкін деп қаулы етті. Ол кезде де елдің мүддесін қорғау туралы және «Конституция үстемдігіне негізделген Ресейдің мемлекеттік егемендігі шегінің шайылуы» туралы айтылған болатын. Жоба қысқа мерзімде қабылданды: 2015 жылдың соңында Ресей Президенті Конституциялық сотқа халықаралық соттардың шешімдерін ел заңдарына қайшы келген жағдайда орындалмайды деп тану құқығын беретін заңға қол қойды. Ендігі жерде Ресей Президентінің сөзі бойынша елдің Негізгі заңы Ресейдің «құқық кеңістігінде» Конституцияның басымдығын тікелей кепілдендіруі тиіс [4]. Осыған орай біз қарастырып отырған басылым конституциялық құқық бойынша сарапшы О. Подоплелованың сөзін келтіреді, оның айтуы бойынша әңгіме халықаралық міндеттемелерді орындамау механизмін (тетігін) толық нысандандыру жөнінде болып отыр және ол тек адам құқықтары саласымен ғана шектелмейді [4].

Мұның барлығын қалай бағалауға болады? Халықаралық құқық басымдығынан айырылу арқылы Ресей өз заңнамасын дамыту жағынан кері қадам жасады, өйткені ол өз заңнамасын халықаралық құқықпен үйлестіру қажеттілігінен арылды. Бұл болса, ең алдымен, адам құқықтары мен негізгі бостандықтарын реттейтін халықаралық құқықтың жалпы танылған нормаларына қайшы келетін ұлттық заңдар мен нормаларға кеңінен жол ашып береді [4]. Бұл мәселенің бір жағы ғана. Егер де Ресейдің саяси басшылығына халықаралық құқықты қадірлемейтін, оны кедергі деп есептейтін және төңірегіне әлімжеттік саясатын жүргізетін адамдар келетін болса, ресейлік Конституцияның өзгеріске ұшыраған 79-шы бабы кез-келген мемлекетпен жасалған Ресейдің халықаралық шарттарынан Негізгі заңға қайшы келеді деген себеппен бас тартуға мүмкіндік берейін деп отыр. Бұл болса, Ресей сияқты алып мем-

лекетпен көрші болып отырған елдерге үлкен қауіп төндіруі мүмкін. Кез-келген халықаралық шарттан заңи түрде бас тартуға мүмкіндік алған мемлекет керек десеңіз тіпті мемлекеттік шекаралар туралы шарттарды да құрдымға жіберуден тартынбауы мүмкін.

2020 жылдың қаңтар айында Еуропа Кеңесінің Парламенттік Ассамблеясы Ресей Конституциясына енгізілуге жоспарланып отырған бірқатар өзгерістерге құқықтық баға беру жөніндегі өтінішін «Құқық арқылы демократияға жету жөніндегі Еуропа комиссиясына» (конституциялық құқық бойынша кеңесуші мәртебесі бар бұл органды Венециялық комиссия деп қысқартып атайды және мұның жұмысына Қазақстан да қатысады) жолдаған еді. Маусым айының 18 күні бұл орган өз шешімін шығарып, Ресейдің халықаралық шарттары ережелерінің негізінде қабылданған мемлекетаралық органдардың шешімдерін Ресейге орындамауға мүмкіндік беретін Конституцияның 79-бабын өзгертуден бас тартуды ұсынған еді [5].

Нақтылап түсіндіретін болсақ 79-бапқа енгізілген өзгерістер, ең алдымен, Адам құқықтары жөніндегі Еуропа сотының шешімдерін орындамауға (немесе ішінара орындауға) бағытталған. 2018 жылдың қыркүйек айындағы жағдай бойынша Ресейге қарсы қабылданған бұл сот органының 2 380 қаулысының Ресей мемлекеті тек 608 ғана орындаған болатын (25,5 %) [6].

Еуропа Кеңесіне мүше болып қабылданған кезде Ресей 1950 жылғы Адам құқықтары туралы Еуропа Конвенциясын ратификациядан өткізген еді, ал сол Конвенцияның 46-бабы аталған сот органының шешімдерін орындау міндетті деп нық белгілейтінін де айта кеткен жөн болар.

Демек, Ресей Конституциясының 79-шы бабының өзгеруі бұл елдің демократия жолымен дамуына үлкен кедергі жасайды деген ойдамын. Бұған қоса, бұл өзгеріс Ресей төңірегіндегі мемлекеттермен қарым-қатынастарға да өзінің теріс әсерін тигізуі мүмкін. Жалпы алғанда, Ресейдің қатысуымен орын алатын кез-келген халықаралық қатынастар саласында қауіпті жағдайлар көбеюі мүмкін. Соны ескеру керек.

Әрине, мұны батыс әріптестері тарапынан халықаралық санкциялар мен өзге де көптеген шектелулерге ұшырап отырған мемлекеттің оларға берген жауабы ретінде көруге де болады, бірақ халықаралық қауіпсіздік пен бейбітшілікті қамтамасыз ету, халықаралық құқықтық тәртіпті нығайту жағынан бұл конституциялық өзгерістерге оң баға беру қиын.

Ресеймен, бір жағынан, әскери одақтас, екінші жағынан, экономикалық серіктес болып отырған, үшінші жағынан, әлемдегі ең ұзақ мемлекеттік шекарасы бар біздің еліміз үшін аталған факторлардың барлығын ескеру керек, өйткені арамыздағы тату көршілік және достық қарым-қатынастарды одан ары дамыту үшін және екі жақтық қарым-қатынастарда туындайтын мәселелерді табысты шешіп отыру үшін бұл елде орын алып отырған саяси үдерістерден хабардар болып отырудың ешқандай артықшылығы болмайды.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ // Российская газета – Федеральный выпуск № 55(8109).
2. Указ Президента Российской Федерации от 03 июля 2020 года № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007030012>
3. Послание Президента Федеральному Собранию (15 января 2020 года) // <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>
4. Полный примат // <https://www.kommersant.ru/doc/4220873>
5. Венецианская комиссия посоветовала изменить поправку об увольнении судей // <https://www.rbc.ru/politics/18/06/2020/5eeb818d9a79474d77fb7a49>
6. Поправки к Конституции России (2020) // <https://ru.wikipedia.org/wiki>

ДҮНИЕЖҮЗІЛІК САУДА ҰЙЫМЫ ШЕҢБЕРІНДЕ ДАУЛАРДЫ ШЕШУДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ

Түйін. Бұл мақалада ДСҰ шеңберінде дауларды шешу жүйесі қарастырылады. Дауларды шешу тетіктерін бекіткен ДСҰ келісімдері егжей-тегжейлі талданады.

Түйінді сөздер: ДСҰ, дауларды шешу механизмі, Марракеш келісімі, ГАТТ, ТРИПС.

Резюме. В данной статье рассматривается система разрешения споров в рамках ВТО. Подробно анализируются соглашения ВТО, закрепившие механизмы разрешения споров.

Ключевые слова: ВТО, механизм разрешение споров, Марракешское соглашение, ГАТТ, ТРИПС.

Summary. This article looks at the WTO dispute resolution system. The WTO agreements that have established dispute resolution mechanisms are being analysed in detail.

Key words: WTO, mechanism of dispute settlement, the Marrakech agreement, GATT.

Дүниежүзілік сауда ұйымының келісімі – бұл көпжақты сауда келіссөздерінің жеті жылдық Уругвай раундының нәтижелері бойынша ондаған елдер жасалынған құжат. Онда тарифтер, ішкі салықтар, субсидиялар, фитосанитарлық және санитарлық шаралар, зияткерлік меншік құқықтары, Инвестициялар, қызметтер және т. б. сияқты саудаға әсер ететін бірқатар шараларға қатысты Дүниежүзілік сауда ұйымы мүшелерінің құқықтары мен міндеттерін теңестіретін келісімдер бар. «ДСҰ келісімі» термині Дүниежүзілік сауда ұйымын құру туралы Марракеш келісімін – ДСҰ құру туралы келісімді (Марракеште 1994 жылғы 15 сәуірде қабылданды) және оған қосымшаларды: көпжақты және плюрилатералдық сауда келісімдерін, ГАТТ-1947 мәтінін, сондай-ақ Уругвай раунды барысында қабылданған келісімдерді, шешімдерді және басқа да құжаттарды білдіреді. Марракеш келісімі ДСҰ-ның халықаралық ұйым ретіндегі институционалдық негізін анықтайтын 16 баптан тұратын қысқаша құжат болып табылады [1]. «ДСҰ келісімдері» термині Марракеш келісіміне қосымшаларда қамтылған келісімдерге ғана қатысты.

Көптеген халықаралық шарттар тараптар арасындағы дауларды бейбіт жолмен реттеудің белгілі бір жүйесін көздейді. Дауларды шешудің тиімді жүйесі өзінің негізгі мақсаты ретінде құқықтар мен міндеттердің теңгерімін қамтамасыз етеді, бұл тараптар келісімге сәйкес өзіне қабылдайтын міндеттемелердің тәжірибелік құндылығын арттырады. Бұл ГАТТ-тың қырық жылдық тәжірибесіне негізделген ДСҰ-ның дауларды шешу жүйесімен қамтамасыз етіледі. Барлық туындайтын даулар барлық қатысушы елдер үшін бірдей міндетті белгіленген ережелер негізінде шешіледі. Дауларды уақтылы және құрылымдық шешу реттелмеген трансұлттық сауда қатығыстарының зиянды салдарын азайтуға көмектеседі.

ДСҰ дауларды шешу механизмі Уругвай раундының маңызды жаңалықтарының бірі болып саналады. Дауларды шешуді реттейтін ережелер дауларды реттеуді регламенттейтін ережелер мен рәсімдерді түсінуде қамтылған. Осы құжат ГАТТ-1947 көпжылдық тәжірибесіне негізделген ДСҰ құру туралы келісімге 2-қосымша болып табылады.

Уругвай раунды. 1980 жылдардағы мәселелердің көбеюіне байланысты ГАТТ-1947-ге мүше көптеген елдер, дамыған және дамушы елдер бұл жүйені жетілдіру және нығайту қажет деп санайды. Бұған елдердің шағымдары санының күрт өсуі әсер етті. Мысалы, 1980 жылдары Америка Құрама Штаттары 39 рет шағымданды [2]. Тиісінше, 1986 жылы қыркүйекте Уругвайдағы Пунта-дель-Эсте қаласында басталған көпжақты сауда келіссөздерінің сегізінші Уругвай раундының күн тәртібінде дауларды шешу механизмдері мәселесіне басымдық берілді. 1989 жылғы 12 сәуірде келіссөздердің алдын ала нәтижелері бойынша келісуші тараптар ГАТТ дауларды шешу ережелері мен рәсімдерін жетілдіру туралы шешім қабылдады. Ол Уругвай раундының соңына дейін сот негізінде қолданылуы керек еді және кейіннен дауларды шешудің болашақ келісімінің бөлігі болған көптеген ережелерді қамтыды, мысалы, дау-дамайды топ-топ төрешілерінің шешу құқығы және сот ісін жүргізудің нақты мерзімдері. Алайда, ол кезде баяндамаларды қабылдау туралы, сондай-ақ шағымдану кезеңі туралы мәселе бойынша әлі келісімге қол жеткізілген жоқ.

Уругвай раундының соңында нәтижелердің бірі ретінде дауларды реттеудің едәуір жетілдірілген жүйесі енгізілді. Конвенцияға 2-қосымша ретінде «Дауларды шешуді реттейтін ережелер мен рәсімдер туралы түсінік» (немесе «Дауларды реттеуді түсіну») атты құжат қабылданды.

Дүниежүзілік сауда ұйымының дауларды шешу жүйесінің негізгі мақсаты көпжақты сауда жүйесінің қауіпсіздігі мен болжамдылығын қамтамасыз ету болып табылады. ДСҰ дауларды шешу жүйесі ДСҰ келісімінің ережелерінен туындайтын құқықтар мен міндеттерге қатысты дауларды ғана қарайды. Дауларды реттеуді түсінудегі 1-қосымшада санамаланған келісімдерді («қамтылатын келісімдер» – дауларды реттеуді түсіну 1.1-бабы) қолдануға байланысты барлық даулар да ДСҰ-ның дауларды реттеу тетігіне берілуі мүмкін.

Қауіпсіздік-бұл мүшелердің ДСҰ-ның дауларды шешу тетігінің келіссөздердегі ұйым мүшелерінің ерік-жігерін және ДСҰ келісімімен байланысты болуға келісімін дәл анықтау қабілетіне деген сенімділік өлшемі.

ДСҰ дауларды реттеу жүйесі ДСҰ келісімінің ережелерінен туындайтын құқықтар мен міндеттерге қатысты дауларды ғана қамтиды. Дауларды реттеуді түсінудегі 1-қосымшада санамаланған келісімдерді («қамтылатын келісімдер» – дауларды реттеуді түсіну 1.1-бабы) қолдануға байланысты барлық даулар да ДСҰ-ның дауларды реттеу механизмдеріне берілуі мүмкін [3]. Бұл ДСҰ мүшелері өз құқықтары мен міндеттерінің қайшылықтарын ДСҰ-ның дауларды шешу жөніндегі органына қамтылатын келісімдер шеңберінен шығатын ережелерге сәйкес бере алмайтындығын білдіреді. Көбінесе, мысалы, аймақтық сауда келісімдеріне 1994 жылғы ГАТТ I және III баптарының нормаларына өте ұқсас ең қолайлы режим және ұлттық режим туралы ережелер кіреді [4]. Ережелер тұжырымдамасының ДСҰ-ның тиісті ережесіне қандай да бір қатысы болса да, өңірлік келісімдердің ережелерін қолдану туралы даулар ДСҰ-ның дауларды шешу жүйесіне енгізілмейді. Бұл басқа халықаралық шарттарға да қатысты, өйткені олар қамтылған келісімдердің бөлігі болып табылмайды.

Әдетте, дау ДСҰ-ның бір мүшесі (жауапкер) екінші мүше (талап қоюшы) ДСҰ келісінде жазылған міндеттемелерге сәйкес келмейді деп санайтын шараларды қабылдаған не олардан туындайтын пайданы жойған немесе азайтқан кезде туындайды. Бұл жағдайда ел осы шараға қатысты дауласу үшін ДСҰ-ның дауларды реттеу жүйесінің рәсімдері мен ережелеріне сілтеме жасауға құқылы. Егер дау тараптары өзара келісілген шешімге келмесе, өтініш берушіге қағидаларға негізделген рәсімге кепілдік беріледі, оның шеңберінде шағымдарды сарапшылар тобы мен апелляциялық орган құрамындағы тәуелсіз сарапшылар қарайтын болады. Талапкердің көзқарасы бойынша дауларды шешу жүйесі нақты қабылданған шараға қатысты жауапкердің өз құқықтары мен міндеттеріне тәуелсіз анықтама алатын тетікті, сондай-ақ дауды реттеуді түсінудің 23.1-бабына сәйкес дауларды шешу мүмкіндігі берілетін платформаны көздейді. Жауапкердің көзқарасы бойынша жүйе талапкердің тарапынан біржақты санкциялардан қорғауды қамтамасыз етеді және дауларды реттеуді түсінудің 23.2 (а) – бабына сәйкес жауапкердің шараны келісімдерге сәйкес елдің міндеттемелерін бұзбайтын ретінде қорғауға немесе оны қамтылған келісімдерде бар ерекшеліктермен қамтылатын ретінде түсіндіруге мүмкіндігі бар. Осылайша, ДСҰ дауларды реттеу жүйесі дауларды реттеуді түсіну 3.2-бабының ережелерінде бекітілген ДСҰ Келісіміне сәйкес барлық қатысушылардың құқықтары мен міндеттерін қорғауға қызмет етеді [3].

Дауларды реттеуді түсіну – ДСҰ және дауларды реттеуді түсіну келісімінің ережелеріне сәйкес (жеке немесе кез келген басқа да қамтылатын келісіммен үйлесімде) мүше елдердің құқықтары мен міндеттеріне қатысты даулар, сондай-ақ қамтылатын келісімдер бойынша консультациялар және дауларды шешу туралы ережелерге сәйкес басталған дауларды реттеу ережелері мен рәсімдерінің келісілген және біріктірілген жүйесін білдіреді [5]. Мавроидис П.С. ДСҰ-ны құру кезінде жаңа стандарттарды енгізу «GATT a la carte» іс жүзінде қолдануды аяқтады деп санайды, онда әр келісімге қол қоюшылардың саны ғана емес, сонымен бірге дауларды шешудің жеке ережелері де болған. Сондықтан, кейбір ерекшеліктерді қоспағанда, бүгінде Дауларды реттеуді түсіну барлық келісімдер бойынша дауларға біркелкі қолданылады. Бұдан басқа, қаралып отырған келісімдерде қамтылған дауларды реттеудің «арнайы және қосымша ережелері мен рәсімдері» деп аталатындар бар (дауларды реттеуді түсінудің 1.2-бабы және оған 2-қосымша). Бұл «нақты қамтылған Келісімнен туындайтын міндеттемелерге байланысты дауларды шешу ерекшеліктерін шешуге арналған» нақты ережелер мен рәсімдер. Дауларды реттеу түсінуге сәйкес дауларды уақтылы реттеу мүшелер арасындағы құқықтар мен міндеттердің тиімді жұмыс істеуі және тепе-теңдігін сақтау үшін маңызды екенін баса айтады (дауларды реттеуді түсінудің 3.3-бабы). Дауларды шешу жүйесі дауларды шешу кезінде сақталуы

керек рәсімдер мен байланысты мерзімдерді егжей-тегжейлі сипаттайды. Егжей-тегжейлі рәсімдер, жауапкердің келісімі болмаған кезде өтініш берушінің шағым беру құқығын қоса алғанда, тиімділікке қол жеткізуге арналған (дауларды реттеуді түсінудің 4.3 және 6.1-баптары).

Дауларды реттеуді түсінудің 23-бабына сәйкес ДСҰ мүшелері ДСҰ-дағы сауда дауларын шешу үшін көпжақты жүйені біржақты әрекеттерге жүгінудің орнына қолдануға келісті. Бұл келісілген рәсімдер мен ережелерді сақтауды білдіреді. Осындай іс-қимылдарды болдырмау үшін дауларды реттеуді түсінудегі дауларды шешудің көпжақты жүйесін пайдалануға мүмкіндік береді, оған ДСҰ мүшелері бір мүше ел екінші мүше ел ДСҰ келісімдерінің ережелерін бұзады немесе ол алатын пайданы өзгеше түрде жояды, азайтады немесе келісімдердің бірінің мақсатына қол жеткізуге кедергі келтіреді деп есептейтін жағдайларда көмек сұрауға тиіс. Дауларды реттеуді түсінудің 23-бабы біржақты әрекеттерге ғана емес, сонымен бірге ДСҰ-мен байланысты дауды шешу үшін басқа ресурстар мен институттарды пайдалануға тыйым салады. Демек, дауларды реттеу жүйесі міндетті болып табылады, өйткені ДСҰ келісіміне қосылған барлық мүше елдер оның қосымшалары бойынша міндеттемелер алды, олардың бірі Дауларды реттеу туралы келісім болып табылады. Көпжақты сауда келіссөздерінің Уругвай раундының нәтижесінде ДСҰ-ның құрылуы сауданы реттеудің жаңа халықаралық тетігінің пайда болуына әкелді.

Дауларды шешудің ережелері мен рәсімдері туралы Келісімде баяндалған ДСҰ-ның дауларды шешу жүйесі көпжақты сауда жүйесінің қауіпсіздігі мен болжамдылығын қамтамасыз етудің орталық элементі болып табылады. Ол соттың жалпы қабылданған нормалары мен әдет-ғұрыптарына сәйкес, заңдылық, ашықтық және тараптардың жарыспалылығы қағидаттарын сақтай отырып әрекет етеді. Бұл жүйе ДСҰ келісімдеріне сәйкес мүше елдердің құқықтары мен міндеттерін қорғауға және осы келісімдердің қолданыстағы ережелерін халықаралық жария құқықты түсіндірудің әдеттегі ережелеріне сәйкес түсіндіруге қызмет етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. The Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization of 15 April 1994. Last accessed on May 1, 2020 // [Electronic resource] https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/agrmtseries1_wto_e.pdf
2. Demaret P. the Metamorphoses of the GATT: From the Havana Charter to the World Trade Organization // Columbia Journal of Transnational law. – 1995. – Vol. 34(1). – P. 123–171.
3. Understanding on rules and procedures governing the settlement of disputes. Annex 2 of the WTO Agreement. Last accessed on May 1, 2020 // [Electronic resource] https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dsu_e.htm
4. General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (GATT 1994), Annex 1A of the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization of 15 April 1994. Last accessed on May 1, 2020 // [Electronic resource] https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/06-gatt.pdf
5. Шадиходжаев Ш.Ш. Процессуальные особенности урегулирования споров в рамках Всемирной торговой организации // Московский журнал международного права. – 2005. – №2(58). – С. 217–233.

КАЗАХСТАН И СИНГАПУР: О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ К АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ)

Түйін. Мақала Қазақстандағы нормативтік құқықтық актілердің сыбайлас жемқорлыққа қарсы сараптамасын құқықтық реттеудің проблемалық мәселелеріне арналған. Атап айтқанда, қолданыстағы заңнаманың осы емтихандар кезінде сыбайлас жемқорлық тудыратын факторды жоюға ықпал етпейтіні көрсетілген. Бұл мәселеге қарсы шешім ретінде Сингапурдағы сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясаттың тәжірибесі ұсынылған. Еліміздің осы саладағы қолданыстағы заңнамасын жетілдіру бойынша ұсыныстар беріледі.

Түйінді сөздер: сыбайлас жемқорлық, заңнама, сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясат, сыбайлас жемқорлыққа қарсы сараптама.

Резюме. Статья посвящена проблемным вопросам правовой регламентации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в Казахстане. В частности показано, что действующее законодательство не способствует исключению коррупциогенных факторов при проведении данных экспертиз. Как противоположный вариант решения данной проблемы приведён опыт антикоррупционной политики Сингапура. Даются рекомендации по улучшению действующего законодательства страны в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: коррупция, законодательство, антикоррупционная политика, антикоррупционная экспертиза.

Summary. The article is devoted to the problematic issues of legal regulation of the anti-corruption expertise of regulatory legal acts in Kazakhstan. In particular, it is shown that the current legislation does not contribute to the exclusion of corruption-generating factors during these examinations. The experience of anti-corruption policy in Singapore is presented as an opposite solution to this problem. Recommendations are given for improving the current legislation of the country in this area.

Key words: corruption, legislation, anti-corruption policy, anti-corruption expertise.

В предыдущей статье, опубликованной в журнале «Наука и жизнь в Казахстане» [1, С. 131-136], нами были проанализированы последние изменения, внесённые в Закон Республики Казахстан «О правовых актах» [2] в связи с тем, что антикоррупционная экспертиза после относительно длительного периода была согласно инициативе Президента РК К.-Ж. Кемелевича [3] восстановлена в качестве одной в числе иных научных, предусмотренных в документе. Хотелось бы ещё раз остановиться на данном законе в связи с тем, что 16 июля 2020 г. постановлением Правительства Республики Казахстан были введены новые Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (далее – Правила) [4], а также приказом Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от 19 августа 2020 года утверждены усовершенствованные «Методические рекомендации по проведению научной антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов» [5].

Анализ приведённых законодательных актов является предметом настоящей публикации с целью оценки роли и значения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в Казахстане.

Обратим внимание на следующие положения, внесённые в ЗРК «О правовых актах», имеющие отношение к антикоррупционной экспертизе.

Так, согласно подпункту 8) пункта 1 статьи 1 ЗРК «О правовых актах» **дается следующее определение понятия «юридическая экспертиза» – «это проверка проекта нормативного правового акта либо принятого нормативного правового акта на предмет его соответствия Конституции Республики Казахстан и законодательству Республики Казахстан, в том числе законодательству в сфере противодействия коррупции».**

Далее, в данном законе содержится специальная 6 глава, посвященная научным экспертизам проектов нормативных правовых актов, при этом статья 30 даёт их перечисление, включая в число таковых и антикоррупционную экспертизу. В ней же есть оговорка, о том, что по проектам нормативных правовых актов, вносимых на рассмотрение Парламента Республики Казахстан, проведение научной экспертизы в зависимости от регулируемых ими общественных отношений обязательно, **за исключением случаев внесения проектов законодательных актов в порядке законодательной инициативы Президента Республики Казахстан, когда научная экспертиза может не проводиться** – (здесь и далее выделено мной – К. Ш.). Часть 2 данной статьи определяет цели проведения научной экспертизы нормативных правовых актов (в дальнейшем) НПА.

1. В статье 31 определены лица и организации, осуществляющие экспертизу и требования, предъявляемые к ним.

4. Статья 32 Закона регламентирует вопрос об инициативе при направлении проектов нормативных правовых актов на экспертизу. Так, в части 1 отмечается, что решение о проведении экспертизы проекта нормативного правового акта может быть принято:

1) Президентом Республики Казахстан или по его поручению Руководителем Администрации Президента Республики Казахстан, депутатами Парламента Республики Казахстан и Правительством Республики Казахстан, вносящими проект в Мажилис Парламента Республики Казахстан в порядке законодательной инициативы;

2) уполномоченным органом;

3) органом-разработчиком, если регламентом данного органа или иными нормативными правовыми актами этим лицам и структурным подразделениям такое право предоставлено.

Часть 2 статьи оговаривает, что в случаях, когда проект нормативного правового акта подготавливается на договорной основе, экспертиза проекта может быть проведена по решению заказчика проекта.

5. Статья 33 прим. 1 рассматриваемого закона полностью посвящена научной антикоррупционной экспертизе проектов нормативных правовых актов. Так, в части 1 статьи отмечено, что целями научной антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов являются выявление коррупциогенных норм, а также разработка рекомендаций, направленных на их устранение. Далее, часть 2 статьи констатирует, что кроме проектов законодательных актов, вносимых на рассмотрение Парламента Республики Казахстан, научной антикоррупционной экспертизе в обязательном порядке также подлежат проекты иных нормативных правовых актов, **за исключением нормативных постановлений Парламента Республики Казахстан и его Палат, нормативных правовых указов Президента Республики Казахстан, нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики Казахстан, а также нормативных правовых актов, определяемых Правительством Республики Казахстан по согласованию с Администрацией Президента Республики Казахстан.**

Из приведённых положений, затрагивающих вопросы организации и проведения антикоррупционных экспертиз, наибольший интерес для нас представляет предусмотренный Законом РК «О правовых актах» запрет на её производство **проектов законодательных актов в порядке законодательной инициативы Президента Республики Казахстан, нормативных постановлений Парламента Республики Казахстан и его Палат, нормативных правовых указов Президента Республики Казахстан, нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики Казахстан, а также нормативных правовых актов, определяемых Правительством Республики Казахстан по согласованию с Администрацией Президента Республики Казахстан.**

Иными словами, законом исключается целый ряд нормативных правовых и подзаконных актов, из чего мы можем сделать вывод, что согласно решению законодателя, перечисленные документы не могут принципе нести коррупциогенного характера или могут, но не подлежат экспертной оценке на предмет наличия коррупциогенных факторов. Насколько легитимна и приемлема такая установка законодателя, даже если исходить из того, что инициированные Главой государства законопроекты, чаще всего требуют порой неотложного рассмотрения и принятия? В этом случае возникает вопрос: не должен ли законодатель исходить из позиции, что любые нормативные акты с точки зрения их содержания и из своего предназначения изначально имеют одинаковый правовой режим, что не должно исключать обязательность их научной экспертизы на предмет соответствия предъявляемым самим же законодателям требованиям. Это положение мы считаем **существенным пробелом** Закона РК «О правовых актах», являющегося одной из предпосылок внедрения коррупциогенных норм в нормативные акты.

В этой связи нельзя не принимать во внимание принципиальную позицию, изложенную ещё в 2008 году Первым Президентом Республики Казахстан, который заявил о том, что: «Должна быть обязательной антикоррупционная экспертиза **всех законов и подзаконных актов**. Статус этой экспертизы необходимо закрепить законодательно» [6]. Хотелось бы обратить внимание на не случайной акцентации, которую сделал Елбасы, – это **обязательность** наличия антикоррупционной экспертизы и то, что она должна быть распространена **на все законы и подзаконные акты**.

В этой связи возникает и другой вопрос: а нужна ли нашим законодателям антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов в принципе, если значительная их часть выводится из-под её контроля. Предыдущая как нынешняя законодательная практика свидетельствуют об отрицательном отношении законодателя к присутствию данной экспертизы в законодательстве. Об этом, в частности, свидетельствовали такие факты, что пункты статьи 22 действовавшего ранее Закона РК «О нормативных правовых актах» [7], регламентировавшие антикоррупционную экспертизу, были исключены Законом Республики Казахстан № 239-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам разграничения полномочий между уровнями государственного управления», принятого 29 сентября 2014 года» [8], а позже постановлением Правительства Республики Казахстан № 598 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» упоминание об антикоррупционной экспертизе было исключено постановлением Правительства РК от 30.12.2014 № 1401 [9].

Об отрицательном подходе к **полноценной** регламентации антикоррупционной экспертизы свидетельствуют также принятые во исполнение ЗРК «О правовых актах» Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Анализ данных Правил показывает, что постановление Правительства РК в данном подзаконном акте пошло ещё дальше принятого закона, расширив перечень случаев, исключающий производство антикоррупционной экспертизы. В частности, помимо обозначенных в законе случаев, Правила фиксируют, дополнительные ограничения в проведении научной антикоррупционной экспертизы проектов, а именно:

- нормативных правовых актов по признанию утратившими силу нормативных правовых актов;
- нормативных правовых актов, предусматривающих принятие решений об установлении (отмене) карантинной зоны с введением карантинного режима на соответствующей территории, об установлении (снятии) карантина и (или) ограничительных мероприятий в случаях, предусмотренных законодательством Республики Казахстан в области ветеринарии, а также объявление чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера;
- нормативных правовых актов об образовании избирательных участков и определении мест для размещения агитационных печатных материалов;
- нормативных правовых актов об образовании, упразднении и преобразовании административно-территориальных единиц, установлении и изменении их границ и подчиненности, их наименовании и переименовании, а также уточнении и изменении транскрипции их наименований;
- нормативных правовых актов о наименовании и переименовании составных частей населенных пунктов, а также уточнении и изменении транскрипции их наименований;
- нормативных правовых актов об утверждении государственного списка памятников истории и культуры республиканского и местного значения;
- нормативных правовых актов об утверждении бюджетов всех уровней;
- нормативных правовых актов о гарантированном трансферте из Национального фонда Республики Казахстан;
- нормативных правовых актов об объемах трансфертов общего характера между республиканским и областными бюджетами, бюджетами городов республиканского значения, столицы;
- нормативных правовых актов об утверждении предельных тарифов, цен, предусмотренных законодательством Республики Казахстан;
- нормативных правовых актов об установлении публичного сервитута;
- нормативных правовых актов об утверждении квалификационных требований к административным государственным должностям;
- нормативных правовых актов, содержащих государственные секреты и иную охраняемую законом тайну, а также имеющих пометки «Для служебного пользования», «Без опубликования в печати», «Не для печати».

Согласно положению Правил, требование о проведении научной антикоррупционной экспертизы также не распространяется на нормативные правовые акты, предусматривающие внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты, предусмотренные настоящим пунктом Правил.

Таким образом, приходится констатировать, что предметом научной антикоррупционной экспертизы в соответствии с действующим законодательством фактически являются нормативные правовые акты, не подпадающие под законодательные ограничения. В свою очередь, вошедший в состав ограниченных для экспертного антикоррупционного исследования значительный массив нормативных правовых актов, не исключаяющий в них коррупциогенных факторов, создаёт противоречие в законодательной технике и практике и не может быть приемлем в правовом государстве. Отсюда возникают два предложения – оставить предметом антикоррупционной экспертизы фактические данные (обстоятельства дела) только по фактам правонарушений прежде всего в уголовно-правовой сфере либо снять какие-либо ограничения на все нормативные правовые акты. Что касается подобных актов, содержащих государственную тайну или секреты, то для них определить особый порядок проведения экспертиз. В ином случае, следует создать на уровне государства такие условия, которые исключали или крайне минимизировали возможность проявления коррупционных начал при подготовке проектов нормативных правовых актов.

Примером в данном случае может служить опыт передовых стран Запада, таких, как например, Сингапур, антикоррупционная политика которого, впечатляет своими успехами [10, С.113-137].

Принцип неотвратимости наказания в этой стране заключался в создании комплексного подхода ко всем возможным проявлениям коррупции посредством минимизации или исключения каких-либо условий, создающих как стимул, так и возможность стремления личности к совершению коррупционных проступков.

Для этих целей был предпринят целый комплекс мер, в числе которых можно назвать следующие:

- 1) создание специального Бюро по расследованию случаев коррупции с широкими полномочиями, непосредственно подчинённое главе государства;
- 2) коренным образом была изменена нормативная правовая база посредством введения Акта о предотвращении коррупции;
- 3) действия госслужащих были полностью законодательно регламентированы, и максимально упрощены бюрократические процедуры, в частности были отменены такие распространенные в других странах процедуры разрешения и лицензирования.
- 4) была введена строгая ежегодная отчетность государственных должностных лиц и их родственников об их имуществе, активах и долгах;
- 5) осуществлена инициация лично премьер-министром Ли Куан Ю расследований не только против чиновников, но даже против министров его правительства и его близких родственников, вследствие чего ряд министров, уличённых в коррупции, были приговорены к реальным срокам заключения. Таким образом были уничтожены механизмы клановых структур, уничтожены явления взяточничества, подкупа, традиция поднесения подарков;
- 6) прокуратуре было дано право проверять любые банковские, акционерные и расчетные счета лиц, подозреваемых в нарушении Акта о предотвращении коррупции;
- 7) оплата труда государственных служащих была привязана к средней заработной плате успешно работающих в частном секторе лиц, при этом оплата министров и судей была установлена в размере 100 тыс. дол. США в месяц, что исключало материальный соблазн к совершению коррупционных действий;
- 8) установлена большая строгость в делах о коррупции именно в отношении высокопоставленных чиновников для поддержания морального авторитета неподкупных политических лидеров;
- 9) осуществлено предоставление гражданам права обращения с жалобами на любого госслужащего и требование возмещения ущерба, нанесёнными им коррупционными действиями; были ликвидированы излишние административные барьеры для развития экономики.

Кроме того, надо отметить, что антикоррупционное законодательство в Сингапуре постоянно пересматривается с целью дальнейших устранений причин любых коррупционных проявлений. Одновременно с этим укрепляется судебная система. «Были введены и жесткие экономические санкции за взятки или отказ от участия в антикоррупционных расследованиях. Предприняли и неординарные акции, вплоть до поголовного увольнения сотрудников таможни и других коррумпированных государственных служб» [11, С. 420-425.].

В стране введена обязательная декларация чиновниками, их женами и детьми всех своих доходов. Несоответствие их уровня жизни и доходов ведет к обязательному расследованию. Любые ложные сведения ведут к увольнению госслужащих. Естественно, что жесткость антикоррупционных мер в данной стране в сочетании поощрением антикоррупционных действий самих сотрудников способствовали тому, что Сингапур вошёл в число стран с передовой экономикой, в которой принцип неотвратимости наказания занял достойное место в правовой политике.

Такой подход к антикоррупционной политике в целом, может создать условия ненадобности организации и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, ибо сама система исключает возможность появления в них коррупционных факторов. В противном случае, государство обязано принять законодательные акты, полноценно регламентирующие проведение антикоррупционной экспертизы, всех, принимаемых нормативных и подзаконных правовых актов.

В этом плане до тех пор, пока Республика Казахстан не в состоянии создать надлежащие экономические и социальные условия проведения антикоррупционной политики, необходимо предпринять следующие шаги по недопущению правовых нарушений в рассматриваемой сфере.

1. При разработке антикоррупционной политики уделить особое внимание понятию, содержанию и значению антикоррупционной экспертизы не только нормативных правовых актов, но и в иных случаях коррупционных проявлений в строгом соответствии с требованиями науки судебной экспертологии.

2. Необходимо разработать и принять самостоятельный Закон РК «О научной антикоррупционной экспертизе», в котором рассмотреть её понятие, предмет и задачи, принципы, объекты исследования, классификации экспертиз, правовые аспекты их назначения и производства, права и обязанности эксперта и порядок его сертифицирования, методические указания по исследованию объектов экспертизы, заключение эксперта (тов) и его оценка субъектами назначения экспертизы.

3. В соответствии с данным Законом, должны быть разработаны Правила и Методические рекомендации проведения научной антикоррупционной экспертизы, цель которых уточнение отдельных положений и требований по его правильной реализации.

4. Создания Центра антикоррупционной экспертизы при Министерстве Юстиции РК, в задачи которого входило бы производство экспертиз, научно-методическое и техническое обеспечение экспертной деятельности, подготовка и повышение квалификации экспертных кадров.

Только при таком научном подходе к оценке государством сущности антикоррупционной экспертизы мы вправе рассчитывать, что её результаты дадут требуемый положительный эффект, а проекты разрабатываемых нормативных правовых актов будут наконец-то лишены признаков коррупционности.

Список использованной литературы:

1. О зарубежном опыте противодействия коррупционным проявлениям / Статья в журнале «Наука и жизнь Казахстана». – Астана.. – 2020. – № 11/1 (144). – С. 131- 136.
2. Закон Республики Казахстан «О правовых актах» / ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz>
3. Закон Республики Казахстан от 26 ноября 2019 года № 273-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной службы и противодействия коррупции» / <https://cdb.kz/sistema/pravovaya-baza/o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-nekotorye-zakonodatelnye-akty-respubliki-kazakhstan-po-voprosu/>
4. Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Утверждены постановлением Правительства Республики Казахстан от 16 июля 2020 года № 451 / <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000451>
5. «Методические рекомендации по проведению научной антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов». Утверждены приказом Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от «19» августа 2020 года № 268 / <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021095>.
6. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на Антикоррупционном форуме НДП Нур Отан/http://akorda.kz/ru/page/page_vystuplenie-prezidenta-rk-n-a-nazarbaeva-na-antikorrupsionnom-fo-rume-ndp-nur-otan_1352090063
7. Закон Республики Казахстан от 24 марта 1998 года № 213-I «О нормативных правовых актах» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.11.2015 г.) (утратил силу) / https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1009108#pos=5;-155
8. Закон Республики Казахстан № 239-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам разграничения полномочий между уровнями государственного управления», принятого 29 сентября 2014 года» / https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31609276#pos=1;-16

9. «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности». Постановление Правительства РК от 30.12.2014 № 1401. / http://adilet.zan.kz/rus/docs/P020000598_/links
10. Привалов Ю., Сапелкин Ю. Теневая экономика и коррупция в Украине // Общество и экономика. – 200. – №9 -С.113-137.
11. Готыжева Ф.В. Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах и возможность ее использования в России / Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral» No4 2018. С. 420-425.

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ «КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА 2020 – 2030 ГОДЫ»

Түйін. Ұсынылған мақалада егемен Қазақстан Республикасындағы адамның құқықтары мен бостандықтарын шектеу мәселелері қазіргі Қазақстан Республикасының Президенті Қ.Ж.Қ.-ның стратегиялық көзқарасы арқылы көрсетілген. Тоқаев, ол 2020-2030 жылдарға арналған Қазақстанның сыртқы саясатының тұжырымдамасында атап УДК. көрсеткендей, мемлекеттің, бизнестің және әрбір азаматтың сыртқы периметрі бойынша мүдделерін ілгерілетуге және қорғауға баса назар аудару керек. Сонымен бірге, шектеулер адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын шектеудің конституциялық мақсаттарына пропорционалды болуы керек және мемлекет пен жеке адам арасындағы қатынастардың құқықтық сипатына сөзсіз сәйкес келуі керек. Адамның құқықтары мен бостандықтарын заңнамалық тұрғыдан шектеу мүмкін болатын қорғау мақсатында қоғам мен мемлекеттің осы конституциялық негізгі құндылықтарының тізімі толық болуы керек. Сонымен қатар, бұл жеке тұлғаның жеке (азаматтық) құқықтары мен бостандықтарын шектеу төтенше жағдайда да заңды болатындығы туралы әлемдік конституциялық доктрина мен практикада айтылғандай, жалпыға танылған факт.

Түйінді сөздер: Құқықтар, бостандықтар, заңды мүдделер, адам құқықтарын шектеу, жеке тұлға, төтенше жағдай.

Резюме. В представленной статье вопросы ограничения прав и свобод человека в суверенной Республике Казахстан представлены через стратегическое видение действующего Президента Республики Казахстан К.- Ж.К. Токаева, изложенное им в Концепции внешней политики Казахстана на 2020-2030 годы, как то, что должен быть усилен акцент на продвижение и защиту на внешнем периметре интересов государства, бизнеса, каждого гражданина. При этом ограничения должны быть соразмерны конституционным целям ограничений прав и свобод человека и гражданина и непременно соответствовать правовой природе отношений государства и личности. Перечень же этих конституционных основополагающих ценностей общества и государства, в целях защиты, которых возможно законодательное ограничение прав и свобод личности должен быть исчерпывающим. При этом общепризнанным фактом, как гласит мировая конституционная доктрина и практика, ограничение личных (гражданских) прав и свобод индивида правомерны и в условиях чрезвычайного положения.

Ключевые слова: Права, свободы, законные интересы, ограничение прав человека, индивид, чрезвычайное положение.

Summary. In the presented article, the issues of limiting human rights and freedoms in the sovereign Republic of Kazakhstan are presented through the strategic vision of the current President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh. K. Tokayev, outlined by him in the Concept of Foreign Policy of Kazakhstan for 2020-2030, as the fact that emphasis should be strengthened on promoting and protecting the interests of the state, business, and every citizen on the outer perimeter. At the same time, restrictions must be proportionate to the constitutional goals of restricting human and civil rights and freedoms and must certainly correspond to the legal nature of relations between the state and the individual. The list of these constitutional fundamental values of society and the state, in order to protect, which is possible legislative restriction of the rights and freedoms of the individual must be exhaustive. At the same time, it is a generally recognized fact, as the world constitutional doctrine and practice says, that the restriction of personal (civil) rights and freedoms of an individual is lawful even in a state of emergency.

Key words: Rights, freedoms, legitimate interests, limitation of human rights, individual, state of emergency.

Приоритетом современного международного права является наличие в нем такой важной отрасли, как международная защита прав человека. По справедливому мнению известного российского правоведа в области международного права Г.И. Тункина, «великим переворотом в международном

праве» является уже сам факт распространения международно-правового регулирования на вопросы защиты прав и свобод личности [1, с. 1]. В сравнительно короткий срок международная защита прав человека получила повсеместно всеобщее развитие, в том числе и Республике Казахстан, что по объему и значению стала одной из наиболее развитых отраслей международного права.

Стратегическое видение Президентом К.К. Токаевым внешней политики Казахстана на международной арене, ее преемственность с внешнеполитическим курсом и дипломатией Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н.А. Назарбаева бесспорна, так как реализация принятой Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы будет основываться на нормах Конституционного закона Республики Казахстан от 20 июля 2000 года «О Первом Президенте Республики Казахстан – Елбасы»[2].

Так, лейтмотивом вышеназванной Концепции, учитывая, безусловно, и концепцию «слышащего государства», а также с учетом стратегической задачи по вхождению в число тридцати самых развитых государств мира действующим Президентом Казахстана предлагается усилить акцент на продвижение и защиту на внешнем периметре интересов государства, бизнеса, каждого гражданина. Это и является ключом к построению сильного, гармоничного и социально ответственного государства, органично встроенного в современную систему международных отношений.

Попытки рассмотреть вопросы, которые урегулированы международным правом, касающихся обеспечения отдельных категорий прав человека, включая, к примеру, защиту интересов национальных и религиозных меньшинств, борьбу с работорговлей и рабством на практике встречаются уже на протяжении многих веков. Важность же представляет тот факт, что выводы, которые извлечены человечеством из итогов Второй мировой войны, в которой погибли десятки миллионов граждан многих стран мира, должны были бы способствовать осознанию этими государствами, что проблема обеспечения и защиты прав человека не может решаться каждой страной в отдельности, а предполагает усилия всего мирового сообщества.

Необходимости международной защиты прав человека и всеобщее понимание этого государствами отражено в Уставе ООН, который стал флагманом среди международно-правовых договоров, по которому практически на все государства легла обязанность соблюдать основные права и свободы человека, а также были заложены основы сотрудничества государств в области защиты прав личности.

Как известно, во всяком взаимодействии пользуясь правами, всегда надо учитывать о возможной ответственности личности, а также при этом возникающими ограничениями, которые определяются мерой и границами свободы, и устанавливаются Конституцией и законами страны. Постулат таков, что осуществляя свои права и свободы, человек не вправе нарушать прав и свобод других лиц. И сформулирован он еще на международно-правовом уровне в статье 29 Всеобщей Декларации прав человека, которая гласит, что «каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»[3].

На основе норм Всеобщей декларации прав человека, международными актами по правам человека определяются принципы введения ограничений прав и свобод человека, которые допустимы в демократическом обществе, а также устанавливаются пределы таких ограничений. Отражение этого нашло место в пункте 3 статьи 19 *Международного пакта о гражданских и политических правах* от 16 декабря 1966 года[4], где закреплено о том, что пользование каждым человеком права на свободное выражение своего мнения, выраженное в получении и распространении всякого рода информации и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения и при этом «налагает особые обязанности и особую ответственность непременно сталкивается с ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми: для уважения прав и репутации других лиц; для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Но в тоже время статьями 20 и 21 вышеназванного закона установлено, что пользование каждым человеком правом на мирные собрания и на свободу ассоциации с другими не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом...»[4]. Ограничительные рамки со стороны государства имеют место также в статье 4 *Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах* 1966 г. [5].

Казахстан обозначает в соответствии с вышеуказанными международными стандартами о правах человека также и собственные конституционные пределы ограничения прав и свобод личности.

Так, об этом свидетельствует пункт 5 статьи 12 Конституции Республики Казахстан, где установлено, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц, посягать на конституционный строй и общественную нравственность»[5]. Проанализировав пункт 1 статьи 39 Основного Закона, мы также видим, что в нем тоже закрепляется универсальный принцип, обязательный для всех субъектов правовых отношений в стране. «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, ...»[6].

Как известно, к полномочиям Парламента относится круг вопросов, связанных с определением границ допустимого ограничения прав и свобод личности, то есть отсылки к законам, которые имеют место в Конституции Казахстана. Но на практике видим, что и Парламент, как высший представительный орган не может свободно решать вопросы определения границ допустимого ограничения таких прав и свобод. Соответствие данных границ установленным Конституцией критериям может быть предметом конституционного контроля в случаях обращения в Конституционный Совет соответствующего субъекта обращения. Причем данные ограничения должны соответствовать определенным условиям:

- быть соразмерны конституционным целям ограничений прав и свобод человека и гражданина;
- соответствовать правовой природе отношений государства и личности.

Но, бесспорно, и то, что конституционный перечень этих основополагающих ценностей общества и государства, в целях защиты, которых возможно законодательное ограничение прав и свобод личности является исчерпывающим. Такой подход законодателя, утверждающий критерии общего блага и законодательного ограничения прав и свобод человека и гражданина в интересах, как каждого индивида, так и всего общества, предполагает, прежде всего, воспитание гражданственности и нравственности, заботы и справедливости и утверждения законности в стране.

В этой связи в УК РК включена специальная глава пятая «Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства (статьи 175-186)». Так, в п.1 ст.179 Уголовного кодекса установлено, что пропаганда или публичные призывы к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти в нарушение Конституции Республики Казахстан...» – наказываются.... Акцент при этом можно сделать на специальные главы в УК РК посвященные вопросам, которые направлены на уголовно-правовую охрану общественного порядка, прав и свобод человека и гражданина, здоровья и нравственности населения: в частности, это главы 1 «Уголовные правонарушения против личности», глава 3 «Уголовные правонарушения против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина», глава 10 «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка», глава 16 «Уголовные правонарушения против порядка управления»[7].

Значительное место вопросам охраны общественного порядка, прав и свобод личности, здоровья и нравственности населения уделено и в КоАП РК, этому посвящены главы 10,11,12 данного кодекса [8].

Безусловно, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законами Республики Казахстан в условиях чрезвычайного или военного положения. В этой связи важно отметить, что и в мировой конституционной доктрине и практике общепризнанно, что ограничение личных (гражданских) прав и свобод индивида правомерны в условиях чрезвычайного положения (эпидемий, стихийных бедствий, массовых беспорядков и др.).

Законодательно закреплено пп.5) ст.1 Закона РК о чрезвычайном положении понятие чрезвычайного положения как временной меры, применяемой государственными органами с целью соблюсти безопасность граждан и защиту конституционного строя Республики Казахстан. При этом нормами ст.3 Закона о чрезвычайном положении, предусмотрено устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения.

Несомненно, важным представляется знать об изменениях, внесенных Законом РК от 16.05.2020 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам чрезвычайного положения» в статью 15, которая дополнена п.2, смысл которого сводится к тому, что «для обеспечения экономической безопасности страны в период введения чрезвычайного положения и возникшей в связи с этим кризисной ситуации в социально-экономической сфере...» «могут быть установлены особенности действия налогового, бюджетного, таможенного, банковского, трудового, антимонопольного законодательства, а также законодательства о здоровье народа и системе

здравоохранения, государственных закупках, валютном регулировании, в сферах социальной защиты граждан, государственного имущества, по вопросам защиты конкуренции, государственного контроля и надзора, реализации международных обязательств страны»[10]. Данные поправки в закон способствуют расширению полномочий главы государства в период режима ЧП, а также позволяют чиновникам оперативно принимать решения в период чрезвычайного положения и обеспечивать безопасность казахстанцев.

Бесспорно, главной целью, которая стоит перед Республикой Казахстан исследовать механизм непосредственного действия охранительных норм права и организационно-правовой деятельности органов государственной власти, а также общественных объединений по недопущению нарушений прав человека. В этом огромным подспорьем будет являться систематический анализ материалов правоприменительной практики государственных органов.

Список использованной литературы:

1. Тункин Г.И. Международное право: наследство XX века. [Электронный ресурс]. – «РЕМП». С Петербург, 1994. Международное право. Учебник/Отв. ред. Г.И. Тункин. М.,1994: Режим доступа: URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/pdf/lukashuk_1.pdf. (Дата обращения: 01.11.2020)
2. Указ Президента Республики Казахстан от 06 марта 2020 № 280 [Электронный ресурс]. «О Концепции внешней политики в Республике Казахстан». Режим доступа: URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (Дата обращения: 01.11.2020)
3. Всеобщая декларация прав человека. Декларация, принята резолюцией 217А(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет». Режим доступа: URL:<http://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> (Дата обращения: 01.11.2020)
4. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91. [Электронный ресурс]. «О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. Вступил в силу 24 апреля 2006 года. Бюллетень международных договоров Республики Казахстан, 2006 г., № 4, ст. 30. Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет». Режим доступа: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0500000091> (Дата обращения: 01.11.2020)
5. Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2005 года № 87. [Электронный ресурс]. «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года. Вступил в силу 24 апреля 2006 года. Бюллетень международных договоров Республики Казахстан, 2006 г., №4,ст.30 от 21 ноября 2005 года № 87. Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет». Режим доступа: URL <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0500000087> (Дата обращения: 01.11.2020)
6. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет». Режим доступа: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (Дата обращения: 01.11.2020)
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.10.2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет». Режим доступа: URL:<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (Дата обращения: 01.11.2020)
8. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет». Режим доступа: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (Дата обращения: 21.10.2020)
9. Закон Республики Казахстан от 8 февраля 2003 года № 387. [Электронный ресурс]. О чрезвычайном положении Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет». Режим доступа: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0300000387> (Дата обращения: 21.10.2020)
10. Закон Республики Казахстан от 16 мая 2020 года № 330-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам чрезвычайного положения. Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=33519370 (Дата обращения: 21.10.2020)

ЖЕТІМ БАЛАЛАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕСІНІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Түйін. Мақалада жетім балалардың құқықтарын халықаралық-құқықтық және ішкі мемлекеттік деңгейде қамтамасыз ету мәселелері қарастырылады. Сонымен қатар, осындай балалардың әлеуметтік қорғалуын, кәсіптік даярлығын және қоғамға толыққанды интеграциялануын қамтамасыз ететін мемлекеттік саясатты қалыптастыру мен іске асырудың құқықтық ерекшеліктері айқындалады.

Түйінді сөздер: баланың құқықтары; ЮНИСЕФ; жетім балалар; ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балалар; шетелдік асырап алу.

Резюме. В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав детей-сирот на международно-правовом и внутригосударственном уровне. Кроме того, раскрываются правовые особенности формирования и реализации государственной политики, обеспечивающей социальную защищенность, профессиональную подготовку и полноценную интеграцию в общество таких детей.

Ключевые слова: права ребенка; ЮНИСЕФ; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; иностранное усыновление.

Summary. The article deals with the problems of ensuring the rights of orphans at the international legal and domestic level. In addition, the author reveals the legal features of the formation and implementation of state policies that ensure social protection, professional training and full integration of such children into society.

Key words: children's rights; UNICEF; orphans; children left without parental care; foreign adoption.

Қазіргі әлемде баланың құқықтарын қорғау өте өзекті мәселе болып табылады және бұл кәметке толмағандардың қоғамда да, отбасында да айқын қолайсыздығына (жағдайдың төмендігіне) байланысты. Әлемдік қоғамдастық баланың жеке басының толық және үйлесімді дамуы үшін отбасылық ортада, бақыт, махаббат және түсіністік жағдайында өсуі керек екенін анықтап, мойындағаны кездейсоқ жағдай емес. Отбасының беделін жоғалтқаны, отбасылық негіздердің әлсірегені, дәстүрлі түрде отбасының қорғаныш функциялары баланың жетілмеген тұлғасына елеулі қауіп төндіріп, өз позициясын жоғалтқаны даусыз.

Айта кететін жайт, әлемдегі қазіргі әлеуметтік-экономикалық және саяси жағдай жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балалар санының өсуіне әкеледі. Қазіргі жағдайда кедейлік, ата-аналардың қоғамға қарсы мінез-құлқы, балаларға деген қатыгездік сынды құбылыстар кең таралуда. Соңғы жылдары «әлеуметтік жетімдердің», қолайсыз отбасыларда тәрбиеленетін балалардың саны күрт өсті.

Жетім балалар-халықтың ең аз қамтылған санаттарының бірі.

Әлеуметтік қорғалмаған балалардың мәртебесі кәметке толғанға дейін уақытша беріледі, сол себепті олар қоғамда ерекше орынды иемденеді. Бүгінгі таңда мемлекеттің және жалпы қоғамның міндеті-олардан толыққанды дені сау азаматтарды тәрбиелеу, олардың одан әрі әлеуметтік бейімделуіне ықпал ететін кәсіби және әртүрлі өмірлік дағдыларын қалыптастыру. Жетімдердің әлеуметтік бейімделуі – бұл олардың қоғамдық қатынастар жүйесіндегі әлеуметтік рөлдерді сәтті игеруі. Сонымен қатар, жетім бала әлеуметтік қатынастардың объектісі және субъектісі болып табылады. Жетім объект ретінде оны тұлға ретінде қалыптастыратын әлеуметтік институттар мен топтардың әсеріне бағытталған пассивті тарап ретінде әрекет етеді. Субъект ретінде, керісінше, әлеуметтік қатынастардың белсенді қатысушысы, өзін-өзі қалыптастыратын тұлға ретінде әрекет етеді.

Қазіргі уақытта ғалым М. А. Галагузованың пікірінше, жетімдіктің жиі кездесетін себептері:

– ата-анасының қайтыс болуы немесе ел халқын көші-қонға мәжбүр ететін табиғи немесе әлеуметтік катаклизмдердің салдарынан жоғалған балалар;

– ата-аналар, көбінесе анасы кәметке толмаған баласынан өз еркімен бас тартады, бұл көбінесе нәресте кезінде байқалады, жаңа туған нәрестеден перзентханада бас тартуы;

– қорғаншылық және қамқоршылық органдары баланың мүдделерін қорғау мақсатында ата-аналары ата-ана құқықтарынан айырылған кезде баланы отбасынан мәжбүрлеп алып қояды, бұл ата-аналар қоғамға қарсы өмір салтын жүргізетін дисфункционалды отбасыларда орын алады [1].

Егер заң жүзінде аталған осал топқа анықтама беретін болсақ, онда Қазақстан Республикасында 2011 жылғы 26 желтоқсандағы «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» Кодекстің 1-бабының 17 – тармағына сәйкес жетім бала (жетім балалар) – ата-анасының екеуі де немесе жалғыз анасы (әкесі) қайтыс болған бала (балалар) [2].

Қазақстан 1989 жылғы Бала құқықтары туралы конвенцияны орындау бойынша өзіне міндеттемелер қабылдағанын атап өту қажет, онда ол халықтың ең қорғалмаған топтарының бірі ретінде балаларға жеке тұлғалар және қоғам мүшелері ретінде белгілі бір құқықтар беру көзделген [3]. Осы Конвенцияда баланың ата – анасының, қамқоршыларының және заң бойынша оған жауапты басқа да адамдардың құқықтары мен міндеттерін назарға ала отырып, оның әл-ауқаты үшін қажетті осындай қорғау мен қамқорлықты қамтамасыз ету қажеттілігі белгіленген және осы мақсатта барлық тиісті әкімшілік және заңнамалық шаралар қабылдануы тиіс.

Халықаралық құқық нормаларының талаптарына сәйкес, өзінің отбасылық ортасынан уақытша немесе үнемі айырылған немесе бұдан былай мұндай ортада қала алмайтын бала мемлекет ұсынатын ерекше қорғауға және көмекке құқылы.

Тәуелсіздік алған кезде республикада жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балалардың контингенті 100 мыңға жуық адамды құрады. Қазір жыл сайын балалар үйіндегі тәрбиеленушілер саны 10-12 пайызға азайып келеді. Мәселен, егер 2017 жылы 8 066 тәрбиеленуші болса, 2020 жылы олардың саны балалар үйіндегі 7 000 бала туралы болды.

Сарапшының мәліметінше, 2015 жылдан бастап жетім балаларға арналған ұйымдар желісі 48 бірлікке-188 – ден 140 мекемеге дейін қысқарды. Ұйымдардың ең көп саны Қарағанды облысында-бұл ең үлкен аймақ. Бұл үрдіс бұрыннан келе жатыр. Алайда, бұл аймақта, егер 1917 жылы 1 200-ден астам бала болса, қазіргі уақытта мыңнан сәл жоғары, яғни төмендеу байқалады. Балалар үйлеріндегі балалар саны бойынша екінші орында – Шығыс Қазақстан облысы, үшінші орында-Қостанай облысы [4].

Егер 2012 жылы ұйымдарда жетім балалардың жалпы санының 31,3%-ы болса, 2016 жылы 27,2% – ы болды, бұл олардың санының 4,1% – ға төмендеуіне әкелді. Белгілі бір дәрежеде бұған балаларды қамқорлықтың балама нысандарына орналастыру, интернат үлгісіндегі балалар үйлерінің белгілі бір санын тарату, мекемелерді отбасы үлгісіндегі форматқа қайта құру жағдайларының көбеюі ықпал етті [5].

ЮНИСЕФ Біріккен Ұлттар Ұйымының балаларға көмек көрсету жөніндегі қамқорлығымен жұмыс істейтін халықаралық ұйым ретінде жетім баланы кез келген себебі бойынша бір немесе екі ата-анасының өлімі салдарынан айырылған 18 жасқа дейінгі бала ретінде анықтайды. Осы анықтамаға сәйкес, 2015 жылы әлемде 140 миллионға жуық жетім балалар болды, оның ішінде Азияда 61 миллион, Африкада 52 миллион, Латын Америкасы мен Кариб теңізінде 10 миллион, Шығыс Еуропа мен Орталық Азияда 7,3 миллион. Бұл алуан көрсеткіш тек ата-анасынан айырылған балаларды ғана емес, сонымен бірге әкесінен айырылған, бірақ тірі қалған анасы бар немесе анасынан айырылған, бірақ тірі қалған әкесі бар балаларды да білдіреді.

Жетім балалар санатына жатқызылған 140 миллионға жуық баланың 15,1 миллионы екі ата-анасынан айырылды. Дәлелдер жетімдердің басым көпшілігі тірі қалған ата-аналарымен немесе отбасының басқа мүшелерімен бірге тұратындығын айқын көрсетеді. Оның ішінде барлық жетім балалардың 95 пайызы бес жаста.

Жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларды әлеуметтік қорғау заңнамамен халықаралық және өңірлік деңгейлерде реттеледі. Осы саладағы халықаралық заңнама Халықаралық ұйымдардың, атап айтқанда БҰҰ, ЮНИСЕФ, ДДҰ құжаттарын қамтиды, сонымен қатар, аталған заңнама тобына мемлекеттер арасындағы келісімдер, ана мен баланы қорғаудың әртүрлі бағдарламалары кіреді. Балалар ерекше қорғауды қажет ететін объект болып табылады, бұл мәлімдеме балаларды қорғау мәселелерімен айналысатын 1948 жылы БҰҰ қабылдаған адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясында, экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактіде, азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіде, БҰҰ-ның мамандандырылған мекемелері мен халықаралық ұйымдардың құжаттарында көрініс табады. 1989 жылы қабылданған БҰҰ-ның “Бала құқықтары туралы” Конвенциясы жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балалардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауды реттеуде

маңызды рөл атқарады. Атап айтқанда, Конвенцияның 3-бабында балаларға қатысты орындалатын барлық іс-әрекеттерде, оларды мемлекеттік немесе жеке мекемелер, әлеуметтік қамсыздандыру, соттар, әкімшілік немесе заң шығарушы органдар қабылдағанына қарамастан, ең алдымен баланың мүдделерін барынша қамтамасыз етуге назар аударылады. Жоғарыда көрсетілген заңнама негізінде жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларға қатысты жалпы мемлекеттік саясаттың негізгі құндылықтары, қағидаттары мен нормалары тұжырымдалды. Тағы да, жоғарыда аталған құжаттар негізінде мемлекет пен қоғамның жауапкершілік саласын реттейтін нормалар жасалды, өмірдің прогрессивті жағдайларына негізделген осы санаттағы балалардың негізгі құқықтары белгіленді.

Өңірлік деңгейде жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларды әлеуметтік қорғау қолданыстағы өмір сүру жағдайларын ескере отырып, нақты өңір үшін әлеуметтік қорғаудың мақсаттарын, қағидаттары мен басымдықтарын терең регламенттейтін заңнамаға негізделетін және қайшы келмейтін өңірлік заңнамамен реттеледі. Мысалы, Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы шеңберінде азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек туралы көпжақты және екіжақты шарттар жасалды. Атап айтқанда, Достастыққа мүше мемлекеттерде бала асырап алудың негізгі ережелерін реттейтін негізгі акт 1993 жылы 22 қаңтарда Минскіде жасалған «Азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек және құқықтық қатынастар туралы» Конвенция болып табылады.

Проблемаға қайта орала отырып, қазіргі уақытта Қазақстан Республикасында жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларды әлеуметтік қорғау мәселелерін реттейтін, осы қорғауды қамтамасыз ететін өкілеттіктер мен міндеттерді реттейтін нормаларды формальды бекіту мәселесі өткір тұрғанын атап өткен жөн. Сонымен қатар, осы нормаларды іс жүзінде іске асыруға, жетім балалар үшін мемлекеттің құқықтарды, кепілдіктер мен жеңілдіктерді неғұрлым тиімді жүзеге асыруын қамтамасыз ететін құқықтық элементтердің жұмыс істеуіне ерекше назар аудару қажет.

Жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балалардың күтімі мен тәрбиесін жақсарту бойынша қабылданып жатқан шараларға қарамастан, мұндай балалардың саны үнемі артып келеді. Мемлекет балаларды орналастырудың жаңа нысандарын реттейтін жаңа заңнамалық актілерді әзірлеуде және қабылдауда азаматтардың бастамаларынан артта қалып отыр. Жетім балалардың едәуір бөлігі отбасынан алыс жағдайда тәрбиеленеді және бұл оқу орнын бітіргеннен кейін жастардың тәуелсіз өмірге бейімделу проблемаларының себептерінің бірі. Сонымен қатар, жетімдердің көпшілігі жұмысқа орналасу, баспана алу, отбасын құру проблемаларына тап болады.

Әрбір мемлекетте осы саладағы басты міндет жетім балалардың толыққанды физикалық, зияткерлік, рухани, адамгершілік және әлеуметтік дамуы үшін жағдай жасау, оларды қазіргі қоғамдағы тәуелсіз өмірге дайындау болып табылады. Бұл үшін осындай балаларға қатысты мемлекеттік саясатты қалыптастыруға және іске асыруға бағытталған және олардың әлеуметтік қорғалуын, кәсіби даярлығын, жұмысқа орналасуын және қоғамда толыққанды интеграциялануын қамтамасыз ететін іс-шараларды кешенді жүзеге асыру көзделеді.

Бүгінгі таңда мемлекеттердің үкіметтері қиын жағдайға тап болған жетім балаларды қорғау мақсатында келесідей шараларды қолдана алады:

1. Балаларды қорғау және шетелдік асырап алуға қатысты ынтымақтастық туралы 1994 жылғы Гаага Конвенциясына қосылуы. Конвенцияға қосылған елдер жетім қалған және патронаттық отбасыларға беру процесінде тұрған балалар үшін этикалық, ашық және қауіпсіз жағдайларды сақтай отырып, бала асырап алу процесіне қатаң стандарттарды қолданады. 1993 жылы Конвенция қабылданған сәттен бастап оған халықаралық қоғамдастықтың 80-ге жуық елі қосылды, бұл бүкіл әлемдегі осал балаларды қорғауды күшейту ісіндегі маңызды қадам болды. Қазақстан Республикасы осы Конвенцияны 2010 жылғы 1 қарашада ратификациялағанын атап өткен жөн, бұл жетім балаларды қорғау жолындағы үлкен қадам болып табылады.

2. Балалар үйлері мен асырап алушы отбасылар үшін неғұрлым жоғары стандарттарды белгілеу. Жетім балалар мен патронат отбасылар күтілетін балалар үшін пана болуға шақырылса да, үкіметтер осы мекемелердің есеп беруін және күтімнің жоғары деңгейін қамтамасыз етуде белсенді рөл атқаруы керек. Өкінішке орай, кейбір жағдайларда балалар үйлерінде немесе жетім балаларды асырап алған отбасыларда зорлық-зомбылықты немесе осы санаттағы балалар үшін тиісті стандарттарға сәйкес келмейтін жағдайларды байқауға болады. Сондықтан әр мемлекеттің жергілікті органдары күтілетін балаларды қорғау және қолдау үшін салынған жетім балалар мекемелері үшін белгілі бір стандарттарды белгілеуге міндетті.

3. Мемлекеттердің бала күтімі жөніндегі халықаралық ұйымдармен ынтымақтастығы. Жетімдердің жағдайы үлкен болғанымен, шыққан еліне немесе экономикалық жағдайына қарамастан балаларды қорғаумен айналысатын ірі ұйымдар бар. Көмек көрсететін негізгі халықаралық ұйымдар әр баланың құқықтарын қорғаумен және жетім балаларды қоса алғанда, ең осал жағдайдағы адамдарға күтім жасаумен тікелей айналысады. Үкіметтер әлдеқайда кең болғандықтан, халықаралық көмек ұйымымен серіктестік арқылы олар өз еліндегі балалар дағдарысын түсінуде айтарлықтай жетістіктерге жете алады.

4. Жетім балалар туралы халықты ақпараттандыру. Бүкіл елді қамтитын платформаның көмегімен үкіметтер жетімдердің жағдайы туралы негізгі ақпарат көзі бола алады. Әрбір ел осал балаларды күтуге қатысты ерекше проблемаларға тап болады, ал үкіметтің рөлі-бұл проблемаларды түсіну және өз азаматтарына қиын жағдайдағы балаларға қалай қамқорлық жасау керектігін үйрету. Балалар дағдарысы тек бір топпен немесе ұйыммен шектелмейді. Жетімдерге қамқорлық жасау-бұл әр адамның өз мүмкіндіктеріне сәйкес бөліп, қолдана алатын мүмкіндігі. Үкімет жетім балаларға білім беру бағыты бойынша Мегафон бола алады.

Осылайша, мұқтаж балаларға күтім жасау үшін бір-бірімен ынтымақтасатын жеке тұлғалардың, ұйымдардың және мемлекеттік құрылымдардың көмегімен біз жаһандық жетім дағдарысын тоқтату үшін маңызды қадамдар жасай аламыз.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. Галагузова, М.А. Социальная педагогика: Курс лекций / М.А. Галагузова. – М.: ГИЦ Владос, 2006. С. 95.
2. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 года № 518-IV «О браке (супружестве) и семье»// https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31102748
3. Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 года// www.un.org/decl_conv/conventions/childcon
4. В Казахстане вдвое сократилось количество проживающих в детдомах// <https://www.zakon.kz/4904499-v-kazahstane-vdvoe-sokratilos.html>
5. Доклад о положении детей в Республике Казахстан. Астана, 2016г.// <https://www.unicef.org/kazakhstan/media/4616/file>

Досымбекова М. С.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
КазНУ им. аль-Фараби,
e-mail: m.sultanovna.777@mail.ru

Токтыбеков Т. А.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
Юриспруденции и международного права Гуманитарно-юридического
факультета, университета Туран,
e-mail: t.toktybekov@turan-edu.kz

МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Түйін. Мақала авторлары әлеуметтік-экономикалық даму, нарықтық экономиканың даму үрдісін, инвестицияны тарту үрдісін тежейтін және демократиялық мемлекеттің саяси және қоғамдық институттарына жағымсыз әсер ететін, мемлекеттің болашағына едәуір қауіпті білдіретін негізгі ғылыми және ұйымдастырушылық мәселелерді қарастырды. Сыбайлас жемқорлықпен күрес бойынша кейбір конвенцияларға мақалада сараптама жүргізілген. Осы саладағы сарапшылар мен ғалымдардың пікірлеріне негізделген сәйкес қорытындылар жасалған. Теориялық және тәжірибелік материалдар сараптамасының негізінде автормен олардың жетілдіруімен ұсыныстар берілген.

Түйінді сөздер: сыбайлас жемқорлық, сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегия, БҰҰ Конвенциясы, мүше-мемлекеттер.

Резюме. В статье авторы рассматривают основные научные и организационные проблемы, связанные с коррупцией, которая тормозит процесс социально-экономического развития, развитию рыночной экономики, привлечения инвестиций и негативно воздействует на политические и общественные институты демократического государства, представляет собой серьезную угрозу будущему страны. В статье анализируются некоторые конвенции по борьбе с коррупцией. Были сделаны соответствующие заключения, основанные на мнениях ученых и экспертов в этой области. Автором на основе анализа большого теоретического и практического материала даются рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная стратегия, Конвенция ООН, государства-участники.

Summary. Authors consider the main scientific and organizational problems related to corruption that prevent process of social-economy development, development of market economy, attracting investment and affect negative to political and public institute of democratic country, represents serious danger to the future of country. Some of the conventions against corruption are analyzed in the article. Appropriate conclusions were made based on the opinions of scholars and experts in this field. Recommendations for their improvement are given by the author, based on analysis of a large theoretical and practical material.

Key words: anti-corruption, anti-corruption strategy, the UN Convention, States Parties.

Конвенция ООН против коррупции была принята на конференции ООН 11 декабря 2003 года в городе Мериде (Мексика) [1].

Принятию данного важного международно-правового акта предшествовали ряд региональных межгосударственных многосторонних правовых актов по предупреждению коррупции и борьбе с ней. В частности,

– Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией, принятая Организацией американских государств 29 марта 1996 года,

– Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц европейских сообществ или должностных лиц государств – членов Европейского союза, принятая Советом Европейского союза 26 мая 1997 года,

– Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятая Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 года,

- Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 года,
- Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 4 ноября 1999 года,
- Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней, принятая главами государств и правительств Африканского союза 12 июля 2003 года,
- Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 29 сентября 2003 года.

В преамбуле Конвенции ООН против коррупции, принятой на конференции ООН 11 декабря 2003 года в Мексике отмечается,

– что государства – участники настоящей Конвенции обеспокоены серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку,

– что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней,

– что незаконное приобретение личного состояния может нанести серьезный ущерб демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку,

– что предупреждение и искоренение коррупции – это обязанность всех государств и что для обеспечения эффективности своих усилий в данной области они должны сотрудничать друг с другом при поддержке и участии отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин.

В качестве целей Конвенции ООН в ст.1 отмечалось следующее:

- а) содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней;
- б) поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятие мер по возвращению активов;
- с) поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом.

Каждое Государство-участник должно стремиться устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции, а в надлежащих случаях и в соответствии с основополагающими принципами своих правовых систем, государства-участники обязаны взаимодействовать друг с другом и с соответствующими международными и региональными организациями в борьбе с коррупцией.

Государства-участники обязаны рассматривать возможности оказания друг другу содействия в расследовании и производстве по гражданско-правовым и административным вопросам, связанным с коррупцией.

Для достижения целей, установленных в настоящей Конвенции в качестве высшего органа управления Конвенцией ООН учреждена Конференция государств – участников Конвенции, которую созывает Генеральный секретарь ООН не позднее чем через один год после вступления в силу Конвенции.

В последствии в соответствии с правилами и процедуры, принятыми Конференцией Государств-участников, проводятся очередные совещания Конференции.

Каждое государство-участник представляет Конференции Государств-участников информацию о своих программах, планах и практике, а также о законодательных и административных мерах, направленных на осуществление настоящей Конвенции, как это требуется Конференции Государств-участников. Конференция Государств-участников изучает вопрос о наиболее эффективных путях получения такой информации и принятия на ее основе соответствующих решений, включая, среди прочего, информацию, полученную от Государств-участников и от компетентных международных организаций.

Согласно пунктам 4-6 настоящей статьи Конференция Государств-участников, если она сочтет это необходимым, учреждает любой соответствующий механизм или орган для содействия эффективному осуществлению Конвенции.

В качестве рабочего органа между Конференциями учреждается Секретариат. Генеральный секретарь ООН обеспечивает необходимое секретариатское обслуживание Конференции Государств – участников Конвенции.

Конвенция открыта для подписания всеми государствами.

Конвенция также открыта для подписания региональными организациями экономической интеграции при условии, что, по меньшей мере, одно из государств – членов такой организации подписало настоящую Конвенцию в соответствии с пунктом настоящей статьи.

Конвенция подлежит ратификации, принятию или утверждению. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю ООН.

Региональная организация экономической интеграции может сдать на хранение свою ратификационную грамоту или документ о принятии или утверждении, если, по меньшей мере, одно из ее государств-членов поступило таким же образом.

В этой ратификационной грамоте или в документе о принятии, или утверждении такая организация заявляет о сфере своей компетенции в отношении вопросов, регулируемых настоящей Конвенцией.

Такая организация также сообщает депозитарию о любом соответствующем изменении сферы своей компетенции.

При присоединении региональная организация экономической интеграции заявляет о сфере своей компетенции в отношении вопросов, регулируемых настоящей Конвенцией.

Что касается Республики Казахстан, то она Законом РК от 4 мая 2008г. ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции от 31 октября 2003 года [2].

В настоящее время Республика Казахстан продолжает работу по присоединению к следующим международным конвенциям:

- «Об уголовной ответственности за коррупцию» (Страсбург, 27 января 1999 года),
- «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию», принятая Комитетом министров Совета Европы 4 ноября 1999 года.

18 ноября 2015 года был принят Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции»[3].

В Послании Президента Республики Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» отмечается, что государство и общество должны единым фронтом выступить против коррупции. Мы должны резко усилить борьбу с коррупцией, в том числе посредством совершенствования антикоррупционного законодательства, с тем чтобы достичь нашей конечной цели- искоренить коррупцию как явление»[4].

Указом Президента Республика Казахстан от 26 декабря 2014 года №986 утверждена Антикоррупционная стратегия РК на 2015-2025 годы[5].

В качестве задачи данной Антикоррупционной стратегии отмечается противодействие коррупции в сфере государственной службы; внедрение института общественного контроля; противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторе; предупреждение коррупции в судах и правоохранительных органах; формирование уровня антикоррупционной культуры.

Антикоррупционная стратегия на 2015-2025 годы направлена на реализацию международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией. Проводится работа по налаживанию и укреплению сотрудничества и взаимодействия с правоохранительными органами и спецслужбами иностранных государств, международными неправительственными организациями по вопросам борьбы с коррупцией. Также меры ответственности за коррупционные правонарушения, в плане развертывания потенциальных возможностей резервов эффективности правового воздействия, нуждаются в пересмотре и уточнении действующего законодательства, регламентирующего ответственность за коррупционные правонарушения.

Следует отметить, что Антикоррупционная стратегия РК на 2015-2025 годы (далее – Стратегия) направлена на реализацию:

- Послания Президента Республики Казахстан от 17 января 2014г. «Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее;
- Закона Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года «О противодействии коррупции»;

1 сентября 2020 года Глава государства К. Токаев в своем Послании народу «Казахстан в новой реальности: время действовать» отметил, что в стране начинается реализация принципа «Слышащее государство» – это, по сути, концепция строительства «Справедливого государства». Борьба с коррупцией становится более системной. Больше внимания стало уделяться причинам появления коррупции,

проводится превентивная работа. Теперь следует провести антикоррупционный анализ нормативных актов и рабочих процессов в госорганах и квазигоссекторе для выявления коррупциогенных факторов. В то же время борьба против коррупции не должна стать причиной утраты чиновниками самостоятельности, инициативности, оперативности из-за боязни привлечения к ответственности»[6].

Анализ тенденций международного сотрудничества Казахстана в сфере противодействия коррупции требует:

- заключения международных договоров о противодействии коррупции;
- широкого использования Интернета для информирования международной общественности о деятельности государственных органов Республики Казахстан по противодействию коррупции;
- организации специализированного совместного изучения международного опыта противодействия коррупции сотрудниками правоохранительных органов, прокурорами, судьями и иными должностными лицами;
- налаживания международного информационного обмена о субъектах предпринимательства и предпринимателях, замешанных в коррупционных преступлениях;
- заключение соглашений о взаимной правовой помощи по уголовным делам, выдаче лиц и возвращению активов, а также об оказании содействия в обучении
- сотрудников правоохранительных органов методам антикоррупционной деятельности, а также проведения работ, направленной на присоединение к антикоррупционным международным конвенциям и их ратификации.

Таким образом, международно-правовые основы противодействия коррупции поэтапно имплементируются в Республике Казахстан.

Однако, анализ развития международно-правовых основ противодействия коррупции позволяет сделать выводы о том, что в процессе глобализации экономических отношений, коррупция из локальной национальной проблемы превращается в транснациональное явление, наносящее серьезный ущерб всем участникам внешнеэкономических отношений, требующее координации усилий всех стран на борьбу с ней под эгидой ООН и других международных организаций, развития тесного международного сотрудничества всех государств в борьбе с ней.

Список использованной литературы:

1. Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003г.)- http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_corruption.shtml (16.11.2020)
2. Закон РК от 4 мая 2008 г. № 31 О ратификации Конвенции ООН против коррупции– http://kfm.gov.kz/ru/assets/files/docs/Against_Corruption.pdf (17. 11. 2020)
3. Закон РК «О противодействии коррупции» от 18.11.2015г. №410-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.10.2020г.)- https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33478302 (18. 11. 2020)
4. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.Назарбаева народу Казахстана 14 декабря 2012 г.- http://www.akorda.kz/ru/page/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstan_1339760819
5. Указ Президента РК от 26 декабря 2014г. №986 Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы – <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986> (17. 11. 2020)
6. Токаев К.К. «Казахстан в новой реальности: время действовать».- Послание народу Казахстана от 01 сентября 2020года-https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (18.11.20)

Ергобек Ш. К.,
кандидат юридических наук, ассоциированный профессор
кафедры международного права ФМО
КазНУ им. аль-Фараби

Алтаева К. Ж.,
доктор PhD, ассоциированный профессор
кафедры международного права ФМО
КазНУ им. аль-Фараби

ТРЕТЬЯ ВОЛНА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ – ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНЗИТА

Түйін. Мақала демократияландырудың үшінші толқынының құндылықтар мен қоғамдағы бағдарға, билік транзитіне ықпалын зерттеу және талдау мәселелеріне арналған. Шындығында, демократияландыру Шығыс блок пен КСРО-ның құлдырауы аясында жеңуі тиіс секілді болатын. Алайда, бұл олай емес екені белгілі болды және мұны елдердің кейінгі тәжірибесі көрсетті.

Түйінді сөздер: билік транзиті, демократияландыру, авторитаризм, либерализм.

Резюме. Статья посвящена вопросам изучения и анализа влияния третьей волны демократизации на транзит власти, ценностей и ориентации в обществе. На поверку, кажется, что демократизация должна была победить на фоне крушения восточного блока и СССР. Однако, оказалось, что это не так и последующий опыт стран это показал.

Ключевые слова: транзит власти, демократизация, авторитаризм, либерализм.

Summary. The article is devoted to the study and analysis of the third wave of democratization on the transit of power, values and orientation in society. In fact, it seems that democratization should have won against the background of the collapse of the Eastern bloc and the USSR. However, it turned out that this is not the case and the subsequent experience of the countries showed it.

Key words: transit of power, democratization, authoritarianism, liberalism.

Третья волна демократизации начавшись в 70-х годах прошлого столетия охватила широкую географию, начиная с Африканского континента заканчивая Латинской Америкой и всем постсоветским пространством. Начавшись стихийно на фоне растущего романтизма и желания реформ, однако в разных частях света этот процесс привел к совершенно различным результатам.

В своей книге 1991 года Сэмюэл Хантингтон [1] ввел одну из наиболее широко признанных метафор в современной социальной науке, когда утверждал, что мы переживаем «Третью волну» демократизации. Эта волна началась в середине 1970-х годов и набрала обороты во время свертывания холодной войны и распада Советского Союза в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Прямым следствием распада СССР стало распространение демократии в некоторых отколовшихся республиках бывшего Советского Союза и Восточной Европы. Кроме того, снижение поляризации холодной войны косвенно привело к переходу к военным и однопартийным диктатурам, которые ранее пользовались поддержкой соперничества между великими державами. Выборы, проведенные вслед за этими выводами, породили значительный оптимизм—даже триумф [2]—в отношении того, что демократия находится на марше и что отсталость и другие структурные факторы не будут препятствовать ее распространению.

Однако размышления о демократизации претерпели существенные изменения с тех пор [3]. К началу 2000-х годов возникли серьезные сомнения, особенно ярко выраженные в важной статье Карозерса «Конец переходной парадигмы» [4]. Карозерс подверг критике предположение о том, что структурные ограничения демократизации могут быть устранены. Он также суммировал растущие сомнения в том, что движение от авторитарного правления обязательно приведет к демократии. В конце третьей волны многие переходы, возможно, даже большинство [5], привели к тому, что Левитский назвал конкурентными авторитарными режимами [6], а другие—нелиберальными демократиями [7] или полуавторитарными [8], электоральными авторитарными и гибридными режимами. Эти правительства проводили выборы и терпели ограниченную оппозицию, но только в узко ограниченных политических пространствах, определенных действующими лицами. Не менее тревожно и то, что многие страны, которым удалось осуществить переход к демократии, оказались не в состоянии ее поддерживать. Чистый

рост числа демократий во время Третьей волны скрывал значительный всплеск, с устойчивым, хотя и небольшим потоком возвратов к авторитарному правлению [9].

Таким образом, с начала нового тысячелетия эмпирический ландшафт изменился таким образом, что эта область исследований расширилась. Мы по-прежнему заинтересованы в объяснении перехода к демократии, то есть в выявлении причинных факторов, которые приводят к краху авторитарного правления и началу политических перемен. Еще больше внимания сейчас уделяется тому, действительно ли новые режимы пересекают демократический порог и оказываются прочными. Хотя в целом это выходит за рамки настоящего обзора, растущее число «конкурентных авторитарных» режимов породило соответствующую литературу об их причинах и перспективах, с растущим признанием того, что они могут представлять собой устойчивый равновесный результат [10].

Как этот изменившийся эмпирический ландшафт повлиял на теоретизирование о демократизации? Возможно, наиболее важной тенденцией является сильное возрождение структурных теорий, подчеркивающих такие факторы, как уровень развития, обеспеченность ресурсами, неравенство и этническая или религиозная неоднородность. Однако давней слабостью этих теорий является их невнимание к механизмам, связывающим структурные факторы со сменой режима и демократической стабильностью [11]. Мы утверждаем, что этот разрыв требует большего внимания к различным политическим факторам, которым уделялось мало внимания как в предыдущих поколениях работ по демократизации, так и в новых структурных подходах. К ним относятся влияние авторитарных институтов, характер и степень институционализации в новых демократиях, а также все еще недостаточно изученная роль гражданского общества и способность к коллективным действиям в процессе демократизации [12].

Другим ответом на изменение теоретического ландшафта стало гораздо большее внимание к множеству международных факторов, которые могут повлиять на демократизацию и демократию, от структурных особенностей международной системы до явных рычагов воздействия и диффузионных процессов. Политические проблемы включают в себя эффективность усилий по продвижению демократии и возникновение антидемократического контрдвижения со стороны крупных авторитарных правительств, в том числе в Китае, России, Иране, Венесуэле и Саудовской Аравии [13].

Эта статья организована в основном вокруг этих кластеров причинных факторов: новый структурализм, политические и переговорные модели перехода и консолидации, а также растущая литература о международном влиянии на демократизацию и демократию. Центральная тема состоит в том, что поиски всеобъемлющей теории демократии и демократизации – стержневого корня – вероятно, ошибочны. Даже обобщения, подкрепленные межнациональными эмпирическими исследованиями, такими как последствия развития, должны учитывать многочисленные аномалии. Эти результаты свидетельствуют о том, что следует уделять больше внимания альтернативным методологическим подходам, которые подчеркивают сочетание причинных факторов, альтернативных путей и эквививальности.

Мы начнем с обсуждения того, что мы подразумеваем под переходами, стабильностью и реверсиями. Эти вопросы являются как теоретическими, так и эмпирическими, поскольку эта область породила растущий объем межнациональных эмпирических работ, которые в конечном счете зависят от того, как кодируется демократия [14].

Ранние работы по третьей волне начинались с предположения, что главной загадкой, которую нужно объяснить, был крах авторитарного правления, определяемый как уход чиновников. Конечно, были дебаты о том, были ли такие выходы согласованы или нет, и власть, которую уходящие элиты могли бы осуществлять над новым демократическим порядком. Переходный период, тем не менее, в основном задумывался как явные или молчаливые переговоры об авторитарном выходе, обычно завершавшиеся проведением переходных или учредительных выборов руководителей и законодательных органов [15].

Понятие демократии, используемое в этой литературе, также было в значительной степени процедурным, с выборами в качестве его определяющей черты. Но выборы – это только одно измерение демократического правления, и даже избирательная составляющая требует нюансов. Электоральные демократии требуют относительно ровного игрового поля, и занимающие посты должны сдать свои посты, если они проиграют. Но более широкие определения либеральной демократии также учитывают важность горизонтальных проверок исполнительной власти, гарантии гражданских и политических свобод и даже обязательства граждан перед демократией как внутренней ценностью [16].

Важнейшей характеристикой третьей волны является то, что большое число переходов привело к режимам, которые не соответствовали этому более широкому определению. Некоторые авторитар-

ные чиновники инициировали переходные процессы с целью поддержания авторитарного правления путем частичной либерализации. Некоторые новые должностные лица использовали преимущества должности для маргинализации оппозиции. Независимо от того, как они возникли, такие режимы следует рассматривать на их собственных условиях, а не как несовершенные демократии на более долгосрочном пути перехода к демократии. Обсуждение этого процесса, который уже рассматривался, выходит за рамки данной статьи. Но этот феномен важен, потому что он демонстрирует, как ключевые черты самого нашего определения демократии, такие как выборы и законодательные органы, могут стать инструментами авторитарного господства [17].

Более глубокое понимание динамики конкурентного авторитарного правления породило переосмысление объекта исследования. Должны ли мы сосредоточиться на переходных процессах, если переходные режимы впоследствии вернутся? Или фокус должен вернуться к неувловимому предмету консолидации? Консолидацию можно рассматривать как в качественном, так и в количественном отношении. Качественный подход фокусируется на существенных различиях между электоральными демократиями и либеральными, придавая больший вес измерению гражданских свобод и отношения граждан к демократии и приверженности ей. Количественный подход, напротив, будет сосредоточен в первую очередь на вопросе о чистом выживании или постоянстве, независимо от порога, принятого для определения режима как демократического. По сути, склонность к возврату стала испытательным полигоном для теорий консолидации. Вопрос был в том, что делает демократическое правление стабильным?

Эти дебаты подняли важные методологические вопросы. В своем особенно важном вкладе ряд ученых используют статистические методы для проведения различия между консолидированными демократиями, в которых вероятность реверсии фактически равна нулю, и переходными демократиями, в которых существует некоторая положительная вероятность того, что они вернутся. Как только это различие будет проведено, можно будет решить, отличаются ли факторы, способствующие консолидации (т. е. нулевая вероятность разворота), от тех, которые приводят к реверсии. Мы рассмотрим эти причинные процессы более подробно ниже, но короткий ответ заключается в том, что они действительно различаются: на консолидацию положительно влияет экономическое развитие и отрицательно – президентство и предшествующие военные перевороты; развороты неконсолидированных демократий обусловлены экономическими показателями. Помимо конкретных существенных последствий, последствия этого понимания весьма обширны [18].

Эти проблемы были не просто концептуальными, но и распространялись на методологический вопрос о том, как кодируются случаи.

Угасание оптимизма по поводу «крафта» стабильных демократий совпало с возвращением структурных теорий, подчеркивающих условия, находящиеся вне непосредственного контроля как внутренних, так и внешних политических акторов. Но какие исходные условия наиболее решительно расширяют или сужают возможности демократического развития? Консенсуса по этому вопросу гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Демократизация – относительно редкое явление. В результате даже средние результаты, которые получают существенную эмпирическую поддержку в межнациональных количественных исследованиях, уязвимы для существования удивительного числа аномалий. Это говорит о необходимости дополнительного качественного анализа, более пристального внимания к необходимым и достаточным условиям и альтернативным причинным путям. Возобновляется также интерес к условным эффектам, то есть к тому, как тот или иной структурный фактор (например, этническая фрагментация) может быть опосредован другими параметрами (например, структурой избирательной системы) [19].

Политэкономические модели демократизации – рассматривают влияние уровня развития, неравенства и классовых конфликтов, а также обеспеченности ресурсами и демократией. Во всех этих работах непреходящий вопрос заключается в том, как структурные факторы в конечном счете связаны с политикой [20].

Одним из наиболее заметных событий в последних дебатах о демократизации является возрождение теории модернизации. Теперь у нас есть гораздо более точная информация о сильной (поперечной) корреляции между демократией и уровнем развития, хотя все еще с относительно небольшим вниманием к механизмам, через которые она может действовать. Возобновление этих дебатов первоначально вращалось вокруг вопроса о том, оказывает ли уровень развития какое-либо влияние на переход к демократическому правлению. Одни утверждали, что это не так, отчасти из-за их внимания к послевоен-

ному периоду, в течение которого переходные процессы распространились по всему развивающемуся миру. Другие утверждали, что долгосрочная перспектива, включающая ранние европейские переходы, фактически подтвердила связь между уровнем развития и авторитарным уходом [21].

Был достигнут гораздо более сильный консенсус в отношении того, что развитие связано с укреплением демократического правления. Эти процессы поставили вопрос о том, какие институциональные особенности новых демократических порядков могут сделать их уязвимыми. Первое поколение литературы по демократизации уделяло значительное внимание формальным институтам и, в частности, тому, как президентская и парламентская Конституции влияют на стимулы к сотрудничеству или отклонению от демократических правил игры [22].

В результате моно прийти к выводу о сложности и многогранности процесса демократизации и о специфических чертах, которые в комплексе способны сформировать гибридные, устойчивые режимы.

Список использованной литературы:

1. Huntington, Samuel P. "How Countries Democratize." *Political Science Quarterly* 124, no. 1 (2009): 31-69. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/25655609>.
2. Fukuyama F. 1992 *The End of History and the Last Man*. New York: Penguin.
3. Geddes, Barbara, Joseph Wright, and Erica Frantz. "Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set." *Perspectives on Politics* 12, no. 2 (2014): 313-31. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/43279909>.
4. Carothers, Thomas. "The End of the Transition Paradigm (2002)." In *Critical Mission: Essays on Democracy Promotion*, 167-84. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2004. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt6wpk4p.21>.
5. MORSE, YONATAN L. "THE ERA OF ELECTORAL AUTHORITARIANISM." *World Politics* 64, no. 1 (2012): 161-98. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/41428375>. MORSE, YONATAN L. "THE ERA OF ELECTORAL AUTHORITARIANISM." *World Politics* 64, no. 1 (2012): 161-98. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/41428375>.
6. Hill, J. N. C. "Levitsky and Way and Competitive Authoritarianism: Leverage, Linkage and Organisational Power." In *Democratisation in the Maghreb*, 9-46. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1bgzdjg.6>.
7. Diamond, Larry. "Promoting Democracy: Foreign Policy Imperative?" *Great Decisions*, 2012, 19-32. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/43682570>.
8. Zakaria, Fareed. "The Rise of Illiberal Democracy." *Foreign Affairs* 76, no. 6 (1997): 22-43. Accessed December 13, 2020. doi:10.2307/20048274.
9. HAGGARD, STEPHAN, and ROBERT R. KAUFMAN. "Inequality and Regime Change: Democratic Transitions and the Stability of Democratic Rule." *The American Political Science Review* 106, no. 3 (2012): 495-516. Accessed December 13, 2020. doi:10.2307/23275430.
10. Hill, J. N. C. "Levitsky and Way and Competitive Authoritarianism: Leverage, Linkage and Organisational Power." In *Democratisation in the Maghreb*, 9-46. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1bgzdjg.6>.
11. Shin, Doh Chull. "On the Third Wave of Democratization: A Synthesis and Evaluation of Recent Theory and Research." *World Politics* 47, no. 1 (1994): 135-70. Accessed December 13, 2020. doi:10.2307/2950681.
12. Vladislavjević, Nebojša. "Competitive Authoritarianism and Popular Protest: Evidence from Serbia under Milošević." *International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique* 37, no. 1 (2016): 36-50. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/24573518>.
13. Przeworski, Adam. "A Conceptual History of Political Regimes: Democracy, Dictatorship, and Authoritarianism." In *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*, edited by Wiatr Jerzy J., 17-36. Opladen; Berlin; Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2019. Accessed December 13, 2020. doi:10.2307/j.ctvdf08xx.5.
14. Kinne, Brandon J., and Nikolay Marinov. "Electoral Authoritarianism and Credible Signaling in International Crises." *The Journal of Conflict Resolution* 57, no. 3 (2013): 359-86. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/23414719>.
15. Shirah, Ryan. "Electoral Authoritarianism and Political Unrest." *International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique* 37, no. 4 (2016): 470-84. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/44632319>.
16. Szmolka, Inmaculada. "Analytical Framework for a Comparative Study of Change in Political Regimes." In *Political Change in the Middle East and North Africa: After the Arab Spring*, edited by Szmolka Inmaculada, 13-37. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1pwt2rq.7>.
17. Wiatr, Jerzy J. "New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective." In *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*, edited by Wiatr Jerzy J., 169-81. Opladen; Berlin; Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2019. Accessed December 13, 2020. doi:10.2307/j.ctvdf08xx.13.

18. LEWIS, DAVID G. "Authoritarianism, Ideology and Order." In *Russia's New Authoritarianism: Putin and the Politics of Order*, 1-23. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. Accessed December 13, 2020. doi:10.3366/j.ctv10kmcxz.6.
19. Henry, P. J. "The Role of Stigma in Understanding Ethnicity Differences in Authoritarianism." *Political Psychology* 32, no. 3 (2011): 419-38. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/41262870>.
20. Che, Afa'anwi, and Oluwole Gabriel Adekola. "INCOHERENT DEMOCRATIZATION AND INTER-STATE BELLIGERENCE: CONTEMPORARY EVIDENCE." *International Journal on World Peace* 33, no. 3 (2016): 7-35. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/45014339>.
21. Grand, Stephen R., Kenneth M. Pollack, Akram Al-Turk, Pavel K. Baev, Michael S. Doran, Khaled Elgindy, Shadi Hamid, Bruce Jones, Suzanne Maloney, Daniel L. Byman, Jonathan D. Pollack, Bruce O. Riedel, Ruth Hanau Santini, Salman Shaikh, Ibrahim Sharqieh, Ömer Taşpınar, Shibley Telhami, and Sarah E. Yerkes. "Democratization 101: Historical Lessons for the Arab Spring." In *The Arab Awakening: America and the Transformation of the Middle East*, 21-28. Brookings Institution Press, 2011. Accessed December 13, 2020. <http://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt1280ww.7>.
22. ROSSI, FEDERICO M., and DONATELLA DELLA PORTA. "Mobilizing for Democracy: Social Movements in Democratization Processes." In *Movements in Times of Democratic Transition*, edited by KLANDERMANS BERT and VAN STRALEN CORNELIS, 9-33. Philadelphia; Rome; Tokyo: Temple University Press, 2015. Accessed December 13, 2020. doi:10.2307/j.ctvrf893j.4.

Татаринов Д. В.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры международного права
факультета международных отношений
КазНУ им. аль-Фараби

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Түйін. Бұл мақалада ішкі әскери қақтығыстар кезеңіндегі адам құқықтарын қорғау мәселелеріне арналған. Автор адам құқығын қорғауды реттейтін халықаралық құқықтық құжаттарды талдайды. Мақалада халықаралық құқық нормаларын тәжірибеде жүзеге асыру мәселелері қарастырылады.

Түйінді сөздер: қарулы қақтығыс, қорғаныс, құралдар, әдістер, әскери әрекеттер.

Резюме. Данная статья посвящена проблемам защиты прав человека в период внутреннего вооруженного конфликта. Автор анализирует международные правовые документы, регулирующие защиту прав человека. В статье анализируются проблемы практической реализации норм международного права.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, защита, средства, методы, военные действия.

Summary. This article is enlightened about the problems of protecting human rights during an internal military conflict. The author analyzes international legal documents that regulate the protection of human rights. The article analyzes the problems of practical implementation of the norms of international law.

Key words: armed conflict, protection, means, methods, military actions.

Мы являемся свидетелями вооруженных конфликтов различного характера, в этой связи назрела объективная необходимость в кодификации норм, предусматривающих уголовную ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, а также за преступления против мира и безопасности человечества.

Учитывая нарастание вооруженной напряженности, при которой имеет место применение запрещенных средств и методов ведения военных действий, утверждаем, что уголовная ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, является одним из значимых элементов национального уголовного законодательства страны и концептуальным вопросом теории и практики уголовного права, требующим разрешения.

Международное гуманитарное право признает две категории вооруженных конфликтов: международный вооруженный конфликт и вооруженный конфликт немеждународного характера. Изучая нормы гуманитарного права, относящиеся к конфликтам этих двух типов, невольно обращаешь внимание на несопоставимость числа статей: Женевские конвенции 1949 года вместе с Дополнительными протоколами к ним 1977 года, содержащих только 30 положений по вооруженным конфликтам немеждународного характера и почти 500 статей по международным войнам.

Понятие вооруженного конфликта немеждународного характера, а также характеризующие его критерии закреплены в Дополнительном протоколе II (ст. 1), согласно которому под таким конфликтом понимаются все вооруженные конфликты, не подпадающие под действие статьи 1 Протокола I, происходящие на территории одного государства «между его вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол».

Следовательно, вооруженному конфликту немеждународного характера присущи:

- наличие организованных военных действий между противоборствующими силами (этот критерий вытекает из общей для всех Женевских конвенций 1949 года статьи 3);
- участие во враждебных действиях “вооруженных сил” (в это понятие включаются и полицейские части); повстанческие силы должны отвечать требованиям понятия “вооруженные силы”;
- достаточно массовый и устойчивый характер вооруженных выступлений; отдельные случаи нарушения внутреннего порядка, возникновение обстановки внутренней напряженности (например,

беспорядки, отдельные акты насилия) не относятся к категории вооруженного конфликта немеждународного характера;

– определенный уровень организованности повстанцев, которые должны иметь органы, ответственные за их поведение;

– повстанцы должны контролировать часть территории государства, что позволяло бы им организовывать и вести военные действия [1, С. 249].

Наряду с вышеуказанными, в международно-правовой литературе называются и другие критерии (временной, пространственный и т.д.), характеризующие внутренний вооруженный конфликт, главным из которых является наличие «политической цели борьбы».

Защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера обусловлена рядом факторов.

Во-первых, государства безусловно поняли, что необузданное насилие и смертоносное оружие причиняют во время внутренних конфликтов такие же страдания, как и во время войн между государствами. Более того, в вооруженных конфликтах, не носящих международного характера, особенно велико число человеческих жертв и страданий, поскольку как ни в каких других военных катаклизмах в них наиболее широко втягивается гражданское население. Страшный пример гражданской войны в Испании вызвал появление в международном гуманитарном праве первого положения, специально предназначенного для вооруженных конфликтов немеждународного характера – статьи 3, общей для всех Женевских конвенций.

Во-вторых, после второй мировой войны колоссальное развитие получила идея прав человека. Международное право в области защиты прав человека вполне сознательно и обдуманно «вмешивается» во внутренние дела государств. При всех различиях между гуманитарным правом, применяемым в период вооруженных конфликтов немеждународного характера, и правом прав человека не следует забывать, что и то и другое имеют общую цель – обеспечить защиту и уважение человеческого достоинства при всех обстоятельствах. Поэтому с исторической точки зрения вполне логично, что всего лишь через год после провозглашения в 1948 году Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека были приняты нормы гуманитарного права, относящиеся к конфликтам, происходящим внутри государств.

Предоставляемая им защита была расширена через 30 лет в Дополнительном Протоколе II в значительной степени благодаря Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года. За государством, конечно, остается право применять силу для восстановления на своей территории закона и порядка. В международном праве нет ограничений суверенитета по отношению к внутренним конфликтам, аналогично содержащемуся в Уставе ООН запрещению прибегать к силе для решения споров между государствами. Оно лишь ограничивает методы, которыми можно восстанавливать закон и порядок.

Важным аспектом всего свода норм, касающихся внутренних вооруженных конфликтов, является то, что подавляющая часть этих норм имеет исключительно гуманитарный характер и направленность. Они призваны обеспечить защиту и уважение всех гражданских лиц, которые не принимают участия в военных действиях и могут прямо или косвенно пострадать в результате вооруженного насилия, а также – гуманное обращение с военнопленными (в том числе с ранеными и больными), которые, хотя и принимали участие в вооруженном насилии, более не в состоянии продолжать борьбу. С этой целью в отношении вышеуказанных лиц запрещаются:

«а) посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

б) взятие заложников;

с) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение;

д) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями» (общая для всех Женевских конвенций статья 3) [5].

Так, впервые в истории международного права оказался зафиксированным определенный минимум правовых гарантий для участников вооруженных конфликтов, не носящих международного характера.

Оценивая ст. 3 Женевских конвенций, следует заметить, что она страдает существенными недостатками; некоторые весьма важные вопросы решены в ней без достаточной ясности и потому существует широкий простор для их толкования.

Отметим, что термины «уважение» и «защита» в тексте статьи не присутствуют (хотя и подразумеваются), единственное требование – соблюдение гуманного обращения. В п. 2 ст. 3 Конвенций предусмотрено, что «беспристрастная гуманитарная организация, такая, как Международный Комитет Красного Креста, может предложить свои услуги сторонам, находящимся в конфликте», – весьма умеренная формулировка, которая тем не менее в ряде случаев позволила МККК получить доступ к жертвам внутреннего вооруженного конфликта. Наконец, в предпоследнем абзаце находящиеся в конфликте стороны призываются к тому, чтобы «стараться путем специальных соглашений ввести в действие все или часть остальных положений» Женевских конвенций. Очевидно, что заключение подобных соглашений будет тем более вероятно, чем более конфликт станет приобретать черты международного вооруженного конфликта. Но самым существенным вопросом, который можно толковать с диаметрально противоположных позиций, является, пожалуй, вопрос о правовом статусе захватываемых в плен участников внутренних вооруженных конфликтов. Сторонники того взгляда, что участники вооруженных конфликтов немеждународного характера не являются законными комбатантами, утверждают, что в статье 3 нет ничего того, что не позволило бы применить самое тяжкое наказание к захваченному в плен участнику внутреннего вооруженного конфликта, и единственное условие для законности такого наказания – чтобы оно было основано на судебном приговоре.

В докладе Генерального секретаря ООН «Уважение прав человека в вооруженных конфликтах» от 18 сентября 1970 г. указывается, что статья 3 Женевских конвенций допускает положение, когда партизан, «захваченный в плен в период внутреннего конфликта, может быть приговорен к смерти за то, что он отстаивал дело одной из сторон, находящихся в конфликте». Учеными-международниками западных государств высказываются и другие точки зрения против признания участников внутренних вооруженных конфликтов законно воюющими.

Так, например, одни из них полагают, что общая статья 3 гарантирует гуманное обращение с участниками вооруженных конфликтов немеждународного характера, но по окончании конфликта правительство может считать их мятежниками со всеми вытекающими отсюда последствиями. Другие считают участников внутренних вооруженных конфликтов законными комбатантами, но лишь в том случае, если такой конфликт перерастает в международный.

По нашему мнению, статус участников внутренних вооруженных конфликтов в принципе должен приравниваться к статусу участников международных вооруженных конфликтов, несмотря на то, что современное международное договорное право прямо не устанавливает этого. Поскольку это касается вооруженных конфликтов немеждународного характера, единственно применимой к ним нормой служит ст. 3 Женевских конвенций (Дополнительный протокол II обошел стороной вопрос о правовом статусе участников внутренних вооруженных конфликтов), даже если участники конфликта контролируют часть территории, выполняют все условия III Женевской конвенции и признаны в качестве воюющей стороны иностранными государствами. Все вышеизложенное лишний раз свидетельствует о несовершенности статьи 3, общей для всех Женевских конвенций [5].

При рассмотрении вопроса, касающегося текста статьи 3, следует остановиться еще на одном важном моменте. Дело в том, что объем правовых гарантий, предоставляемых ею участникам внутренних вооруженных конфликтов, уже объема прав и гарантий, предоставляемых участникам международных вооруженных конфликтов. Не случайно в этой статье говорится, что «находящиеся в конфликте стороны будут стараться путем специальных соглашений ввести в действие все или часть остальных положений» Женевских конвенций. Необходимость расширения правовых гарантий для участников внутренних вооруженных конфликтов и населения стран, где они возникают, совершенно очевидна. Она диктуется, в частности, тем, что по объему прав и гарантий, закрепленных в ст. 3 всех Женевских конвенций, статья отстает от норм, зафиксированных в Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года. Так, ст. 4 Пакта предусматривает:

«Во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте государства могут принимать меры в отступлении своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения» [2, с.319] Таким образом, в случае «чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой», т.е. и в ситуации возникающего внутри страны вооруженного конфликта,

не носящего международного характера, положения указанной выше статьи при всех условиях будут действовать, и правительства не могут отступить от них под предлогом такого конфликта. Напротив, она прямо рассчитана на применение в случае возникновения ситуации внутреннего вооруженного конфликта.

Заимствуя идеи Международного пакта о гражданских и политических правах, являющегося основным документом Организации Объединенных Наций, кодифицирующем права человека, Дополнительный протокол II развивает и дополняет положения ст. 3 Женевских конвенций. Ст. 1 Протокола четко указывает на это, а преамбула также ссылается на статью 3, гуманитарные принципы которой “лежат в основе уважения человеческой личности в случае вооруженного конфликта, не носящего международный характер”. В качестве такой же основы в преамбуле называются “международные документы, касающиеся прав человека”, которые “предоставляют основную защиту человеческой личности”. Основную цель Протокола II можно определить как “необходимость обеспечить лучшую защиту жертв” внутренних вооруженных конфликтов. Очевидно, что достижение полного или совершенного регулирования подобных конфликтов невозможно, поэтому преамбула завершается упрощенным вариантом оговорки Мартенса, в котором утверждается, что “в случаях, не предусмотренных действующими правовыми нормами, человеческая личность остается под защитой принципов гуманности и требований общественного сознания”[2].

Самым существенным отличием защиты прав человека в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера от аналогичных действий, совершаемых в период международных вооруженных конфликтов, является то, что на международном уровне, по существу, полностью отсутствуют организации и процедуры для обеспечения выполнения этого права сторонами, участвующими в конфликте. Это является верным показателем того, что гражданские войны рассматриваются как внутренние события, угрожающие национальному суверенитету. Но даже несмотря на категорическое запрещение вмешательства, содержащееся в статье 3 Протокола II, у международного сообщества, начиная с Организации Объединенных Наций и заканчивая средствами массовой информации и общественным мнением, остается возможность призвать все стороны, участвующие в том или ином внутреннем вооруженном конфликте, соблюдать свои обязательства, предусмотренные Протоколом II. Наконец, второй абзац статьи 3 Женевских конвенций содержит простое положение: “Беспристрастная гуманитарная организация, такая, как Международный Комитет Красного Креста может предложить свои услуги сторонам, находящимся в конфликте”. В Протоколе II ничего к этому не добавлено и не изменено. Повсеместно понимается это так, что правительства и повстанцы должны по меньшей мере рассмотреть предложение услуг со стороны МККК, а принимать их или нет – это их дело.

Список использованной литературы:

1. Курс международного права. Т.6. (под ред. Н.А.Ушакова). М.,1992 г., с. 249.
2. Международное право в документах (сост. Н.Т. Блатова). М., 1982 г.
3. Ханс-Петер Гассер. Международное гуманитарное право. МККК, М., 1995 г.
4. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.
5. Женевские конвенции «О защите жертв войны» 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года.

КОНСТИТУЦИОННО – ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Түйін. Конституциялық құқық ғылым және жетекші құқық саласы ретінде іргелі қоғамдық қатынастарды, билік қатынастарын және мемлекеттіліктің даму тенденцияларды құқықтық реттеу мәселелерін зерттейді. Егер сыбайлас жемқорлық қоғамның әлеуметтік-саяси ұйымдастырылуына тамырлас болса немесе оның дұрыс ұйымдастырылмағандығына байланысты болса, онда конституциялық-құқықтық ғылым маңызды мәселелерді анықтауға қабілетті болып, оларды зерттеп жоюға кәсіби ұсыныстар бере алады. Осыған байланысты, бұл мақалада сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтар үшін конституциялық жауапкершілік мәселелері қарастырылады, өйткені оның шаралары жария-құқықтық қатынастар саласында заңдылық пен тәртіпті сақтау мен қалпына келтіру құралдары ретінде қызмет етеді.

Түйінді сөздер: конституциялық құқық, мемлекет, сыбайлас жемқорлық, конституциялық құқықтық жауапкершілік.

Резюме. Конституционное право как наука и ведущая отрасль права изучает проблемы правового регулирования фундаментальных общественных отношений, властеотношений и тенденции развития государственности. И если коррупция имеет корни в социально-политической организации общества или зависит от ее неправильной организации, то конституционно-правовая наука способна выявить существующие проблемы, изучить и дать профессиональные рекомендации по их устранению. В этой связи, в настоящей статье изучаются вопросы конституционно-правовой ответственности за коррупционные правонарушения, так как ее меры служат средством восстановления правопорядка и поддержания законности в сфере публично-правовых отношений.

Ключевые слова: конституционное право, государство, коррупция, конституционно-правовая ответственность.

Summary. Constitutional law, as a science and a leading branch of law, studies the problems of legal regulation of fundamental social relations, power relations and trends in the development of statehood. And if corruption has roots in the socio-political organization of a society or depends on its incorrect organization, then constitutional and legal science is able to identify existing problems, study and give professional recommendations for their elimination. In this regard, this article examines the issues of constitutional responsibility for corruption offenses, since its measures serve as a means of restoring the rule of law and maintaining the rule of law in the field of public law relations.

Key words: constitutional law, state, corruption, constitutional legal responsibility

В правовой науке вопросы противодействия коррупции и вопросы науки конституционного права до настоящего времени изучались отдельно друг от друга. Однако практика показывает, что причины коррупции в разных странах, в том числе и в Республике Казахстан, во многом зависят от недостатков государственного строительства, слабых гарантий конституционализма.

В настоящее время в Республике Казахстан действует обновленное антикоррупционное законодательство – Антикоррупционная стратегия на 2015-2025 г.г., Закон Республики Казахстан от 18 ноября № 410-V «О противодействии коррупции», Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» [1] и д.р акты, в которых содержатся нормы, регулирующие вопросы противодействия коррупции.

Нормативные акты связанные с противодействием коррупции, принимаемые в Республике Казахстан с 1998 года по настоящее время, постепенно стали приобретать черты отдельной комплексной отрасли национального законодательства, формировать новые связи правовых институтов различных отраслей национального права, таких как административное право, уголовное право, уголовный процесс, трудовое право и т.д. Рост национального антикоррупционного законодательства не мог не затронуть и конституционное право.

Конституционное право как наука и ведущая отрасль национальной системы права изучает проблемы правового регулирования фундаментальных общественных отношений, властеотношений, а также тенденции развития государственности. Общественные отношения, составляющие предмет конституционного права, можно назвать политическими отношениями. И если коррупция имеет корни в социально-политической организации общества или зависит от ее неправильной организации, то мы полагаем, что именно конституционно-правовая наука среди всех других юридических наук способна выявить указанные проблемы, изучить и дать профессиональные рекомендации по их устранению.

Согласно ст.1 Закона Республики Казахстан от 8 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции»: «Коррупция – это незаконное использование лицами, занимающими ответственную государственную должность, лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, лицами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, должностными лицами своих должностных (служебных) полномочий и связанных с ними возможностей в целях получения или извлечения лично или через посредников имущественных (неимущественных) благ и преимуществ для себя либо третьих лиц, а равно подкуп данных лиц путем предоставления благ и преимуществ» [2].

В широком смысле коррупцию можно рассматривать согласно Справочному документу о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН- «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [3].

Однако суть коррупции в конституционном праве как нельзя лучше отражает сформулированная А. Мунгиу-Пиппиди неспособность политиков обеспечить пространство для выражения общественных интересов – «неудача, которая оставляет все аспекты жизни, от вопросов приватизации до регулирования государственного вещания, на произвол неприкрытых своекорыстных интересов частного характера» [4; с. 26]. Еще одна сторона коррупции, близкая по духу конституционному праву, на наш взгляд, заключается в том, что коррупция часто находит свое воплощение не только в использовании лицом служебного положения для получения собственной выгоды, но и в нарушении норм беспристрастности и справедливости, которые должны быть положены в основу функционирования современной государственной службы.

Таким образом, коррупция является серьезным вызовом для современного государства и общества. В настоящее время ее характерной чертой стала универсальность: она существует повсеместно во многих странах мира, вне зависимости от уровня социально-экономического развития государства, проникает во все сферы жизни; приобретает транснациональные формы. В силу своего возросшего масштаба, коррупция рассматривается в национальном конституционном праве как одна из проблем, препятствующих утверждению правового, демократического государства в Республике Казахстан. Следует также отметить, что в целом, коррупция, существующая в какой-либо одной стране мира, может негативно сказываться на развитии других стран.

Коррупция служит тем инструментом, с помощью которого наиболее состоятельные граждане, располагающие влиятельными связями, могут обеспечить к себе такое отношение, которое в правовом государстве, гарантирующее равенство прав и свобод граждан вне зависимости от каких-либо условий, должно являться общепринятой нормой. Однако, по мнению А.Шайо, в Восточной Европе «вера общества в правовое государство и его приверженность ему непрочны», поскольку «сама концепция (правового государства) была импортирована» [5; с.3].

Коррупция со стороны лиц, представляющих интересы народа и служащих государству, в конечном итоге влечет за собой наступление конституционно – правовой ответственности.

Конституционная ответственность представляет собой сложное явление, вобравшее в себя разные виды и формы проявления ответственности. Ретроспективная ответственность (в традиционном преломлении юридической ответственности), политическая ответственность, «позитивные» аспекты правовой ответственности являются составляющими компонентами конституционной ответственности [6; с.25]. По мнению Г.С.Сапаргалиева, необходимо дать анализ конституционной ответственности в контексте ее взаимосвязи с иными видами юридической ответственности, разграничить политическую ответственность от конституционной, раскрыть взаимодействие политической и парламентской ответственности.

Известный российский ученый- конституционалист С.А. Авакьян отмечает, что «конституционно-правовая ответственность зачастую есть политическая ответственность, всего лишь сопровождаемая конституционно- правовой формой» [7; с.106]. Основанием применения конституционно-право-

вой ответственности С.А. Авакьян называет нарушение норм права [8; с.14]. Сходной точки зрения придерживается Е.Д. Виатр, однако в качестве основания он усматривает нарушение не норм права, а норм закона. Это, по мнению указанного автора, роднит конституционно-правовую ответственность с уголовной и определяет ее схожесть с политической как касающейся «не только Уголовного кодекса, но и Конституции» [9; с.12].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что конституционно-правовая ответственность – это особый вид правовой ответственности, который имеет сложный политико-правовой характер, применяется за конституционное правонарушение, выражается в особых отрицательных последствиях для субъекта конституционного правонарушения.

При изучении вопросов конституционной ответственности необходимо выделить следующие вопросы: 1. ее основание; 2. субъектов; 3. меры и порядок привлечения к ответственности. Основанием конституционно-правовой ответственности является конституционное правонарушение – виновное деяние, противоречащее требованиям конституционного законодательства, и влекущее специальную конституционно-правовую ответственность. В то же время, за нарушение норм конституционного законодательства, наступает не только конституционно-правовая, но и иная – уголовная и административная ответственность, например, за нарушение конституционных обязанностей к ней могут привлекать граждан государства. Поэтому конституционно-правовая ответственность отличается от иных видов ответственности именно спецификой своих принимаемых мер.

Субъектами конституционной ответственности могут быть высшие должностные лица и органы государственной власти: Президент, Парламент, Правительство, Премьер-Министр, депутаты, министры и т.д. В качестве примера можно привести решение Палаты представителей США от 24 июля 2002 г. об исключении из своего состава конгрессмена, обвиненного во взяточничестве, препятствовании правосудию и налоговых нарушениях, в соответствии разд. 5 ст. 1 Конституции США. Изучение законодательства других стран позволяет привести разд. 67 Конституции Дании, согласно которому граждане имеют право учреждать религиозные объединения для отправления культа при условии, что их вероучение и поступки не будут нарушать нормы морали. Статья 35 Конституции Ирландии предусматривает, что судья Верховного суда или Высокого суда отстраняется по инициативе двух палат Парламента от должности за безнравственное поведение.

Анализ нормативных правовых актов конституционного характера, позволяет выделить характерную особенность норм конституционной ответственности. Данная особенность заключается в том, что она образуется из множества нормативных актов, и единого кодифицированного акта (Кодекса), как например, УП РК, ГПРК не имеется. Конституционная ответственность характеризуется следующими особенностями:

1. несмотря на высокую политическую направленность, обусловленную спецификой государственно-правовых отношений, она представляет собой вид юридической ответственности и носит негативный характер;

2. конституционная ответственность, в отличие от политической выступает как ответственность за ненадлежащее исполнение или неисполнение закона; ее реализация обеспечивается государственным принуждением и наличием специальных процессуальных правил оценки поведения ответственного субъекта;

3. единственным фактическим основанием конституционной ответственности является конституционный деликт т.е. противоправное деяние действие или бездействие субъекта, причинившее вред или создавшее опасность причинения вреда общественным отношениям в сфере регулирования конституционного законодательства и влекущее применение мер конституционной ответственности к субъекту правонарушения.

Особенностями конституционного деликта являются его повышенная общественная опасность и в большинстве случаев наличие специального субъекта. Круг субъектов конституционной ответственности не может быть исчерпывающим, что обусловлено динамикой развития общественных отношений и необходимостью возникновения новых видов конституционных правоотношений. Признание того или иного субъекта правоотношений субъектом конституционной ответственности должно базироваться на общих принципах юридической ответственности, а также на принципе определенности основания ответственности, что выражается в необходимости установления всех элементов юридического состава конституционного деликта.

Меры конституционно-правовой ответственности различны в зависимости от субъектов ответственности.

1) судебный порядок. В этом порядке государством возмещается вред, причиненный его органами и должностными лицами, например, признание выборов или результатов референдума недействительными; официальное признание работы государственных органов, высших должностных лиц неудовлетворительной и т.д.

2) принятие решения (постановления) компетентным государственным органом (не судебным) например, роспуск Парламента, отставка Правительства, лишение Парламентом депутатской неприкосновенности депутатов, признание Конституционным Советом несоответствующими Конституции законов, проведение конституционных процедур отрешения или освобождения президента от должности. Или к примеру, отклонение обвинения Президента Республики Казахстан в совершении государственной измены на любой его стадии влечет за собой досрочное прекращение полномочий депутатов Мажилиса, инициировавших рассмотрение данного вопроса.

Таким образом, конституционное право предусматривает всего несколько способов привлечения к конституционно-правовой ответственности: как общих для всех видов ответственности, так и специфических для конституционно-правовой ответственности.

К основным мерам конституционно – правовой ответственности, применяемым к должностным лицам в результате совершения ими правонарушений коррупционного характера, можно отнести отрешение от должности (импичмент), освобождение от должности, отзывы, лишение (приостановление) полномочий, а также отмену правового акта.

Если рассматривать более подробно, то можно рассмотреть вид конституционной ответственности главы государства как особый вид социальной ответственности – импичмент, т.е. отстранение от должности. Законодательство об импичменте высших должностных лиц существует в большинстве стран мира, но не везде к нему прибегают.

Импичмент – это процедура судебного обвинения, в т.ч. и уголовного, и государственного исполнения, чиновников, вплоть до главы государства, с последующим их отстранением от должности. Обвинение в процессе импичмента, как правило, уличает лицо в актах, совершённых незаконно, т.е. в сознательном правонарушении, независимо от злоупотребления должностными полномочиями.

По мнению М.Статкявичуса импичмент представляет собой « средство самозащиты народа» поскольку «органы власти служат народу, а граждане имеют право либо непосредственно, либо через демократически выбранных представителей управлять своим государством» [10; с.196]. Нельзя не согласиться с утверждением указанного автора о том, что процесс импичмента призван вернуть доверие народа к руководству страны, органам власти и должностным лицам, которые своими действиями себя дискредитировали.

В результате импичмента должностное лицо отрешается от должности, а народ убеждается в том, что подорвавшая доверие общества политическая фигура будет справедливо отстранена от участия в управлении страной и лишена возможности представления его интересов. При этом одна из проблем состоит в том, чтобы « поставить как таковой вопрос о привлечении к ответственности персонажей подобного рода и довести дело до справедливого приговора, невзирая на лица, связи и политическую конъюнктуру» [11; с.85]. Другой проблемой является сфера действия иммунитетов в конституционном праве, которые представляют собой « правовые ограничения конституционно- правовой ответственности» [12; с.3].

Иммунитет, являясь публично-правовым институтом, включает в себя два элемента: неприкосновенность (иммунитет) и неответственность (индимнитет). Согласно п. 2 ст.47 Конституции Республики Казахстан 1995 года Президент Казахстана несет ответственность за действия, совершенные при исполнении своих обязанностей, только в случае государственной измены и может быть за это отрешен от должности Парламентом [13]. На наш взгляд, указанное положение образует существенный пробел в конституционном регулировании, так как остается нерешенным вопрос об ответственности президента за всю его основную работу, или ответственности в тех случаях, если глава государства будет замешан в коррупционных скандалах. Таким образом, в этом случае речь идет о полной безответственности президента за осуществляемую им государственную деятельность, а также о полной безответственности в случае его коррупционной деятельности.

Одним из вариантов решения данной проблемы является концепция ретроспективной конституционно-правовой ответственности. Согласно указанной концепции, конституционно-правовая ответственность может быть применима «не только к лицам, пребывающим в должности, но и к тем, кто ее уже не занимает», то есть должностные лица обязаны нести ответственность за совершенные на своем

посту действия в течение определенно установленного срока даже после ухода из этой должности. Такая система могла бы в некоторой степени предотвратить злоупотребление занимающих государственные должности лиц, которые «сознавая, что политическое счастье переменчиво», должны будут принимать в расчет «реальную вероятность того, что будущие лидеры будут возлагать ответственность на своих предшественников» [9; с.12].

Как известно, в настоящее время во многих государствах мира созданы специальные органы по противодействию коррупции. В Республике Казахстан создано Агентство по противодействию коррупции (Антикоррупционная служба) которое является государственным органом по противодействию коррупции, непосредственно подчиненным и подотчетным Президенту Республики Казахстан, осуществляющим формирование и реализацию антикоррупционной политики Республики Казахстан и координацию в сфере противодействия коррупции, а также выявление, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений. Агентство имеет территориальные органы в областях, городах республиканского значения, столице.

Если рассматривать пример зарубежных стран, то можно привести пример Китайской Народной Республики. Важная роль по борьбе с коррупцией в КНР отведена Министерству контроля и Центральной комиссии. В 2007 г. в этой стране было создано Государственное управление по предупреждению коррупции, в обязанности которого входит выявление коррупционеров, принятие антикоррупционных мер, а также проведение расследований. Как и большинство стран мира, КНР установил более чем одну систему санкций: уголовные санкции, применимые к любому гражданину, дополняются дисциплинарными и другими административными и экономическими санкциями. Дисциплинарные санкции направлены на ограниченное число людей и применяются для проведения в жизнь специфических норм поведения, связанных с их частным положением или ролью. В Китае такие дисциплинарные механизмы существуют в основном для государственных служащих и членов Компартии [14; с. 25].

Также существуют примеры создания в органах государственной власти различных комитетов и комиссий, в компетенцию которых входит разработка антикоррупционного законодательства, анализ и обобщение поступающих в данный комитет или комиссию документов и иных материалов о коррупции и противодействии коррупции, информирование членов высших органов власти, контроль за декларированием доходов и расходов высших должностных лиц и депутатов и т.д. Например, в Государственной Думе РФ созданы Комитет по безопасности и противодействию коррупции и Комиссия по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Государственной думы.

На наш взгляд, проблему применения конституционно-правовой ответственности к должностным лицам, совершившим не только коррупционные, но и иные нарушения, могло бы решить также создание внутри Парламента Республики Казахстан еще одного универсального подразделения, в компетенцию которого входило бы разрешение вопросов, касающихся конституционно – правовой ответственности депутатов и иных лиц, входящих в штат данного органа и занимающих должности государственной службы. Практика создания таких структурных подразделений в парламенте уже известна Европе. В качестве примера можно назвать Сейм (Нижнюю палату парламента) Республики Польша, где давно существует и активно действует Комиссия по вопросам конституционной ответственности, которая относится к 29 постоянным комиссиям Сейма. Создание такой комиссии в Республике Казахстан могло бы внести свой вклад в развитие института конституционно- правовой ответственности.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что конституционно- правовая ответственность рассматривается как вид юридической ответственности. Среди видов юридической ответственности она является важным, бесспорным элементом стабильного развития государства, так как это связано с повышением ответственности высших органов государственной власти, их подотчетности и контроля за их деятельностью.

Применение конституционно- правовой ответственности к правонарушениям в сфере коррупции позволит выделить ее основные функции:

1. восстановительную – ее целью является возвращение доверия граждан к руководящим органам и должностным лицам;
2. оздоровительную – позволяет выделить «неблагополучный элемент» из системы государственных органов и должностных лиц а также его ликвидировать;
3. защитную – реализуется с помощью законодательного закрепления мер конституционно-правовой ответственности, предусматривающую неблагоприятные правовые последствия для должностных лиц, которые побуждали бы их к отказу от совершения коррупционных правонарушений;

4. обеспечительную – гарантирует непосредственное соблюдение принципов беспристрастности, равенства и справедливости при работе государственных органов и должностных лиц.

Указанные функции конституционно – правовой ответственности (вместе с восстановительной) позволят говорить о ней не только как об отдельном виде юридической ответственности, но и расширить понятие юридической ответственности применительно к коррупционным правонарушениям.

Таким образом, конституционно- правовая ответственность, которая на первый взгляд, не всегда может применяться в отношении лиц, совершивших коррупционные правонарушения, на самом деле играет большую роль в построении правового государства, так как именно меры конституционно-правовой ответственности служат средством восстановления правопорядка и поддержания законности в сфере публично-правовых отношений.

Список использованной литературы:

1. Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы» с изм. от 04.08. 2018 г.-URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31645304; Закон Республики Казахстан от 18 ноября № 410-V «О противодействии коррупции»(с изм. на 01.01.2020 г.)- URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33478302; Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» (с изм. на 10.01.2020 г.)- URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36786682
2. Закон Республики Казахстан от 18 ноября № 410-V «О противодействии коррупции»(с изм. на 01.01.2020 г.) – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=33478302;
3. Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН. А/ CONF.169/14/ 1995/ 12 Apr/
4. Мунгиу-Пиппиди А. Коррупция: проблема культуры или неподконтрольности чиновников обществу?// Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. №2(43). С.26-31;
5. Шайо А. Коррупция, клиентелизм и будущее конституционного государства в Восточной Европе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1998 . № 4(25)/ 1999. № 1(26).- С.2-11
6. Сапаргалиев Г.С., Салимбаева Г.Ж. Проблемы конституционной ответственности / – Алматы : Жеті жарғы, 2001. – 147 с.
7. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие: в 2 т.Том 1. М. : Норма: ИНФРА –М. 2015.
8. Авакьян С.А. Актуальные проблемы конституционно- правовой ответственности //Конституционно –правовая ответственность : проблемы России, опыт зарубежных стран/ под ред. С.А. Авакьяна. М.: Издательство Московского университета, 2001.С.9-14.
9. Виатр Ежи Дж. Конституционная ответственность в Польше после 1989 года // Конституционное право:Восточноевропейское обозрение. 1996. №2(15) .-С. 12-15
10. Статкявичус М. Конституционная практика Литвы : ответственность в порядке импичмента // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3 (48). – С. 196
11. Шевердяев С.Н. – Конституционно- правовые подходы к разработке антикоррупционной проблематики: основные маршруты // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №4 (113) С. 73-91;
12. Виноградов В.А. Иммунитеты в конституционном праве //Сравнительное конституционное обозрение. 2005.№1(50).-С.3-9
13. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изм. на 23.03.2019 г.) – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029
14. Кобец П. Н. Особенности противодействия коррупции в Китае-// Безопасность бизнеса №5 – 2017, С. 25-32

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ НЕГІЗГІ ҚҰҚЫҚТАР ТУРАЛЫ ХАРТИЯСЫ БОЙЫНША ТИІСТІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ МІНДЕТТЕМЕЛЕР АЛУ МӘСЕЛЕСІНІҢ ШЫНАЙЫ ЖӘНЕ ЫҚТИМАЛ ТҮСТАРЫ

Түйін. Мақалада Еуропалық көршілестік саясатына құқықтық баға бере отырып, Еуропалық Одақтың көршілес мемлекеттеріне Хартияның заңды күшінің таралуына қатысты құқықтық негіздерді ЕО құрылтай құжаттарынан, Еуропалық заңдардан және Хартияның өзінен іздей отырып, нәтижесінде нақты дәлелдемелер ұсынылады.

Түйінді сөздер: Хартия, адам құқықтары, Еуропалық Одақ, серіктестік, көршілестік саясат.

Резюме. В статье дается правовая оценка Европейской политики добрососедства, проведен поиск правовой основы для распространения юридической силы Хартии на соседние страны Европейского Союза в учредительных документах ЕС, европейском праве и в самой Хартии.

Ключевые слова: Хартия, права человека, Европейский Союз, партнерство, политика соседства.

Summary. The article provides a legal assessment of the European Neighborhood Policy, searches the legal basis for extending the legal force of the Charter to neighboring countries of the European Union in the founding documents of the EU, European law and in the Charter.

Key words: Charter, Human Rights, European Union, Partnership, Neighborhood Policy.

Қазіргі уақытта Еуропалық Одақ пен Қазақстан соңғы онжылдықта қол жеткізген үрдістерін толық қамтып және болашақ талаптарға жауап беретіндей серіктестік пен ынтымақтастық туралы Келісімді қайта қарау мақсатында өз нәтижелеріне баға беруде. ЕО Қазақстан Республикасындағы өкілдігімен бірге Қазақстанмен қатынастардың дамуы мен нығаюының жаңа кезеңін асыға күтеді.

Осы орайда, негізгі басымдық адамның құқығы мен бостандығын қамтамасыз етуге, әр азаматтың әділсотқа құқығын шынайы қамтамасыз ету және азаматтық қоғам институттарының қоғам мен мемлекет ісіне қатысуын қамтамасыз етуге бағытталған. Батыс Еуропа елдері адам құқықтары мен негізгі бостандықтарын сақтауға қатысты, соның ішінде әділсотқа құқықты қоса алғанда, зор тәжірибе жинақтаған. Еуропалық Одақпен ынтымақтастық Қазақстанға адам құқықтарын қорғаудың құқықтық механизмінің үлгілерін үйренуге, оларды республиканың құқықтық ортасына енгізуге, осы механизмдердің қызмет етуі барысында мәселелер туындаған жағдайда ұсыныс алуға мүмкіндік береді. Еуропа мемлекеттері аумағында халықаралық-құқықтық актілер нормаларын имплементациялау үрдісі мен адам құқықтары жөніндегі ішкі мемлекеттік және халықаралық-құқықтық нормалардың өзара әрекеттесу үрдісін бақылау да нәтижелі болмақ. Бұл мәселе ЕО мен Қазақстан арасындағы екіжақты қатынастың пәні болып табылады.

Өз аумағында адам құқықтарының шынайы қамтамасыз етілуін қадағалау мақсатында Қазақстан үшін ЕО мүше-мемлекеттерінің бас бостандығынан айыру орындарында адам құқықтарын қамтамасыз ету саласындағы жалпы танылған халықаралық құқық нормалары мен халықаралық-құқықтық актілерін қолдану тәжірибесін және қылмыстық жазаның дұрыс орындалуы үшін еуропалық тәжірибені үйрену нәтижелі болмақ.

Қазақстанның Еуропалық Одақпен ынтымақтастығы барысында осы тектес заң үстемдігі, адам құқықтарын құрметтеу және демократизм қағидаларына негізделетін міндеттемелерді үлкен жауапкершілікпен орындауы болашақта ЕО-ның негізгі құқықтар туралы Хартиясынан туындайтын міндеттемелерді алуына кепілдік болар еді.

Ал енді Хартияға қатысты екінші мыңжылдықтың басында-ақ, С.Ю. Кашкин ең алғаш Хартияға түсініктеме берген еңбегінде үлкен көрегенділікпен Хартияның болашағы туралы былай деген: «Соңғы жылдары көптеген Одақтың құрылтай шарттарын (табиғаты бойынша халықаралық-құқықтық акті) Еуропалық Одақтың негізгі заңы – оның конституциямен алмастыру идеясын жақтаушылар артып келе жатыр. Бұған байланысты біршама алғышарттар да қалыптасты. Еуропалық Одақ мемлекет болмаса да, жеке басқару аппараты бар саяси билік ұйымы. Бұл билік мемлекеттер үшін ғана емес,

азаматтар үшін де міндетті шешімдер қабылдайды. Оның легитимділігі бірқатар халықтың еркімен де, Еуропарламентке сайлау арқылы, еуропалық интеграцияның маңызды мәселелері бойынша ұлттық референдумдар арқылы да анықталады» [1, 55 б.].

Жоғарыда берілген болжам көріп отырғанымыздай өзін өзі ақтады әрі шынайы орындалды. Хартияның эволюциясы, яғни дамуы, автордың сөзімен айтатын болсақ, Одақтың құрылтай құжаттарының мәтініне инкорпорациялау перспективасымен ғана емес, сонымен қатар Хартияға жоғары заңи күш берумен де анықталды.

Еуропалық одақ ТМД елдерімен жаңа қатынастарының сапалы кезеңіне көшуді 2004 жылдың мамыр айында өз құрамына 10 жаңа мүшені қабылдаумен бастады. Саясат, экономика, гуманитарлық салаларда жаңа «тату көршілестік» немесе «Еуропалық көршілестік» форматында маңызды мәселелер бойынша өзара байланыстар орнату қажеттігі туындады. «кеңейген Еуропа – көршілес елдер» құрылымы елеулі түрде 1990 жылдары қалыптасқан серіктестік пен ынтымақтастық туралы екіжақты келісімдермен (СЫК) рәсімделген ЕО мен ТМД арасындағы қарым-қатынастар үлгісін толықтырды және өзгертулер енгізді.

СЫК те «типтік шарт» болып табылады, себебі мұндай келісімдер ЕО мен бірнеше мемлекеттер арасында жасалған. Әдетте мұндай келісімдердің құрамы өте күрделі болып келеді. ЕО 1994-1996 жылдар аралығында бұрынғы Кеңес Үкіметінің 11 мемлекетімен серіктестік пен ынтымақтастық туралы Келісін жасасқан болатын. Келісім тараптар арасындағы қатынастың саяси, сауда-экономикалық, қаржылық, құқықтық, гуманитарлық салада дамуын қамтиды, сонымен қатар ынтымақтастықтың негізгі механизмін анықтайды. Демек, бұл кешендік құжат болып табылады. Ол қоғам өміріндегі әр түрлі салалардағы қарым-қатынастарды дамытуға бағытталған. Серіктестік пен ынтымақтастық туралы келісім (СЫК) Қазақстан мен Еуропалық Одақ арасындағы маңызды қадам болып табылады. Компаниялар туралы, тұтынушылардың құқықтарын қорғау, қоршаған ортаны қорғау және қаржылық қызмет көрсету туралы заңдары бар Еуропалық Одақтың стандарттарына қолданыстағы заңдарды сәйкес келтіруді Қазақстанның өз міндетіне алуы келісім ережелерінің бірі болып отыр.

Қазақстан мен Еуропалық Одақ арасындағы әр түрлі стратегиялар мен жобалар негізінде орнаған екіжақты қатынастардың тізбегін толтыра келе, Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясының Қазақстан Республикасына заңи күшінің таралу мүмкіндігін ЕПС /ЕКС/ саясаты шеңберінде бекітуді қолдаймыз. Егер аталған ЕПС /ЕКС/ саясатына Қазақстан бұрынғы Кеңес мемлекеттері сияқты қатысатын болса, онда ЕО пен ҚР арасында жаңа «ізгі көршілестік» туралы қосымша ережелермен қамтылған серіктестік пен ынтымақтастық туралы жаңа Келісімге қол қойылады. СЫК –типтік құжат болғандықтан, оның «жаңа көршілерге» қатысты ережелері автоматты түрде Қазақстанға да міндетті болады.

Осы орайда, жаңа СЫК туралы Ж.М. Аманжолов: «ЕО мен ҚР арасындағы дамыған серіктестік пен ынтымақтастық туралы жаңа Келісім Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясын орындау міндетті деген арнайы норманы қарастыруы тиіс» [2]. Хартия нормасын инкорпорациялаудың тағы бір әдісі ретінде автор тараптардың өзара келісін білдіретін Бірлескен мәлімдеме немесе Бірлескен коммюнике болмаса Меморандум және тағы басқа сол сияқты саяси құжатпен рәсімдеуге болатынын жеткізеді. Автор Қазақстан Республикасының аталмыш Хартия бойынша Еуропалық Одақтың серіктесі ретінде тиісті халықаралық-құқықтық міндеттемелер алу мәселесінің ықтимал тұстарын баяндады, ал оның өмірде шынайы жүзеге асырылуы болашақтың еншісінде.

Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясының Еуропалық Одақтың серіктес-мемлекеттеріне заңи күшінің таралуының құқықтық негіздерін талдай отырып, Қазақстан Республикасының аталмыш Хартия бойынша Еуропалық Одақтың серіктесі ретінде тиісті халықаралық-құқықтық міндеттемелер алу мәселесінің шынайы және ықтимал тұстарын зерттелді.

Зерттеу барысында Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясының серіктес-мемлекеттерге заңды күшінің таралу мәселелері жан-жақты қарастырылып, оны шешу жолының келесі нұсқалары ұсынылады.

Бірінші ұсыныс нұсқасы бойынша Қазақстан ЕКС-қа (Еуропалық көршілестік саясатына) қосылады. Соның негізінде Хартия бойынша өзге көрші-мемлекеттер сияқты міндеттемелер алады. Қазақстан ЕКС-қа ТМД-дағы Белоруссия, Украина, Молдова елдері сияқты «Шығыс серіктестік» саясаты арқылы қосыла алады. (Жұмыс барысында ҚР-ның еуропалық мемлекет ретінде танудың бірнеше тұрғыда нақты дәлелдері келтірілген).

Осы орайда, ЕО-ның көршілес мемлекеттеріне қатысты саясатының мазмұнына тоқталайық. Еуропалық көршілестік саясаты (ЕКС – European Neighbourhood Policy; ENP) – Еуропалық Одақтың

көршілес мемлекеттерімен қауіпсіздік пен өркениет аймағын құру үшін арналған бағдарлама. ЕКС 2004 жылы Одаққа он жаңа мемлекет мүше болып кіргеннен кейін қабылданды. Жаңа мүшелердің қабылдануы Одақтың сыртқы шекарасын өзгертті. Бұл жағдай көптеген мүмкіндіктерге жол ашқанымен, ЕО-ға жаңа міндеттер де жүктеді. ЕКС-тың алғашқы қағидалары 2003 жылы наурыз айында Комиссияның «Үлкен Еуропа – көршілер: ЕО-ның шығыс және оңтүстік көршілерімен қарым-қатынасының жаңа негізі» атты мәлімдемесінде көрініс тапты. Аталған мәлімдемеге сәйкес Тасис және МЕДА бағдарламалары жүзеге асырылатын үшінші елдерге жәрдемдесу мақсатында Комиссия Еуропалық көршілестік құралын құруды ұсынады. 2004 жылы мамыр айында Еуропалық Комиссия «Еуропалық көршілестік саясаты. Мемлекеттер бойынша стратегия мен баяндамалар» атты жаңа мәлімдеме жасайды. Бұл құжатта Еуропалық көршілестік саясатын енгізудің нақты қадамдары мен көрші-елдерге ЕО кеңеюінің игі тұстарын тарату әдістері көрсетілген. Осы саясат негізінде ЕО 16 көршілес-мемлекеттердің бейбітшілік, тұрақтылық және экономикалық өркендеуге қол жеткізуі үшін саяси және экономикалық реформаларына қолдау көрсетеді. Ол сондай-ақ, тығыз саяси байланыстар орната отырып және ЕО стандарттарына сәйкес келуін қолдай отырып тиісті мемлекеттік басқару мен әлеуметтік дамуға жәрдемдесуге арналған. ЕКС ЕО-ның құрлық пен теңіздегі жақын көршілеріне таралады. Нақтырақ атап өтсек, оларға Шығыс Еуропадағы Беларусь, Украина, Молдова; Оңтүстік Кавказдағы Армения, Әзірбайжан, Грузия; Жерорта теңізі ауданынан Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис және Оккупацияланған палестин аумақтары кіреді. Ресей де географиялық жағынан ЕО көршісі болғанымен, олардың арасындағы қарым-қатынас төрт ортақ кеңістікті қамтитын стратегиялық серіктестік шеңберінде дамуда.

Еуропалық Одақ туралы Шарттың 8-бабына сәйкес, «Одақ оған көрші елдермен өркениет және ізгікөршілік кеңістік құру мақсатында **Одақтың құндылықтарына** негізделген және ынтымақтастық аясындағы тығыз және бейбіт қатынастар ретінде сипатталатын артықшылықтарға ие қатынастарды дамытады». Ал Одақтың құндылықтары Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясында бекітілген. Хартияның преамбуласына сәйкес «Одақ адамгершілік, бостандық, теңдік және ынтымақтастықтың бөлінбес және әмбебап құндылықтарына негізделеді».

Сондай-ақ, ЕКС-тың құқықтың қайнар көзі ретінде танылатын Комиссияның Еуропалық парламент пен Кеңеске жасаған Еуропалық көршілестік саясаты туралы хабарламасының мазмұны Лиссабон шартына [3] негізделген. Аталған құжат негізінде Лиссабон шарты ЕКС-ның ортақ тұрақтылық, қауіпсіздік және өркендеу мақсатын мойындайды. Оның негізінде жасалған талдаулар Лиссабон шарты қабылданғаннан кейін пайда болған мүмкіндіктерді тиімді пайдалану үшін көршілестік саясатын одан әрі дамыту мақсатында жүргізіледі. ЕКС Одақ пен оның көрші елдерінің демократия, заң үстемдігі мен адам құқықтарының ортақ құндылықтарына білескен міндеттеме алуын көрсетеді. Алайда бүгінде ЕКС-тың осы бағыттағы мақсаттарына қатысты көрші елдердің адам құқықтары мен негізгі бостандықтары туралы белгілі бір шарттарға қосылуы кейінге қалдырылған. Мұның басты себебі – көрші мемлекеттерде адам құқықтарының әр түрлі деңгейде қорғалуы. Оған қоса баспасөз бостандығы, жыныс теңдігі деген сияқты мәселелердің ушығуы тағы бар. Десек те, Египет, Марокко, Иордания және Ливан сияқты елдерде әйелдердің саясатқа белсенді араласуына және Украинада баспасөз бостандығына айтарлықтай қол жеткізілді.

Еуропаның бірқатар елдерінің ЕО-ның еуропалық құрылымдарына интеграциялануға ұмтылысы немесе олардың еуропалық көршілік саясат шеңберінде ЕО-мен өзара әрекеттері сол елдерге әлеуметтік-экономикалық және саяси дамудың әртүрлі салаларында белгілі бір жетістіктерге жетуге мүмкіндік береді.

Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясының серіктес-елдерге заңи күшінің таралуына қатысты келесі ЕО құжатының маңызы зор. ЕО-ның 2008 жылдың 21 қарашасында бекітілген шешіміне сәйкес, Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясы мүше-мемлекеттерге ғана емес, оның серіктес-мемлекеттеріне де міндетті болып табылады. Бұл елдерге, ең алдымен, Еуропалық Одақпен жеке әрекеттер Жоспары бар, Еуропалық көршілестік саясатына қосылған мемлекеттер жатады. Қазақстан – ЕО-ның маңызды стратегиялық серіктесі. Алайда ол Одақтың ізгі көршілестік саясатына қосылмаған. Осыған байланысты жұмыс барысында Еуропалық көршілестік саясатын зерттей отырып, оған Қазақстанның қосылуын жан-жақты талдаймыз.

ЕО ЕКС негізінде Жерорта теңізіндегі көршілес мемлекеттерінің әрқайсысымен Қауымдастық туралы Келісім жасасқан. Бұл келісімдер 1970-жылдары жасалған сауда және ынтымақтастық туралы келісімдердің орнын алмастыру мақсатында жасалған. Олар саяси және экономикалық, қаржы, әлеуметтік және мәдени ынтымақтастық туралы ережелерден тұрады. Барлық келісімдер

демократиялық қағидалар мен адамның негізгі құқықтарын құрметтеуді «маңызды элемент» ретінде анықтайды. Украина сияқты Одақтың Шығыс Еуропадағы көрші-мемлекеттерімен қауымдастық туралы Келісім жасасу жөнінде келіссөздер жүргізілуде [4, 5 б.].

Үшінші ұсыныс екіншісінен туындайды. СЫК-ке Хартия туралы арнайы бап енгізу мүмкін болмаған жағдайда тараптар бөлек құжат қабылдауы тиіс. Ол екіжақты немесе біржақты мәлімдемелер, бірлескен коммюнике немесе Меморандум болуы мүмкін. Бұл құжаттардың қатары келесі құжатта толық аталып өтеді.

2010 жылы 12 тамызда қабылданған «Қазақстан Республикасының халықаралық шарттарының орындалуы туралы ақпаратты дайындау және оны Қазақстан Республикасы Президентінің қарауына ұсыну, сондай-ақ Қазақстан Республикасы қатысушысы болып табылатын халықаралық ұйымдар шешімдерінің жобаларын келісу және оларды іске асыру, Қазақстан Республикасы Президентінің қатысуымен өтетін Қазақстан Республикасының халықаралық іс-шараларын дайындау, қол жеткізілген уағдаластықтарды орындау, халықаралық сот органдарымен өзара іс-қимыл және Қазақстан Республикасының мемлекеттік органдарының халықаралық қызметін үйлестіруді жүзеге асыру мәселелері туралы» Президент Жарлығына [5] сәйкес, бірлескен мәлімдемелер, декларациялар, коммюнике және Қазақстан Республикасының мемлекеттік және үкіметтік делегацияларының шетелдерге, керісінше, шетелдердің Қазақстандаға келуі кезінде қабылданған басқа да құжаттар ҚР Президенті мен Үкіметінің тапсыруымен қол қойылған немесе қабылданған ведомствоаралық сипаттағы бірлескен құжаттар, кездесулер мен келіссөздер нәтижесінің хаттамасы, меморандумы, ноталары мен хаттары, сондай-ақ Президент пен премьер-министрдің және оның орынбасарларының жеке жолдаулары мен хаттары жоғары және үкіметаралық деңгейдегі кездесулер мен келіссөздер барысында қол жеткізілген келісулер болып табылады. Олардың халықаралық-құқықтық сипаты жоқ, алайда келісулер бойынша міндеттеме алған жағдайда уәкілетті органдар оның орындалуын қамтамасыз етуі тиіс. Осы орайда Сыртқы істер министрлігі халықаралық міндеттемелерді орындау жөніндегі шаралар жоспарын қадағалайды.

Жылдан жылға маңыздылығы артып келе жатқан Хартия жеке тұлғалардың да, ғылыми зерттеушілердің де қызығушылығын тудыруда. Осы орайда біздің жасаған болжамымыз бойынша, Еуропалық стандарттарға жетуге ұмтылған Қазақстан Республикасы үшін Еуропалық Одақтың негізгі құқықтар туралы Хартиясы бойынша өзіне міндеттемелер алуы Қазақстанның аталған ұйыммен ынтымақтастығын одан әрі нығайтуға және Еуропа кеңістігіне интеграциялануына жол ашады.

Бізді тек географиялық тұрғыдан ғана жақындатып қоймаған Еуроодақ аясының кеңею үдерісі де маңызды рөл атқарып отыр. Еуроодақтың мүше-мемлекеттерімен арадағы Қазақстанның тығыз тарихи байланысы біздің серіктестігіміздің дамуына үлкен серпін болуда.

Жұмыс барысында келтірілген дәйектерге сүйенетін болсақ, Қазақстан Республикасы мен Еуропалық Одақ арасындағы қатынастардың қарқынды дамуы Республиканың аталмыш Хартия бойынша Еуропалық Одақтың серіктесі ретінде тиісті халықаралық-құқықтық міндеттемелер алуына толық негіз бола алады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий / Под ред. д.ю.н., проф. С.Ю. Кашкина. – М.: Юриспруденция, 2001. – 208 с.
2. Аманжолов Ж.М. Хартия Европейского Союза об основных правах: ее юридическое значение и возможные перспективы для Казахстана в контексте политики соседства // Материалы международной научной конференции «Роль Казахстана в международном сообществе». – Алматы, КазНУ имени аль-Фараби. 10 октября 2010 г.
3. Европейский Союз: Основопологающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / под ред. С.Ю. Кашкина. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 698 с.

Линкявичюс Л. Политика соседства Европейского Союза по отношению к Украине // Обзорение литовской внешней политики, № 21, 2008 – С. 4-19.

Указ Президента Республики Казахстан от 12 августа 2010 года № 1037 «О вопросах подготовки информации о выполнении международных договоров Республики Казахстан и представления ее на рассмотрение Президента Республики Казахстан, а также согласования проектов решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и их реализации, подготовки международных мероприятий Республики Казахстан с участием Президента Республики Казахстан, выполнения достигнутых договоренностей, взаимодействия с международными судебными органами и осуществления координации международной деятельности государственных органов Республики Казахстан» (с изменениями от 5 октября 2020 года). // http://adilet.zan.kz/rus/docs/U100001037_#z14

Otynshiyeva A. A.,
PhD, senior lecturer of
Department of International Law, Faculty of
International Relations, Al-Farabi KazNU
aidana-best91@mail.ru

Balabekova N. E.,
Master of Humanities,
history teacher of school №198

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS IN THE NATIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Түйін. Мақала Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасындағы халықаралық-құқықтық нормалардың тиімділігі мен іске асырылуының теориялық және практикалық мәселелерін зерттеуге арналған. Ішкі заңнама аясында халықаралық құқықтың сақталуын қамтамасыз ету әдістері халықаралық заңгерлердің, соның ішінде Мингазовтың, Мюллерсонның және Гавердовскийдің зерттеулерінің тақырыбы болды. ҚР ұлттық заңнамасы аясында халықаралық-құқықтық нормаларды іске асырудың жекелеген аспектілерін шетелдік сарапшылар да зерттеді.

Түйінді сөздер: халықаралық құқық, ұлттықтан жоғары тетіктер, халықаралық актілер, сыртқы саяси басымдықтар.

Резюме. Статья посвящена изучению теоретических и практических проблем эффективности и реализации международно-правовых норм в национальном законодательстве Республики Казахстан. Методы обеспечения соблюдения норм международного права в рамках внутригосударственного законодательства были предметом исследований юристов-международников, таких как Мингазов, Мюллерсон и Гавердовский. Отдельные аспекты реализации международно-правовых норм в рамках национального законодательства РК изучены и зарубежными экспертами.

Ключевые слова: международное право, наднациональные механизмы, международные акты, внешнеполитические приоритеты.

Summary. The paper is devoted to the study of theoretical and practical problems of effectiveness and implementation of the international legal norms in the national legislation of the Republic of Kazakhstan. The methods for enforcing the norms of international law within the domestic legal framework were the subject of research by international lawyers, including Mingazov, Müllerson and Gaverdovsky. Certain aspects of implementing international legal norms within national legislation of the RK have been also studied by foreign experts.

Key words: international law, supranational mechanisms, international acts, foreign policy priorities.

Providing a qualitative description of the international legal norm, the theory of international law considers it primarily as capable of making impact on certain legal relations. Effectiveness is a manifestation of the ability of the norm of international law to have a positive impact on international relations, the behavior of states and other subjects of law in the direction determined by the purpose of this norm in order to achieve certain social results. [1, p. 177]

Implementation of international law at the national level is the main, but not the only way to implement them. The norms of international humanitarian law provide additional international legal and organizational means for ensuring implementation at the international level, which together constitute an international mechanism for the implementation of international humanitarian law. [2]

The methods of implementation are: incorporation; transformation; General, private or specific reference. When incorporated, international legal norms are reproduced verbatim in the laws of the implementing state without any changes. During the transformation, the norms of the relevant international Treaty are somewhat reworked when they are transferred to national legislation (this is usually due to the need to take into account national legal traditions and standards of legal technology). In the case of a General, private or specific reference, international law the norms are not directly included in the text of the law; the latter only mentions them. Thus, when implemented by reference, the application of a national legal norm becomes impossible without direct reference to the original source – the text of the relevant international Treaty.[3]

In a number of States, ratified international treaties automatically become part of national legislation. Kazakhstan's accession to the Conventions may be it is taken into account when considering cases in the European court of human rights in Strasbourg, in international courts, when considering cases in foreign jurisdiction. At the same time, the conventions describe legal norms, many of which are innovations for Kazakhstan legislation. An important feature of the Conventions is the expansion of the range of offences related to corruption, for which our country, on the one hand, has accepted obligations to criminalize them in national legislation, on the other hand, it has received legal instruments for international cooperation in terms of information exchange, joint investigations, arrest, confiscation and return of assets, and extradition of criminals (this now does not require the conclusion of separate bilateral agreements).[4]

At the moment, the Republic of Kazakhstan is carrying out systematic work on bringing criminal legislation into force of the Republic in accordance with international criminal law. So, recognizing the value of the principles are based on universally recognized norms of international criminal law, which applies the principle of criminal liability for serious violations of international criminal law, our Republic has been undertaken by organizations at the state level, activities aimed on the accession of the separate international treaties and agreements, as well as for the organization of work on making relevant amendments to the national legislation of the Republic of Kazakhstan.[5]

The problem of the implementation on international law into domestic law does not lose its actuality primarily in connection with the application of international law in national courts. There are solid developments of this problem in the modern legal literature of foreign countries.[6]

In the Republic of Kazakhstan, the problems of the implementation of international law into national legislation are not sufficiently studied. The study gains particular importance in the context of the implementation of international standards in the area of human rights. [7]

It is only natural that human rights and freedoms and their protection occupy a prominent place in all new constitutions. Many of them contain references to the international law of human rights and some affirm its primacy over national laws. The incorporation of international law or its constituent parts into domestic law on the basis of parity, without a clear indication as to the primacy of one over the other, poses a difficult issue of choice between conflicting rules of international law and domestic law. In many instances, rules of international law (customary, conventional or both) are recognized as a constituent part of national legal systems and given a higher hierarchical status in the case of a conflict with a national law. [8] The general trend of the new constitutional development, to incorporate international law into domestic law and to affirm the precedence of the former in conflicting situations, is corroborated by the judicial practice of the constitutional courts of the States concerned, especially in relation to human-rights issues. It is too early, however, to draw any conclusions on the extent to which the ordinary courts of first instance or administrative authorities are prepared and willing to directly rest their decisions on the rules of international law. [9]

The ever-growing interdependence of States and peoples, accompanied by the constant 'intrusion' of international law into many national spheres, including those previously reserved for exclusive domestic regulation (from human rights to economy and defence), and the expansion of the prerogatives of inter-State institutions objectively lead to the de facto affirmation of the primacy of international law and induce States to recognize de jure this primacy. The gradual process of 'the de jure recognition' is clearly manifested in the respective stipulations of the new constitutions. The primacy clauses contained in the constitutional texts have been engendered not by the century-old conceptual argument between monists and dualists, but by the objective factors of contemporary life, albeit the above argument could have had some impact on the formulation of the respective clause in a concrete constitution. [10]

Certainly, one can argue that the primacy of international law established by constitutions is relative since, ultimately, it is subject to the provisions of the highest domestic law (the constitution). Moreover, some constitutions expressly establish limits on such primacy, for instance by stipulating that an international treaty may not contravene the constitution. What is important, however, is that the compelling objective factors leading to the current primacy of international law cannot be neglected or disregarded by States at will. [11]

Right to life

1) the UN and the ECHR are opposed to retaining the death penalty. The second optional Protocol of the ICCPR, Protocols 6 and 13 of the ECHR prohibit the death penalty in all circumstances, even during military operations. 2) although the Optional Protocols of the ICCPR are not binding on States parties that have not signed or ratified them, those States parties that have not acceded to the additional protocols are under constant criticism from the UN.

The current moratorium on the execution of death sentences in the Republic of Kazakhstan does not correspond to the widespread international practice on this issue.

As a transitional step towards the complete abolition of the death penalty, it is recommended to consider the possibility of introducing a moratorium on judicial decisions that sentence the death penalty. In the future, we consider it appropriate to join the Second optional Protocol of the ICCPR and exclude capital punishment, since the practice of using the penalty as life imprisonment implements the policy of humanizing the norms of criminal law in the Republic of Kazakhstan.

Right to liberty and security of the person Conclusions Problems Proposals

The Republic of Kazakhstan aims to bring national legislation in line with generally accepted legal norms and standards in the field of human rights protection. This issue is particularly relevant at a time when the country has embarked on a new stage of legal and political reforms. Most violations of article 5 are linked to violations of other articles of the Convention.

1. Violation of the terms of consideration of complaints of detainees about the legality of detention; 2. Violation of the detention procedure, namely, the calculation of the terms of detention from the moment of registration of documents, and not from the moment of actual detention.

Paragraph 2 of article 14 of the criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan is proposed to be amended as follows: «2. Detention and house arrest are permitted only in the cases provided for by this Code and only with the approval of a court, with the right of judicial appeal granted to a prisoner in custody or house arrest. Without a court order, a person may be detained for a maximum of forty-eight hours, and a minor may be detained for a maximum of twenty-four hours. Compulsory placement of a person who is not in custody in a medical organization for forensic psychiatric and (or) forensic medical examinations is allowed only by a court decision.»

Right to non-interference in private and family life

Under the provisions of the RFP No. 16 of the UN human rights Council, housing should be understood as a place where a person lives or does ordinary business, for example, a place of work.

In accordance with the provisions of national legislation, the main criterion for the definition of “housing” is the condition of permanent residence in a separate residential unit.

Based on the study of international experience in judicial practice, it was recommended to implement the expanded definition of “housing” in national legislation. [12]

Sometimes there is a situation when the legislator, by ratifying international labor standards, turns them into national ones and at the same time does not change the national laws themselves, which continue to operate, as a result of which a previously adopted law and an international Convention that has become law exist in parallel. Discrepancies and contradictions inevitably arise between these legislative acts. This, in turn, requires the state that has ratified the Convention to take additional measures to ensure that the rights of citizens are respected.

Thus, the implementation of international law is impossible without the implementation of certain norms of domestic law.

Legislation often refers to the “direct” application or “direct” operation of international law. Such expressions cannot be taken literally, i.e. they do not imply the direct application or operation of international norms other than the national system, since the norms of international law are incorporated into the country’s legal system and act as part of that system. In other words, these rules should be applied in accordance with the goals and principles of the country’s legal system, as well as in accordance with the procedure established by it. In this regard, the norms of international law cannot be directly applied in the domestic sphere; the process of their application inevitably passes into the process of implementing the norms of domestic law. [13]

National law should establish a General procedure for the domestic application of international norms. In deciding on the applicability of a particular rule, everything depends on the content of such a rule, which must be sufficiently specific, have the property of generating the rights and obligations of subjects of national law and, consequently, can serve as the basis for individual law enforcement acts of judicial authorities. You need to take into account the fact that it is possible to secure only those rights for which you have created the necessary social and economic conditions.

Adherence to conventions and the development of the most advanced domestic norms do not yet solve the problem of human rights in essence. It is necessary to create a mechanism that guarantees the application of laws and respect for them by all members of society, regardless of their position. Only with this approach to human rights and freedoms can we build a legal state, because the very concept of a legal state means the primacy of the law, the supremacy of universal values over all others.

References:

1. Abikenov A., Idrysheva S.K., Zharbolova A. Zh., Apakhayev N., Buribayev Yermek A., Khamzina Zh.A. The Problems of Effectiveness and Implementation of the International Legal Norms of the States of the Eurasian Economic Union (EAEU) // Bull. Georg. Natl. Acad. Sci., vol. 13, no. 1, 2019, p. 177
2. «Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // <http://hrlibrary.umn.edu/russian/hrtsbook/ReurostandardsRchapter4.5.html> (дата обращения 20.11.20)
3. McAdam J., An intellectual history of freedom of movement in international law: the right to leave as a personal liberty. Melbourne Journal of International Law, 2011. P. 27-56. C. 27
4. Vladlen S. Vereshchet. New Constitutions and the Old Problem of the Relationship between International Law and National Law // 7 EJIL (1996) p.41
5. Право на свободу и личную неприкосновенность в рамках ЕКПЧ (статья 5). Interrights. Руководство для юристов. – Совет Европы, 2008 года. http://www.echr.ru/documents/manuals/Article05/InterightsRight%20to%20Liberty_RUS.pdf (дата обращения 28.11.20)
6. Международная защита прав человека: учебник / отв. ред. А. Х. Абашидзе. – Москва: РУДН, 2017. – 466 с.
7. J. Yorke. The Right to Life and the Value of Life: Orientations in Law, Politics and Ethics. Law, Justice and Power Series. Routledge, 2010. – 464 p.
8. Имплементация норм международных договоров в области прав человека (гражданские и политические права) в законодательство Республики Казахстан: Научное издание / Под общей редакцией Р.К. Сарпекова, Ж.О. Кулжабаевой. – Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2019. – 285 с.
9. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2007 года № 254 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан»// Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000254_#z0 (дата обращения 28.11.20)
10. Ibid
11. Shackleton J. Corruption: An essay in economic analysis // Political quart L., 1978. – Vol. 49, № 1. P. 25-37.
12. Имплементация международно-правовых норм в антикоррупционное законодательство Республики Казахстан // Право и государство. № 1(62) 2014. – С. 84 – 88.
13. Старожилова Н.П. Ратификация международно-правовых норм во внутри государственное законодательство // правовое развитие и становление государственности Казахстана. Алматы, 1998.

ACTIVITIES OF THE CIS INTERSTATE SPACE COUNCIL

Түйін. ТМД құрылғаннан кейін Достастыққа мүше мемлекеттердің басшылары қол қойған алғашқы келісімдердің бірі – 1991 жылғы 30 желтоқсандағы Ғарыш кеңістігін зерттеу мен пайдалану саласындағы бірлескен қызмет туралы келісім. Келісімде ғарыш кеңістігін зерттеу мен пайдалану саласындағы бірлескен іс-шараларды қатысушы мемлекеттер мемлекетаралық бағдарламалар негізінде жүзеге асыратындығы көзделген болатын. Жұмыстың мақсаты – бұдан әрі ынтымақтастықтың перспективаларын және ғарыш жөніндегі мемлекетаралық кеңес үйлестіретін бағдарламаларды іске асыруды қарастыру. Осылайша, Кеңесті құру 1991 жылғы Ғарыш кеңістігін пайдалану мен пайдалану саласындағы бірлескен қызмет туралы келісімнің ережелерімен қарастырылған. Ғылыми маңыздылығы жұмыста ТМД-ға қатысушы мемлекеттердің әлеуметтік-экономикалық және ғылыми-техникалық дамуы үшін ғарыштық ғылым мен техниканың бірыңғай органын құрудың маңыздылығын талдаумен анықталады. Бұл мақала ТМД-ға қатысушы мемлекеттердің ғарыш кеңістігін бағындыруға бағытталған ғылыми-техникалық және өндірістік әлеуетін дамытудағы мемлекеттер арасындағы ынтымақтастықтың қажеттілігін негіздейді.

Түйінді сөздер: Ғарыш кеңістігі жөніндегі мемлекетаралық кеңес, мемлекеттердің ғарыш кеңістігін зерттеу және пайдалану саласындағы ынтымақтастығы, ғарыш ғылымдары.

Резюме. После образования СНГ, одним из первых соглашений, подписанных главами государств-участников Содружества, стало Соглашение о совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства от 30 декабря 1991 года. В Соглашении было предусмотрено, что совместная деятельность по исследованию и использованию космического пространства будет осуществляться государствами-участниками на основе межгосударственных программ. Целью работы является рассмотрение перспектив дальнейшего сотрудничества и осуществление программ, который будет координировать Межгосударственный совет по космосу. Таким образом, создание Совета предусмотрено положениями Соглашения о совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства 1991 года. Научная значимость определяется тем, что в работе проведен анализ важности создания единого органа космической науки и техники для социально-экономического и научно-технического развития государств-участников СНГ. Эта статья обосновывает необходимость сотрудничества государств в развитии научно-технического и промышленного потенциалов государств-участников СНГ, направленных на освоение космического пространства.

Ключевые слова: Межгосударственный совет по космосу, сотрудничество государств в области исследования и использования космического пространства, космическая наука.

Summary. After the formation of the CIS, one of the first agreements signed by the heads of the member states of the Commonwealth was the Agreement on Joint Activities in the Exploration and Use of Outer Space of December 30, 1991. The Agreement stipulated that joint activities in the exploration and use of outer space would be carried out by the participating States on the basis of interstate programs. The purpose of the work is to consider the prospects for further cooperation and implementation of programs, which will be coordinated by the Interstate Council on Space. Thus, the establishment of the Council is provided for by the provisions of the 1991 Agreement on Joint Activities in the Exploration and Use of Outer Space. The scientific significance is determined by the fact that the work analyzes the importance of creating a single body for space science and technology for the socio-economic and scientific-technical development of the CIS member states. This article substantiates the need for cooperation between states in the development of scientific, technical and industrial potentials of the CIS member states aimed at conquering outer space.

Key words: Interstate Council on Outer Space, cooperation of states in the field of exploration and use of outer space, space science.

Long-term and operational issues of interaction are provided by the bodies of sectoral cooperation, since it is these bodies, directly connected through sectoral contacts with the national economies of the mem-

ber states of the Commonwealth of Independent States (hereinafter – the CIS), that ensure the consideration and solution on a multilateral basis of many complex issues of cooperation in various areas of interaction [1, p.178].

Within the framework of the CIS, 66 sectoral cooperation bodies have been created, including: 36 in the economic sphere, 10 in the humanitarian sphere, 16 in the field of security, 2 each in the information and legal spheres. Of the 66 organs, 16 have permanent working apparatus. The functions of the working apparatuses of 19 bodies are performed by structural subdivisions of the CIS Executive Committee, 13 are structural subdivisions of the state authorities of the CIS member states presiding over the bodies, in 18 the head of the secretariat is a representative of the Commonwealth member state presiding in the Council, and his deputy is a representative of the CIS Executive Committee [2, p.194].

The sectoral cooperation bodies of the Commonwealth are the main structures organizing the practical implementation of decisions taken by the highest bodies of the CIS. They play a significant and significant role in the development and improvement of the legal and organizational framework for cooperation within the CIS. The activities of the sectoral cooperation bodies of the Commonwealth contributes to the development of sectoral and inter-sectoral cooperation of the CIS member states, partnerships between government and business structures, as well as closer cooperation and interaction with other specialized international organizations, both at the regional and universal levels [2, p. .207]. These bodies contributed to the creation of the regulatory legal framework of the Commonwealth, the harmonization of economic legislation, and achieved certain results in coordinating the actions of the relevant national ministries and departments. At the initiative of these bodies, most of the interstate and intergovernmental agreements signed by the heads of state and government of the Commonwealth have been prepared [3]. Among the CIS sectoral cooperation bodies is the Interstate Space Council, which was supposed to become the main body in this important sphere of interaction between the CIS member states. However, due to a number of circumstances, this body did not work.

On October 16, 2015, at a meeting of the Council of CIS Heads of State, Kazakhstan made a number of proposals related to improving the future activities of the CIS. Among them was a proposal for an inventory of the legal framework of the CIS. In 2016–2017, the CIS Executive Committee and sectoral cooperation bodies carried out the inventory of international legal instruments that form the basis of the CIS. The named bodies analyzed the relevance of international treaties and other legal acts of the Council of Heads of State, Council of Heads of Government, Council of Foreign Ministers and CIS Economic Council. Among a large number of international treaties and various decisions of the CIS bodies, those that must be updated or whose action must be terminated were identified. Among a number of recommendations made on the basis of the inventory of the legal framework of the CIS, it was proposed to consider the feasibility of terminating (both final and through the conclusion of subsequent international treaties on the same issues) with respect to 11 agreements and protocols in force within the CIS, among which were treaty acts on cooperation of the CIS states in the field of space activities [4, p.264].

It should be emphasized that after the formation of the CIS, one of the first agreements signed by the heads of the Commonwealth member states was the Agreement on Joint Activities in the Exploration and Use of Outer Space of December 30, 1991 [5]. The Agreement stipulated that joint activities in the exploration and use of outer space would be carried out by the participating States on the basis of interstate programs. The implementation of these programs was intended to be coordinated by the Interstate Council on Space (hereinafter referred to as the Council), the composition of which was to be formed from plenipotentiary representatives of the state's parties to the Agreement. Thus, the establishment of the Council is provided for by the provisions of the 1991 Agreement on Joint Activities in the Exploration and Use of Outer Space.

The 1991 Agreement remains in force until the official entry into force of the CIS Convention on Cooperation in the Peaceful Exploration and Use of Outer Space, signed in Dushanbe on September 28, 2018 [6]. If the 1991 Agreement laid the legal basis for the creation of the CIS Interstate Council on Space, then its legal status was enshrined in the Protocol of the Council of CIS Heads of Governments on the approval of the Regulations on the Interstate Council on Space [7]. This Protocol terminates from the date of entry into force of the Agreement on the implementation of joint activities of the member states of the Commonwealth of Independent States dated November 2, 2018 [8].

Unfortunately, despite the signing of the Protocol, the CIS Interstate Council on Outer Space was never created, although, in accordance with the Regulations, it was supposed to become a coordinating body in the field of formation and implementation of interstate programs for the exploration and use of outer space. Since the Council was not created, its permanent working body, the Executive Committee of the Council, was not formed either.

The main reason that the CIS Interstate Space Council did not work was the absence of interstate programs for the exploration and use of outer space within the CIS. Over the past period, the CIS member states have not adopted a single such program. Today, only a few CIS member states have their own space programs or individual projects, and international cooperation in the field of space activities between them has almost completely passed the bilateral basis [9, p. 11-12]. At the same time, the signing on November 2, 2018 in Astana of the Agreement on the implementation of joint activities of the Commonwealth member states in the exploration and use of outer space for peaceful purposes demonstrated their interest in developing multi-lateral cooperation in this area. Thus, in the preamble to the Agreement, the participating States directly stated their awareness of the importance of space science and technology for the socio-economic and scientific and technological development of the CIS member states, their understanding of the importance of developing the scientific, technical and industrial potential of the CIS member states aimed at developing outer space. In addition, here they recognized the practical importance and potential mutual benefits from purposeful international cooperation in the field of space activities based on scientific, technical and industrial cooperation, and also expressed their interest in joining efforts in various fields of research and use of outer space for peaceful purposes [8].

In addition, cooperation in the field of peaceful uses of outer space was given great attention in the Action Plan for the implementation of the first (2009–2011) and second (2012–2015) stages of the Commonwealth Economic Development Strategy for the period up to 2020. Taking these circumstances into account, the CIS member states decided to keep the CIS Interstate Space Council in the structure of the sectoral bodies of the Commonwealth, ensuring, however, the beginning of its functioning. This was the opinion of most of them, which they expressed in response to the request of the CIS Executive Committee, made in 2009 to the governments of the CIS states, about the advisability of resuming the activities of the CIS Interstate Council on Space.

The first such meeting, which was attended by representatives of the executive authorities of the CIS member states on cooperation in the space sector, was held on March 25, 2010 on the basis of ROSCOSMOS in Moscow. Six CIS countries were represented at it – Armenia, Belarus, Kazakhstan, Russia, Tajikistan and Ukraine. Subsequent meetings of representatives of the executive authorities of the CIS member states on cooperation in the space sector were held: in 2011 in Minsk, in 2012 in Almaty, in 2013 in Evpatoria (Russia), in 2014 in Moscow. Official representatives of Azerbaijan, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan and Ukraine, as well as the Executive Committee of the CIS, industrial, scientific and scientific-industrial organizations in the field of space activities of the states of the Parties took part in the work of these meetings [9, p.5].

The first meeting of the Interstate Council on Space was held on January 22, 2020 in Minsk (Republic of Belarus). It was attended by members of the Council from the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, the Republic of Armenia took part as an observer. The parties approved the regulations and work plan of the council, and also signed the corresponding decisions [10].

References:

1. Aydarbayev S.Zh. Integration issues in the post-Soviet space in the context of globalization of the world: international legal aspects. Monograph. – Almaty: Kazakh University, 2010.- 416 p.
2. Development and activities of the Commonwealth of Independent States in 2018 (Collection of information and analytical materials). Issue No. 7 / Under total. ed. First Deputy Chairman of the Executive Committee – Executive Secretary of the CIS Guminsky V.A. – Minsk, 2019.- 207 p. // <http://www.cis.minsk.by/foto/pages/19180/5c5bcb6a5fb8c.pdf>
3. Report to the Council of CIS Heads of State of the High Level Group (2009) // www.cis.minsk.by
4. Development and activities of the Commonwealth of Independent States in 2017 (Collection of information and analytical materials). Issue No. 6 / Under total. ed. First Deputy Chairman of the Executive Committee – Executive Secretary of the CIS Guminsky V.A. – Minsk, 2018.- 296 p. // <http://www.cis.minsk.by/foto/pages/19180/5a8e6a29db167.pdf>
5. Agreement on joint activities in the exploration and use of outer space dated December 30, 1991 // https://online.zakon.kz/document/?Doc_id=1007033
6. Convention of the Commonwealth of Independent States on cooperation in the exploration and use of outer space for peaceful purposes (Dushanbe, September 28, 2018) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1007033&doc_id2=34161226#sub_id=1005930003&sel_link=1005930003
7. Protocol of the Council of CIS Heads of Governments on Approval of the Provision on the Interstate Council on Space (Moscow, November 13, 1992) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1009890#pos=0;2048

Agreement on the implementation of joint activities of the member states of the Commonwealth of Independent States in the field of exploration and use of outer space for peaceful purposes (Astana, November 2, 2018) // [https://online.zakon.kz/document/?doc_id= 39082487 # pos = 0](https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39082487#pos=0); 197

9. Cooperation of the CIS member states in the field of peaceful use of outer space (information and analytical note). – M., 2015. // <http://www.e-cis.info/index.php?id=308>
10. The first meeting of the CIS Interstate Space Council is being held in Minsk. (information and analytical reference). – M., 2020. // <http://www.inform.kz>

HISTORICAL BACKGROUND AND LEGAL ADAPTATION OF REPATRIATES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Түйін. Қазіргі уақытта шетелден оралған және ішкі еңбек көші-қонының бір бөлігі болып табылатын отандастарымыздың Қазақстан Республикасының әлеуметтік-экономикалық өміріне қатысуы туралы тәуелсіз зерттеулер жүргізілмеген. Соңғы жылдары халықтың белгілі бір пайызын қамтыған оралмандардың немесе жаңа терминдегі қандастардың елдегі әлеуметтік-экономикалық тенденцияларға әсерін зерттеу өзекті мәселеге айналды. Осы себептен, ұсынылып отырған зерттеу мақаласында диаспора термині талданып, тәуелсіздік алғаннан бері қандардың Қазақстан Республикасының аумағына қоныс аудару кезеңдері, сондай-ақ оларды жаңа ортаға бейімдеу және оларды жұмыспен қамтама-сыз ету процестері келтіріліп, оралмандардың ішкі еңбек көші-қонына әсері талданады.

Түйінді сөздер: оралман, қандас, диаспора.

Резюме. В настоящее время, отсутствуют независимые исследования по участию наших соотечественников, которые вернулись из-за рубежа и составляют часть населения внутренней трудовой миграции в социально-экономической жизни Республики Казахстан. В последние годы актуальной проблемой стало изучение влияния оралманов или в новом термине кандас, на социально-экономические тенденции в стране, охватившее определенный процент населения. По этой причине в предлагаемой исследовательской статье проанализирован термин диаспора и перечислены этапы миграции кандас на территорию Республики Казахстан с момента получения независимости, а также процесс адаптирования их к новой среде и обеспечение их работой и проанализировано влияние репатриантов на внутреннюю трудовую миграцию.

Ключевые слова: оралманы, кандас, диаспора.

Summary. Currently, there are no independent studies on the participation of our compatriots who returned from abroad and are part of the population of internal labor migration in the socio-economic life of the Republic of Kazakhstan. In recent years, the study of the influence of oralmans, or in the new term kandas, on socio-economic trends in the country, which covered a certain percentage of the population, has become an urgent problem. For this reason, the proposed research article analyzes the term diaspora and lists the stages of migration of kandas to the territory of the Republic of Kazakhstan since independence, as well as the process of adapting them to the new environment and providing them with work, and analyzes the impact of repatriates on internal labor migration.

Key words: oralmans, kandas, diaspora.

Before the First World Karkultai of Kazakhs in 1992, the mass media of Kazakhstan began to use the term “diaspora” to define all Kazakhs living outside of Kazakhstan. In fact, examining the reasons why more than 4.5 million and about 35% of our compatriots ended up outside their homeland, it turned out that this term cannot be applied to all groups of Kazakhs settled around the world, in almost 40 countries.

G.M. Mendikulova argues that, “Only about 800 thousand or 18% of the total number of Kazakhs living abroad are a diaspora or” a group of ethnic minorities that resettled, lives and operates in the host country, but has strong sentimental and material ties with the country of origin”. The remaining 3.7 million Kazakhs of Russia, Uzbekistan, China, as well as in the Bayan-Ulgeysky aimag of the Mongolian Republic can in no way be defined by the term “diaspora”, since they live on their iconic lands, but due to the colonial policy of tsarism in the 19th centuries and the totalitarian Soviet regime in the XX century., at the moment, are part of other (neighboring states). Thus, this population group is defined by the term “irrident” [1, p.70], and not “diaspora”.

The term “irredent” is widespread in foreign social sciences. Research on this issue, called “irredentism”, occupies one of the priority areas in conflict management, the history of international relations, and ethnic politics throughout the world [2]. However, in the former Soviet Union, the republics of which were created on the basis of a complex of colonial models of territorial conquests of the Russian Empire, as well as

Bolshevik national-territorial delimitations in Kazakhstan and Central Asia in 1924 and in the 1950s-1960s, this industry in social sciences was absent, as it was prohibited.

In modern foreign political science, the term “irredent or non-reunited nations” refers to ethnic minorities inhabiting a territory adjacent to the state, where their compatriots dominate. Outside their country, non-reunited nations (as opposed to diasporas, which are created through the migrations of ethnic groups to other countries that are not their historical homeland) turned out to be the result of wars, annexations, disputed borders or a complex of colonial models [3, p. 83]. This category of the population was known to historians of the 19th century. and is viewed as “a product of the doctrine that proclaims the rights of every people who consider themselves a” nation “to establish national self-determination in the form of state independence” [4].

The stages of the repatriation of Kazakhs were based on three World Kurultai of Kazakhs (1992, 2002, 2005), at each of which the chairman of the World Association of Kazakhs N.A. Nazarbayev determined the priority tasks of the development of the Kazakh ethnos, the strengthening of the Kazakh statehood, and the consolidation of the people.

The first stage (1992-2002) of the return of ethnic repatriates to their historical homeland acquired particular relevance in connection with the acquisition of independence. The first kurultai of Kazakhs took place in 1992 in the city of Almaty. This event was attended by over 800 delegates from 3 countries of the near and far abroad, as well as representatives from all regions of Kazakhstan. The main results of the First Kurultai were the creation of the World Association of Kazakhs, the adoption of the Charter, the election of the leadership, where Nursultan Nazarbayev was elected chairman. The flow of migrant ethnic Kazakhs from abroad began in the early 90s. Already in the resolution of the first kurultai-congress of Kazakhs from all over the world, the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev called on “to unite all Kazakhs under one flag on the Kazakh land” [5]. First of all, through the press, these calls reached the Kazakh diaspora in neighboring states. In many cases, Kazakhs did not experience any political and social discrimination in the country of origin, in some countries, such as Mongolia, they even held high government posts. The first ethnic Kazakhs, who were not yet called today by the widely used, controversial term oralman, came from Mongolia in 1991 under labor contracts, and 97 ethnic Kazakhs resettled from Mongolia [6, p.18].

To regulate immigration processes, from the beginning of 1993, a quota for ethnic repatriates was established, which to this day remains a regulatory mechanism for resettlement and placement of ethnic repatriates in the country. If in 1993 the quota was 10 thousand families, then due to the difficult socio-economic situation that developed in the country in the second half of the 90s, the level of the quota dropped to 500 families in 2000. However, since 2001, the upper limit of the ethnic migrant quota has risen sharply to 15,000 families. The peak of repatriation was in the mid-90s, when 164,000 repatriates arrived in the republic.

A significant part of ethnic Kazakhs, after resettlement in accordance with the quota, moved to where it is warmer, that is, to the southern regions of Kazakhstan. The bulk of the migrants arrived in Zhambyl, South Kazakhstan oblast from Uzbekistan. Until now, immigrants from this republic dominate in quantitative terms, accounting for 90% of the total number of repatriates in the region. According to the regional department of migration and demography, from 1992 to 2005, 3220 families of ethnic Kazakhs (19141 people) arrived in the region according to the quota. Over the quota, 5,840 families of repatriates came from the countries of the near and far abroad.

The secondary resettlement process introduced elements of spontaneity, aggravated the unregulated migration processes in Kazakhstan. In 2002, about 3200 families of repatriates were registered in the city of Almaty, another 1618 families were waiting for their turn, many of them arrived without the permission of the migration services and settled on their own. The current legislation of the Republic of Kazakhstan for ethnic repatriates who did not fall into the quota provides for a number of benefits and compensations. Among them – assistance in employment, mastering a new profession, advanced training, studying the state Kazakh and Russian languages. Also, in accordance with the Law, ethnic repatriates are exempt from military service in the ranks of the Armed Forces. They also provided quotas for secondary and higher education, payment of pensions and benefits, exemption from consular fees. The state guaranteed a free volume of medical services and targeted assistance to ethnic repatriates. But this entire range of assistance was not fully implemented due to the crisis in the economy of the Republic of Kazakhstan in the middle and in the second half of the 90s, which led to a decrease in the quota. As a consequence, the flow of migrants returning back to the country of origin has increased [7, p. 469].

In the first years of independence, the legislative field of the migration process was very “empty” [8, p. 233].

The 1997 Law of the Republic of Kazakhstan “On migration of the population” considered repatriation as “voluntary or forced return of citizens of the Republic of Kazakhstan to their homeland”, and “11) oralmans are foreigners or stateless persons of Kazakh nationality who permanently reside at the time the Republic of Kazakhstan acquired sovereignty for its outside and arrived in Kazakhstan for the purpose of permanent residence” [9, p. 3-4]. And the term “oralman” is given the following definition in this law: “13) an oralman is an ethnic Kazakh who permanently resided outside its borders at the time of the acquisition of sovereignty by the Republic of Kazakhstan, and his children of Kazakh nationality, who were born and permanently resided outside of its borders after the acquisition of sovereignty by the Republic of Kazakhstan who arrived (arrived) in the Republic of Kazakhstan for the purpose of permanent residence in their historical homeland and received (received) the appropriate status in the manner prescribed by this Law” [10].

By order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan dated on 27th of August in 2020 No. 599, amendments and additions were made to the order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan dated on 28th of January in 2016 No. 85 “On approval of the Rules for the reception, registration and consideration of petitions (statements) by admission to the citizenship of the Republic of Kazakhstan and restoration of citizenship of the Republic of Kazakhstan, including in a simplified (registration) procedure, renunciation, loss, deprivation of citizenship and determination of belonging to the citizenship of the Republic of Kazakhstan. “In the new document, the term “oralman” was replaced by a new term “kandas”: kandas are ethnic Kazakhs who permanently resided outside its borders at the time of the acquisition of sovereignty by the Republic of Kazakhstan, and their children of Kazakh nationality who were born and permanently resided after the acquisition of sovereignty by the Republic of Kazakhstan for its outside, arrived (arrived) in the Republic of Kazakhstan for the purpose of permanent residence in their historical homeland and received (received) the appropriate status in the manner prescribed by this Law. Also, rehabilitated victims of mass political repressions are referred to as kandas – persons who have been recognized in a judicial or other manner prescribed by law as a victim of political repression or victims of political repression [11]. The order describes the procedure for the acquisition of Kazakhstan citizenship by the candidates in a simplified manner.

However, the new law also faced problems in its implementation in practice and had several shortcomings. The main provisions of the 1997 Law of the Republic of Kazakhstan “On migration of the population” were implemented inconsistently. Financial and economic difficulties also affected, but the “illegal obedience of state and local officials” cannot be discounted. Certain provisions of the Law were to be consolidated by additional practical measures on the part of the executive branch. But this did not follow. As a result, the main levers of the Law were severely slipping, many problems became chronic and remained unresolved [12, p. 239-254]. To obtain citizenship, the migrant had to prepare thirteen types of documents in duplicate, often notarized, which led to unjustified financial expenses for the family. From nine months to one and a half years, the solution of a vital issue for the repatriate was dragged out, which had negative consequences. They could not participate in the republican referendum, elections, act as a subject of land and other property legal relations, become the owner of housing allocated by the state, could not send their children to study abroad, etc.

The legislation did not provide for the requirements for the rigid fixation of ethnic immigrants in the regions. There have been numerous cases when, after receiving state aid, repatriates moved to other areas where their relatives who had previously arrived lived. The scale of immigration and secondary migration within the republic, self-employment, unemployment have led to an imbalance in the policy of local authorities for the settlement of repatriates. The resettlement of immigrants took place exclusively at their request, unevenly, without taking into account the territorial distribution of productive forces, the socio-economic characteristics of the regions.

On December 31, 1996 and November 21, 2005, the State Program of Support for Compatriots Living Abroad was approved by the Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan, in the development of which the World Association of Kazakhs took part. The ministries of labor and social protection of the population, foreign affairs, defense, internal affairs, justice, culture, information and communications, education and science were responsible for the implementation of the migration policy [13, p. 233].

In 1997, the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan “Main directions of migration policy until 2000” and the Government Decree No. 1388 “On additional measures to organize the resettlement of refugees-repatriates” of September 30 were adopted. By the Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 900 dated September 16, 1998, the Concept of Repatriation of Ethnic Kazakhs to their Historical Homeland was approved, which also proclaimed the right of ethnic Kazakhs living abroad to return to Kazakhstan. The document shows the number of Kazakhs in the world – 12.2 million people, including in

the Republic of Kazakhstan – 8.13 million people, outside the country – about 4.1 million people [14]. The government recommended to the Agency for Migration and Demography, central executive bodies, akims of regions, the capital, cities and districts to be guided by the Concept when developing measures for the repatriation of ethnic Kazakhs to Kazakhstan, highlighting the migration expectations of Kazakhs in Uzbekistan, Turkmenistan, China and Mongolia. By the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 1371 of October 29, 2001, the Migration Policy Program for 2001-2010 was approved, the main goals of which were to ensure sustainable socio-economic and demographic development of the country, create conditions for the implementation of migrants' rights, as well as strengthen the country's state security. In addition, in 2007 the Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan for 2007-2015 was adopted, aimed at improving the existing and developing qualitatively new mechanisms for managing migration processes [15, p. 234].

An analysis of the regulatory legal acts allows us to conclude that the repatriation program of Kazakhstan was aimed at solving a twofold task: 1) gathering the Kazakh nation and further ethnic consolidation; 2) replenishment of migration losses and ethno-demographic imbalances of the Soviet and post-Soviet periods. It is enough to emphasize that the transformation of Kazakhs into a minority in the republic took place right up to independence: 1939 – 37.8%, 1959 – 30%, 1979 – 36%, 1989 – 39.7%, in some sources for 1989 year – 40.1% [16, p. 95]. In 1926, Kazakhs made up 58.5% of the republic's population. As a result of the return of ethnic Kazakhs to their historical homeland, an increase in the number and natural growth of the population, and the improvement of the demographic situation in the country are considered.

References:

1. Мендикулова Г.М. Казахская ирредента в России (история и современность) // Евразийское сообщество, 1995. – №8. – С 70-80.;
2. Chazan, Naomi. Irredentism and International Politics. – London, 1991. – 161 p.;
3. Esman, Milton L. Ethnic Pluralism and International Relations. – p. 83-84;
4. Г.Н. Мендикулова. Казахская диаспора и ирредента: история и современность // Интернет ресурс: <http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=8>. Дата обращения 08.12.2020;
5. Казахстанская правда (1991): Речь Президента Назарбаева. Номер от 23.11.1991;
6. Хенрик Альфф. Иммиграция этнических казахов и миграционная и интеграционная политика Казахстана – за и/или против? // Оралманы – этнические казахи в поисках идентичности. Аспекты интеграции в современное казахстанское общество. Часть 1. Алматы/Тараз. – Изд.во Типография «Искандер». – Алматы, 2009. – С. 53;
7. Diener, A. Problematic Integration of Mongolian-Kazakh Return Migrants in Kazakhstan. In: Eurasian Geography and Economics 46 (2005), 6. P. 465-478;
8. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012): Монография / К.Н. Балтабаева, Т.А. Мамашев, Ж.А. Ермекбай, А.Ж. Баймагамбетова / Научный ред. С.Ф. Мажитов. – Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. – 568 с.;
9. Миграция: сб.нормативно-правовых актов. – Алматы: Юрист, 2003. -160 с.;
10. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 30.12.16 г. № 41-VI;
11. Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 28 января 2016 года № 85 «Об утверждении Правил приема, оформления и рассмотрения органами внутренних дел ходатайств (заявлений) по вопросам приема в гражданство Республики Казахстан и восстановления в гражданстве Республики Казахстан, в том числе в упрощенном (регистрационном) порядке, выхода из гражданства, утраты, лишения гражданства и определения принадлежности к гражданству Республики Казахстан»// <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021145>;
12. Кинаят З. Проблемы защиты прав и свобод казахской диаспоры // Казахская диаспора: настоящее и будущее. / гл.ред. А. Кошанов, А. Нысанбаев. – Астана: Елорда, 2005. – С. 352;
13. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012): Монография / К.Н. Балтабаева, Т.А. Мамашев, Ж.А. Ермекбай, А.Ж. Баймагамбетова / Научный ред. С.Ф. Мажитов. – Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. – С. 568;
14. Собрание Актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. – 1998. – № 33. – 292 док.;
15. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012): Монография / К.Н. Балтабаева, Т.А. Мамашев, Ж.А. Ермекбай, А.Ж. Баймагамбетова / Научный ред. С.Ф. Мажитов. – Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. – С. 568;
16. Асылбеков М.Х., Козина В.В. Казахи: (демографические тенденции 80-90-х годов). – Алматы: Изд-во «Оркениет», 2000. – С. 102.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Түйін. Қылмыстық жауаптылықтан босатудың негізі деп қылмыстық іс-әрекет жасаған адамға теріс қылмыстық-құқықтық салдарларды қолдануды орынсыз ететін, заңда көзделген нақты мән-жайларды түсіну керек.

Түйінді сөздер: Жауапкершілік, жіктеу, қылмыс, жаза, босату, негіз, қылмыстық-құқықтық нормалар, қылмыскер, құқықтық саясат.

Резюме. Под основание освобождения от уголовной ответственности следует понимать предусмотренные законом фактические обстоятельства, наличие которых делает нецелесообразным применение к лицу, совершившему преступное деяние, негативных уголовно-правовых последствий.

Ключевые слова: Ответственность, классификация, преступность, наказание, освобождение, основание, уголовно-правовые нормы, преступник, правовая политика.

Summary: The grounds for exemption from criminal liability should be understood as the actual circumstances provided for by law, the presence of which makes it impractical to apply negative criminal consequences to a person who has committed a criminal act.

Key words: Responsibility, classification, crime, punishment, release, basis, criminal law norms, criminal, legal policy.

История появления и законе первых примеров, так называемых специальных видов освобождения от уголовной ответственности относится к 1918 г. Так, в частности, и 6 Декрета СНК от 8 мая 1918г. «О взяточничестве» говорит, что «Настоящий документ имеет обратную силу с тем, однако, что от преследования за дачу взятки если таковая была произведена до издания этого декрета, освобождаются те лица, кои течение трех месяцев со дня издания настоящего декрета заявят судебным властям о даче ими взятки». Сходное положение содержалось в постановлении Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918г. «О дезертирстве»: «Принять меры к тому, чтобы те дезертиры, которые в течение двух недельного срока со дня опубликования особого приказа добровольно явятся в распоряжение военных властей, были бы освобождены от наказаний. Эта льгота не распространяется на самовольно оставивших свои части или уклоняющихся от учета после опубликования настоящего постановления».

Практически во всех постановлениях, касающихся борьбы с дезертирством, активно использовались поощрительные нормы и специальные виды освобождения от ответственности. Так, например, «Совет обороны постановляет:

1. Дать возможность всем уклонившимся от мобилизации и дезертировавшим из армии загладить свое преступление добровольной явкой в ближайший волостной, уездный или городской комиссариат по военным делам.

2. Явившиеся добровольно в течение 7 дней со дня опубликования настоящего постановления освобождаются от суда и наказания за уклонения от мобилизации и дезертирства».

Как видим, законы того времени не использовали термин «освобождение от уголовной ответственности», однако освобождение от наказания и суда т.е. осуждение, следует понимать как освобождение от ответственности, а не от наказания.

Лишь 1921 г. при регламентации специального освобождения в Декрете СНК 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества лиц и обществ» впервые был использован термин «освобождение от уголовной ответственности». В частности, в примечании к п. 10 был предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности за хранение оружия, взрывчатых веществ, воинского снаряжения, телеграфного имущества и т.п. Устанавливалось, что лица, добровольно сдавшие указанные предметы в сроки, устанавливаемые соответствующими органами, «освобождаются от уголовной ответственности» [1, с. 140].

УК РСФСР 1922 г. использовал специальные виды освобождения от уголовной ответственности довольно редко. К ним относится, в частности, предписание, содержащееся в абзаце 4 ст. 14 – «лицо, давшее взятку, не наказывается лишь в том случае, если своевременно заявило о вымогательстве взятки или оказало содействие раскрытию дела о взяточничестве», Декретом ВЦИК и СНК от 9 октября 1922 г. «Об изменении текста ст. 114 УК» положение об освобождении от наказания лиц, виновных в даче взятки, было распространено и на лиц, получивших взятку, оказавших посредничество во взяточничестве, какое-либо содействие или не принявших мер противодействия взяточничеству. Условия применения специального освобождения от уголовной ответственности к виновным стали такими:

- а) если они добровольно и немедленно заявят о вымогательстве взятки;
- б) если своевременными показаниями и донесениями окажут содействие раскрытию дела о взяточничестве [1 с. 143-144].

С точки зрения Аввакумовой О.Ю. Социально – правовая природа освобождения от уголовной ответственности заключается в следующем:

а) в основе освобождения от уголовной ответственности заложен компромисс, который выражается во взаимных уступках сторон уголовно-правовых отношений, при котором лицо, совершившее преступление, выполняет общественно полезные действия, направленные на устранение негативных последствий содеянного, а государство в ответ на это отказывается от применения предусмотренных законом мер принуждения;

б) уголовно – правовой компромисс основывается на закреплённой в УК системе норм, предусматривающих поощрение в виде освобождения от уголовной ответственности лиц, чьё поведение после совершения преступления является социально полезным, заглаживающим причиненный вред и свидетельствующим об утрате лицом, совершившим преступление, и (или) деянием своей общественной опасности;

в) освобождение от уголовной ответственности возможно только в том случае, если это не противоречит принципам и задачам уголовного законодательства [2, с.3].

Поскольку изучение не является темой настоящей работы, мы считаем возможным ограничиться лишь указанием на следующие принципиальные исходные положения:

1) уголовная ответственность представляет собой правовое последствие совершения преступления и состоит в принудительном применении от имени государства органами, осуществляющими борьбу с преступностью определенных невыгодных последствий, тягот и лишений лицу, виновному в совершении преступления;

2) уголовная ответственность осуществляется в рамках уголовного правоотношения, в котором права и обязанности органов правосудия, представляющих государство, и лица, виновного и совершения преступления, строго урегулированы законом;

3) уголовная ответственность фактически начинается с момента привлечения конкретного лица в качестве обвиняемого в совершении данного преступления, и заканчивается отбытием им наказания [3, с.6].

Исходя из такого понимания уголовной ответственности, можно выявить следующую характерную черту юридической сущности освобождения от уголовной ответственности – освобождение от уголовной ответственности может применяться только к лицам, в действиях которых содержится состав преступления. Следовательно, освобождение от уголовной ответственности (как и привлечение к уголовной ответственности) является юридическим последствием совершения преступления.

Чем руководствуются органы правосудия при решении вопроса о возможности или невозможности освобождения от уголовной ответственности, если имеют место указанные в законе основания? Как нам представляется, принципом целесообразности, то есть целесообразности принятия именно такого решения в данном конкретном случае.

В юридической литературе целесообразность считается одним из важнейших принципов в области применения норм права. Содержание принципа целесообразности в связи с применением правовых норм связывается с той «оперативной самостоятельностью», которая – в рамках и на основе закона – предоставляется органам, применяющим правовые нормы, в целях максимального учета всех объективных и субъективных особенностей данного конкретного случая и вынесения наиболее разумного решения [3, с.29].

Наиболее целесообразным следует считать такое решение, которое более всего соответствует целям правового регулирования. Применительно к сфере уголовного права осуществление принципа

целесообразности следует связывать как с задачами уголовного законодательства (отраженными в ст. 2 УК РК) так и с целями уголовного наказания (отраженного в ч. 2 ст. 39 УК РК) [4, с.29].

Закон ставит на первое место цель восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами и соответственно цель специального предупреждения. Исходя из этого, при решении вопроса о целесообразности освобождения от уголовной ответственности – при наличии соответствующих оснований надлежит в первую очередь иметь в виду, насколько этот юридический исход будет соответствовать целям исправления и перевоспитания данного виновного лица не породит ли чувство безнаказанности за содеянное, которое отнюдь не способствует целям предупреждения новых преступлений.

Таким образом, принцип целесообразности при решении вопроса о возможности применения любого вида освобождения от уголовной ответственности обязывает органы правосудия учитывать, как общие задачи уголовного права, так и цели общего и специального предупреждения.

Все представители материального уголовного права, занимавшиеся этим вопросом, решают его утвердительно, полагая, что освобождение виновного в преступлении лица от отрицательной оценки со стороны государства есть необходимый компонент освобождения лица от уголовной ответственности. Так, по мнению В. Д. Филимонова, «освобождение от уголовной ответственности состоит в том, что лицо освобождается от выносимого судом порицания и от применения наказания» [5, с.64].

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности включает в себя освобождение виновного от вынесения обвинительного приговора, выражающего отрицательную оценку государством его преступного поведения.

Таким образом, освобождение виновного лица от уголовной ответственности за совершенное преступление заключается в освобождении его от назначения и исполнения наказания, а также от отрицательной оценки его поведения в форме обвинительного приговора. Уяснение юридической сущности освобождения от уголовной ответственности позволяет принять принципиальное отличие его от освобождения от наказания.

Список использованной литературы:

1. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Издательство НОРМА, 2000г.
2. Аввакумова О.Ю. Уголовно-правовая регламентация освобождения от уголовной ответственности. Автореф. дис. ...к.ю.н./ Аввакумова О.Ю. – Тюмень, 2007г.
3. Кривоченко Л.Н. Освобождение от уголовной ответственности с применением мер общественного или административного воздействия. Учеб.пос.-Харьков. 1981г.
4. Уголовный Кодекс Республики Казахстан, Алматы, 2016г.
5. Филимонов В.Д. принципы уголовного права. АО «Центр ЮрИнфоР», -М., 2002г.

Хамит А. Х.,
докторант специальности
«международное право»,
научный сотрудник Института государства и права
КазНУ им. аль-Фараби.
e-mail: ps.hamyt@gmail.com

ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В СФЕРЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОД

Түйін. Мақалада Қазақстан Республикасының Қытай Халық Республикасымен екіжақты ынтымақтастығына және су ресурстарын игеру, бөлу және пайдалану мәселелерін қарауға арналған түрлі тәсілдер қарастырылады. Траншекаралық су ағындарының халықаралық-құқықтық режимін реттеу мәселелері ашылады. Халықаралық құқықтық құжаттар контекстінде трансшекаралық суларды реттеу бойынша екіжақты ынтымақтастықтың негізгі мәселелері (ережелерін) қарауға әрекет беріледі.

Түйінді сөздер: Су ресурстары, Су ресурстарының біркелкі бөлінбеуі, су ресурстарын ұтымды пайдалану, су ресурстарын кешенді басқару, сумен жабдықтау және қоршаған ортаны қорғау, екі жақты ынтымақтастық.

Резюме. В статье рассматриваются различные подходы к двустороннему сотрудничеству Республики Казахстан с Китайской Народной Республикой и рассмотрению вопросов освоения, распределения и использования водных ресурсов. Раскрываются вопросы регулирования международно-правового режима трансграничных водотоков. Дается попытка рассмотрения основных проблем (положений) двустороннего сотрудничества по вопросам регулирования трансграничных вод в контексте международных правовых документов.

Ключевые слова: Водные ресурсы, неравномерное распределение водных ресурсов, рациональное использования водных ресурсов, комплексное управление водными ресурсами, водоснабжение и охрана окружающей среды, двустороннее сотрудничество.

Summary. The article discusses various approaches to bilateral cooperation between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China and consideration of issues of development, distribution and use of water resources. The issues of regulation of the international legal regime of transboundary watercourses revealed. An attempt made to consider the main problems (provisions) of bilateral cooperation on transboundary water regulation in the context of international legal documents.

Key words: Water resources, uneven distribution of water resources, rational use of water resources, integrated water resources management, water supply and environmental protection, bilateral cooperation.

Как известно, 12 сентября 2001 года в городе Астане Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики было подписано двустороннее Соглашение о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек. Согласно данному Соглашению, Стороны при использовании и охране трансграничных рек будут придерживаться принципов справедливости и рациональности, а также тесно сотрудничать с позиции искренности, добрососедства и дружбы; предпринимать соответствующие меры и прилагать усилия по предотвращению или смягчению возможного серьезного ущерба, причиняемого в результате паводковых бедствий и искусственных аварий государству одной из Сторон; ни одна из Сторон не ограничивает другую Сторону рационально использовать и охранять водные ресурсы трансграничных рек с учетом взаимных интересов.

Согласно статье 1 Соглашения – «трансграничными реками» признаются все реки и речные стоки, пересекающие линию государственной границы или расположенные по линии государственной границы между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой[1].

Важно отметить, что заключению Соглашения о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек предшествовал длительный двусторонний процесс, который берет свой отчет с 1992 года.

В 1992 году Казахстанская сторона внесла Китайской стороне предложения, касающиеся юридического закрепления принципов совместного и рационального использования водных ресурсов транс-

границных рек. В 1994 году Китаю был передан казахстанский вариант проекта межправительственного соглашения о сотрудничестве в этой сфере, включая открытие судоходства по трансграничным рекам.

В 1997 году Казахстан, Кыргызстан и Россия направили китайской стороне свои памятные записки по вопросам трансграничных рек, так как и Российская и Кыргызская стороны не могли оставаться в стороне от проблемы потому, что Иртыш является одним из важных притоков реки Обь, а на территории Кыргызстана формируются воды реки Сарыжас, питающей на 75% Таримскую впадину в СУАР. Китайская сторона заявила о намерении вести переговоры на первоначальном этапе в двустороннем формате[2].

В ноябре 1999 года во время визита Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Китайскую Народную Республику была подписана Совместная Декларация между КНР и РК о дальнейшем укреплении всестороннего сотрудничества в двадцать первом веке[3]. В этой Декларации Стороны высоко оценили достигнутые успехи в различных областях двустороннего сотрудничества и с удовлетворением отметили высокую степень взаимопонимания между руководством двух государств. Они заявили о решимости укреплять стратегическое взаимодействие двух государств во всех сферах. Стороны подчеркнули исторический характер решения пограничных вопросов между двумя государствами и факт завершения полевых демаркационных работ, а также исходя из этого подтвердили приверженность универсальным принципам нерушимости границ и территориальной целостности государств. Стороны приветствовали начало переговорного процесса на уровне экспертов по рациональному использованию водных ресурсов трансграничных рек и договорились оказывать содействие переговорному процессу в целях принятия соответствующего межправительственного соглашения.

Таким образом, в течение целого ряда лет казахстанская сторона призывала китайскую сторону начать переговорный процесс по данной проблеме, учитывая планы Пекина по строительству канала от реки Черный Иртыш в сторону города Карамай – нефтегазового центра СУАР, пуск которого привел бы к увеличению забора воды на китайской стороне, следовательно, означал бы существенное изменение водного баланса Иртыша.

В связи с этим у Казахстана могут появиться проблемы с эксплуатацией Усть-Каменогорской, Бухтарминской и Шульбинской ГЭС, расположенных вдоль реки Иртыш и Капшагайской ГЭС расположенной вдоль реки Или. За последние годы можно наблюдать тенденцию сокращения естественных ресурсов поверхностных вод Казахстана. Сокращение ресурсов поверхностных вод связано со следующими факторами: 1) с влиянием хозяйственной деятельности в зоне формирования водных ресурсов и в зоне преимущественного использования; 2) влияние меняющихся климатических условий.

Или-Балхашский бассейн является уникальным природным комплексом одна половина которого соленая, другая – пресная. Или-Балхашский бассейн богат природными ресурсами и занимает довольно большую площадь. Так по своей площади Или-Балхашский бассейн превышает территории Великобритании, Дании, Швейцарии, Голландии и Бельгии вместе взятые. Река Или берет свое начало в Восточном Тянь-Шане от двух истоков – Кегес и Кунгес (Китай) впадает в озеро Балхаш. Общая длина 1430 км, в пределах Казахстана 815 км. Площадь бассейна 140 тыс. км². Главные притоки: Каш, Коргас, Шарын, Шилик, Талгар, Каскелен, Курты. Или третья река в Казахстане по водоносности после Ертиса и Жайыка.

Учитывая, что река Или пересекает территории двух государств Республики Казахстан и Китайской Народной Республики является трансграничным водным объектом и управление данной рекой и трансграничными реками в Или-Балхашском водном бассейне носит межгосударственный характер. В связи с этим в этом регионе необходимо обеспечить такой режим, который бы удовлетворял интересы водопользователей и Казахстана, и Китая.

Также отметим, что согласно Программе развития судоходства и обеспечения безопасности на внутренних водных путях Республики Казахстан на 2007-2012 годы река Или отнесена к категории судоходных водных путей Казахстана. Русло реки сложено мелкими песками, подвержено большим деформациям, очень изменчиво, поэтому производство землечерпательных работ эффекта по увеличению глубин не дает.

Навигация начинается в конце марта начале апреля при низких уровнях и малых глубинах на реке, которые растут только при интенсивном таянии снега в горах. По вышеприведенным причинам максимально возможные глубины приходится поддерживать только перестановкой знаков навигационного ограждения.

Содержание судоходных водных путей на реке Или осуществляется Республиканским государственным казенным Илийским предприятием водных путей на участке Калчагайского водохранилища до п. Дубунь протяженностью 330 км.

Другая транграничная река Иртыш, также отнесена к категории судоходной от границы Китайской Народной Республики до границы России на расстоянии 1718 км. Река Черный Иртыш берет начало в КНР судоходна от Бургума до озера Зайсан, глубины до 100 см. Озеро Зайсан соединяется с Бухтарминским водохранилищем, которое переходит в Усть-Каменогорское водохранилище. На озере и водохранилище габариты судовых ходов не лимитированы. От Усть-Каменогорской ГЭС до Усть-Каменогорского порта 10 км, глубина судового хода 210 см. От Усть-Каменогорского порта до зоны выклинивания Шульбинского водохранилища 124 км, свободный участок реки Иртыш с крупным притоком реки Ульба. На этом участке реки Иртыш глубины 105 см. Далее следует Шульбинское водохранилище длиной 50 км, в него впадает река Уба. От Шульбинской ГЭС до Семипалатинска 75 км, глубины 105 см. Состояние глубин судового хода ниже ГЭС определяется, в основном, размером попусков воды из водохранилищ в нижние бьефы ГЭС, установленные правилами эксплуатации Бухтарминского, Усть-Каменогорского и Шульбинского водохранилищ. Размеры попусков нередко нарушаются, что приводит к резкому ухудшению плавания судов и создает предпосылки к аварийным происшествиям с судами. Положение осложняется тем, что ряд участков имеют перекаты с каменистым дном (на участке Семипалатинск-Майск 19 участков), которые не могут быть углублены имеющимися техническими средствами. От Семипалатинска до Павлодара – 463 км, глубины 145 см. Характерный для реки показатель – руслоформирующий расход воды до зарегулирования, для плеса Семипалатинск-Павлодар 2950 м³/сек, после зарегулирования составляет всего 750 м³/сек, что резко и значительно ухудшает условия судоходства, в результате чего с 1992 года глубины на данном участке более 90 дней в навигацию ниже гарантированных. От Павлодара до границы с Россией 381 км, глубины 190 см.

Таким образом, основываясь на таких договоренностях, как Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года, Конвенция о праве на несудоходные виды водопользования международных водотоков от 1997 года и др. международные акты, должен развиваться процесс двустороннего сотрудничества Казахстана и Китая. Между тем, анализ существующего между Казахстаном и Китаем двустороннего Соглашения по трансграничным водным ресурсам показал весьма низкий уровень эффективности при решении уже имеющихся между двумя странами экологических, экономических и социальных проблем.

Список использованной литературы:

1. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек от 12 сентября 2001 года // Справочно-правовая система «Юрист».
2. Токаев К.К. Дипломатия Республики Казахстан. Астана: Елорда, 2001. – 552 с.
3. Совместная Декларация между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан о дальнейшем укреплении всестороннего сотрудничества в двадцать первом веке от 23 ноября 1999 года // Казахстан – Китай: 1992 – 2002. Сборник двусторонних документов. Пекин: Издательство Синьхуа, 2002. – 126 с. – С.72 – 79.
4. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года. Закон Республики Казахстан о присоединении к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков международных озер от 23 октября 2000 года № 94-П // Справочно-правовая система «Юрист».
5. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек (г. Астана, 12 сентября 2001 года). Вступило в силу 1 октября 2002 г.
6. Бахин С.В. Международная составляющая правовой системы России. Статья вторая. // Правоведение. Известия высших учебных заведений. №1. С.126.

Adibaev A. M.,*PhD student**Al-Farabi Kazakh National University**azimbembet@mail.ru**Scientific Supervisor: Omirzhanov E.T.,**Candidate of Juridical Sciences,**Associate Professor of International Law Department**of Faculty of international relations**Al-Farabi Kazakh National University*

THE LEGAL AND PRACTICAL ISSUES OF INCLUSIVE EDUCATION FOR PEOPLE WITH DISSABILITIES IN KAZAKHSTAN AND ABROAD: FROM THE HUMAN RIGHTS PERSPECTIVE

Түйін. Қазіргі уақытта әлемнің көптеген елдерінде балаларды арнайы (түзету) білім беру мекемелеріне жіберу барлық басқа мүмкіндіктер қолданылып болғанда және қажетті нәтиже бермеген кезде шұғыл шара болып саналады. Осыған байланысты Қазақстан Республикасы да ерекшелік емес. Мүгедектердің құқықтары туралы конвенцияны ратификациялағаннан кейін біздің мемлекет осы саладағы заңнаманы және оның орындалуын халықаралық стандарттарға сәйкестендіруге тырысуда. Бұл мақалада халықаралық және жергілікті деңгейлердегі инклюзивті білім беру мәселелерін шешудің соңғы тенденцияларын байқауға тырысады.

Түйінді сөздер: мүгедектер, адам құқықтары, заңнама, конвенция, шешім, білім беру, инклюзивті қоғам.

Резюме. В настоящее время во многих странах мира отправка детей в специальные (коррекционные) учебные заведения рассматривается как экстренная мера, когда все другие возможности уже использованы, и не дали желаемого результата. В этом плане Республика Казахстан не исключение. После ратификации Конвенции о правах инвалидов наше государство предпринимает попытки привести законодательство в этой сфере и его исполнение в соответствие с международными стандартами. В данной статье делается попытка проследить последние тенденции на международном и местном уровнях в решении проблем инклюзивного образования.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями, права человека, законодательство, конвенция, резолюция, образование, инклюзивное общество.

Summary. At present, in many countries of the world, sending children to special (correctional) educational institutions is considered as an emergency measure when all other opportunities have already been used, and did not give the desired result. In this regard, The Republic of Kazakhstan is not an exception. After the ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, our state undertakes attempts to adjust legislation in this area and its fulfilment in compliance with international standards. The give article attempts to trace the latest tendencies in the international and local levels to cope with the inclusive education issues.

Key words: people with disabilities, human rights, legislation, convention, resolution, education inclusive society.

The problem of the human rights of the people with disabilities is still one of the most relevant issues all over the world. During the last two decades, numerous developed countries with clear socially oriented governments have undertaken tremendous efforts in order to make life of such category of citizens more convenient. However, other states still have a lot gaps and lacks in legislation and practical actions for the solution of the present problem. The crucial moment here is, that in most countries a person with disabilities is isolated from conditionally healthy representatives of the society. For instance, disable children usually go to specialized schools, where they can see kids with similar problems, whereas “normal” children do not face disable children as well. As a result, in the adult age one group is not able to be self-sufficient in full extend, as well as cannot be accepted by the “healthy” people.

Case of Kazakhstan

In accordance to Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated May 28, 2019 No. 326 On approval of the National Plan to ensure the rights and improve the quality of life of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan, until 2025 the creation of an effective system of measures for social protection of persons with disabilities is one of the priority directions of the state's social policy. The goals of the Resolution are the implementation of obligations (assumed by the Republic of Kazakhstan) in connection with the ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, and the formation of an inclusive society through the creation of a favorable environment for all vulnerable groups within the framework of social modernization of Kazakhstan until 2030. Moreover, article IV of the resolution states that Kazakhstan recognizes the right of people with disabilities to education on an equal basis with others[1,2].

At this stage, in accordance with the purposes of the convention and global trends, we have to pay special attention on the opportunities of the inclusive school, higher education institutions giving the legal side of the issue, as well as conduct an analysis of the some foreign experience cases.

In spite on the vast amount of the legal sources regulating educational issues and issues of people with disabilities (Constitution, Law of the Republic of Kazakhstan dated April 13, 2005 No. 39-III "On social protection of disabled people in the Republic of Kazakhstan", Law of the Republic of Kazakhstan dated July 27, 2007 No. 319-III "On Education", provisions of international Conventions ratified by Kazakhstan), the 72-page report by the international human rights organization Human Rights Watch on the topic of an access of children with disabilities to education indicates that the Kazakh education system divides and isolates children with disabilities with "specialized schools with thousands of children are often located far from home. The rest study at home; at best, teachers study with them for several hours a week" [5,6].

In 2015, Kazakhstan ratified the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities, and promised that by 2019 conditions for inclusion will be provided in 70 percent of schools. The report of the Human Rights Watch says that there has been no significant progress in this direction so far. Human Rights Watch researcher Mira Rittman believes that "children with disabilities, like other children, have the right to receive a quality inclusive education." [6]. The government must take into account the individual capacities of each child and provide the child with the support he/she needs to learn on an equal basis with others. For some, it might be a tutor; for others, these are books with large print; for others more time to complete assignments during lessons are required. Above all, children with disabilities need to have guaranteed access to high quality inclusive education on an equal basis with others, including through the provision of reasonable support.

Another important point is the reform of psychological, medical and pedagogical consultations (PMPC). PMPC is a group of doctors and educators who assess the child and issue an opinion with recommendations on the conditions of study. We recommend that the PMPC performs only the function of determining the individual reasonable accommodations necessary for a child to receive education in a general education school. According to the amendments made to the Kazakhstan law "On Education" in 2010, all schools are required to accept children with special needs. De facto, due to the lack of equipment and specialists, this policy is not always implemented. According to the official data, three percent of minors in the country need inclusion, – that's 148 thousand children [6,8]. Special educational conditions have been created for only 40 percent of these children [ibid.].

Human rights paradigm has provided the inspiration and foundation for the trend to the inclusion of children with disabilities. Inclusion requires the recognition of all pupils as self-sufficient members of community and the respect of all of their rights, regardless of age, gender, ethnicity, language, poverty or impairment. Inclusion involves the removal of obstacles that might prevent the enjoyment of these rights, and requires the foundation of appropriate supportive and protective environment.

The UN Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) states that the integration of children who would otherwise be perceived as 'different' means "changing the attitudes and practices of individuals, organizations and associations, so that they can completely and equally participate in and contribute to the life of their community and culture. An inclusive society is one in which difference is respected and valued, and where discrimination and prejudice are actively combated in policies and practices." [7,8]. The World Conference on Special Needs Education, organized by UNESCO and held in Salamanca, Spain, in 1994, advised that inclusive education should be the norm. This has now been reaffirmed in the new Convention on the Rights of Persons with Disabilities. In scope of education, inclusion means the establishment of barrier-free and child-focused learning environments, including for the early years. It means providing appropriate supports to ensure that all children receive education in non-segregated local facilities and settings, whether

formal or informal. It is framed by article 29 of the Convention on the Rights of the Child, which requires that the child's education be directed to the development of their personality, talents and mental and physical abilities to their fullest potential; to the preparation of the child for responsible life in a free society, in the spirit of understanding and tolerance. Inclusion is a process that involves all children, not just some "special" children [5,7].

This gives children without health problems the opportunity to grow up in an environment where diversity is the norm, not the exception. If the education system cannot provide and embrace this diversity, such shortcomings occur, leading to marginalization and exclusion of certain groups. Inclusion is not the same as "integration", which involves putting children with disabilities into "normal" channels or helping them to adapt to "normal" standards. For example, in the context of school education, integration means placing children with disabilities into ordinary public schools with no changes in school organization or teaching methods. Inclusion, on the other hand, requires schools to adapt and provide the necessary support so that all children can work and learn together [2, 5, 7].

It is almost impossible to include all categories of the disable people to the classes for "normal" children. At this point, it will be quite useful to review the foreign experience of the states with a more long-term practice of the inclusive education.

Currently, in many countries of the world (USA, Great Britain, Germany, Italy, Scandinavian countries), sending children to special (correctional) educational institutions is considered an emergency measure when all other opportunities have already been used and did not give the desired result. Modern researchers note that today, among the countries with the most advanced legislation, one can mention Canada, Cyprus, Denmark, Iceland, India, Malta, the Netherlands, Norway, South Africa, Spain, Sweden, Uganda, the United States and the United Kingdom. The most radical and rapid changes are being observed in a number of developing countries: Uganda, Lesotho, Vietnam, Laos, Jordan, Palestine, Morocco, Egypt and Yemen. This dynamics is largely due to the effective implementation of UNESCO programs in the above-mentioned countries [6, 7].

Case of the USA

The United States currently have a law passed in 1990 called the "Persons with Disabilities Education Act". It guarantees free education that meets the needs of the child in the public education system. Parents have the right to demand from schools an opinion on the child's educational opportunities, which justifies the presence or absence of developmental disorders in an individual child. It is the responsibility of a school to identify children with such disabilities.

The law provides the right to receive not only special education, but also additional services (transport, speech therapy classes, psychologist's assistance, audiological examination, etc.). According to the law, a written opinion and an individual educational program are drawn up for each child, and compulsory education for children with special needs is prescribed. This is possible to conduct in public schools, and their inclusion into school environment happens with minimal restrictions [8].

Case of France

Special education in France focuses its efforts on integrating as many children with disabilities as possible into the mainstream schools. The inclusion into general educational process of children with developmental disabilities is carried out in four (4) options:

1. The child studies according to regular school curricula, but during his stay at school and outside of school he is provided with additional services: medical procedures, educational measures, etc. For example, a child with a musculoskeletal disorder studies in a regular classroom and attends an adaptation center opened at this school or located nearby.

2. The child learns according to the regular school curricula, receives additional care and is trained in additional special programs. For example, a child with visual impairment studies in a regular class and receives assistance in preparing lessons, additional classes with a teacher, attends classes in spatial orientation and other special correctional and developmental classes.

3. During the main school time, the child is trained in a special class according to a special program (usually children with mental retardation). The other part of the time he is engaged in a regular program with students of his own age.

4. The child attends only a special class and studies there according to a special program (usually children with intellectual disabilities). But at the same time he takes a direct part in the life of the school: joint breakfasts, joint visits to educational events and leisure activities, participation in sports competitions and other events.

Case of Sweden

In Sweden about 80% of children with disabilities attend regular schools, where they receive the necessary support (classroom assistance from a special teacher or assistant and the use of special aids) [7,8]. Almost all children with special educational needs attend regular kindergartens. However, for children who are unable to attend a regular school due to complete loss or severe loss of vision and hearing, speech impairment or mental retardation, there are special schools that are differentiated by types of impairments. The Ministry of Education of the country merely formulates general objectives of the training programs. The educational standard sets only the mandatory level of knowledge that must be achieved by the end of grades 5 and 9. Teaching methods, selection of material, working conditions and payment, organization of the educational process, – all this is in the competence of the teachers themselves and school principals. Thus, the freedom of choice by the parents of the school has expanded, taking into account the individual characteristics of their child. In most European countries, school teachers play a major role in working with integrated students with special educational needs. Additional educational support is provided by professionals, mainly social educators. In Sweden, only special teachers work with students in special classes. Parents and school-teachers are consulted by a special educator at the municipal Children's Rehabilitation Center, which operates under the District Council (commune) [7,8]. Based on the child's capabilities, they together create an individual curriculum, for the implementation of which the school teacher is responsible. If necessary, an assistant teacher is invited to the class.

Case of Italy

In 1971, the first law was passed in Italy on the right of children with special needs to study in the mainstream schools. In 1977, a more elaborate law was adopted, which already established certain standards:

- The maximum number of children in a class is 20;
- The maximum number of children with special needs in a class is 2;
- Special support activities for children with special needs are built into the classroom;
- Classes for special programs are being abolished;
- Special educators team up with regular school teachers;
- Both categories of educators interact with all students in the class.

Officially, the ratio of the number of special educators and students with special needs is 1:4, but in reality it turned out to be about 1:2 [8]. If there is a blind or deaf child in the class, the whole class is learning Braille or sign language. In 2003, the Ministry of Education is obliging all directors to participate in on-the-job training courses to improve the implementation of the national inclusion policy. All teachers are required to complete a 40-hour professional development course per year [ibid.].

Conclusions

In accordance with the provisions of the resolution, the goals of the National Plan are to ensure the rights and improve the quality of life of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan until 2025 (hereinafter – the National Plan). The implementation of the obligations assumed by the Republic of Kazakhstan in connection with the ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the formation of an inclusive society through the creation of an enabling environment for all vulnerable groups within the framework of social modernization of Kazakhstan until 2030 are to be performed in the nearest future.

At this stage, an attraction of people with disabilities is very important step on the way towards total unification and integration of all groups of the population for the future successful collaboration in social, cultural and political processes in our country. For this purpose, we have to apply approbated mechanisms that have been applied in other states to solve the issue.

References:

1. National plan to ensure the rights and improve the quality of life of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan until 2025 Approved by the Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated May 28, 2019 No. 326.
2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by General Assembly Resolution 61/106 of 13 December 2006.
3. Law of the Republic of Kazakhstan dated April 13, 2005 No. 39-III "On social protection of disabled people in the Republic of Kazakhstan" (with amendments and additions as of June 29, 2020).
4. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 27, 2007 No. 319-III "On Education" (with amendments and additions as of 07.07.2020). Inclusive education in Kazakhstan and abroad Read more: https://www.nur.kz/family/children/1715660-inkluzivnoe-obrazovanie-v-kazakhstane-i-za-rubezom/?utm_source=clipboard&utm_medium=article-fragment. 2017.

5. "The history of the development of inclusive education in the Republic of Kazakhstan and abroad" <https://infourok.ru/istoriya-razvitiya-inklyuzivnogo-obrazovaniya-v-respublike-kazahstan-i-za-rubezhom-4399240.html> 2018.
6. Education for children with disabilities in Kazakhstan. 2019. <https://www.hrw.org/ru/report/2019/03/14/327863>
7. Promoting of rights of children with disabilities. UNICEF 2007. Education for Children with Disabilities in Kazakhstan. March 14, 2019. <https://www.hrw.org/report/2019/03/14/margins/education-children-disabilities>
8. Realization of the rights to higher education for people with disabilities in the republic of Kazakhstan. Yusupdjanov Parhad. Almaty 2016.soros.kz.

СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚҚА ҚАРСЫ КҮРЕСТІ ЖҮЗЕГЕ АСЫРАТЫН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМДАР

Түйін. Мақалада халықаралық ынтымақтастық Қазақстан Республикасының сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегиясын жүзеге асырудағы маңызды фактор екені негізделеді. Автордың дамыған мемлекеттердің және халықаралық құрылымдардың сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегияларына талдауының нәтижесінде әрбір ел жемқорлықпен күресуді өзінің тарихи, саяси-экономикалық, әлеуметтік ерекшеліктеріне сәйкес дамытқаны анықталады.

Түйінді сөздер: сыбайлас жемқорлық, халықаралық ұйымдар, халықаралық ынтымақтастық, жемқорлық мәселелерін шешудің әлемдік тәжірибесі.

Резюме. В статье утверждается, что международное сотрудничество является важным фактором реализации антикоррупционной стратегии Республики Казахстан. В результате авторского анализа антикоррупционных стратегий развитых стран и международных организаций определено, что каждая страна разработала борьбу с коррупцией в соответствии с ее историческими, политическими, экономическими и социальными особенностями.

Ключевые слова: коррупция, международные организации, международное сотрудничество, мировой опыт борьбы с коррупцией.

Summary. The article states that international cooperation is an important factor in the implementation of the anti-corruption strategy of the Republic of Kazakhstan. As a result of the author's analysis of anti-corruption strategies of developed countries and international organizations, it was determined that each country has developed a fight against corruption in accordance with its historical, political, economic and socio-economic issues.

Key words: corruption, international organizations, international cooperation, world experience in the fight against corruption.

Қоғам үшін қауіпті сыбайлас жемқорлық ұлттық шекараны білмейді, оның ауқымы халықаралық деңгейге бұрыннан жеткен. Сыбайлас жемқорлықтың өркендеуі үшін қолайлы жағдай ХХ ғасырдың екінші жартысында қалыптасты. «Барлық континенттердегі адам қоғамы жаһандық үдерістерді бастан өткере бастады: дәстүрлі құндылықтардан алшақтау, нарықтық экономика ұстанымдарына бейімделу, постиндустриалды елдердің әлеуметтік-экономикалық даму көрсеткіштері мен артта қалған «үшінші әлем» арасындағы алшақтықтың ұлғаюы секілді бүкіл әлемдік процестерге теріс әсер ететін жаһандандудың факторы – сыбайлас жемқорлық болып табылады» [1]. Халықаралық ынтымақтастық Қазақстанның сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегиясының қалыптасуының маңызды бағыты. Шетелдік әріптестермен сыбайлас жемқорлыққа қарсы тақырыптағы кең ауқымды мәселелерді ашық талқылау – сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың жүйесін құруға, нақты бағыттарын айқындауға мүмкіндік береді. Сыбайлас жемқорлықтың халықаралық сипатының жалпыға бірдей танымалдығына қарамастан, әр мемлекет өзінше күресетін мәселе болып қалатынын атап өткен жөн, осы құбылыспен күрес жөніндегі мемлекеттердің күш-жігерін біріктіру баяу жүріп жатыр, халықаралық және үкімет-аралық декларациялар мен келісімшарттар нақты іс-қимылдарға қарағанда әзірше қағаз жүзінде қалып кетті. Сыбайлас жемқорлықпен халықаралық деңгейде күресудің басты тежеуіші – мемлекеттік әлеуметтік-экономикалық ахуалы, мемлекетті биліктің дұрыс бөлінбеуі, мемлекеттік деңгейде қарсылық көрсететін сыбайлас жемқорлардан тұратын элиталардың үстем болуы болып табылады.

Дүниежүзілік Банкі сыбайлас жемқорлық мәселесіне баса назар аудара отырып және өзінің зерттеу нәтижесіне сүйене отырып, сыбайлас жемқорлықты «қоғамның кеселін» анықтайтын негізгі немесе жеке факторы деп қарамай, оны «мемлекеттің іргелі мәселесінің сыртқы белгісі» деп қарау керектігін атап көрсетеді. Осыған байланысты мемлекетті басқару және жемқорлықпен күресуді жетілдіруде қажетті шешуші реформалар бағдарламасын ұсынады [2]. Мемлекеттік

басқару реформалар бағыттарының ішінен Бүкіләлемдік Банк мыналарды ерекше бөледі: 1) саяси басшылықтың есеп беріп отыруы; 2) қызмет етуге бағытталған және деритократия қағидасында құрылған; 3) мемлекеттік әкімшілік; 4) мемлекеттік қаржыларды басқаруда ашықтық пен есептілік; 5) заң билігімен қамтамасыз ету; 6) бәсекелестікті дамыту және рынокты монополиядан шығару; 7) азаматтардан ақпарат жинау; 8) саяси басшылықтың есеп беруі; 9) «ашықтық мәдениетін» енгізу;

Қойылған мақсаттарға жетуге бағытталған әр бағыт бойынша іс-шаралар кешені жасалған. Дегенмен, олардың бәрі ұсыныстық бастамалар түрінде. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы күресті жүзеге асыратын кез келген халықаралық құрылымдар мақсаты мыналарды көздейді:

1. жемқорлықтың қауіп-қатерін және шығасысын көтеру.

2. оған қатысушылардың тәртібі мен ойын ережесін өзгертетіндей, сатылмаушылық атмосферасын жасау.

3. заң ережелерін сақтауды қамтамасыз ету.

Сыбайлас жемқорлықпен күресудің халықаралық құралдарын талдай келсек, біз осы қызметті негізгі ісі деп есептейтін «Transparency International» (TI) ірі ықпалды халықаралық ұйымды көңілден тыс қалдыра алмаймыз. TI өзінің басты міндеті ретінде сыбайлас жемқорлықтың таратылуын және өмір сүруін жоятын ортаны құру деп белгілейді. Бұл ұйым осы мәселені жыл сайынғы сыбайлас жемқорлықты қабылдау Индексі (СЖҚИ) атты басылым арқылы жұртшылыққа танытып отырады. Қазақстанда, сол сияқты басқа да көптеген елдерде осы ұйымның аймақтық бөлімшелері жұмыс істейді. TI мамандары жасаған СЖҚИ – бұл әр түрлі елдердегі сыбайлас жемқорлықтың салыстырмалы бағасын беріп отыратын кең көлемдегі зерттеу. Бұл тар көлемде мамандырылған, мемлекеттерде жемқорлықтың жиынтық деңгейі бойынша саралауын қамтамасыз ететін интегралды индекс, яғни сыбайлас жемқорлықтың барлық түрі мен нысандарын қарастырады СЖҚИ 1995 жылдан бастап әлемнің көптеген елдерінде тәуелсіз деп аталатын институттар арқылы жүргізілген әр түрлі зерттеулер мәліметтеріне жасалған талдауды негізге алады. Осы индекстің күрделі рәсімдері арқылы шығуына қарамастан, мұның субъектілілігі жеткілікті шамада көрінеді. Біріншіден, «қабылдау» терминінің өзі өзінің болмысы бойынша объективті бола алмайды, бір оқиғаны әр түрлі адамдардың қабылдауы, әр түрлі жағдайларда мүлде басқа мағынада болуы мүмкін. Екіншіден, әр елдің қолданып жүрген заңдарында сыбайлас жемқорлықтың анықтамасы алуан түрлі, сондықтан құбылыстың өзін басқа мағынада түсінуге әкеп соғады. Үшіншіден, мемлекеттік статистикалық мәліметтер сыбайлас жемқорлықпен күресудің қарқынына тәуелді – ол қаншалықты қарқынды болса, соншалықты сыбайлас жемқорлық жағдайлары көбірек тіркеледі.

СЖҚИ есептеп шығаруда тағы бір қиыншылық қаралатын мәселелерді қабылдауда БАҚ ықпалын дәл есептеу мүмкіндігінің болмауына тіреледі. Кейбір елдерде сыбайлас жемқорлықты қабылдауда БАҚ ықпалы шешуші болуы мүмкін. Осылайша, TI сыбайлас жемқорлықты бағалаудың барлық әдіснамасын тек статистикалық талдау ғана анықтайды. Ал сонда, CPI және BPI индекстерінің мәні сарапшылар пікіртерінен алынған мәліметтермен айналы әрекет жасау нәтижесі болып отыр [3].

Біздің елімізде сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес 1998 жылғы 2 шілдеде «Сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес туралы» Заң қабылданғаннан кейін белгілі дәрежедегі іс-қимылға көшті. Осы заңға сәйкес сыбайлас жемқорлықтың түрлі көріністерінің алдын алу шаралары және жою туралы бөліктері, елдің барлық заң базасын елеулі өзгерістерге ұшыратты. Осындай жұмыстардың нәтижесінде сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтар мен қылмыстардың көбірек ашыла бастағаны заңды. БАҚ арқасында сыбайлас жемқорлардың аттары жұртшылыққа мәлім болды, соның ішінде мемлекеттік билік және басқару органдарының жоғары лауазымды тұлғалары да кездеседі.

Осының бәрін TI туындаған жағдайды дәл есептемей бағалау және жоғарыда көрсетілген орынсыз әдістерді пайдалана отырып, СЖҚИ жыл сайын Қазақстанды шиеленіске жақын жағдайда деп шығарып келеді. Одан әрі мемлекеттік билік органдарында отырған лауазымдық тұлғалардың сыбайлас жемқорлықпен ұсталған немесе күдік тудырғандар, бірақ заңдармен қаралған жауапкершіліктен қашып құтылып, заңсыз жиған мүліктерімен қоса Қазақстанның шегінен басқа жерге кеткендер кенеттен демократияның қызғаныштысы жақтаушысы болып шыға келеді. Бұл тұрғыдан Қазақстан Үкіметі, тиісті министрліктер, Экономикалық және сыбайлас жемқорлық қылмыспен күрес жөніндегі Агенттік және басқа да мемлекеттік органдар халықаралық деңгейде жандандырып, сыбайлас жемқорлардың қайтсе де еліміздің саяси өмірін бұрмалап, демократия жылдарында қол жеткен оң, игі істерді теріске шығарып, қаралап көрсетуіне дер кезінде және нақты істермен тойтарыс беріп, теріске шығарып отыру керек.

Сыбайлас жемқорлықтың таратылуына қарсы шараларды жүзеге асыруға Бүкіләлемдік сауда ұйымы (БСҰ), Халықаралық сауда палатасы (ХСП) сияқты мамандандырылған ұйымдар да қатынасады. БСҰ жабдықтау облысында халықаралық ынтымақтастықтың ашықтық және айқындылық жағдайларын жасау үшін мемлекеттік тапсырыстардың тиісті рәсімдерін сақталуды және ашықтықты, айқындылықты қамтамасыз ету мәселелерімен айналысады. Бұл салада 1996 жылы қабылданған мемлекеттік тапсырыстар туралы келісім әрекет етеді.

Халықаралық сауда палатасы (ХСП) көлемінде 1996 жылдан міндетті емес заңдық жинақ іскерлік тәртіп этикасы Ережелері әрекет етеді. Бұл ережелер сыбайлас жемқорлықпен күресу жөнінде шаралар қолдануға шақырады және олар осы корпорацияға кіретін қатысушылардың тәртіптеріне қатысты, әрі соларға арналған. Ереже сонымен қатар кәсіпорыннан тиісті қаржы құжаттарын және аудитті талап етеді, тәртіпті бұзғаны үшін жауапкершілік атқарушы басшыға немесе қызметкерге тағайындау мен бақылауды қарастырады.

Сыбайлас жемқорлық – бұл нақты заңдық анықтамасы жоқ әлеуметтік құбылыс және кез келген құбылыс іспетті ол өзіне тән белгілермен сипатталады, әрі өз дамуында үлкен әлеуетке ие. Сыбайлас жемқорлықтың ерекше белгісі – ол қылмыс субъектілерінің өз қызмет бабын, құқықтық мәртебесін және қызмет мүддесіне қайшы әрі құқық пен ар-ожданнның қалыптасқан нормаларына қайшы орналасқан лауазымның беделін пайдалану жолымен істелінеді. Осы әрекеттер мүліктік не өзге пайда табуға және қандай да бір мүдделер мен қажеттіліктерді қанағаттандыруға тікелей бағытталған. Мысалы, саяси сыбайластықты саясаткерлердің, саяси үміткерлердің немесе олармен байланысты адамдардың сайлауды дайындау және өткізу, белгілі бір мемлекеттік лауазымға тағайындау немесе бекіту кезіндегі іс-әрекеттері ретінде анықтауға болады. Мемлекеттік билік және басқару органдарында жемқорлық қылмыстардың тікелей нысаны мемлекеттік қызметтің беделін қамтамасыз ететін қоғамдық қатынастар болып табылады.

Қорытынды. Сыбайлас жемқорлық мәселесін зерттей отырып, сыбайлас жемқорлық мүдделі топтардың экономикалық мүдделерінің көлеңкелі ықпал ету түрі ретінде осы мәселеге қатысты төмендегідей түйін жасауға болады.

Біріншіден, барлығы мойындағандай, сыбайлас жемқорлық – саясаттың ажырамас бөлігі болып табылады. Өйткені лауазымдық тұлғаның игіліктерді бөлуге құқығы бар жерде, мүдделі тұлғалар тарапынан үнемі әлеуметтік үқсастық жасау мүмкіндігі болып тұрады. Яғни, игілік деп біз тек қана материалдық ресурстарды меңзеп тұрмаған болармыз, сонымен қатар оған лауазым иесінің түрлі әрекеттерге тыйым салу немесе рұқсат ету тағы басқа құқығы да жатады [4].

Екіншіден, сыбайлас жемқорлық жоғары деңгейге көтерілуі бұл мәселеге шындап көңіл бөлуді талап етеді. Заманауи жемқорлықпен күресу шаралары тек қана репрессивтік сипатта болмауы қажет, заңнамалардың да жетілдіруіне баса назар аударған жөн.

Үшіншіден, осы қоғамдық зауалға қарсы қоғамның бірігуі жемқорлықпен күрестің жеңісіне қол жеткізуге мүмкіндік береді. Толығырақ қарастыратын болсақ, сыбайлас жемқорлықты терең зерттеуге толық қол жете қойған жоқ. Іс жүзінде, анық дүниенің өзіне өмір күнделікті өзгерістер енгізіп отыр. Болашақта көлеңкелі әрекеттер сыбайлас жемқорлықтың жаңа түрлерін туындатуы әбден мүмкін. Қоғам мен мемлекеттің алдындағы басты міндеті – осы қылмыстың деңгейін неғұрлым азайту болып табылады.

Жемқорлықты болдырмау үшін, біздің пікірімізше, экономикалық, құқықтық және саяси сипаттағы шаралар кешенін қабылдау керек, олар:

1. Сыбайлас жемқорлықтың сайлау үдерісіне ықпалын азайту. Сайлау рәсімінің тазалығы және ашықтығы, ең алдымен – сайлау науқандарын қаржыландыру.

2. Заң шығару органдарына сыбайлас жемқорлықтың ықпалын кеміту. Ол үшін депутаттарды қылмысты жауапқа тарту рәсімін ықшамдау керек. Конституция мен елдің заңдарына сүйене отырып, партия қызметіне мемлекет тарапынан бақылауды күшейту. Партиялардың құрылуын қолдау қажет, үміткерлердің сайлаушылар алдында жауаптылығын арттыру, оларға ашық түрде өздерінің үміткерлерін таныстыру, саяси әлеуметтік тетігіне ие болу және олар үшін жауап беру.

3. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы күресті жүргізуші кадрлардың біліктілігінің жеткіліксіздігі, сондықтан олардың жұмысын жетілдіру, ішкі сатқындардан тазарту – ең алдыңғы міндеттердің бірі. Бұл мәселені шешу үшін:

4. Жемқорлыққа қарсы ведомстволық бағдарламалар қабылдау. Әр ведомствоға өздерінің ерекшеліктеріне сай, сыбайлас жемқорлық қылмыстар құрылымы және жемқорлыққа қарсы күресті

жүзеге асыру тәсілдері бар. Олардың әрқайсысына сырттан мамандарды тарту арқылы ерекше бағдарламалар жасау керек. Ведомстволық сыбайлас жемқорлыққа қарсы бағдарламаларды әрбір үш-бес жылда жаңартып отыруды тәжірибеге енгізу қажет. Осы салаға алуан түрлі сыбайлас жемқорлықты жұқтырған мемлекеттік экономикалық және әлеуметтік бағдарламаларға ревизия жасау да жатады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Акимова Н.В. Истоки коррупции и особенности борьбы с ней // История государства и права. 2008. – № 8. – С.85– 92.
2. Богущ Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. – 28с.
3. Қазақстан Республикасының 2015-2025 жылдарға арналған сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегиясы туралы Қазақстан Республикасының Президентінің 2014 жылғы 26 желтоқсандағы №986 Жарлығы. <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U1400000986>.
4. Қазақстан Республикасының Президенті Қ.Тоқаевтың Қазақстан халқына жолдауынан «Сындарлы қоғамдық диалог – қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі». 2 қыркүйек 2019 жыл. http://www.akorda.kz/kz/addresses/addresses_of_president/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy
5. Коррупция в мире. Как борются со злом в Китае, Гонконге и Сингапуре (ч.1) // <http://www.corrupcia.net/aboutnews/item-148.html>
6. Карин Е.Т. К вопросу об аналитических подходах в изучении проблемы коррупции // Коррупция в Казахстане: методы нейтрализации / под ред. Д.А. Сатпаева. – Алматы: ЦАПИ, 2010. – 48 с.
7. Сагиева Р.К., Нуралиев М.Е. «Экономическое лицо» коррупции // Вестник КазНУ. Серия экономическая, №3 (85). 2011. – 10-15 с.
8. Курмантаева Л. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы Академияға іссапар туралы есеп (Малайзия): [Электронды ресурс]. – URL кіру режимі: www.supcourt.kz/upload

Кыдыралиева Ж. А.,
магистрант 2 курса специальности юриспруденция
УО «Алматы Менеджмент Университет».
Научный руководитель: Сералиева А. М.,
кандидат юридических наук, ассоц. проф.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Түйін. Жасанды интеллект технологиялары бүкіл әлемде тез таралуда. Алайда, көптеген мемлекеттер бірқатар саяси мақсаттарға жету үшін азаматтарды бақылау, қадағалау және тыңшылық жасау үшін жасанды интеллектті бақылау құралдарын орналастыруда – олардың кейбіреулері заңды, ал басқалары құпиялылық пен деректерді қорғау сияқты адам құқықтарын бұзады немесе олардың ешқайсысы бақыланбайды. Осы технологияның әсерін дұрыс азайту үшін алдымен бұл құралдардың қайда орналастырылғанын және олардың қалай қолданылатынын түсіну маңызды. Бұл мақалада адамның жеке өмір сүру құқығын қозғайтын Қазақстан Республикасының заңнамасындағы соңғы өзгерістер талданылды.

Түйінді сөздер: Жеке деректерді қорғау, жеке деректер, ұлттық бейнебақылау жүйесі, адам құқықтары, жеке өміріне қол сұғылмауы, цифрлық дәуір.

Резюме. Технологии искусственного интеллекта быстро распространяются по всему миру. Тем не менее, все большее число государств развертывают передовые инструменты слежки с искусственным интеллектом для мониторинга, отслеживания и наблюдения за гражданами для достижения ряда политических целей – некоторые законные, другие нарушают права человека, в частности право на частную жизнь и защиту персональных данных, и многие из них и вовсе не контролируются. Для того, чтобы надлежащим образом устранить влияние этой технологии, важно сначала понять, где эти инструменты развертываются и как они используются. В настоящей статье проанализированы последние изменения в законодательство РК, затрагивающие право на частную жизнь человека, защиту персональных данных.

Ключевые слова: Защита персональных данных, персональные данные, национальная система видеомониторинга, права человека, неприкосновенность частной жизни, цифровая эпоха.

Summary. Artificial intelligence technologies are rapidly spreading around the world. However, an increasing number of states are deploying advanced artificial intelligence surveillance tools to monitor, track, and spy on citizens to achieve a range of political goals – some legitimate, others violate human rights such as privacy and data protection, and many of them are not controlled at all. In order to properly mitigate the impact of this technology, it is important to first understand where these tools are deployed and how they are used. This article analyzes the latest changes in the legislation of the Republic of Kazakhstan, affecting the right to private life of a person, protection of personal data.

Key words: Protection of personal data, personal data, national video surveillance, human rights, privacy, digital age.

25 июня 2020 года Президентом Республики Казахстан был подписан Закон № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» (далее – «Закон») [1]. Основной задачей поправок было обеспечение благоприятных условий для населения путем широкого использования цифровых технологий, усиление защиты персональных данных граждан, регулирование общественных отношений при внедрении новых цифровых технологий, совершенствование и приведение в соответствие действующее законодательство РК в сфере информатизации и защиты персональных данных.

В целом, документ содержит 240 поправок, направленных на расширение применения и дальнейшего внедрение цифровых технологий в Казахстане. Учитывая возросшее в период карантина и режима чрезвычайного положения из-за covid-19 во всем мире количество людей, активно применяющих в своей повседневной жизни цифровые технологии, принятый Закон гармонизирует действующее законодательство РК с требованием времени [1].

Изменения охватывают довольно широкий объем нормативно-правовых актов, но помимо прочего Закон предусматривает создание Национальной системы видеонаблюдения.

Согласно ст. 30 Закона РК от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации»: «национальная система видеомониторинга – это информационная система, представляющая собой совокупность программных и технических средств, осуществляющих сбор, обработку и хранение видеоизображений для решения задач обеспечения национальной безопасности и общественного правопорядка (далее – «Система»)» [2].

В соответствии с п. 2 той же статьи, не допускается использование сведений, полученных системой, в иных случаях, помимо предусмотренных в п. 1 ст. 30 Закона РК «Об информатизации». Однако же, система распознавания лиц несет в себе угрозу вмешательства в частную жизнь граждан [2].

Вызывают интерес следующие вопросы: как хранятся эти данные? как данные граждан защищены? кто имеет к ним доступ? кто может их просматривать и изменять? будут ли граждане по запросу получать информацию? где и какие данные о них будут храниться? как долго? Также есть вопросы к качеству распознавания лиц.

В августе 2020 года Комитет Национальной Безопасности РК (КНБ) опубликовал проект правил функционирования национальной системы видеомониторинга [3]. Он основывается на двух ключевых моментах – камеры и система видеоаналитики. Помимо стационарных камер КНБ предлагают устанавливать скоростные, поворотные камеры с обзором; а видеоаналитику обещают применять по части разыскиваемых лиц и тех, кто состоит на учете.

Согласно п. 4 ст. 30 Закона РК «Об информатизации» пользователями Национальной системы видеомониторинга являются специальные государственные органы и органы внутренних дел Республики Казахстан [2]. Таким образом, законодатель дает все рычаги управления такой важной и большой системой в руки силовых структур РК, однако же, не определяет порядок контроля и хранения всех персональных данных. Кроме того, национальная база не вызывает особого доверия среди граждан, поскольку зачастую данные физических и/или юридических лиц оказываются в общем доступе и могут быть использованы в личных и иных целях.

Перечень служб, подразделений и категорий сотрудников, имеющих право пользования Национальной системой видеомониторинга, определяется руководителями специальных государственных органов и органов внутренних дел Республики Казахстан. Силовые структуры, получив столь большую власть, смогут контролировать абсолютно все аспекты жизни казахстанцев.

Сведения, полученные в результате функционирования Национальной системы видеомониторинга, могут представляться иным государственным органам в случаях, установленных законами Республики Казахстан. Таким образом, законодатель допускает передачу данных и другим государственным органом, перечень которых также не определен. Не стоит забывать, что предмет всех вышеперечисленных законов являются персональные данные и частная жизнь казахстанцев. Тогда как в таком случае необходим конкретный перечень органов, имеющих право на доступ и четкий алгоритм передачи данных, а лучше и вовсе исключить возможность распространения личных данных.

КНБ РК, курирующий систему, утверждает, что система предназначена для обеспечения национальной и общественной безопасности. Кроме того, она будет использоваться для автоматического выявления факторов, создающих угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, нарушения общественного порядка и террористических актов; для безопасного хранения и обеспечения оперативного доступа пользователей к архивной информации и данным в режиме реального времени; организации необходимого обмена сведениями с внешними информационными системами. Однако, цель не оправдывает средства.

С проблемой защиты персональных данных при условии внедрения подобной системы сталкивается не только Казахстан, но и другие страны. К примеру, в Великобритании вопросы персональных данных регулируются Data Protection Act. В Казахстане озвучено намерение создать Агентство по персональным данным на базе Комитета по информационной безопасности Министерства цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности, то есть независимая организация, которая может выступать в роли третейского судьи, регулировать спорные вопросы, касающиеся персональных данных. Но в какой форме это будет реализовано у нас, до сих пор не ясно. Получается законодатель сначала создал инструмент для получения доступа к личным данным граждан, а уже после выступил с инициативой создания Агентства, призванного защищать права обычных граждан. Складывается мнение, что и защита прав людей уходит на второй план.

Система может использоваться не только и не столько для поимки преступников, сколько для преследования активистов, принимающих активное участие на митингах, что нарушает статью 32 Кон-

ституции РК [4]. Это механизм тотальной слежки. Если нет общественного контроля и четких механизмов регулирования, если процессы непрозрачны, то это дает большую свободу для вмешательства в частную жизнь граждан, их преследования и может негативно влиять на ситуацию с правами человека.

Кроме того, как показывает практика, не всегда правоохранители используют информацию только в тех целях, которые провозглашают. Учитывая высокий уровень коррупции в стране, персональные данные и сведения о действиях граждан могут просто продаваться, происходят постоянные утечки, защита персональных данных попросту ненадежна.

Статья 5 Конституции РК гласит: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства [4].

Каждый имеет право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничения этого права допускаются только в случаях и в порядке, прямо установленных законом.

Государственные органы, общественные объединения, должностные лица и средства массовой информации обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 25.06.2020 № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» // Справочная система «Юрист».
2. Закон Республики Казахстан от 24.11.2015 № 418-V «Об информатизации» (с изм. и доп. по сост. на 25.06.2020) // Справочная система «Юрист».
3. Проект Приказа Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан «Об утверждении Правил функционирования Национальной системы видеомониторинга» от 29.07.2020 // Справочная система «Юрист».
4. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 (с изм. и доп. по сост. на 23.03.2019) // Справочная система «Юрист».

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ИНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Түйін. Бұл мақала Қазақстан Республикасынан тыс дипломаттардың кәсіби қызметінің ерекшеліктерін зерттеуге арналған. Қазіргі кезеңде ұлттық және халықаралық құқықта дипломаттың құқықтық мәртебесін дамыту мен жақсартудағы жаңа үрдістер болып табылады. Осылайша, қойылған мақсатқа қол жеткізу үшін автор 1961 жылғы Дипломатиялық қатынастар туралы Вена конвенциясында бекітілген халықаралық-құқықтық негіздерді және Қазақстан Республикасының тиісті нормативтік актілерінің ережелерін талдайды. Мақалада мемлекеттің дипломатиялық тәжірибесінде кеңінен қолданылатын дипломатиялық миссия басшысының «бірнеше аккредиттеу» мүмкіндігіне, қабылдаушы елдегі дипломатиялық агенттердің жұмысын аяқтауға және функцияларын тоқтатуға ерекше назар аударылады. Сонымен қатар, автор дипломатиялық агент пен оның отбасы мүшелеріне материалдық және әлеуметтік қамсыздандыру қызметтің күрделілігін, онымен байланысты тәуекелді, сондай-ақ шет мемлекеттің өзіндік ерекшеліктерін ескере отырып берілетінін айтады.

Түйінді сөздер: Қазақстан Республикасы, дипломат, дипломатиялық құқық, дипломатиялық қызмет, дипломатиялық артықшылықтар мен иммунитеттер.

Резюме. Данная статья посвящена исследованию особенностей профессиональной деятельности дипломатов за пределами Республики Казахстан. На современном этапе появляются новые тенденции в развитии и улучшении правового статуса дипломата как в национальном, так и в международном праве. Таким образом, для достижения поставленной цели автор анализирует международно-правовые основы, закрепленные в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года и положения соответствующих нормативных актов Республики Казахстан. Особое внимание в статье уделяется возможности «множественной аккредитации» главы дипмиссии, которая широко используется в дипломатической практике государства, завершению функционирования и прекращению функций дипломатических агентов в стране пребывания. Кроме того, автор отмечает, что материальное и социальное обеспечение дипломатическому агенту и членам его семьи предоставляется с учетом сложности прохождения службы, связанного с ней риска, а также специфических особенностей иностранного государства.

Ключевые слова: Республика Казахстан, дипломат, дипломатическое право, дипломатическая служба, дипломатические привилегии и иммунитеты.

Summary. This article is devoted to the research of peculiarities of the diplomats of their professional activity outside the Republic of Kazakhstan. At the current stage, there are new trends in the development and improvement of the legal status of a diplomat both in national and in international law. Therefore, to achieve this goal the author analyzes the fundamentals of international law of the Vienna Convention on Diplomatic Relations of 1961, and relevant regulations of the Republic of Kazakhstan. The article pays particular attention to the possibility of “multiple accreditation” concerning the head of the diplomatic mission, which is widely used in diplomatic practice of the state, how complete the operation and termination of the functions of diplomatic agents in the host country. In addition, the author notes that material and social security is provided to a diplomatic agent and his family members taking into account the complexity of the service, the associated risk, as well as the specific features of a foreign state.

Key words: Republic of Kazakhstan, diplomat, diplomatic law, diplomatic service, diplomatic privileges and immunities.

Сотрудник дипломатического, а также иных зарубежных представительств государства – это не просто государственный служащий, реализующий определенный вид и объем полномочий по соответствующей должности. Это человек, наделенный государственно-властными полномочиями, действующий в системе международных отношений от имени, по поручению и в интересах своего государства.

Как определяется в п.2 ст.1 Закона РК «О дипломатической службе» сотрудниками дипломатической службы являются госслужащие, занимающие в органах дипломатической службы штатные дипломатические должности, имеющие, как правило, дипломатический ранг и осуществляющие должностные полномочия и обязанности в целях реализации задач и функций, возложенных на органы дипломатической службы [1]. Статус, права и обязанности сотрудников дипломатического и иных зарубежных представительств государства, а также гарантии и ограничения по службе определяются Конституцией РК, законодательством о государственной службе, о дипломатической службе РК, Трудовым кодексом РК, Положением о МИД РК, положениями о дипломатическом и приравненном представительстве РК, другими нормативно-правовыми актами. На период работы за пределами Казахстана для сотрудников дипломатического и иных зарубежных представительств государства устанавливаются соответствующие привилегии и иммунитеты, дополнительные ограничения и изъятия из прав, связанные с особенностями законодательства и обычаями страны пребывания и требованиями международного права.

Материальное и социальное обеспечение сотрудников дипломатического и иных зарубежных представительств государства в период работы в МИДе РК определяется законодательством РК, предусмотренным для государственного служащего. Так, оплата труда государственных служащих осуществляется в соответствии с единой системой оплаты труда работников для всех органов, содержащихся за счет государственного бюджета, утверждаемой Правительством Республики Казахстан по согласованию с Президентом Республики Казахстан. Порядок и условия выплаты бонусов, оказания материальной помощи государственным служащим, а также установления надбавок к должностным окладам административных государственных служащих корпуса «Б» определяются Правительством Республики Казахстан по согласованию с Администрацией Президента Республики Казахстан [2]. Помимо этого ст. 29 Закона «О дипломатической службе» предусматривает право сотрудников дипломатической службы на получение денежных выплат за дипломатический ранг, знание иностранных языков, работу со сведениями, составляющими государственные секреты, а также ежегодной денежной компенсации стоимости представительской экипировки [1].

Нормы, касающиеся условий труда, гарантий и компенсаций сотрудников дипломатической службы, работающих в загранучреждениях получили отдельную регламентацию. Такие нормы содержатся в главе 6 Закона «О дипломатической службе» и в Постановлении Правительства РК от 6.01.2006г. № 23 «Об утверждении условий труда персонала дипломатической службы за рубежом».

Сотрудникам дипломатической службы, направленным на работу в загранучреждение РК, выплачивается единовременное пособие: 1) в размере 100 процентов от должностного оклада в национальной валюте с установленными денежными выплатами (оплата производится МИД РК); 2) в размере 50 процентов от должностного оклада в иностранной валюте (оплата производится загранучреждением) [3].

В связи с командированием в иностранное государство и обратно в Казахстан сотрудникам дипломатического и иных зарубежных представительств государства и членам семей оплачиваются компенсации на транспортные расходы воздушным или железнодорожным транспортом, расходы на оплату аэропортовых, страховых и комиссионных сборов, а также расходы за провоз багажа общим весом не более 80 кг, но не более 240 кг на семью. За время нахождения в пути следования к месту работы и обратно сотрудникам дипломатической службы и членам семьи выплачиваются суточные. В случае вынужденной задержки в пути следования (заболевание, служебное поручение, форс-мажорные обстоятельства), за время задержки суточные и расходы по найму жилого помещения выплачиваются при представлении документов, подтверждающих факт вынужденной задержки.

Сотрудники дипломатического и иных зарубежных представительств государства, и проживающие совместно члены семей имеют право на оплату в оба конца транспортных расходов, связанных с предоставлением ежегодного оплачиваемого отпуска либо со смертью одного из членов семьи.

Дипломатические агенты обеспечиваются за границей жильем с учетом числа проживающих вместе членов семей, должностного положения, местной обстановки и нормативов, утвержденных постановлением Правительства РК от 15.03.2006г. № 165 «Об утверждении нормативов обеспечения персонала дипломатической службы жильем за границей». Если фактические расходы по содержанию жилья превышают нормы, установленные Правительством РК, они подлежат возмещению за счет бюджетных средств [4].

Оплата труда сотрудников дипломатического и иных зарубежных представительств государства, направленных на работу в загранучреждения РК, устанавливается на основании Единой системы

оплаты труда работников органов РК, содержащихся за счет государственного бюджета и сметы Национального Банка РК, утверждаемой Президентом РК, и производится в национальной и иностранной валюте, исходя из установленных должностных окладов и денежных выплат к ним. Так, должностные оклады в национальной валюте устанавливаются в размере 25 процентов от окладов по приравненным должностям работников центрального аппарата МИДа с установленными денежными выплатами, а должностные оклады в иностранной валюте – по должности, занимаемой в загранучреждении. Заработная плата в иностранной валюте выплачивается дипломатическим агентам за границей ежемесячно, в том числе авансовой оплатой, а в национальной валюте – перечисляется ежемесячно МИДом РК на лицевой банковский счет.

Урегулированы и вопросы, касающиеся режима рабочего времени и времени отдыха. Так, правила внутреннего трудового распорядка для каждого загранучреждения РК устанавливаются МИДом применительно к условиям государства пребывания по представлению главы загранучреждения. При этом продолжительность рабочего времени и времени отдыха, в том числе праздничные дни, для персонала дипломатической службы за границей устанавливаются в соответствии с законодательством РК, но с учетом особенностей государства пребывания. Для дипломатических агентов, проходящих службу в странах с жарким и влажным климатом, устанавливается 36-часовая рабочая неделя.

Персоналу дипломатической службы предоставляется ежегодный оплачиваемый трудовой отпуск продолжительностью тридцать календарных дней. При этом предусматривается выплата пособия для оздоровления в двукратном размере от должностного оклада по последней должности, которую он занимал в МИД РК, и оплата стоимости проезда от места работы за границей до места постоянного проживания в Казахстане или другого места проведения отпуска, а также стоимости обратного проезда до места работы за границей.

В случае необходимости в загранучреждениях разрешается после согласования с МИД РК совмещение должностей или выполнение обязанностей временно отсутствующих сотрудников или работников. При наличии в загранучреждениях административно-технических вакантных должностей членам семей персонала дипломатической службы, находящимся за границей, может быть предоставлено право временного трудоустройства.

Материальное и социальное обеспечение дипломатическому агенту и членам его семьи предоставляется с учетом сложности прохождения службы, связанного с ней риска, а также специфических особенностей иностранного государства. Одним из нововведений Закона «О дипломатической службе» является распространение в период работы в загранучреждении конституционных гарантий на обеспечение определенного объема безвозмездной медицинской помощи персонала дипломатической службы и членов семей, на получение бесплатного дошкольного воспитания и обучения, начального, основного среднего и общего среднего образования детей.

В Законе «О дипломатической службе» делается особый акцент на обеспечение безопасности персонала дипломатической службы и членов семей. Так, ст.25 прямо определено, что пребывание за границей не должно повлечь за собой какого-либо ущерба для персонала дипломатической службы и членов семей. Обязанности по оказанию помощи и защите по отношению к персоналу дипломатической службы и членам семей, находящимся за рубежом, исполняет руководитель загранучреждения.

В условиях конкуренции с частным сектором вопросы материального обеспечения персонала дипломатического и иных зарубежных представительств государства являются одними из приоритетных в кадровой политике. Современным развитым государствам удалось создать условия для своих дипломатов, сопоставимые с теми, что предлагает наёмным работникам частный сектор. Известная привилегированность в этом плане сотрудников МИД по сравнению с другими отраслями госслужбы объясняется тем, что образовательная подготовка и профессиональный опыт дипломатов делают их особенно привлекательной «добычей» для частных компаний[5;14]. Поправки в Закон РК «О дипломатической службе» в соответствии с Законом РК от 27.12.2010 N 366-IV ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О дипломатической службе Республики Казахстан», свидетельствуют о том, что Казахстан идет по пути обеспечения социальной защиты персонала дипломатической службы в соответствии с общемировой практикой, совершенствования законодательства РК по вопросам организации деятельности органов дипломатической службы, укрепления кадрового потенциала и повышения привлекательности дипломатической службы.

Таким образом, сотрудник дипломатического и иных зарубежных представительств Республики Казахстан – это не просто гражданин Республики Казахстан, который сознательно поступил на

службу в структуры внешнеполитического ведомства, не просто высококвалифицированный специалист, добросовестно исполняющий служебные обязанности в порядке, установленном законом за счет средств государственного бюджета. Это человек государственный, представляющий и защищающий государственные интересы, выступающий от имени и по поручению государства в решении вопросов, относящихся к его компетенции, и наделенный для этого необходимым кругом прав и обязанностей и социальными гарантиями. Главное его качество – добросовестность и профессионализм в служении государству и казахстанскому обществу.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Казахстан № 299-ІІ от 7 марта 2002г. «О дипломатической службе Республики Казахстан» //
2. Закон Республики Казахстан № 416-V от 23 ноября 2015г. «О государственной службе Республики Казахстан»//
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 января 2006г. № 23 «Об утверждении условий труда персонала дипломатической службы за рубежом» (с изменением по состоянию на 18.03.2016г.) // https://online.zakon.kz/Dokument/?doc_id=3041537
4. Постановление Правительства РК от 15 марта 2006г. № 165 «Об утверждении нормативов обеспечения персонала дипломатической службы жильем за границей» (с изменением по состоянию на 24.04.2014г.) // https://online.zakon.kz/dokument/?doc_id=30048947
5. Иорданиди Д. Ю. Эволюция и современные проблемы кадров в дипломатии развитых государств: автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.15. – М., 2017. – 25 с.

СЕКЦИЯ 2

«МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В ПРАКТИКЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ»

Лифшиц И. М.,
*доктор юридических наук,
доцент кафедры международного права
Всероссийской академии внешней торговли
Минэкономразвития РФ
e-mail: I.Lifshits@edaslawfirm.ru*

БАЗЕЛЬСКИЕ СТАНДАРТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Түйін. Базель Банктік қадағалау комитеті әзірлеген және қабылдаған ережелер міндетті емес және олардың кейбіреулері ресми емес атауға ие болған құжаттарға енгізілгеніне қарамастан ұсыныстар болып табылады Базель келісімі (Basel Accord). Сонымен қатар, мұндай ұсынымдар әлемнің көптеген мемлекеттерінің құқықтық жүйелеріне елеулі көлемде имплементацияланған. Базель комитеті іс жүзінде жаһандық реттеуші немесе банктік қадағалау саласындағы заң шығарушы мәртебесіне ие болды деп мойындауға болады. Мақалада Базель стандарттарының Еуропалық Одақтың оң жүйесіне әсер ету сипаты мен әдістері, соның ішінде Базель комитетінің өзі де, ХВҚ да бақылау тетіктерін қолдану арқылы қарастырылады. Базельдің тиімді банктік қадағалаудың негізгі принциптерін іске асырудағы қиындықтар ЕО-ның банктік одағын құру проблемаларымен байланысты, бұл сөзсіз ЕО-ның мемлекеттердің бірлестігі ретінде пайда болады деген қорытындыға келді.

Түйінді сөздер: Базель стандарттары, ЕО банк құқығы, Базель-III, ЕО Банк одағы, бірыңғай бақылау механизмі.

Резюме. Правила, разрабатываемые и принимаемые Базельским комитетом банковского надзора не имеют обязательной силы и являются рекомендациями несмотря на то, что некоторые из них включены в документы, получившие неофициальное наименование Базельское соглашение (Basel Accord). Вместе с тем, такие рекомендации в значительном объеме имплементированы в правовые системы большинства государств мира. Можно признать, что Базельский комитет фактически приобрел статус глобального регулятора или нормотворца в сфере банковского надзора. В статье рассмотрен характер и способы влияния Базельских стандартов на правовую систему Европейского союза, в том числе путем использования контрольных механизмов как самого Базельского комитета, так и МВФ. Сделан вывод, что трудности имплементации Базельских основополагающих принципов эффективного банковского надзора связаны с проблемами создания Банковского союза ЕС, которые неизбежно вытекают из сущности ЕС как объединения государств.

Ключевые слова: Базельские стандарты, банковское право ЕС, Базель-III, Банковский союз ЕС, Единый надзорный механизм.

Summary. Rules adopted by Basel Committee of Banking Supervision do not have legal binding force. They are recommendation despite that certain of them are included in the documents having unofficial name of 'Basel Accord'. However it may be admitted that Basel Committee de-facto has become a global regulator or standard setter in the field of banking supervision. A character and methods of Basel Standards implementation in the EU legal order have been reviewed in the article including control mechanisms established by the Basel Committee as well as the IMF. It has been concluded that the difficulties implementation of Basel Core principle of effective banking supervision are related with problems of creation of the EU Banking Union which necessarily derive from the substance of the EU as union of states.

Key words: Basel standards, EU banking law, Basle-III. EU Banking Union, Single Supervisory Mechanism.

Одним из наиболее авторитетных международных органов, в рамках которого устанавливаются международные финансовые стандарты в банковской сфере, является *Базельский комитет банковско-*

го надзора (БКБН). Комитет оказывает значительное влияние как на разработку проектов правовых актов ЕС, так и на правоприменение. Комитет был создан при Банке международных расчетов в Базеле в 1974 г. руководителями центральных банков государств «Группы 10» после банкротства западно-германского банка Bankhaus Herstatt. Целью БКБН является укрепление финансовой стабильности посредством улучшения банковского надзора, а также учреждение института сотрудничества между государствами-членами по вопросам банковского надзора. В настоящее время членами БКБН являются 45 банковских регуляторов из 28 юрисдикций (государства-члены G-20, международные финансовые центры – Сингапур, Гонконг, Швейцария, Люксембург – а также Бельгия, Нидерланды, Испания и Швеция). Комитет разрабатывает и принимает рекомендательные документы в сфере банковского надзора, а затем оценивает имплементацию положений данных документов не только в государствах-членах, но и в других странах. Комитет имеет Устав, хотя и не является юридическим лицом. Несмотря на то, что правила, разрабатываемые в рамках Комитета не имеют обязательной юридической силы, БКБН, как отмечает один из ведущих зарубежных специалистов в международном финансовом праве Роза Ластра, приобрел де-факто статус международного регулирующего органа (international regulatory body) [Lastra: 505]. Примечательны в этом плане положения Устава, касающиеся имплементации стандартов применяемых БКБН: ст.12 устанавливает, что Комитет «ожидает полной имплементации его стандартов членами и их банками, ведущими международную деятельность», при этом такая имплементация должны быть проведена в сроки, устанавливаемые БКБН, а «если невозможно избежать искажений при дословном переносе [положений стандартов] в национальную правовую систему, то члены будут стремиться к максимально возможной эквивалентности стандартов и результата их имплементации».

Первоначально работа Комитета была сосредоточена на принципах надзора за банками, имеющими отделения в других государствах, и на обмене информацией между регуляторами разных стран. Интересен в этом плане совместный доклад «Надзор за трансграничной банковской деятельностью», подготовленный БКБН и Комитетом оффшорных банковских регуляторов в 1996 г., впоследствии одобренный регуляторами 140 стран.

В 1980-х одним из основных акцентов в деятельности Базельского комитета стал контроль достаточности капитала банков, ведущих международную деятельность. В целях гармонизации национального законодательства в июле 1988 год представителями регуляторов стран «Группы 10» был принят документ, получивший неофициальное название «Базельский согласительный документ в отношении капитала» (Basle Capital Accord) и известный как «Базель – I». Нормы «Базель – I» рекомендовали центральным банкам до конца 1992 г. установить минимальное отношение капитала к взвешенным по рискам активам в размере 8%. Применяемый к этому документу термин «accord» (соглашение) не должен вводить в заблуждение – этот документ никогда не рассматривался как международный договор, а его правовая природа как рекомендательного акта не вызывает сомнения. Тем не менее к сентябрю 1993 г. практически все страны, в которых работали банки с международной активностью, имплементировали данный стандарт в национальное законодательство.

В 2004 году Комитет после почти 6 лет подготовительной работы взамен стандартов «Базель-I» опубликовал новый документ «Пересмотренная система требований к капиталу» (Revised Capital Framework), известный как «Базель-II». Данная система включала три «опоры»: 1) более развитые и широкие, чем в 1988 году, требования к капиталу; 2) правила проверки достаточности капитала надзорным органом и положения об оценке соответствующих требований внутренними службами самого банка; 3) нормы, закрепляющие обязанность банка публично раскрывать информацию о своем финансовом состоянии. В 2006 году стандарт «Базель-II» был дополнен правилами оценки операций с ценными бумагами в финансовой отчетности банков, разработанными совместно с Международной организацией комиссий по ценным бумагам (IOSCO); новый консолидированный документ получил название: «Международное сближение измерений и стандартов капитала: пересмотренная редакция – полная версия».

Однако стандарты «Базель-II» не смогли предотвратить небывалый по силе глобальный финансовый кризис, особенно ярко проявившийся в 2008 году после банкротства американского банка Lehman Brothers. Во многом под влиянием кризиса Базельский комитет в 2010 году объявил о введении новых требований к капиталу и ликвидности банков, т.е. обеспеченности легкодоступными денежными средствами. Характерно, что новые требования, которые стали именовать «Базель-III», были одобрены на встрече «Большой двадцатки» в Сеуле. Два первых документа декабря 2010 года в рамках пакета Базель-III получили название: «Международная система для измерения риска ликвидности, стандар-

тов и мониторинга» (International framework for liquidity risk measurement, standards and monitoring) и «Глобальная система регулирования для более устойчивых банков и банковских групп» (International framework for more resilient banks and banking systems). Новые стандарты предусматривают поэтапное введение новых правил вплоть до 2019 года, их суть состоит в усилении требований к количеству и качеству капитала банка за счет введения так называемых «буферов капитала», в ограничении долговой нагрузки банка (вводится соответствующий ограничительный коэффициент – leverage ratio) и установлении требований к краткосрочной ликвидности банка (вводится коэффициент liquidity coverage ratio). Предложено также ввести особые повышенные требования для так называемых системно значимых банков. Целью имплементации стандартов «Базель-III» является увеличение устойчивости банковского сектора, однако в результате такой имплементации рентабельность банковского бизнеса, без сомнения, падает. Базельский комитет выпустил уже более 50 документов (из них – более 20 стандартов) в рамках пакета «Базеля-III», и нормотворчество продолжается в настоящее время. Так, 14 января 2019 г. высший надзорный орган БКБН (Группа управляющих Центральными банками и руководителей надзорных органов – Group of Central Bank Governors and Heads of Supervision) одобрил документ «Минимальные требования капиталу по рыночному риску», который предполагается ввести в действие в 2022 году.

Все документы БКБН делятся на несколько видов: стандарты (standards), указания (guidelines), хорошие практики (sound practices), отчеты об имплементации (implementation reports), часто задаваемые вопросы (FAQ), консультативные документы, исследования количественного воздействия (QIS), рабочие документы (Working papers), новостные письма и другие. В отношении стандартов предусмотрено, что «ождается полная имплементация членами БКБН», в отношении указаний – что членов БКБН поощряют (encourage) к их принятию, что касается «хороших практик», то здесь члены Комитета сравнивают их со своими практиками для определения возможных сфер для совершенствования (см. п.12-14 Устава БКБН). Всего, исходя из базы данных публикаций на сайте БКБН, в настоящее время (14.01.2019) в категории «действующие», «открытые» «предстоящие» имеется 36 стандартов, 50 указаний и 24 «хороших практик».

Отдельного упоминания заслуживает разработанный в 1997 году в рамках Базельского комитета документ, получивший название «*Основополагающие принципы эффективного банковского надзора*» (Core principles for effective banking supervision). Последняя редакция документа 2012 года содержит 29 принципов, касающихся требований к организации банковского надзора, качеству корпоративного управления в банках, управления рисками, системы внутреннего контроля банковской деятельности. Проект документа был опубликован в декабре 2011 г., и заинтересованным лицам было предложено дать в течение 3-х месяцев свои замечания к документу. Соответствующие комментарии от банков, профессиональных ассоциаций, частных лиц, регуляторов и высших учебных заведений (в том числе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики») опубликованы на сайте БКБН в соответствующем разделе.

Все принципы разделены на несколько групп: первая группа (принципы 1-13) касаются надзорных полномочий регулятора, вторая группа (принципы 14-29) посвящены требованиям к банкам.

Например, «принцип №1» предусматривает следующее: «Эффективная система банковского надзора имеет четкие полномочия и цели для каждого органа, занимающегося надзором за банками и банковскими группами. Существует подходящее для банковского надзора правовое обеспечение, чтобы обеспечить каждый задействованный орган необходимыми юридическими полномочиями по регистрации банков, осуществлению текущего надзора, оценке соблюдения законодательства и принятию в определенный срок корректирующих мер для обеспечения требований безопасности и устойчивости». В документ включены также так называемые «критерии оценки», которые несколько детализируют принципы и служат методикой для проверки соблюдения их государством. Так, в отношении принципа 1 приведены 7 уточняющих критериев, которые, в частности, определяют полномочия надзорного органа в случае нарушения банком законодательства или, если такой банк «вовлечен или, вероятно, будет вовлечен в деятельность, противоречащую требованиям безопасности и устойчивости»; предусмотрены следующие полномочия: (а) принимать корректирующие меры в определенный срок или требовать от банка принятия таких мер; (b) налагать санкции из предусмотренного перечня; (с) отзыв лицензию; (d) сотрудничать и совместно работать с соответствующими органами для восстановления финансовой устойчивости банков, в том числе запускать процедуру восстановления финансовой устойчивости в случае необходимости.

Очевидно, каждый принцип даже с учетом критериев оценки излагает лишь в самом общем виде требования к организации банковского надзора, оставляя на усмотрение команды проверяющих вывод о их соблюдении или несоблюдении.

«Принцип № 4» предполагает, что разрешенная деятельность лицензируемых банков должна быть четко определена, а использование слова «банк» – подлежит строгому контролю. Согласно «принципу № 6» органы банковского надзора должны быть наделены правом не разрешать сделки по передаче значительного или контрольного пакета акций банка от одних лиц к другим. «Принцип № 16» предусматривает, что органы банковского надзора должны иметь полномочия устанавливать требования по достаточности капитала банков. «Принцип № 29» предполагает, что органы банковского надзора должны иметь право определять, насколько процедуры и внутренние регламенты банка препятствуют его умышленному или неумышленному использованию в преступной деятельности.

В приложении 1 документа приводится сравнение с предыдущей версией «Принципов» 2006 г., а в приложении 2 приведена структура отчета об оценке Международным валютным фондом и Всемирным банком соответствия банковского регулирования определенной юрисдикции Базельским принципам. Интересно, что именно эти межправительственные финансовые организации в рамках программы *FSAP* (Financial Sector Assessment Program) производят соответствующую оценку (по сути – проверку), в то время как проверку имплементации других Базельских стандартов проводит сам Базельский комитет в рамках программы *RCAP* (см. ниже).

Так, летом 2018 г. в рамках программы *FSAP* была закончена длившаяся в течение 5 месяцев комплексная оценка финансового сектора государств-членов зоны евро и опубликовано 8 отчетов (в частности, Оценка стабильности финансовой системы; Страховые, инвестиционные компании и макропруденциальный надзор, Восстановление финансовой устойчивости банков и кризис-менеджмент). Результатом одной из оценок стал отчет на 342 страницах с названием «Техническая детализированная оценка соблюдения Базельских основополагающих принципов эффективного банковского надзора». В отчете положительно весьма в комплиментарных словах оценивается введение Единого надзорного механизма (Single Supervisory Mechanism) в еврозоне: «Банковский надзор Европейского центрального банка (ЕЦБ) основан на ясно определенных полномочиях и независимости от вмешательства правительства или банковского сообщества в процесс принятия индивидуальных надзорных решений. Его надзорная методология и процессы, обеспеченные мотивированным персоналом, четко прописаны, они заложили основы для осуществления превентивного и беспристрастного надзора, более чем ранее основанного на анализе будущих событий. Это ценное достижение Еврозоны». Однако после такого позитивного вступления составители отчета приступают к достаточно жесткой критике ЕЦБ: набор надзорных полномочий недостаточен для решения текущих проблем, в частности Brexit, надзор за значимыми банками (Significant Institutions) не полностью находится под контролем ЕЦБ, а широкое представительство в руководящих органах ЕЦБ и влияние государств-членов могут затруднить своевременное принятие решений по чувствительным вопросам, правовые акты не всегда четко определяют полномочия ЕЦБ (отметим здесь противоречие со вступлением к отчету), необходимость реализовывать надзорные полномочия через национальные компетентные органы по банковскому надзору снижает эффективность надзора. Отдельно были обозначены существенные трудности функционирования надзорных коллегий, осуществляющие текущий надзор за значимыми банками, такие коллегии возглавляются сотрудником ЕЦБ и состоят из представителей надзорных ведомств различных государств; однако весьма отличающийся уровень подготовки таких представителей, разная надзорная культура государств и языковые отличия «приводят к операционным и мотивационным проблемам», одной из которых является подчинение членов таких коллегий «двум господам» (имеется в виду ЕЦБ и национальные надзорные органы). Отчет содержит рекомендации, первая из которых, заключается в необходимости предоставления ЕЦБ надзорных полномочий в отношении всех форм кредитного посредничества.

Для контроля за внедрением новых Базельских стандартов в национальное законодательство в 2012 году в рамках Комитета учреждена специальная Программа оценки соответствия регулятивных правил *RCAP* (Regulatory Consistency Assessment Programme), в рамках которой проводятся проверки соблюдения отдельными юрисдикциями новых требований и публикуются соответствующие отчеты. Оценка проводится в соответствии с методикой. Рабочая группа экспертов исследует внедрение стандартов в определенной юрисдикции и составляет отчет; процесс проведения оценки контролируется Советом по проверкам (Peer Review Board) и Группой Базельского комитета по надзору и импле-

ментации (the Basel Committee Supervision and Implementation Group); методика проверок и отчеты утверждаются Базельским комитетом; проверки могут касаться отдельной юрисдикции (jurisdictional peer review) или практических вопросов расчета банками взвешенных по рискам активов (thematic assessment of regulatory outcome). Рассмотрим в качестве примера один из последних обзоров, посвященных банковской системе ЕС – Отчет об имплементации в ЕС норматива краткосрочной ликвидности (LCR), опубликованный в 2017 г.

Структура отчета включает вступление, резюме Отчета и ответ уполномоченного органа ЕС, в котором дается отзыв на выводы Отчета, основную часть, которая поделена на 2 раздела (Общие выводы оценки и Детальные выводы оценки), а также 14 приложений; общий объем документа – 46 страниц. Группу экспертов возглавлял заместитель начальника департамента национального банка ЮАР, в группу, кроме того, входили два эксперта из Австралии и Индонезии, а в составе Группы проверки (Review Team) наряду с тремя другими членами входил и представитель Банка России Александр Жданов.

Во вступлении обозначаются нормативные акты ЕС, которые оцениваются в Отчете: Регламент и Директива о требованиях к капиталу (CRR/CRD), дополненные делегированным Регламентом Комиссии 2015/61, а также стандартами и указаниями Европейского Банковского Органа. Интересно, что оценкой охватывался результат имплементации (употреблен термин *delegation*) указанных директив и регламентов (хотя регламент и не требует имплементации) в 9 государствах-членах ЕС, национальные банки и/или пруденциальные органы которых являются членами Базельского комитета (Бельгии, Франции, Германии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Испании, Швеции и Великобритании).

В отчете сделан вывод, что общая система правил ЕС, касающихся норматива LCR, в значительной степени соответствует Базельскому стандарту. Это означает, что не все положения данного стандарта инкорпорированы в нормативные акты ЕС. Группа выявила 20 отклонений от Базельского стандарта, часть из которых может привести неоправданному увеличению норматива LCR и повлиять на «справедливость и сравнимость» банков как внутри ЕС, так и за его пределами в тех странах, где имплементированы Базельские стандарты. Так, в частности, нормативные акты ЕС разрешают при расчете норматива LCR включать в состав Ликвидных активов высокого качества (High Quality Liquid Assets) облигации некоторых кредитных институтов ЕС, хотя правила стандарта Базель III не позволяют относить эти облигации к данной категории. В отчет включен ответ «Уполномоченных органов ЕС» (видимо, это ответ Комиссии), где отклонения правовых актов ЕС от требований Базельских стандартов объясняются «сознательным выбором», «европейскими и национальными особенностями», а также тем, что такие отклонения в целом все же соответствуют «духу соглашений Базельского комитета».

В первом разделе отчета сделан краткий обзор банковского сектора ЕС. Так, в частности указано, что в ЕС функционирует банки с общим объемом активов в 45 трлн евро, что составляет 52% от глобальных банковских активов. Также указывается, что наряду с регламентами и директивами в состав актов, регулирующих банковскую деятельность, включаются и ориентиры и рекомендации Европейского банковского органа. Государства могут не исполнять последние, но обязаны опубликовать информацию об этом и указать причины. Далее в первом разделе Отчета дан перечень отклонений правовых актов ЕС от положений Базельских стандартов, а во втором разделе отчета этот перечень детализирован путем указания конкретных статей нормативных актов ЕС и указания, в чем состоит отклонение. Дана также классификация отклонения: существенное, несущественное и потенциально существенное. В приложениях дан состав экспертной группы, приведены названия и реквизиты сопоставляемых нормативных актов ЕС и Базельских стандартов. Примечательно, что в одном из приложений указана иерархия правовых актов ЕС: на первом уровне обозначены «законы» (*laws*), то есть регламент (CRR) и директива (CRD), на втором – регулятивные технические стандарты, принимаемые Комиссией в виде регламентов и решений на основании проектов ЕБО или заключений ЕБО, на третьем – рекомендации ЕБО. В приложении 13 указан перечень норм банковского права, устанавливающих более строгие правила, чем предусмотрены в Базельских стандартах.

К саммиту «Группы 20» в Аргентине БКБН выпустил отчет о внедрении стандарта «Базель III», к которому приложена таблица с указанием статуса имплементации стандарта в членах Комитета по нескольким элементам: капитал с учетом рисков (*Risk-based capital*), норматив текущей ликвидности (LCR), глобальные системно-значимые банки (G-SIB), норматив чистого стабильного финансирования (NCFR), крупные риски (*Large exposure*). По первому элементу указано значительное несоответствие

ЕС (со ссылкой на проверку 2014 г.), по второму соответствие в значительной степени (указанная выше проверка 2017), по третьему – соответствие (2016), по четвертому и пятому элементам проверка ожидается в второй половине 2020 г.

Правовые акты ЕС, регулирующие банковскую деятельность, имплементируют нормы Базельских стандартов, и в отдельных случаях прямо ссылаются на них. Так в п. 79 Директивы 2013/36/EU сделана ссылка на то, что G-20, СФС и Базельский комитет в свете возникновения и развития финансового кризиса рекомендовали уменьшить про-циклический эффект финансового регулирования, для чего Базельский комитет ввел правила стандарта Базель-III, предусматривающие создание так называемого контр-циклического «буфера», то есть своеобразного «запаса» капитала, который может создаваться в период роста экономики и «распускаться», то есть использоваться в периоды экономических спадов и таким образом противодействовать экономическим циклам. Каждое государство-член ЕС назначает уполномоченный орган, который ежеквартально определяет значение данного норматива (буфера) в зависимости от роста размера выданных кредитов, отношения значения выданных кредитов к ВВП и других изменяющихся значений, относящихся к рискам финансовой стабильности (п. 81 преамбулы и ст. 136 Директивы). Несмотря на то, что Базельский комитет разработал соответствующую методологию на основе отношения размера выданных кредитов и ВВП, такая методология, как указано в п. 82 преамбулы Директивы, не обязывает уполномоченные органы государств-членов и служит только в качестве «отправной точки» (starting point). Таким образом, ссылаясь на Базельские правила, европейский законодатель тем не менее упреждает автоматическое следование всем методикам, которые разработал Комитет. На систему правил «Базель III» ссылается и Регламент 575/2013 в п.1 преамбулы. В то же время европейский законодатель особенно отмечает, что новые, более жесткие правила регулирования банковского сектора, закрепленные в соответствующих стандартах, должны быть имплементированы в «других крупных юрисдикциях» и обозначает обязанность Комиссии отчитываться о результатах такой имплементации на постоянной основе, чтобы «установить различия, которые могут помешать равным условиям конкуренции» (п. 10 преамбулы Регламента).

Говоря о имплементации Базельских стандартов, нельзя забывать, что в ЕС такая имплементация обладает *спецификой*, обусловленной ограниченными полномочиями европейского интеграционного объединения в сфере банковского регулирования и надзора. Как было указано выше, лишь с ноября 2014 г. институт Европейского союза (ЕЦБ) получил возможность реализовывать надзорные полномочия в банковской сфере, но и сегодня такие полномочия в полной мере реализуются только в отношении так называемых «значимых» банков еврозоны [Касьянов: 40-47; Лифшиц: 108-118; Энтин: 36-51]. В каждом государстве-члене действует национальный банковский регулятор (национальный банк или специально созданный орган), который во взаимодействии с ЕЦБ осуществляет свои надзорные функции в отношении «менее значимых банков». Исследователи пишут, что ЕЦБ является «первым среди равных» в Едином надзорном механизме, поскольку именно ЕЦБ отвечает за эффективное и последовательное функционирование SSM в соответствии со ст. 6 Регламента 1024/2013 [Estella: 120]. Кроме того, продолжает функционировать Европейский банковский орган (European Banking Authority), основной целью которого является создание Единого свода правил (Single Rulebook) в финансовой сфере путем разработки проектов нормативных актов Комиссии и принятия рекомендательных актов в рамках всего ЕС (не ограничиваясь еврозоной). Европейский банковский орган играет ключевую роль в применении и толковании как законодательных актов ЕС, так и Базельских стандартов следующим образом: 1) путем консультирования институтов ЕС при законотворчестве; 2) путем разработки проектов (так называемых технических стандартов) регламентом и решений, принимаемых Европейской комиссией в качестве делегированных и имплементирующих актов в случаях, предусмотренных законодательными актами ЕС (директивами и регламентами, принимаемыми Европарламентом и Советом); 3) путем принятия указаний (guidelines), формально не обязательных для компетентных органов государств-членов; однако в случае неисполнения указаний, национальные органы обязаны объяснить причину; 4) путем оценки регулирующего воздействия различных актов; 5) путем мониторинга имплементации Базельских правил на примере европейских банков.

Таким образом, имплементация Базельских правил в ЕС как бы расщепляется между несколькими институтами и органами как самого ЕС, так и государств-членов.

Усиливающееся регулирование банковской сферы путем введения более высоких требований к капиталу, ликвидности и ограничение заимствований банков через соответствующие нормативы помогает укреплению финансовой стабильности, но ограничивает состав операций и прибыльность банков.

Вот почему обеспечение распространения стандартов на универсальном уровне способствует не только укреплению финансовой устойчивости мировой банковской системы, но и обеспечивает формально равные условия конкуренции. В документах Базельского комитета подчеркивается, что цели пруденциального регулирования могут быть полностью достигнуты, только если Базельские стандарты будут должным образом и последовательно имплементированы во всех членах Комитета. Заметим в скобках, что тесная связь регулятивных требований и финансовой устойчивости не позволяет устанавливать льготы для развивающихся стран, что является для них дополнительным обременением, и усиливает доминирование банков развитых стран.

Достижение баланса интересов в Базельском комитете осложнено необходимостью достижения компромисса между регуляторами стран, где развита классическая банковская модель, при которой банк выдает кредит и заемщику и остается его кредитором до конца срока кредита, и регуляторами государств, в которых используется модель распределения рисков (*originate-to-distribute model*), при которой банк в течение короткого времени после выдачи кредита уступает требование к заемщику другим банкам или профессиональным участникам финансового рынка (например, фондам). Первая модель свойственна банкам стран континентальной Европы, вторая – банкам США и Великобритании. Не секрет, что глобальный финансовый кризис стал следствием нездорового увеличения операций именно в рамках второй модели. Она способствует росту так называемых пара-банковских организаций («теневое банкинга» – *shadow banking*), которые, в силу менее детального и объемного надзора со стороны национальных финансовых регуляторов, более равнодушны к высокорискованным операциям. Положения документа «Базель III» критиковались в 2010 г. бывшим управляющим Банка Франции и автором реформы финансовой отрасли ЕС 2009-2010 гг. Жаком Ларозьером за то, что они скорее сдерживают развитие более диверсифицированных и «надежных» европейских банков, нежели чем «рискованных» англо-саксонских кредитных организаций, использующих модель распределения рисков [Quaglia: 45].

Участие в международных органах, устанавливающих международные финансовые стандарты, является для финансовых регуляторов государств ЕС, определенным механизмом достижения согласия между собой. Не занимая консолидированной позиции (отсутствие единой позиции объясняется тем, что государства-члены имели разные приоритеты, выражаемые различными структурами национальных банковских систем, а также разным характером связей банковской сферы с реальной экономикой) [Quaglia: 25], финансовые регуляторы государств-членов ЕС, достигают согласия с участием представителей государств других ведущих финансовых держав мира (прежде всего США, Китая, Швейцарии). Принятые международные финансовые стандарты, являясь рекомендациями, затем имплементируются на уровне ЕС в регламенты и стандарты, которые становятся источниками права ЕС и получают обязательную юридическую силу. Выход Великобритании из ЕС с большой степенью вероятности приведет к консолидации позиции стран континентальной Европы в международных организациях.

Международные финансовые стандарты реципируют отдельные положения, регулирующие финансовую системы различных стран мира. Самое сильное влияние оказывают правовые системы тех государств, где соответствующее регулирование развито в наибольшей степени. После одобрения международными органами таких стандартов, несмотря на их необязательный характер, начинается процесс имплементации их положений в национальное законодательство не только государств-членов международных органов, но и других государств. Этот процесс обеспечивается определенными контрольными механизмами. В итоге наблюдается своеобразный процесс «экспорта» финансового законодательства наиболее развитых стран в правовые системы других государств мира. ЕС в ряде случаев выступает в качестве «импортера» правил регулирования финансовой отрасли США, однако достаточное широкое представительство государств-членов ЕС в международных органах, устанавливающих стандарты, участие в качестве наблюдателя или членство в таких органах институтов ЕС, а также сравнимый с США размер финансовой отрасли, позволяют ЕС не только адаптировать положения международных финансовых стандартов под европейское правовое регулирование, но и включать нормы права ЕС в международные финансовые стандарты, то есть выступать «экспортером» собственного правового регулирования.

Европейский союз имплементирует нормы Базельских стандартов в директивы и регламенты, принимаемые Европейским парламентом и Советом (законодательные акты), а также в делегированные акты Комиссии. Особенностью финансового нормотворчества в ЕС является участие в нем Европейского банковского органа (а также Европейского органа по ценным бумагам и рынкам, а также Европейского органа по страхованию и трудовым пенсиям) в двух качествах: во-первых, как органи-

зации, имеющей исключительное полномочие разрабатывать проекты так называемых технических стандартов, то есть исполнительных актов Комиссии, принимаемых в случаях и пределах, устанавливаемых законодательными актами; во-вторых, как организации, принимающей рекомендации, ориентиры, обобщения практики, которые не будучи обязательными, тем не менее имеют важное значение для правоприменительной практики в ЕС, поскольку государства-члены обязаны придавать им особое значение в случае неисполнения таких рекомендаций публично заявлять об этом с объяснением причин. Таким образом, наблюдается два типа имплементации Базельских стандартов: через правовые акты ЕС и через рекомендательные акты европейских финансовых органов. Характерно также, что Базельские стандарты не только не являются обязательными, что следует из Устава БКБН, они, кроме того, распространяются на банки, ведущие международную деятельность, то есть национальный законодатель может предусмотреть, что определенные правила применяются только к такого рода банкам (как было сделано в США применительно к стандарту Базель II). В ЕС положения необязательных стандартов не только инкорпорируются в правовые, то есть юридически обязательные акты, но и распространяются, как правило, на все банки, а не только на те, что ведут трансграничные операции.

Имплементация международных стандартов ведется двумя способами: имплементируются правила самих документов, принятых международными организациями-нормоустановителями или имплементируются общие подходы, продекларированные данными организациями (в том числе G-20 и FSB). В отдельных случаях (как в выше приведенном примере с нормативом текущей ликвидности LCR) ЕС отходит от точной имплементации норм стандарта, утверждая, что смысл нормы перенесен корректно или ссылаясь на особенности функционирования европейской экономики. Без сомнения, в данном случае ЕС в определенной степени нарушает правила имплементации международных стандартов, установленных Базельским комитетом, присваивая себе право определять, по собственному усмотрению, смысл нормы в ущерб ее буквальному значению. Однако такие нарушения не остаются незамеченными соответствующими экспертными группами Базельского комитета и публично раскрываются. Здесь, безусловно, сказывается специфика Базельского регулирования нормативов банков (стандарта Базель-III), которые устанавливают четкие и детальные правила в отличие от Базельских ключевых принципов эффективного банковского надзора, которые, уже в силу самого названия документа, обозначают цель банковского регулирования лишь в самом общем виде. Тем не менее, в большинстве случаев нормы Базельских стандартов имплементируются в правовом порядке ЕС в полном объеме.

Заметим в заключение, что трудности имплементации Базельских ключевых принципов эффективного банковского надзора связаны с проблемами создания Банковского союза ЕС (его первой основы – Единого надзорного механизма), при этом последние неизбежно вытекают из сущности ЕС как объединения государств. Нужно, видимо, признать, что компромиссная модель функционирования Банковского союза ЕС изначально несет в себе существенные недостатки, препятствующие ее эффективному функционированию. Эти недостатки следуют из базовых характеристик данной модели: из частичной передачи функций банковского надзора Европейскому центральному банку и необходимости в большинстве случаев реализовывать полномочия последнего через национальные органы банковского надзора. Преодоление имеющихся проблем видится исключительно в дальнейшей централизации надзорных полномочий Европейским центральным банком, что может потребовать внесения изменений в Договор о функционировании ЕС или заключения отдельного международного договора между государствами-членами, валютой которых является евро. Не исключено, что пойти на такие изменения страны ЕС заставит новый финансовый и банковский кризис, связанный с пандемией вируса COVID-19.

Список использованной литературы:

1. Касьянов Р.А., Бизяева А.А. *Правовое регулирование банковского надзора в ЕС* // Финансовое право и управление. – 2017. – № 4. – С.40-47. DOI: 10.7256/2454-0765.2017.4.25542. URL: http://e-notabene.ru/pfpu/article_25542.html.
2. Лифшиц И.М. *Специфика правового регулирования банковской деятельности в ЕС* // Российский внешне-экономический вестник. 2018. №8. С.108-118.
3. Энтин М.Л., Осокина Е.Б. *Роль Европейского центрального банка в современной системе обеспечения финансовой стабильности ЕС* // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. №4. С. 36-51
4. Antonio Estella. *Legal Foundations of EU Economic Governance*. CUP. 2018. 268 p.
5. Lucia Quaglia. 2014. *The European Union and Global Financial Regulation*. Oxford: OUP. 210 p.
6. Rosa M. Lastra. *International Financial and Monetary Law*. OUP. 2016. 626 p.

Айдарбаев С. Ж.,
заң ғылымдарының докторы,
ал-Фараби атындағы ҚазҰУ,
халықаралық құқық кафедрасының профессоры
aydarbaevs@gmail.com

Тлеубеков С. Т.,
заң ғылымдарының магистрі,
ал-Фараби атындағы ҚазҰУ,
халықаралық құқық кафедрасының
PhD докторанты
tleubekov.s@gmail.com

ДСҰ ЕТ ДАУЛАРЫН ШЕШУ ТӘЖІРИБЕСІНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҰЙЫМДАРДЫҢ ҚАТЫСУЫ

Түйін. Бұл мақалада ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесіне халықаралық ұйымдардың қатысуы және өзара іс-қимыл негіздері зерттелді. Бірқатар халықаралық ұйымдардың қызметіне және стандарттарына қатысты ДСҰ Келісімдерінің нормалары қарастырылды. Халықаралық ұйымдардың қатысуымен байланысты ДСҰ-ның кейбір ет даулары талданды.

Түйінді сөздер: Халықаралық ұйымдар, Дүниежүзілік сауда ұйымы, ДСҰ дауларды шешу тәжірибесі, ДСҰ ет даулары, ДСҰ келісімдері.

Резюме. В данной статье изучены основы взаимодействия и участия международных организаций в практике разрешения споров ВТО по мясу. Рассмотрены нормы Соглашений ВТО, касающиеся деятельности и стандартов различных международных организаций. Проанализированы некоторые споры ВТО по мясу, связанные с участием международных организаций.

Ключевые слова: Международные организации, Всемирная торговая организация, Практика разрешения споров ВТО, споры ВТО по мясу, соглашения ВТО.

Summary. In this article it has been explored the basis of interaction and participation of international organizations in the WTO meat disputes settlement practice. It has been considered provisions of the WTO Agreements concerning the activities and standards of various international organizations. It has been analyzed some of the WTO meat disputes with the participation of international organizations.

Key words: International Organizations, World Trade Organization, WTO Disputes Settlement Practice, WTO Meat Disputes, WTO Agreements.

Дүниежүзілік сауда ұйымының (әрі қарай – ДСҰ) құрылуы мемлекеттер арасындағы дауларды шешудегі жаңа дәуірдің басталуын білдіреді. ДСҰ мүшелері арасындағы сауда дауларын ДСҰ-ның Дауларды шешу жөніндегі органы (әрі қарай – ДШО) қарастырады. Көптеген ғалымдардың пікірінше, ДШО-ның құрылуы ДСҰ құрудағы басты жаңалықтарының бірі болды [1].

1995 жылы ДСҰ құрылған уақыттан бастап және 2020 жылдың 15 қарашасына дейін мүше мемлекеттермен ДСҰ-ның Дауларды шешу органына (әрі қарай – ДШО) 597 шағым жіберілген. Атап айтқанда, осы уақыт аралығында ДСҰ-ға түскен шағымдардың жалпы санының 47 дауы ет және ет өнімдері саудасына қатысты болды.

ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесіне халықаралық ұйымдардың қатысуы олардың өзара іс-қимылынан туындайды. Бұл орайда, біз келесі екі мәселеге көңіл бөлуіміз қажет: біріншіден, ДСҰ және халықаралық ұйымдардың өзара іс-қимыл негіздерін қарастыру; екіншіден, ДСҰ шеңберіндегі ет және ет өнімдері саудасына байланысты дауларды қарастыру. Көзделген екі мәселе өзара тығыз байланысты.

ДСҰ және халықаралық ұйымдардың өзара іс-қимыл негіздері ДСҰ-ның нормативтік-құқықтық базасында бекітілген. Атап айтқанда, ДСҰ келісімдері мен ішкі ережелерінің нормалары өзара іс-қимыл мәселелерін қарастырады.

Мәселен, халықаралық үкіметаралық ұйымдар ДСҰ-ның бақылаушы мәртебесіне ие бола алады, және бұл жағдай олардың өзара іс-қимылының бірден бір көрінісі. Алайда, 1996 жылдың 25

шілдесінде қабылданған WT/L/161 ДСҰ ережесі 3-Қосымшасының 3-тармағына сәйкес, халықаралық үкіметаралық ұйымның ДСҰ-дағы бақылаушы мәртебесі ДШО қызметіне қатысты таратылмайды [2]. Демек, халықаралық ұйымдар ДШО шеңберінде бақылаушы ретіндегі құқықтық мәртебесін пайдалана алмайды.

Жоғарыда аталып өткендей, ДСҰ келісімдері де халықаралық ұйымдармен өзара іс-қимыл негіздерін қамтиды. Егер ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесіне халықаралық ұйымдардың қатысуын қарастыратын болсақ, онда осы дауларда қозғалған ДСҰ келісімдеріне назар аударған жөн.

Жалпы алғанда, ет және ет өнімдері саудасы бойынша ДСҰ даулары келесі ДСҰ келісімдерінің ережелерін қозғады: ДСҰ құру туралы келісімі; Тарифтер және сауда жөніндегі Бас келісім (ГАТТ); Ауыл шаруашылығы жөніндегі келісімі; Санитарлық және фитосанитарлық шараларды қолдану жөніндегі келісімі; Саудадағы техникалық кедергілер жөніндегі келісімі; Импорттық рұқсат беру рәсімдері жөніндегі келісімі; Субсидиялар және өтемақы шаралары жөніндегі келісімі; Арнайы қорғау шаралары жөніндегі келісімі; ГАТТ VI бабын қолдану жөніндегі келісім (Демпингке қарсы келісімі); ГАТТ VII бабын қолдану жөніндегі келісім (Кедендік бағалау туралы келісімі); Алдын-ала тиіп жөнелтудің тексеруі туралы келісімі; Тауардың шығарылған жері ережелері жөніндегі келісімі; Саудаға байланысты инвестициялық шаралар жөніндегі келісімі (ТРИМС); және Зияткерлік меншік құқығының сауда аспектілері жөніндегі келісімі (ТРИПС). Аталған келісімдердің кейбірі халықаралық ұйымдармен өзара іс-қимылына қатысты нормаларды көздейді. Осылайша, бұл келісімдер ережелерінің ет дауларында қарастырылуы ДСҰ мен халықаралық ұйымдардың арасындағы өзара іс-қимылын көрсетеді.

Ауыл шаруашылығы жөніндегі келісімі. Бұл ДСҰ келісімінің 1-қосымшасында Тауарларды сипаттау мен кодтаудың үйлестірілген жүйесі (әрі қарай – Үйлестірілген жүйе) негізіндегі ауылшаруашылық өнімдер тізімі көзделген [3]. Үйлестірілген жүйе бес мыңнан аса тауар топтарын құрайды, және олардың әрқайсысының өзіндік бірыңғай сыныптамаcы мен логикалық құрылымы бар. Жүйе кедендік тарифтер негіздері ретінде 200-ден аса мемлекеттермен қолданылады. Сонымен қатар, халықаралық саудадағы тауарлардың 98% үйлестірілген жүйе бойынша жіктелген [4]. Осы орайда, біз екі мәселені нақтылауымыз қажет.

Біріншіден, ет және ет өнімдері ауылшаруашылық өнімдері ретінде Үйлестірілген жүйенің тізімімен қарастырылған. Мұнда аталған өнімдер Үйлестірілген жүйенің «ет және тағамдық еттік қосымша өнімдер» деп аталатын екінші тобына кіреді [5].

Екіншіден, Үйлестірілген жүйе, 1988 жылы Дүниежүзілік кеден ұйымымен (әрі қарай – ДКҰ) әзірленген, көпмақсатты халықаралық тауар номенклатурасын ұсынатын, Тауарларды сипаттау мен кодтаудың үйлестірілген жүйесі туралы Конвенциясының Қосымшасы болып табылады (Қазақстан Республикасы бұл Конвенцияға 2004 жылы қосылды). Нәтижесінде, ДСҰ келісiмiндегi ДКҰ құжатына тікелей сілтемесі ұйымдар арасындағы өзара іс-қимылын көрсетеді.

Санитарлық және фитосанитарлық шараларды қолдану жөніндегі келісімі. Аталған ДСҰ келісімінің преамбуласында мүше-мемлекеттер арасындағы келісілген санитарлық және фито-санитарлық шараларды халықаралық стандарттар, нұсқаулар мен ұсынымдар негізінде, соның ішінде Кодекс Алиментариус Комиссиясы, Дүниежүзілік жануарлардың денсаулығын сақтау ұйымы және басқа да халықаралық ұйымдар әзірлеген халықаралық стандарттар негізінде қолдану қарастырылған [6]. Осылайша, біз Келісім преамбуласы арқылы ДСҰ мен аталған халықаралық ұйымдар арасындағы өзара іс-қимыл негіздері көзделгенін байқай аламыз.

Кодекс Алиментариус Комиссиясы 1963 жылы БҰҰ-ның Азық-түлік және ауылшаруашылық ұйымы (әрі қарай – ФАО) мен Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымымен (әрі қарай – ДДСҰ) құрылды. Қазіргі таңда, Комиссияда 189 мүше-мемлекеті бар, Қазақстан Республикасы 2002 жылдан бастап мүшелік етеді. Кодекс Алиментариус немесе «Азық-түлік кодексі» халықаралық азық-түлік саудасының қауіпсіздігі, сапасы мен адалдығына ықпал ететін халықаралық азық-түлік стандарттары, нұсқаулары мен тәжірибе кодекстері болып табылады. Санитарлық және фитосанитарлық шараларды қолдану жөніндегі келісiмiндегi Кодекс Алиментариус стандарттарына жасалынған сілтеме Кодекстің ДСҰ сауда дауларын шешуге айтарлықтай әсер ететіндігін білдіреді [7]. ФАО және ДДСҰ аясындағы Кодекстің ДСҰ-ға деген ықпалы, бұл ұйымдардың бірлескен қызметінің ықпалы деп айтсақ қателеспейміз.

Мәселен, Кодекс Алиментариус «ет гигиенасының нормалары мен ережелері» (CAC/RCP 58-2005) құжатының 3-бөлімінде ет ұғымының анықтамасы келтірілген: «Ет – адам тұтынуға арналған немесе қауіпсіз және осы мақсат үшін жарамды деп есептелетін малдың тұтас етінің барлық бөлшектері» [8].

Дүниежүзілік жануарлардың денсаулығын сақтау ұйымы (әрі қарай – ДЖДСҰ) туралы айтатын болсақ, бұл халықаралық үкіметаралық ұйым ДСҰ-ның анықтамалық ұйымы ретінде танылған. Қазіргі таңда ұйымға 182 мүше-мемлекет кіреді. Сонымен қатар, ДЖДСҰ 75-ке жуық халықаралық және аймақтық ұйымдармен тұрақты қатынастарын орнатқан, әрі оның барлық континенттерде аймақтық кеңселері бар [9].

ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесінде ДЖДСҰ-ның Құрлықтағы жануарлардың денсаулығы Кодексінің (әрі қарай – Кодекс) маңызы орасан зор. ДСҰ ет дауларындағы аралық топтардың баяндамаларында бұл Кодекстің ережелеріне тікелей сілтеме жасалынады.

Мысалы, АҚШ-тың Индияға қарсы ет саудасына қатысты дауында (DS 430) ДСҰ аралық тобының шешімінде Санитарлық және фитосанитарлық шараларды қолдану жөніндегі келісімінің 3.1 және 3.2 тармақтарының ережелері бұзылғаны туралы баяндалған [10]. Келісімнің 3.1-тармағына сәйкес, мүше-мемлекеттер өздерінің санитарлық және фитосанитарлық шараларын халықаралық стандарттар, нұсқаулар мен ұсынымдарға негіздейді. Сондай-ақ, Келісімнің 3.2-тармағына сәйкес, халықаралық стандарттарға негізделген санитарлық және фитосанитарлық шаралар адамдардың өмірі мен денсаулығы, және жануарлар мен өсімдіктердің денсаулықтарына қайшы келмеуі тиіс. Нәтижесінде, аралық топтың шешімі бойынша Индияның қолданылған шаралары ДЖДСҰ-ның Кодексі ережелеріне негізделген жоқ.

Сонымен қатар, ДЖДСҰ ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесіне сараптамалық және анықтамалық қызметі арқылы қатысады. Мысалы, Аргентинаның АҚШ-қа қарсы ет дауы (DS 447) шеңберінде, Келісімнің 5.1-тармағына қатысты «қауіп-қатерлерді бағалау талабы» ережесі бойынша жануарлардың аусыл ауыруына қатысты анықтама берді [11].

Жоғарыда аталған халықаралық ұйымдардың ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесіне қатысуы және олардың халықаралық стандарттарының маңызы өз пәрменділігін көрсетеді.

Саудадағы техникалық кедергілер жөніндегі келісімі. Келісімнің 1-Қосымшасында Халықаралық стандарттау ұйымының стандартына сілтеме жасалған [12]. Халықаралық стандарттау ұйымы қызметіне стандарттау жөніндегі ұлттық органдар кіретін, үкіметтік емес дербес халықаралық ұйым болып табылады [13]. Келісімнің 1-Қосымшасында стандарттау және онымен байланысты қызметке арналған жалпы терминдер мен олардың анықтамалары қарастырылған. Бұл ереже Аустралияның Еуропалық Одаққа қарсы дауында (DS 290) қозғалған. Демек, ет дауларын шешу тәжірибесіндегі ДСҰ мен Халықаралық стандарттау ұйымының өзара іс-қимылын сілтемелік нормаларын қолданысынан көре аламыз.

ДСҰ құқығы жөніндегі консультативтік орталық. Сондай-ақ, ДСҰ қызметіне қатысатын басқа да халықаралық ұйымдардың арасынан ДСҰ құқығы жөніндегі консультативтік орталығын атап өтуге болады. ДСҰ құқығы бойынша консультативтік орталық (әрі қарай – Консультативтік орталық) 2011 жылы құрылған, ДСҰ-дан дербес халықаралық үкіметаралық ұйым болып табылады. Консультативтік орталық ДСҰ шеңберіндегі дауларды шешуде өз мүшелеріне құқықтық көмек көрсетеді, заңдық кеңестер береді, сонымен қатар, ДСҰ құқығы бойынша семинарлар өткізу арқылы мемлекеттік қызметшілерге арналған даярлау өткізеді. 2019 жылы Қазақстан Республикасы Консультативтік орталыққа қосылуы туралы хаттамаға қол қойды [14].

ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесіне тоқталатын болсақ, мұнда талапкер немесе үшінші тарап атынан Консультативтік орталық қызметкерлері тарапынан құқықтық қолдау көрсетілді. Атап айтқанда, Тайландтың Еуропалық Одаққа қарсы ет дауында (DS286) Тайланд мемлекетіне, АҚШ-тың Индияға қарсы дауында (DS430) АҚШ-қа, DS 477 және DS 478 Индонезияға қарсы дауларында сәйкесінше Жаңа Зеландия және АҚШ тарапынан, Бразилияның Индонезияға қарсы ет дауында (DS484) Бразилия мемлекетіне, Қытайдың Еуропалық Одаққа қарсы ет дауына (DS492) үшінші тарап ретінде қатысқан Тайланд мемлекетіне құқықтық көмек көрсетілді [15].

Осылайша, ДСҰ ет дауларын шешу тәжірибесіне халықаралық ұйымдардың қатысуы түрлі нысанда жүзеге асады және өзара іс-қимыл негіздеріне байланысты болады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Van de Bossche P. From Afterthought to Center- piece. The WTO Appellate Body and its Rise to Prominence in the World Trade System // Maastricht Faculty of Law Working Paper. 2005. Oct. – P. 5.
2. Document WT/L/161 of 25.07.1996 “Rules of procedure for sessions of the Ministerial Conference and meetings of the General Council” / World Trade Organization Official Website // [электрондық ресурc] URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/L/161.pdf&Open=True> [қолжетімділік]

- күні 20.11.2020 ж.]
3. WTO Agreement on Agriculture, Annex 1A to the Marrakesh Agreement, Apr. 15, 1994. – U.N.T.S. Vol. 1867, No. 31874 – pp. 410.
 4. What is the Harmonized System (HS) / World Customs Organization Official Website // [электрондық ресурc] URL: <http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/overview/what-is-the-harmonized-system.aspx> [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]
 5. HS Nomenclature 2017 Edition / World Customs Organization Official Website // [электрондық ресурc] URL: <http://www.wcoomd.org/ru-ru/topics/nomenclature/instrument-and-tools/hs-nomenclature-2017-edition.aspx> [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]
 6. Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures, Annex 1A to the Marrakesh Agreement, Apr. 15, 1994. – U.N.T.S. Vol. 1867, No. 31874 – pp. 493.
 7. About Codex Alimentarius / Codex Alimentarius International Food Standards / the UN Food and Agriculture Organization Official Website // [электрондық ресурc] URL: <http://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/about-codex/en/> [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]
 8. Codex Alimentarius Code of hygienic practice for meat (CAC/RCP 58-2005) / the UN Food and Agriculture Organization Official Website // [электрондық ресурc] URL: http://www.fao.org/input/download/standards/10196/CXP_058e.pdf [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]
 9. About the World Organisation for Animal Health (OIE) / World Organisation for Animal Health Official Website // [электрондық ресурc] URL: <https://www.oie.int/about-us/> [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]
 10. India – Agricultural Products; Panel Report, India – Measures Concerning the Importation of Certain Agricultural Products, WT/DS430/R
 11. US – Animals; Panel Report, United States – Measures Affecting the Importation of Animals, Meat and Other Animal Products from Argentina, WT/DS447/R
 12. Agreement on Technical Barriers to Trade, Annex 1A to the Marrakesh Agreement, Apr. 15, 1994. – U.N.T.S. Vol. 1868. – pp. 120.
 13. About the ISO / International Organization for Standardization Official Website // [электрондық ресурc] URL: <https://www.iso.org/about-us.html> [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]
 14. Қазақстан Дүниежүзілік сауда ұйымының құқығы бойынша консультативтік орталықпен өзара әрекеттесуді нығайтуда / Қазақстан Республикасының Сауда және интеграция министрлігінің ресми сайты // [электрондық ресурc] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/kazakhstan-ukreply-aet-vzaimodeystvie-s-konsultativnym-centrom-po-pravu-vsemirnoy-torgovoy-organizacii?lang=ru> [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]
 15. Assistance in WTO dispute settlement proceedings, Support provided by the ACWL’s staff / Official Website of the Advisory Centre on WTO Law // [электрондық ресурc] URL: <https://www.acwl.ch/wto-disputes/> [қолжетімділік күні 20.11.2020 ж.]

Baimagambetova Z. M.,
Doctor Ph.D., associate professor
of Chair of International Law
Al-Farabi Kazakh National University

Sybanbayeva N. K.,
Master of law, lawyer

ANALYSIS OF THE WTO AGREEMENT ON THE APPLICATION OF SANITARY AND PHYTOSANITARY MEASURES (SPS)

Түйін. Мақалада санитарлық және фитосанитарлық шараларды (СФС) қолдану жөніндегі келісімнің құқықтық аспектілері, оларды ДСҰ ДШО мен апелляциялық органның қолдану практикасы қаралды.

Түйінді сөздер: СФС шаралары, СФС келісімі, апелляциялық орган, ДСҰ ДШО.

Резюме. В статье рассмотрены правовые аспекты Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер (СФС), практика их применения ОРС ВТО и Апелляционным органом.

Ключевые слова: СФС меры, Соглашение СФС, Апелляционный орган, ОРС ВТО.

Summary. The article discusses the legal aspects of the Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures (SPS), the practice of their application by the WTO DSB and the Appellate Body.

Key words: SPS measures, the SPS Agreement, the Appellate body, WTO DSB.

Sanitary and phytosanitary measures are mandatory requirements and procedures established in order to protect against risks arising from the penetration, fixation or spread of harmful organisms, diseases, disease vectors or pathogens, including in the case of their transfer or spread by animals and (or) plants, with products, cargo, materials, vehicles, with the presence of additives, pollutants, toxins, pests, weeds, pathogens, including food or feed, as well as mandatory requirements and procedures established in order to prevent other damage related to the spread of harmful organisms. Numerous international disputes related to the use of sanitary and phytosanitary measures have contributed to the development of common principles and rules for their application in international trade, which are reflected in the WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures.

Sanitary (human and animal health) and phytosanitary (plant health) measures apply to food products produced within the country, to local plant and animal diseases, as well as to products coming from other countries.

The main purpose of the SPS is to protect public health, protect wildlife, and agriculture from risks arising from the spread of diseases, their vectors, pollutants, toxins, and diseases carried by animals, plants, or products from them.

SPS measures, by their very nature, can lead to restrictions on trade. The main purpose of the SPS Agreement is to support the sovereign right of any country to provide a level of health protection that is considered acceptable, and to ensure that these independent rights are not used for protectionist purposes and do not lead to unnecessary barriers to international trade.

The implementation of the commitments made under the WTO affects almost all legal and social spheres, which leads to the protection of such values as human life and health, the protection of animals and plants, and the environment. However, the introduction of restrictive measures, such as sanitary and phytosanitary measures, in some cases can be considered as contrary to the WTO norm, which leads to an international dispute.

There are some rules for the application of sanitary and phytosanitary measures to prevent and restrict access to the domestic market of a country of dangerous products and goods. According to Article 3.1 of the SPS Agreement, such measures must be based on international standards, guidelines or recommendations. However, the following options are possible:

1) A certain measure fully complies with an international standard and becomes a part of national legislation in the process of implementation;

2) A certain measure partially complies with the standard [1].

At the same time, the importing country also has the right to independently establish for itself a certain level of protection, which may be higher than is implied by the international standard. However, it is necessary

to have an appropriate scientific justification or if the country itself determines that this level of sanitary and phytosanitary protection is appropriate in accordance with the provisions of paragraphs 1-8 of Article 5 of the Agreement [2].

The measures taken by the importing country must comply with the requirements of Articles 3.3 and 5 of the Agreement. The importing country has the right to independently determine the acceptable level of sanitary or phytosanitary protection that it intends to achieve by introducing protective measures, including a higher level of protection than established by current international standards. Article 3.3 of the Agreement refers to the requirements for measures that would provide a higher level of protection, which do not contradict other provisions of the Agreement, including Article 5.

The compliance of the measures taken with the requirements of Article 5.1 was assumed as a factor balancing the right of the importing country to establish its own level of protection. The requirement for risk assessment in accordance with Article 5.1, as well as the need to obtain meaningful scientific evidence in accordance with Article 2.2, are key to maintaining a balance between the interests of promoting international trade and protecting human life and health.

According to article 5.7 of the SPS Agreement, the State has the right to take temporary measures to protect the internal market. At the same time, these measures must meet certain conditions set out in Article 5.7:

- (I) measures are taken in situations where there is insufficient scientific evidence;
- (ii) measures are taken on the basis of available information relevant to the situation in question;
- (III) the importing country taking action seeks to obtain additional information necessary for a more objective risk assessment;

- (IV) The importing country that has adopted provisional measures shall review such measures after a certain reasonable period of time, taking into account newly received information in accordance with rule III.

If one of the above requirements is not met, the measure will be deemed to have been taken in violation of Article 5.7 of the SPS Agreement.

The sufficiency or insufficiency of scientific evidence is not defined in the abstract, but “in the light of a specific question”, since the reference to “relevance” and “insufficiency” in the opening sentence of Article 5.7 implies a connection between scientific evidence and something else. The appellate Body states in its report that the “relevant scientific evidence” will be considered insufficient for the purposes of Article 5.7 if the bulk of the available scientific data does not allow for an adequate risk assessment, either quantitatively or qualitatively, as required by Article 5.7. 5.1 and as defined in Annex A to the Agreement. It is important that the relevant evidence, whether of a general nature or related to a specific problem, is sufficient to assess the likelihood of penetration, consolidation or spread of the relevant threat in the importing country [3].

According to the provisions of Article 5, in order to introduce protective measures, the importing country must assess the risk of penetration or spread of the relevant threat. The terminology used in the Agreement in practice gave rise to many issues, which were resolved in the following way when resolving disputes:

1.1. A complete risk assessment is not required for the introduction of a minimum quantitative value for the risk value.

1.2. Establishing a minimum risk (quantitative risk assessment) it is not mandatory, but can be done at the request of the importing country that conducts the risk assessment.

1.3. The scope of the risk assessment may include factors that cannot be quantified by experimental laboratory methods.

Certain types of factors referred to in Article 5.2, such as “production methods or processes” and “proportionate methods of observation, sampling and testing”, are not necessarily or completely amenable to research using laboratory methods, such as biochemistry or pharmacology. The risk to be assessed in accordance with Article 5.1 is not only a risk that can be tested in a scientific laboratory under strictly controlled conditions, but also a risk in human communities as such, in other words – “the real possibility of adverse effects on human health in the real world”.

1.4. The list of data that can be used in the risk assessment is specified in Article 5.2 of the Agreement, and it should be open and clear.

1.5. A general discussion of the threat from which an importing country tries to protect itself by introducing SPS measures is not a risk assessment under the provisions of the Agreement.

In the European Union-Hormones case, the Appellate Body ruled that, in order to conduct a risk assessment in accordance with the requirements of the Agreement, it is necessary to examine “the carcinogenic potential not only of the relevant hormones in general”, but also the residues of those hormones that were found in meat obtained from livestock that were injected with hormones to accelerate growth”.

To determine the risk during its assessment, you first need to determine the possible harm (for example, cancer or genetic disorders) and also establish the exact substance that could potentially cause such harm (for example, the specific hormones that were used).

1.6. The risk assessment should be carried out in accordance with the sanitary or phytosanitary measure that can be applied. At the same time, the risk assessment should not be limited to examining the measure that has already been taken or the measure that is most preferable for introduction (that is, it would be wrong to compare the facts to justify a measure that has already been taken after the fact or to justify a particular measure).

1.7. The risk assessment is carried out by the importing country within the meaning of Article 5.1, should:

- 1) include an assessment of the probability of penetration, fixation or spread of the disease;
- 2) is carried out in accordance with the sanitary or phytosanitary measures that can be taken in such a case;
- 3) determine the disease, the penetration, fixation or spread of which the importing country wishes to prevent on its territory, as well as the possible biological and economic consequences associated with the penetration, fixation or spread of this disease;
- 4) include an assessment of the likelihood of the disease entering, fixing or spreading, as well as the associated biological and economic consequences;
- 5) include an assessment of the probability of penetration, fixation or spread of the disease in accordance with the sanitary and phytosanitary measures that may be applied.

1.8. The results of the risk assessment should adequately justify the measures taken.

1.9. The risk being assessed must be a defined risk; theoretical possibilities (“theoretical uncertainty”) cannot be assessed.

1.10. The importing country has the right to establish “zero risk” as acceptable.

In accordance with Article 5.5 of the Agreement, the importing country has the right to establish an acceptable level of protection for itself, without violating its obligations under the Agreement. The Dispute Settlement Body in the European Union – Hormones case found that if the following three elements are present simultaneously in the actions of the importing country, this would be considered a violation of Article 5.5:

- (a) the importing country establishes different acceptable levels of protection in several comparable different situations.
- b) such levels of protection contain unjustified (“arbitrary or unjustified”) differences;
- (c) measures that include such distinctions result in discrimination or indirect restrictions on international trade.

The conclusion that the imposition of measures based on the assessment of the risks to life and health of people, animals or plants (because of the lack of risk assessment as such or lack of score) indicates that the introduction of measures not related to the protection of life and health of humans, animals or plants, but is a way of limiting international trade taken under the guise of sanitary or phytosanitary measures, that is disguised restriction on international trade [4].

For example, in the case of Australia – Import of salmon, such an additional signal was the fact that the import of salmon was prohibited as a sanitary measure. However, it was possible to import cod and a number of other products despite the fact that this event created similar risks. According to the DSB, the concept of implicit restrictions on international trade includes, among other things, restrictions that make unjustified distinctions between certain products. By themselves, these signals do not indicate a violation, but together they can influence the conclusion that there are hidden restrictions on international trade by the measures taken.

An analysis of the rules of the SPS Agreement and the practice of their application by the WTO DSB and the Appellate Body suggests that a WTO member country has a proven danger to the goods/product or reasonable grounds to assume that such a danger may prohibit its import. Provided that imports are prohibited or restricted on a non-discriminatory basis, the importing country has no reason to fear some significant consequences of such a ban. Furthermore, even if the WTO DSB considers such a ban to be unjustified and the findings of the DSB report are confirmed by the Appellate Body, the importing country has sufficient time to lift the ban without any sanctions.

An example of positive changes in Kazakhstan in the course of bringing national legislation in line with the provisions of the SPS Agreement is the achievement of some progress in improving the veterinary, sanitation and food safety systems, both in legislative terms and at the level of improving the material and technical base [5].

Thus, Kazakhstan's accession to the WTO in 2015 and its accession to the SPS Agreement was an effective impetus to improve national legislation in the field of norms regulating the quality and safety of food products.

References:

1. Popov M. S., Popova A. Yu. Bases and principles of application of sanitary and phytosanitary measures in the practice of the World Trade Organization // Health risk analysis. 2013. – 3 p.
2. Article 5 of the Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures. The Legal Texts. The Results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations. Cambridge University Press, No. 13, 2007.
3. Shchegolev S. I. Application of the law of the World Trade Organization by the courts of WTO participants: international and foreign experience. № 5, 2013.
4. Shepenko R. A. The mechanism of dispute resolution within the World Trade Organization // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. No. 9, 2001. – p. 139, 153.
5. Ayanbaev E. S. The regime of pesticides in modern international law // Diss. on the internet. Ph. D. PhD. – Almaty, Al-Farabi Kazakh National University, 2017.

Самалдыков М. К.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Казахского национального университета
имени аль-Фараби
Email: maksut2009@yandex.kz

ОБЗОР НАЦИОНАЛЬНОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИШЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Түйін. Мақалада автор терроризмнің алдын алу және Қазақстанның өмірлік маңызды мүдделеріне өзге де ауыр зиян келтіру шаралары ретінде азаматтардың денационализациясының өзекті құқықтық мәселелерін зерттейді. Автор террористік қылмыстар жасағаны және Қазақстан Республикасының өмірлік маңызы бар мүдделеріне өзге де ауыр зиян келтіргені үшін сот шешімі бойынша Қазақстан Республикасының Конституциясына және ҚР азаматтығы туралы Заңына енгізілген азаматтықтан айыру түріндегі түзету, ең алдымен, мемлекет іске асыратын ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету саясатына бағытталғанын көрсетеді. Кейбір шет мемлекеттерде азаматтықтан айыру туралы қолданыстағы заңнамаға салыстырмалы шолу жасауға ерекше назар аударылады. Автор Қазақстан Республикасы Конституциясының 10-бабының 2-тармағына және ҚР азаматтығы туралы Заңның 20-1-бабына (Қазақстан Республикасының азаматтығынан айыру) енгізілген толықтыру 1961 жылғы 30 тамыздағы азаматтығы жоқ адамды қысқарту туралы Конвенцияның 8-бабы 3-тармағы а) тармақшасының ережелеріне тұтастай қайшы келмейтін тәсіл бекітілген деген қорытындыға келеді. Сонымен бірге, автор бұл заңдардың бұл нормасы айтарлықтай жетілдіруді қажет ететінін айтады.

Түйінді сөздер: мемлекет меншігіне алу, террористік қылмыстар, мемлекеттің өмірлік мүдделеріне, ұлттық қауіпсіздікке, азаматтың құқықтары мен бостандықтарына елеулі зиян келтіру.

Резюме. В статье автор исследует актуальные правовые проблемы денационализации граждан как меры по предотвращению терроризма и иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Казахстана. Автор указывает, что внесенная в Конституцию Республики Казахстан и в Закон о гражданстве РК поправка в виде лишения гражданства по решению суда за совершение террористических преступлений и за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан, направлено в первую очередь, на реализуемую государством политику обеспечения национальной безопасности. Особый акцент делается на сравнительный обзор действующего законодательства по лишению гражданства в некоторых зарубежных государствах. Автор приходит к выводу, что дополнение, внесенное в пункт 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан и в статью 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) закреплен подход, в целом не противоречащий положениям подпункта а) пункта 3 статьи 8 Конвенции о сокращении без гражданства от 30 августа 1961 года. Вместе с тем автор отмечает, что данная норма указанных законов требует серьезной доработки.

Ключевые слова: денационализация, террористические преступления, серьезный вред жизненным интересам государства, национальная безопасность, права и свободы гражданина.

Summary. In the article, the author examines the current legal problems of denationalization of citizens as a measure to prevent terrorism and other serious harm to the vital interests of Kazakhstan. The author points out that the amendment to the Constitution of the Republic of Kazakhstan and the Law on Citizenship of the Republic of Kazakhstan in the form of deprivation of citizenship by a court decision for committing terrorist crimes and for causing other serious harm to the vital interests of the Republic of Kazakhstan is primarily aimed at the state's policy of ensuring national security. Special emphasis is placed on a comparative review of the current legislation on deprivation of citizenship in some foreign countries. The author concludes that the addition made to paragraph 2 of Article 10 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan and article 20-1 of the Law on Citizenship of the Republic of Kazakhstan (Deprivation of Citizenship of the Republic of Kazakhstan) establishes an approach that generally does not contradict the provisions of subparagraph a) of paragraph 3 of Article 8 of the Convention on the Reduction of Stateless Persons of August 30, 1961. At the same time, the author notes that this provision of these laws requires serious revision.

Key words: denationalization, terrorist crimes, serious harm to the vital interests of the state, national security, civil rights and freedoms.

В Казахстане в марте месяце 2017 года в Основной закон страны была внесена важная поправка, касающаяся лишения гражданства в случае совершения лицом террористического преступления, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан. Приведем содержание данного дополнения, включенного в пункт 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан: «Лишение гражданства допускается лишь по решению суда за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан» [1]. Внесение такой поправки в Основной закон страны не случаен, так как Конституция Республики Казахстан, как и любая другая, является несущей конструкцией правовой модели любого государства. И, как следствие, в Основном законе страны государственная власть закрепила лишение гражданства, а не только в соответствующем законе (таблица 1).

Таблица 1.

**Уголовный кодекс Республики Казахстан
от 3 июля 2014 года**

Нумерация глав Особенной части с названиями	Статьи с дополнительным наказанием в виде лишения гражданства	В скобках число террористических преступлений
Глава 4. Преступления против мира и безопасности человечности	Ст. 160 ч.2; ст. 163 ч.ч.1 и 2; ст. 164 ч.2; Ст. 168 ч.ч. 1 и 2; ст. 169; ст. 170 ч.ч. 2 и 4; ст. 173 ч.ч. 2 и 3.	7(2)
Глава 5. Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства	Ст. 175 ч.ч. 1, 2 и 3; ст. 177; ст. 178; Ст. 179 ч. 3; ст. 180 ч. 3; ст. 181 ч.ч. 1и 2; Ст. 182 ч. 3; ст. 184.	8(3)
Глава 10. Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка	Ст. 255 ч.ч.3 и 4; ст. 257 ч.ч.1 и 3; ст. 261 ч.3; ст. 269 ч.3; ст.270 ч. 3.	(5)
Глава 18. Воинские уголовные правонарушения	Ст. 455.	1

Если взять террористические преступления, то указанные изменения в виде денационализации затронули санкции, лишь у 10 статей из 15, которые перечислены в п. 30) ст.3 УК РК как террористические преступления. Пять, из них расположены в главе 10. Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка.

Что касается преступлений, отнесенных к числу причиняющих вред жизненно важным интересам государства, то они разбросаны по главам 4, 5 и 18 Особенной части УК РК.

Таким образом, общее число денационализирующих дополнительных наказаний указаны в 21 статье в главах 4, 5, 10 и 18 УК РК, а их общее количество составляет – 30. Это, на наш взгляд, чрезмерно много. И их превентивная роль при этом не выглядит необходимой. Ранее в одной из публикаций автор обращал уже внимание читателей на то обстоятельство, что понятие «причинения иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан» не раскрывается ни в национальном уголовном законодательстве, ни в Конституции РК, ни в Законе о гражданстве РК и, следовательно, требует своего правового толкования [2]. Из-за ее отсутствия и наблюдается такой разброс норм, где в качестве дополнительного наказания присутствует лишение гражданства Республики Казахстан.

Для более глубокого исследования правового характера данной государственной санкции продолжим приведение параллелей с некоторыми зарубежными странами.

К примеру, в Индии в соответствии с Законом о гражданстве 1955 года, гражданин может быть лишен гражданства согласно ст. 5 Конституции, в ряде случаев, среди которых нет терроризма, но имеется оговорка о действиях или связях гражданина с вражеской стороны военного конфликта, в которых участвует Республика Индия [3].

Аналогичная норма о лишении гражданства за пособничество вражеской стороне имеется и в Законе о гражданстве (от 1951 года) Народной Республики Бангладеш. Кроме того, в законе имеется пункт, предусматривающий лишение гражданства за проявленную неверность Конституции и стране [4].

Немного иначе обстоит ситуация в Египте, где 20 сентября 2017 года были внесены дополнения к Закону о гражданстве от 1975 года, предусматривающие лишение гражданства в случае если индивид принадлежит к «группе или организации угрожающей общественному порядку» [5].

Похожая норма имеется в Республике Колумбия, где лишь натурализованный гражданин может быть лишен гражданства по решению суда, если он совершит преступления, направленные против безопасности Республики [6].

Законодательство Алжира также предусматривает лишение гражданства за преступление против общественного порядка либо интересов Алжира как государства [7].

В Законе о гражданстве Болгарии отсутствует прямое упоминание терроризма как причины к лишению гражданства, но при этом среди оснований для лишения гражданства фигурирует нанесение тяжкого ущерба государству [8].

В случае с Исламской Республикой Иран норма о лишении гражданства за террористические действия отсутствует, имеется лишь лишение гражданства, если человек получает второе гражданство иного государства [9].

В настоящее время в законодательстве Великобритании предусматривается лишение гражданства, за «поведение гражданина, поставившее под угрозу ключевые интересы Великобритании либо иных заморских владений Королевства» [10].

Говоря о примерах правоприменения данной нормы в Великобритании, приведем следующие цифры. С 2010 по 2015 годы Тереза Мэй (тогда – будучи Министром внутренних дел) лишила гражданства 33 человек по причинам, связанным с террористической деятельностью. Все эти индивиды имели двойное гражданство [11].

Согласно Конституции ЮАР гражданин не может быть лишен гражданства, но при этом отмечаются случаи, когда это происходит. В целом, в случаях с натурализованными гражданами они могут быть лишены гражданства, если имеется «общественный интерес» в лишении их гражданства, что происходит по усмотрению Министерства Внутренних Дел ЮАР [12].

В Конституции Мексиканских Соединённых Штатов говорится, что мексиканец по рождению не может быть лишен гражданства, а в случаях натурализованных граждан лишение может произойти, если индивид станет служить иностранному государству [13].

В случае с Турцией Президентом Эрдоганом было внесено предложение о лишении гражданства за террористическую деятельность, что вызвало дебаты в прессе [14].

В законодательстве Республика Сьерра-Леоне также предусмотрено лишение гражданства, если таковое решение обусловлено пользой для общества [15].

Закон о гражданстве Черногории предусматривает целый ряд оснований для лишения гражданства, среди которых значатся преступления против человечества и террористическая деятельность [16].

Говоря о скандинавских странах, в частности в Норвегии не предусмотрены подобные основания для лишения гражданства [17].

Швеция – в шведском законодательстве о гражданстве отсутствует аналогичная норма о лишении гражданства [18].

В целях сравнения укажем, как рассматривается аналогичный вопрос в государствах, членов ЕАЭС. Конституция Российской Федерации закрепила, что «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его» (ст.6) [19]. «Никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство» [20]. «Гражданин Республики Армения не может быть лишен гражданства» (ст.47 Конституции РА) [19] «Ни один гражданин не может быть лишен своего гражданства и права изменить свое гражданство» (ст.50 Конституции Кыргызской Республики) [20]. Как видим, исключение в этом вопросе составляет лишь Казахстан, будучи членом ЕАЭС.

Нет основания, отрицать суверенное право Казахстана в исключительных случаях, предусмотренных в законодательстве, лишать своих граждан гражданства за серьезные уголовные правонарушения. Вместе с тем, такое лишение гражданства должно быть исключительно крайней мерой, и не по широкому кругу оснований, которые в настоящее время указаны в пункте 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан и в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан). Было бы целесообразным, по мнению автора, предусмотреть в Основном законе Республики Казахстан такое основание применения денационализации в виде государственно-правовой санкции, как в США, например, лишение гражданства Казахстана, исключительно за совершение акта измены,

или попытки переворота, или вооруженного выступления против Республики Казахстан. В связи, с чем предлагается пересмотреть положение, закрепленное в пункте 2 статьи 10 Конституции и продублированное в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан).

Если оставить в списке оснований к лишению гражданства совершение террористических преступлений, то их составы подлежат пересмотру. Во внимание должна браться серьезность нанесенного вреда жизненным интересам государства, в виде тяжкой провинности против верности гражданству. В связи с чем, требуется указать в Законе о гражданстве РК, что лишь участие лица в террористических преступлениях, связанных с попытками переворота или вооруженного выступления против Республики Казахстан будут дополнительно наказываться лишением гражданства.

В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 8 Конвенции о сокращении без гражданства от 30 августа 1961 года (далее – Конвенция) государству предоставляется возможность лишить гражданства лицо, которое проявляет по отношению к нему нелояльность, то есть: «ведет себя таким образом, что причиняет серьезный вред жизненным интересам этого Государства» [21]. Необходимо отметить, что Конвенцию о статусе апатридов от 1954 года, ратифицировали 82 государства, а Конвенцию 1961 года – 58 [22]. Казахстан не присоединился к указанным Конвенциям. Что касается Конвенции 1961 года, то ее особенность состоит в установлении принципов и правовых рамок, для помощи государствам в предотвращении без гражданства. Вместе с тем, следует отметить, что государственные органы страны рассматривают вопрос о присоединении Казахстана к Конвенции о статусе апатридов от 1954 г. и Конвенции о сокращении без гражданства 1961 года.

Несмотря на имеющиеся пробелы в законодательстве, можно сделать вывод о том, что в пункте 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан и в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) закреплён подход, который не противоречит положениям подпункта а) пункта 3 статьи 8 Конвенции. Однако норма статьи 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) требует своей доработки. Слишком большое количество уголовно-правовых норм включает в себя денационализацию в качестве дополнительной санкции. В этом автор усматривает существенный недостаток казахстанской доктрины лишения гражданства. В таком случае, о каком соблюдении прав гражданина может идти речь? Простая подмена Конвенционной формулировки «серьезный вред жизненным интересам» на фразу «иной тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстан» ничего конкретного для правоприменителя не несет, так как она не называет, в чем проявился такой вред. К тому же смысл, заложенный в них неодинок. Формулировка отечественного законодателя использует уголовно-правовую терминологию. Исходя из нее, получается, что за тяжким вредом возможен и особо тяжкий вред жизненно важным интересам государства. Такая нечеткость может отрицательным образом повлиять на объективность решения суда.

В Законе страны от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) в числе основных угроз национальной безопасности признаются терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых их формах и проявлениях (п.8 ст.6), а также насильственное свержение конституционного строя, посягательство на территориальную целостность республики (п.20 ст.6). Исходя из приведенных положений Закона, автор предлагает под «серьезным вредом жизненным интересам Казахстана» следует считать исключительно попытки переворота, или вооруженного выступления против Республики Казахстан, посягательство на территориальную целостность республики. И исключительно только за перечисленные противоправные деяния, на наш взгляд, должна следовать государственно-правовая санкция в виде лишения гражданства.

Таким образом, исходя из выше изложенного, в случае принятия Республикой Казахстан решения об участии в Конвенции ею, по всей вероятности, будет сделано заявление о сохранении в своем законодательстве оснований к лишению гражданства, предусмотренных в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан). Однако, по нашему твердому мнению, следует дать нормативное разъяснение понятию серьезного вреда жизненным интересам Казахстана в законодательстве.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 10 марта 2017 года № 51-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». О внесении изменений и дополнений в Конституцию... <http://adilet.zan.kz>.

2. Самалдыков М. Лишение гражданства Казахстана и безопасность, проблемы правового характера. Вестник КазНУ им. аль-Фараби серия международные отношения и международное право . №3 (79) 2017. С. 60.
3. Indian Citizenship Act, 1955, article 10. <http://www.advocatekhoj.com/library/bareacts/citizenship/10.php?Title=Citizenship%20Act,%201955&STitle=Deprivation%20of%20citizenship>
4. Bangladesh Citizenship Act, 1951, article 16 http://bdlaws.minlaw.gov.bd/sections_detail.php?id=242§ions_id=7483
5. The Right to Citizenship in Egypt's Age of Terror. Tahrir Institute for Middle East Policy. <https://timep.org/commentary/the-right-to-citizenship-in-egypts-age-of-terror/>
6. Источник: Citizenship Law No.43, dated February 1, 1993 http://www.multiplecitizenship.com/wscl/ws_COLOMBIA.html
7. United Nations report Arbitrary deprivation of nationality: report of the Secretary-General, p.3 <https://www.un.org/ruleoflaw/files/49958be22.pdf>
8. United Nations report Arbitrary deprivation of nationality: report of the Secretary-General, p.5 <https://www.un.org/ruleoflaw/files/49958be22.pdf>
9. Non- Recognition of Dual Citizenship in Iranian Law: A Compendious Survey of Statutory Law by Mansour Farrokhi p.160 http://www.aijssnet.com/journals/Vol_4_No_2_April_2015/14.pdf
10. Deprivation of British citizenship and withdrawal of passport facilities <http://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/SN06820>
11. Theresa May deprived 33 individuals of British citizenship... <https://www.thebureauinvestigates.com/stories/2016-06-21/citizenship-stripping-new-figures-reveal-theresa-may-has-deprived-33-individuals-of-british-citizenship>
12. Loss of South African Citizenship: An investigation into the implications of the phrase “voluntary and formal act” by Tarryn Michelle Rietveld, p.14 <https://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/29696/dissertation.pdf?sequence=1>
13. Mexico – Nationality and citizenship <http://www.migracionoea.org/index.php/en/sicremi-en/297-mexico-2-2-nacionalidad-y-ciudadania-2.html>
14. ‘No One Can be Deprived of Citizenship’ <https://bianet.org/english/human-rights/173683-no-one-can-be-deprived-of-citizenship>
15. Citizenship Law in Africa A Comparative Study by Bronwen Manby, p.79 <http://www.unhcr.org/4cbc60ce6.pdf>
16. Law on Montenegrin Citizenship <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?rel-doc=y&docid=555218f04>
17. Norwegian Nationality Act <http://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-20050610-051-eng.pdf>
18. Источник: Losing or retaining Swedish citizenship – Swedish... <https://www.migrationsverket.se/English/Private-individuals/Becoming-a-Swedish-citizen/Losing-or-retaining-citizenship/Losing-or-retaining-Swedish-citizenship.html>
19. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993...//online.zakon.kz>document/...
20. Конституция Республики Беларусь //pravo.by>Конституция Республики Беларусь
21. Конституция республики Армения //concourt.am>russian/constitutions/
22. Конституция КР | Официальный сайт Правительства КР//gov.kg>Русский

Абдрахманова Э. С.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
международного права ФМО
КазНУ им. аль-Фараби,
powerlaw2017@yandex.kz

ИНСТИТУТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Түйін. Құқық саласы, құқық институттары және құқық институттары сияқты өзара байланысты ұғымдарды ажырату мәселелері қарастырылады. Халықаралық азаматтық процестегі құқық саласы, құқық институттары, құқық салалары және құқық институттары ұғымдарының рөлі мен маңызын анықтау мәселесі бойынша қазақстандық және ресейлік авторлардың әртүрлі тәсілдері талданды.

Түйінді сөздер: Халықаралық құқық; халықаралық жеке құқық. Халықаралық азаматтық процесс. Құқық саласы. Құқық институттары.

Резюме. Рассмотрены вопросы разграничения таких взаимосвязанных понятий как отрасль права, институты права и подинституты права. Проанализированы различные подходы казахстанских и российских авторов по вопросу определения места роли и значения понятий отрасль права, институты права, подотрасли права и подинституты права в международном гражданском процессе.

Ключевые слова: Международное право; Международное частное право. Международный гражданский процесс. Отрасль права. Институты права.

Summary. The issues of differentiation of such interrelated concepts as branch of law, institutions of law and sub-institutions of law are considered. Various approaches of Kazakh and Russian authors on the issue of determining the place of the role and meaning of the concepts of branch of law, institutions of law, under branches of law and under institutions of law in international civil procedure are analyzed.

Key words: International law; private International law. International civil procedure. Area of law. Institute of law.

Для нас, при изучении понятия «международное гражданское право» особое значение приобретает вопрос, касающийся такого юридического понятия как институт права. Отрасль права формируют принципы права, нормы права, предмет права, методы права и отдельные институты, которые становятся составляющими категории «Отрасль права». «Отрасль права – это наиболее крупное, центральное подразделение системы права, формирующееся на основе единства предмета и метода правового регулирования. Под отраслью права понимается совокупность взаимосвязанных правовых институтов, регулирующих относительно самостоятельную обширную область – сферу общественных отношений» [1].

Как пишет Морозова Л.А.: «Несколько однородных правовых институтов могут образовать подотрасль, например в гражданском праве существуют подотрасли: жилищное право, авторское, патентное право, обязательственное право; в конституционном праве – конституционное правосудие. Самым крупным элементом системы права (не считая объединения отраслей права в определенные группы) является отрасль права. Отрасль права регулирует определенный род общественных отношений в отличие от правового института, который регламентирует вид общественных отношений. В состав отрасли входят институты, подинституты, подотрасли, регулирующие однородные общественные отношения. Каждая отрасль характеризуется автономностью функционирования, обособленностью, своеобразием средств правового регулирования и определенной иерархичностью своей структуры (например, деление на субинституты, институты, подотрасли). Одновременно в структуре отрасли можно выделить материальные и процессуальные нормы, институты и т. д. Отрасли различаются между собой двумя главными критериями: предметом и методом правового регулирования» [2, с.202].

Мы придерживаемся точки зрения, что международное гражданское процессуальное право составляет самостоятельную отрасль права. С этой целью, постараемся проанализировать наличие самостоятельных институтов права в МГПП. Джалилова Е.А. пишет, что «Под правовым институтом современная юридическая наука понимает единую структурно взаимосвязанную систему норм права, регулирующих общественные отношения, схожие по содержанию и предмету регулирования, а также

связанные общим законодательным замыслом» [3]. Свое понятие дает Петров Д.Е.: «Правовой институт – это определенная совокупность, комплекс взаимосвязанных юридических норм, воздействующих на определенный вид близких по содержанию и в этом смысле родственных общественных отношений» [4]. Морозова Л.А. так же дает следующее определение «Правовой институт – это группа норм права, связанных между собой предметно-функциональными связями, регулирующих конкретный вид общественных отношений и приобретающих в силу этого относительную устойчивость и самостоятельность функционирования» [2]. Таким образом, правовой институт это группа схожих между собой общественных отношений, урегулированных нормами права. Правовые институты могут быть отраслевыми и межотраслевыми. Межотраслевые институты, регулируют сходные отношения в различных отраслях права. Отраслевые институты, регулируют отношения внутри одной отрасли.

Джалилова Е.А. выделяет следующие признаки правового института:

« 1. Комплексность. Правовой институт всегда сочетает в себе комплекс норм, как правило, связанных между собой предметом регулирования...

2. Сфера воздействия. Институт права всегда направлен на регулирование правовых отношений в определенной сфере или обстоятельствах...

3. Систематизация норм по предмету регулирования. Институт права объединяет правовые нормы, регулирующие схожие общественные отношения в определенной последовательности, как правило, по логике их применения субъектами...

4. Единство и законодательный замысел. Данные признаки неотъемлемы друг от друга и связаны неразрывно, поэтому следует указать их в комплексе...

5. Структурность. Совокупность правовых норм, образующих институт права, имеет внутреннюю логическую структуру...

Также к особенностям института права можно отнести зависимость от определённого вида общественных отношений. Так, при возникновении нового вида общественных отношений начинается формирование нового института права» [3].

Вопросы формирования институтов гражданского процессуального права достаточно обширно рассмотрела Осавелюк А.Е., которая в своей работе выделила, что «везде, где международное гражданское процессуальное право признается самостоятельной отраслью, там и «составляющие его вопросы» признаются институтами этой отрасли» [5 с. 94].

Таким образом, к институтам международного гражданского процесса можно отнести:

- вопросы подсудности в отношении дел, в которых имеется иностранный элемент;
- «- процессуальное положение иностранных граждан и иностранных юридических лиц в суде;
- процессуальное положение иностранного государства и его дипломатических и консульских представителей;
- установление содержания иностранного права;
- обращение к иностранным судам с поручениями о вручении документов и выполнении отдельных процессуальных действий и исполнение;
- поручений иностранных судов;
- признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений;
- принудительное исполнение решений иностранного арбитража.» [6, с.99].
- признания иностранных административных актов по гражданским делам [7],
- отнесения к международному гражданскому процессу всей совокупности вопросов внешнеторгового и морского арбитражей [7] (Л. А. Лунц);
- определения процессуального положения лиц без гражданства, международных межгосударственных организаций и их должностных лиц (В.П. Звеков [8]) ;
- положения указанных субъектов в арбитражном процессе, регулирования порядка применения иностранного права (Н.И. Марышева [9]) ;
- порядка заключения пророгационных соглашений (Федосеева [10]);
- «вопросами о судебных доказательствах в гражданских делах с иностранным элементом,
- признании иностранных актов по вопросам личного статуса граждан,
- юридическом значении производства по данному делу, возбужденному в иностранном суде, но там не законченному, о правоохранительными органами в порядке правовой помощи (Т.Н. Нешатаева [6]) и др.

И как отмечает Осавелюк Е.А.: «Общая характеристика таких институтов заключается в том, что все они носят процессуальный характер и действуют только в процессуальных частных правоотношениях, иностранным элементом» [5].

Но несмотря на то, что выше приведено достаточно много точек зрения на отдельные институты международного гражданского процессуального права, по нашему мнению. Стоит выделить пять основных институтов, таких как:

1. Подсудность
2. Правовое положение иностранных лиц
3. Правовая помощь
4. Иммунитеты
5. Признание и исполнение судебных решений.

И каждый из вышеназванных нами институтов имеет свое расширение в виде соответствующих подинститутов.

Список использованной литературы:

1. Бошно С.В. Система права и система законодательства // Право и современные государства-2013.-№1.-с1-22// <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva> (Дата обращения 30.07.2019)
2. Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник.- изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование- 2010.- 384 с.-202
3. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права// Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева – 2018 -№ 2, том 1//file:///C:/Users/User/Desktop/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%B0%D0%BA%D0%B0/problems-opredeleniya-ponyatiya-i-suschnosti-instituta-prava(1).pdf (Дата обращения 10.11.2020)
4. Петров Д.Е. Отраслевое строение права и его структура: аспекты соотношения // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева-2015 // <https://cyberleninka.ru/article/n/otraslevoe-stroenie-prava-i-ego-struktura-aspekty-sootnosheniya>(Дата обращения 10.11.2020)
5. Осавелюк Е.А. Определение места международного гражданского процесса в системе российского права: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 .-М.: РГБ, 2005.- 234-с.
6. Нешатаева Т. Н. Международный гражданский процесс : учеб. пособие. – М. : Дело, 2001. 367-с.
7. Лунц Л. Л. Международное частное право : Учебник.- М. : Юридическая литература, 1970.
8. Звеков В. Международное частное право: Курс лекций. – М.: Норма-Инфра. 2001-430с.
9. Международное частное право: Краткий курс. под. ред. Н.И. Марышевой, -М.: Юридическая фирма «Контракт», «Инфра-М»- 2001. -240с.
10. Федосеева Г.Л. Международное частное право. – М.: Острожье, 1999.- 265с

Апенев С. М.,
заң ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы
ҚазҰУ халықаралық құқық кафедрасының
доценті м.а.
apienov68@mail.ru

Умбетбаева Ж. Б.,
заң ғылымдарының магистрі, әл-Фараби атындағы
ҚазҰУ халықаралық құқық кафедрасының
аға оқытушысы
umbetbaeva@mail.ru

СОТҚА ДЕЙІНГІ ТЕРГЕУ САТЫСЫНДАҒЫ ТЕРГЕУ СУДЬЯСЫ МЕН ПРОКУРОРДЫҢ ӨКІЛЕТТІКТЕРІНІҢ АРАҚАТЫНАСЫ

Түйін. Мақалада Қазақстан Республикасының және кейбір шет елдердің қылмыстық процессуалдық заңдары бойынша тергеу судьясының өкілеттіктеріне талдау жасалған. Авторлар ҚР Қылмыстық процестік кодекстің алғашқы қолданылу кезеңінде орын алған кейбір тергеу әрекеттері мен бұлтартпау шараларына екі сатылы санкциялауға сынмен қарайды. Нәтижесінде кейбір тергеу әрекеттері мен бұлтартпау шараларын прокурордың қатысуынсыз тергеу судьясымен санкциялау, қылмыстық процессуалдық заңдағы оң өзгеріс деген баға беріледі.

Түйінді сөздер: тергеу судьясы, прокурор, сотқа дейінгі тергеу, санкциялау, бұлтартпау шаралары, тергеу әрекеттері.

Резюме. В статье проведен анализ на полномочия следственного судьи по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан и некоторых зарубежных стран. Авторы критически относятся к двухступенчатую санкционированию некоторых мер пресечения и следственных действий, которое имело место в начальный период действия Уголовно-процессуального кодекса РК. В результате дается оценка, что санкционирования следственным судьей некоторых следственных действий и мер пресечения без участия прокурора является положительным изменением Уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: следственный судья, прокурор, досудебное расследование, санкционирование, меры пресечения, следственные действия.

Summary. The analysis, given by the article, conducts the powers of an investigative judge under the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan and some foreign countries. The authors are critical of the two-step authorization of certain preventive measures and investigative actions that took place during the initial period of the Criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan. As a result, it is estimated that the authorization by the investigating judge of certain investigative actions and preventive measures without the participation of the Prosecutor is defined as a positive reform in the Criminal procedure law.

Key words: investigative judge, prosecutor, pre-trial investigation, authorization, preventive measures, investigative actions.

Қазақстан Республикасының 2014 жылы қабылданған Қылмыстық процестік кодексі жаңа процессуалдық институт ретінде «тергеу судьясы» ұғымын енгізді. Бұл Қылмыстық процессуалдық заңға көптеген жаңашылдықтар енгізілген және олардың көпшілігі Франция және Германия қылмыстық процестерінен алынған. Тергеу судьясы да Германия және Франция қылмыстық процестерінде кездесетін процессуалдық тұлға болып табылады.

Тергеу судьясының процессуалдық өкілеттіктері ҚПК 55-бабында келесідей анықталған: күзетпен ұстауды санкциялау; ұйқамақты санкциялау; лауазымынан уақытша шеттетуді санкциялау; жақындауға тыйым салуды санкциялау; экстрадициялық қамақты санкциялау; жасырын тергеу әрекеттерін жүргізуді, жасырын тергеу әрекеттерін жүргізу мерзімдерін ұзартуды санкциялау; Кодекстің 234-бабының үшінші бөлігінде көзделген жағдайларда, прокурордың өтінішхаты бойынша жасырын тергеу әрекеттерін тоқтату; күзетпен ұстау, ұйқамақ, экстрадициялық қамақ мерзімдерін ұзарту; кепіл қолдануды санкциялау; мүлікке тыйым салуды санкциялау; күзетпен ұсталмайтын

адамды сот-психиатриялық және (немесе) сот-медициналық сараптама жүргізу үшін медициналық ұйымға мәжбүрлеп орналастыру; бұрын өзіне қатысты күзетпен ұстау қолданылған адамның психикалық ауру фактісі анықталған кезде, оны ауруларды қатаң оқшаулау жағдайында ұстауға лайықталған, психиатриялық көмек көрсететін арнаулы медициналық ұйымға ауыстыру; мәйітті эксгумациялау; күдіктіге, айыпталушыға халықаралық іздеу жариялау; қарап-тексеруді, тінтуді, алуды, жеке тінтуді, мәжбүрлеп куәландыруды, үлгілерді мәжбүрлеп алуды санкциялау мәселелерін қарайды. Сонымен қатар анықтаушының, анықтау органының, тергеушінің және прокурордың әрекеттеріне (әрекетсіздігіне) және шешімдеріне жасалған шағымдарды қарайды [1].

Заңдағы осындай тергеу судьясының өкілеттіктерін топтастыра отырып қарастырсақ, онда тергеу судьясының өкілеттіктерінің бағыттарын былай анықтауға болады:

1) қамауға алу, үй қамағында ұстау, медициналық ұйымға мәжбүрлі түрде орналастыру сияқты адамның бостандығын шектейтін әрекеттерге санкция береді;

2) кепіл қолдану, мүлікке тыйым салу сияқты мүлікке қатысты шараларды қолдануды санкциялайды;

3) қарап-тексеру, тінту, жасырын тергеу әрекеттері сияқты адамның үй-жайына кіруді қажет ететін кей тергеу әрекеттерін жүргізуге санкция береді;

4) төртіншіден, сотқа дейінгі тергеуді жүргізетін адамдардың, прокурордың шешімдері мен әрекеттеріне қатысты берілген шағымдарды қарайды.

Бұрынғы қолданылған заңда мұндай бұлтартпау шараларына және тергеу әрекеттеріне санкция беруді прокурор орындайтын болған. Егер осы 2014 жылғы ҚПК алғашқы мазмұнымен салыстыра қарасақ, онда заңға бұл мәселелер бойынша дұрыс өзгерістер енгізілгенін байқауға болады. Бұл өзгерістерге өзге процессуалист зерттеушілер назар аударады. Солардың ішінде Качалова О.К., Г.Ж. Мергенова 2016 жылы тергеу судьясының өкілеттіктері кеңейтіліп, қарап-тексеруді, тінтуді, алуды, жеке басын тінтуді санкциялау қосылғанын атап өтіп, тергеу судьясы қызметінің негізгі бағыттарын мынандай бес топқа бөледі:

1) қылмыстық қудалау және прокуратура органдарының әрекеттері және әрекетсіздіктеріне, шешімдеріне қылмыстық процесске қатысушылардың шағымдарын қарау;

2) қамауға алу, үй қамақта ұстау, кепіл экстрадициялық қамауға алу, қамауда ұстау мерзімін ұзартуды санкциялау;

3) адамның құқықтарын шектейтін (тінту, алу, мүлікке тыйым салу сияқты т.б.) тергеу органдарының әрекеттерін санкциялау;

4) жасырын тергеу әрекеттерін санкциялау;

5) процеске қатысушылардың өтініштерін және прокурордың ұсыныстарын қарау [2]. Біз тергеу судьясы қызметтерінің негізгі бағыттарын бұлай топтастырудың дұрыстығына күмәнмен қараймыз, себебі жоғарыдағы топтастыру түрінде жасырын тергеу әрекеттері және тінту, алу жеке топтарға бөлінген, негізінде олардың барлығы заңда тергеу әрекеттері ретінде қарастырылған. Біз бұл тергеу судьясының қызметтерін топтастыру мәселесіне тоқталмаймыз, өйткені бұл мақаланың мақсаты тергеу судьясының аталған өкілеттіктерді иеленуінің негізділігін және прокурорлық қадағалау қызметімен арақатынасын анықтау болып табылады.

Заңның алғашқы мазмұнында адамның бостандығын шектейтін және үй-жайына кіріп тергеу әрекеттерін жүргізу үшін алдымен тергеуді жүргізетін адам қаулы шығарып, оны прокурорға мақұлдауға жіберуі, мақұлданған жағдайда содан тергеу судьясы арқылы санкциялануы керек болатын. Қазіргі енгізілген түзетулердің нәтижесінде мұндай сипаттағы қаулылар прокурорға жіберілмей, бірден тергеу судьясына жіберілетіндігін аңғаруға болады. Бұл дұрыс өзгерістер, себебі бір тергеу әрекетін немесе бұлтартпау шарасын қолдану үшін екі процессуалдық тұлғадан, яғни алдымен прокурордың, кейіннен тергеу судьясының келісім алу көп уақытты талап ететін және бір-бірінің жұмысын қайталауды білдіретін жұмыстар ретінде бағаланады. Мұндай бағалау өзге зерттеушілер тарапынан да кездеседі. Солардың ішінде И.Л. Петрухин алдын ала тергеу сатысында сот бақылауын кеңейте отырып, прокурорлық қадағалауды азайтуды ұсынады. Оның пікірінше сот бақылауы алдын ала тергеу сатысындағы адамның құқығының қорғалуының кепілдігі болып табылады. Сот тәуелсіз, сондықтан қателіктер мен қызметті теріс пайдаланудың алдын алу үшін екі есе кедергі белгілеудің мағынасы жоқ, бір бақылау қызметін әртүрлі органдардың орындауына қажеттілік жоқ [3, 66 б.]. Ол сот санкциялауы туралы мәселені шешуде тергеу органының тек прокурорды хабарландыруын және оның қарсылығы болмаған жағдайда материалдардың сотқа тапсырылуы жеткілікті деп санайды. Бұл мәселені басқаша

шешуді ұсынатын көзқарастар да кездеседі. Мысалы Қ.Қ Сейтенов бұлтартпау шараларын сот және прокурордың санкциялауы туралы мәселені қарастыра отырып, тергеушінің бұлтартпау шараларын судьясының алдында қолдау бойынша жұмыстарын жеңілдетуді ұсынады. Ол «Қазіргі уақытта бұлтартпау шараларын сот санкциялауындағы ұйымдастырушылық-келісімдік процедуралардан тергеушіні босатуға мүмкіндік беретін пайдаланбаған резервтер бар. Соның ішінде бұл қызметті тергеушінің қызметтеріне ведомстволық бақылауды жүргізу жүктелген, оның ішінде қамауға алу сияқты бұлтартпау шарасын қолдану туралы шешімді тергеуші қабылдар алдында қылмыстық іспен таныса алатын лауазымды адам ретінде тергеу бөлімінің басшысына тапсыруға болады» дейді [4, 112-113 бб.]. Ол осындай пікір келтіре отырып, кепіл түріндегі бұлтартпау шарасын прокурордың санкциялау процедурасы қылмыстық процестің қазіргі жағдайына сай келмейді деп бағалап, оны да үй қамағына алу сияқты шеше отырып, толғымен тергеу судьясының өкілеттігіне беруді ұсынады [4, 113 б.].

Біздің бағалауымызша қылмыстық процессуалдық заңның осы мәселелер бойынша алғашқы мазмұнына бір ереже арқылы түсіністікпен қарауға болар еді. Ол тергеушінің барлық қаулыларының көшірмелерінің 24 сағат ішінде заңдылықты қадағалау мақсатында прокурорға тапсырылуы. Ал соттың санкциялауы, ол әлемдік практикада адамды мүлкінен және бостандығынан айыру тек сот арқылы жүргізілетіндігімен байланысты. Бірақ бәрібір бір процессуалдық әрекетті прокурорға және тергеу судьясына жіберу екі сатылы бақылауды ғана емес, сонымен қатар олардың бір-бірінің қызметтеріне қатысты сенімсіздікті, кейде қарама-қайшылықты білдірген болар еді. Бұл мәселе туралы прокурорлық және сот өкілеттіктерін бәсекелестіру емес, өкілеттіктерді қосу орын алған деген пікір де кездеседі. Мысалы Л.В. Головкин прокурорлық және сот санкциялауын ажыратудың негізіне олардың қызметтерінің мақсатты бағыттары алынған: тергеу судьясында – адамның жеке құқықтары мен бостандықтарын қорғау, ал прокурорда – көпшіліктің мүддесін қамтамасыз ету [5, 80 б.]. Л.В. Головкинның мұндай пікірімен келісу қиын, себебі прокурорлық санкциялаудың мағынасында да адамның құқықтарының бұзылмауын қорғау арқылы заңдылықты сақтау қағидасы жатыр. Қазақстандық, жалпы посткеңестік елдердің сотқа дейінгі тергеу қызметі іздестірушілік (розыскной тип) үлгіге жатқанмен, ол таза іздестірушілік сипатта емес. Бұлай деп айту себебіміз, ол тергеу барысында адамның кінәсі немесе қылмыстық құқық бұзушылық фактісі дәлелденбесе, онда сотқа дейінгі тергеу сатысында тергеуші, істі тергеу және істі сотта қарау барысында прокурор айыптаудан бас тарту туралы қаулы шығаруы керек.

Қазіргі ҚПК 220 және 254 баптарына назар аударсақ бұл олқылықтар айтарлықтай түзелгенін байқаймыз. Мысалы ҚПК 220 бабының 13, 13-1-13-4, 14 бөлімдерінің (Қарап-тексеруді жүргізудің жалпы қағидалары) ережелері бойынша «Тұрғын үй-жайды қарап-тексеру онда тұратын кәмелетке толған адамдардың келісуімен немесе тергеу судьясының санкциясымен ғана жүргізіледі. Егер онда тұратын адамдар кәмелетке толмағандар болса немесе олардың психикалық немесе өзге де ауыр науқастардан зардап шегетіні көрінеу белгілі болса немесе олар қарап-тексеруге қарсы болса, сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адам мәжбүрлеп қарап-тексеру туралы қаулы шығарады, оған тергеу судьясынан санкция алынуға тиіс. Санкция беруден бас тартылған жағдайда, қарап-тексеру жүргізілмейді.

13-1 бабы бойынша «Тұрғын үй-жайды мәжбүрлеп қарап-тексеру жүргізу қажет болған кезде, сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адам қарап-тексеру жүргізу туралы қаулы шығарады және оны тергеу судьясына жібереді. Қаулының көшірмесі бір мезгілде прокурорға жіберіледі» Осы ереже ҚПК 254 бабындағы (Тінту және алуды жүргізудің тәртібі) Тінту және алуға қатысты да қолданылады [1].

Тергеу судьясы мен прокурордың заңдағы кей процессуалдық әрекеттер бойынша прокурор мен тергеу судьясының өкілеттіктерін ажырату, оларды қайталамау, сол арқылы тергеу судьясының санкция беруінің мәнін дұрыс түсіну – заң қолдану қызметінің тиімділігін көтеруде маңызды мәселе болып танылады. Бұл мәселеде С.А. Әділовтың тергеу судьясының мәніне, арналуына мынандай баға беруімен келісуге болады. Ол «Қазақстан Республикасының сот өндірісіне тергеу судьясы фигурасын енгізу арқылы қылмыстық процессуалдық қызметтің әділсотты қолданатын өзге де органдардан жаңа жеке-дара және тәуелсіз қызметі қамтамасыз етіледі, себебі оның өкілеттігі тергеу сипатындағы емес, тек сот сипатына ие. Сондықтан қылмыстық процессуалдық құқықтың даму перспективаларын айта отырып, Қазақстан Республикасының 2014 жылғы ҚПК қылмыстық юстиция жүйесін қазіргі құқықтық, демократиялық жағдайына сәйкестендірді. Тергеу судьясы сотқа дейінгі тергеу барысында туындайтын мәселелерді шешуде объективті, тәуелсіз арбитр ретінде қарастырылады, себебі ол соттың кез-келген сатысында әділсотты жүргізуден шеттетілген» [6, 124 б.].

«Тергеу судьясы» ұғымы шет елдердің процессуалдық заңдарынан енген элемент болғандықтан, енді оның кейбір шет елдердің заңдары бойынша құқықтық сипаттамасына тоқтала кеткенді жөн көреміз.

Жоғарыда айтқанымыздай қазіргі ҚР қылмыстық процессуалдық заңындағы көптеген жаңашылдықтар Германия, Франция, АҚШ елдерінің қылмыстық процестерінен алынған. Сондықтан тергеу судьясы туралы Франция және Германия заңдарынан мәліметтер келтірген жөн.

Францияда алдын ала тергеу (біздіңше сотқа дейінгі тергеу) екі сатыдан тұрады. Бірінші сатыдағы алдын ала тергеуді тергеу судьясы жүргізсе, ал екінші сатыдағы тергеу апелляциялық сот құрамындағы тергеу камерасымен жүргізіледі.

Франция ҚПК 81-бабы бойынша тергеу судьясы істі толық ашу үшін қажетті деп таныған кез келген тергеу әрекеттерін жүргізе алады.

Францияда I сатыдағы алдын ала тергеуді аяқтау ҚПК 175 – 184 баптарымен реттелген. II сатыдағы алдын ала тергеу ҚПК 170-174, 185, 186, 191 – 230-5 баптарымен реттелген. Әрбір апелляциялық соттың құрамына камера төрағасынан және екі судьядан тұратын кем дегенде бір тергеу камерасы кіреді. Камераның мәжілісі аптасына кем дегенде бір рет өткізіле отырып, мынандай мәселелерді қарайды:

- тергеу судьясының қаулыларына шағымдарды қарау;
- бірінші сатыдағы анықтау және алдын ала тергеу барысында жасалған процессуалдық әрекеттердің заңдылығы туралы мәселені шешу;
- қосымша тергеу әрекеттерін жүргізу;
- сот полициясы офицерлері мен агенттерінің қызметтерін бақылау;
- қылмыстық қудалауды тоқтату туралы мәселені шешу;
- I сатыдағы алдын ала тергеуді камераның өзі толық жүргізген жағдайда, істі соттылық реті бойынша полициялық немесе түзеу немесе ассиздер сотына тапсыру мәселесін шешу.

Францияда қылмыстық қудалауды жүргізетін органдар прокуратура мен сот полициясы болып саналады. Прокуратура тергеу және сот қызметтеріне қадағалаушы қызмет атқарады және өз қызметтері бойынша әділет министріне бағынышты болып табылады.

Франция прокуратурасының қызметі Францияның ҚПК 31-48-баптарында реттелген. ҚПК 34 және 39-баптарына сәйкес прокуратура қылмыстық қудалауды, алдын ала тергеуді қадағалауды іске асыра алады және сотта айыпты қолдайды [7].

Бір ескерте кететін жағдай, ол Францияда сотқа дейінгі тергеуді соттар өздері бастай алмайды, ол үшін прокурордан қылмыстың жасалғандығы туралы тергеуді жүргізетін судьяға материалдар түсуі керек. Мұнан кейін тергеуді жүргізу барысында судья прокурорға бағынышты болмайды және оның берген кей ұсыныстарын қабылдамауға құқылы. Бұл ережелер Франция қылмыстық процесінің істі сотта қарау кезінде ғана емес, тергеу жүргізу сатысында да қылмыстық процестің жарыспалы үлгісіне негізделгендігін білдіреді. Сондықтан бұл елде «кей бұлтартпау шараларын, тергеу әрекеттерін қолдану үшін прокурордың санкцияны қолдауы» деген мәселе жоқ.

Германия қылмыстық процесінің француз қылмыстық процесімен айтарлықтай ұқсастықтары бар. 1975 жылға дейін бұл елде француз моделі негізінде алдын ала тергеу сот тергеушілері арқылы полиция анықтауы және алдын ала тергеу формаларында жүргізілген. Бірақ кейіннен полиция және прокурор тергеуінің кей жағдайларда бірін-бірі қайталайтындығына байланысты алдын ала тергеу алынып тасталған.

Қазіргі уақытта тергеуді прокурордың жетекшілігімен полиция жүргізеді, ал сот тергеушісі (учаскелік судья немесе сот анықтаушысы) іс бойынша маңызды шешімдер қабылдау қажет болғанда (мысалы бұлтартпау шараларын қолдану керек болғанда) және дәлелдемелерді заңдастыру сияқты жағдайларда қатысады. Енді ГФР қылмыстық процестік заңынан мәліметтер келтірейік. § 111e [Алу және арест туралы қаулы]. Алу және арест туралы қаулыны тек сот қабылдайды, ал шұғыл шешім қабылдау қажет болса, прокуратура да қабылдай алады. Осы параграфтың 2 бөлімі бойынша қозғалатын мүлікті алу туралы қаулыны шұғыл қажеттілік туындағанда прокуратураның тапсырмасы бойынша тергеуді жүргізіп отырған адам да қабылдай алады. Егер алу немесе арест туралы қаулыны прокуратура қабылдаған болса, онда ол бір аптаның ішінде қаулыны бекіту туралы сотқа өтініш жасауы керек.

ГФР ҚПК § 114 бойынша алдын ала қамауға алу туралы қаулыны тек судья шығарады. Ал бұлтартпау шарасы ретінде кепіл ақша тағайындау қажет болғанда ҚПК § 116a [Кепілді қою кезінде тоқтата тұру] судья кепілдің түрі мен көлемін өзі белгілейді [8].

Сонымен бұл елдерде тергеу судьясының кей сотқа дейінгі тергеу сатысында қылмыстық істерді тергеумен айналыса алатындығын, ал айналыспаған күннің өзінде кей процессуалдық әрекеттер бойынша санкция беруді қолдана алатындығын байқауға болады. Қазақстандық және шет елдердің қылмыстық процестеріндегі тергеу судьясы мен прокурордың арасындағы санкция беру бойынша мәселеде айырмашылықтан көрі ұқсастықтардың басым екендігін көріп отырмыз. Демек Қазақстандық қылмыстық процесстің кей бұлтартпау шаралары және тергеу әрекеттері бойынша екі сатылы санкциялау жұмысынан бас тартуы дұрыс деп бағалауға болады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының қылмыстық процестік кодексі. 2014 жылы 4 шілдеде қабылданған.
2. Качалова О.К., Мергенова Г.Ж. Следственные судьи: казахстанский опыт и российские перспективы. Апрель, 2020. <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/sledstvennye-sudi-kazahstanskiy-opyt-i-rossiyskie-perspektivy-okachalova-gmergenova>
3. Петрухин И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Государство и право. – М.: Наука, 1999, № 1. – С. 64-73.
4. Сейтенов К.К. О некоторых проблемах судебного и прокурорского санкционирования при применении мер пресечения в Республике Казахстан. Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). – С. 111-115.
5. Головкин Л.В. Новая роль судьи при производстве полицейского расследования в уголовном процессе постсоветских государств // Зангер. Вестник права Республики Казахстан. 2010. № 1 (102). – С.74-81.
6. Адилов С.А. Следственный судья в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). – С. 121-125.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Франции // https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf
8. Павел Головненков, Наталья Спица. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна.

Сылкина С. М.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
факультета международных отношений
КазНУ им. аль-Фараби

НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПАЦИЕНТОВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Түйін. Бұл мақала медициналық көмек көрсету кезінде пациенттердің құқықтарын қорғау саласындағы халықаралық құжаттарды талдауға арналған.

Түйінді сөздер: медициналық көмек, пациенттердің құқықтары, халықаралық шарт, ДДҰ, заң, негізделген келісім.

Резюме. Данная статья посвящена анализу международных документов в области защиты прав пациентов при оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинская помощь, права пациентов, международный договор, ВОЗ, закон, информированное согласие.

Summary. This article is devoted to the analysis of international documents in the field of protecting the rights of patients in the provision of medical care.

Key words: medical care, patients' rights, international treaty, WHO, law, informed consent.

В Алма-Атинской Декларации 1978 года говорится о том, что здоровье является состоянием полного физического, духовного и социального благополучия и составляет одно из фундаментальных прав человека (статья 1) [1].

В Хартии о праве на здоровье 2005 года рассматриваются такие вопросы, как неприкосновенность частной жизни и информированное согласие.

В Декларации о правах пациентов 2005 года освещаются вопросы права на конфиденциальность, информацию и информированное согласие.

Положение преамбулы Декларации о правах пациентов сформулировано следующим образом: «В последние годы отношения между врачами, пациентами и широкой общественностью претерпели значительные изменения. Хотя врач должен действовать в интересах пациента сообразно своей совести, необходимы также соответствующие гарантии автономии и справедливого отношения к пациенту. Настоящая Декларация утверждает основные права, которыми, с точки зрения медицинского сообщества, должен обладать каждый пациент. Врачи и прочие лица или учреждения, участвующие в оказании медицинской помощи, несут солидарную ответственность за признание и поддержку указанных прав. Если в какой-либо стране положения законодательства или действия правительства препятствуют реализации нижеперечисленных прав, врачи должны стремиться, всеми доступными средствами восстановить их и обеспечить их соблюдение» [2].

Декларация о медицинском обслуживании, ориентированном на пациента 2007 года провозглашает следующие основные принципы, регламентирующие защиту пациентов при оказании медицинской помощи:

Первый принцип «Уважение» означает, что пациенты и лица, которые осуществляют медицинский уход за ними, пользуются фундаментальным правом на охрану здоровья, ориентированную на пациентов и уважающую их уникальные потребности, предпочтения и ценности, а также их самостоятельность и независимость;

Второй принцип «Выбор и расширение возможностей (эмпауермент)» означает, что пациенты имеют право и обязанность по мере своих способностей и предпочтений участвовать в качестве партнера в принятии решений, касающихся сферы охраны здоровья и влияющих на их жизнь. Для этого требуется система медицинского обслуживания, реагирующая на нужды пациентов и предоставляющая адекватный выбор вариантов лечения и ведения заболеваний, соответствующий этим нуждам, а также поощрение и поддержка пациентов и лиц, осуществляющих уход за пациентами, с целью достижения наивысшего возможного качества жизни. Организации пациентов должны иметь возможность играть ведущую роль в поддержке пациентов и их семей с целью осуществления их права на информированный выбор медицинского обслуживания.

Третий принцип «Участие пациентов в формировании политики здравоохранения» означает, что пациенты и организации пациентов должны иметь возможность взять на себя часть ответственности за формирование политики здравоохранения путем реального и поощряемого участия на всех уровнях и на всех этапах принятия решений, чтобы в таких решениях во главу угла были поставлены интересы пациента. Они не должны ограничиваться политикой здравоохранения, но должны включать в себя, к примеру, социальную политику, которая, в конечном счете, повлияет на жизнь пациентов.

Четвертый принцип «доступность и поддержка» означает, что пациентам должно быть доступно необходимое медицинское обслуживание, под которым подразумеваются безопасные, качественные и адекватные услуги, виды лечения, профилактики и медицинского просвещения. Необходимо обеспечить всем пациентам доступность необходимых услуг независимо от их состояния и *социально-экономического статуса*. *Чтобы пациент мог достичь максимально доступного качества жизни, медицинское обслуживание должно удовлетворять эмоциональным требованиям пациентов и учитывать немедицинские факторы, такие как образование, занятость и семейные проблемы, влияющие на выбор пациентом медицинских услуг и на организацию таких услуг.*

5. Информирование: Достоверная, актуальная и исчерпывающая информация необходима для того, чтобы пациенты и лица, осуществляющие медицинский уход, могли принимать информированные решения о лечении и о том, как жить с данным заболеванием. Информация должна предоставляться в надлежащем формате в соответствии с принципами медицинской грамотности и с учетом состояния здоровья, языка, возраста, интеллекта, способностей и культуры пациента.

Таким образом, мы видим, что все эти принципы ориентированы на осознанное, со стороны пациента, оказание ему медицинских услуг [3].

Джакартская Декларация о приоритетах охраны здоровья 1997 года является итоговым документом четвертой международной конференции по вопросам охраны здоровья и в ней обозначен ряд приоритетов в области охраны здоровья в XXI веке, включая социальную ответственность сторон и расширение возможностей каждого отстаивать свои права и интересы. Международная организация Международного совета медицинских сестер (далее МСМС) также считает право на медицинскую помощь, правом всех лиц независимо от финансовых, политических, географических, расовых или религиозных факторов. Оно включает: право выбора медицинского обслуживания или отказа от него, право согласиться на определенное лечение или питание, либо отказаться от них, право на информированное согласие, право на конфиденциальность, право на человеческое достоинство и право на достойную смерть[4].

Международный совет медицинских сестер следит за соблюдением прав как лиц, обращающихся за медицинской помощью, так и лиц, ее оказывающих. Медицинские сестры обязаны всегда и везде защищать и активно поощрять соблюдение прав человека на охрану здоровья. Это обязательство включает в себя обеспечение адекватного ухода с учетом имеющихся ресурсов и, в соответствии с сестринской этикой. Более того, медсестра обязана обеспечить получение пациентом соответствующей информации на понятном ему языке перед тем, как пациент даст согласие на какое-либо лечение или обследование, в том числе на участие в научных исследованиях[5].

Комментарий номер 14 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах параграф 8 также провозглашает право на здоровье, включая в это понятие, право не подвергаться лечению и медицинским или научным опытам без свободного согласия [6].

Кроме того, статья 5 Хартии о праве на здоровье содержит положение, согласно которому, согласие пациента требуется до начала любого лечения, кроме случаев экстренной помощи, строго в соответствии с законом.

Международные руководящие принципы этики для биомедицинских исследований на человеке включают следующие правовые основы, защищающие права пациента, с помощью выражения его согласия на совершение подобных действий:

2. Право на свободу выбора

a. Пациент имеет право свободно выбирать и менять врача, больницу или лечебное учреждение, независимо от того, относятся ли они к частному или государственному сектору.

b. Пациент имеет право на любом этапе обратиться за консультацией к другому врачу.

3. Право на самоопределение

a. Пациент имеет право на самоопределение и на принятие независимых решений относительно своего здоровья. Врач обязан сообщить пациенту о последствиях его решения.

б. Умственно полноценный совершеннолетний пациент имеет право соглашаться на любую диагностическую процедуру или терапию, а также отказываться от них. Пациент имеет право на получение информации, необходимой для принятия им решений. Пациент должен иметь четкое представление о целях и результатах любого обследования или лечения, а также о последствиях своего отказа.

с. Пациент имеет право отказаться от участия в каком-либо исследовании или в обучении медиков[7].

Лиссабонская декларация о правах пациента, принятая 34-й Всемирной Медицинской Ассамблеей в 1981 году, Лиссабон, Португалия, сентябрь–октябрь 1981 года (с учетом изменений и дополнений, внесенных 47-й Генеральной Ассамблеей. Бали, Индонезия, сентябрь 1995 г.) в пп. 4 и 6 закрепляет конкретную норму о необходимости получения согласия на медицинское вмешательство пациента, находящегося в бессознательном состоянии его законным представителем.

4. Пациент в бессознательном состоянии

а) Если пациент находится в бессознательном состоянии или по иным причинам не в состоянии изъять свою волю, по мере возможности, необходимо получение согласия, основанного на полной информации, законным образом назначенного представителя, когда такая возможность предусмотрена законодательством.

б) Если законным образом назначенный представитель отсутствует и при этом требуется незамедлительное медицинское вмешательство, согласие пациента может подразумеваться, за исключением случаев, когда прежние твердые заявления или убеждения пациента, несомненно говорят о том, что пациент отказался бы от такого вмешательства в указанной ситуации.

в) При этом врачам всегда следует попытаться спасти жизнь пациента, находящегося в бессознательном состоянии в результате попытки самоубийства.

6. Процедуры, проводимые против воли пациента

Диагностические процедуры или лечение могут проводиться против воли пациента в исключительных случаях, конкретно предусмотренных законом, в соответствии с принципами медицинской этики [8].

Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 года также содержит положения, обеспечивающие защиту лиц, не способных выразить свое согласие на различного рода медицинские манипуляции (Овьедо, 4 апреля 1997 года)

Статья 7

(Защита лиц, страдающих психическим расстройством)

Лицо, страдающее серьезным психическим расстройством, может быть подвергнуто без его согласия медицинскому вмешательству, направленному на лечение этого расстройства, лишь в том случае, если отсутствие такого лечения может нанести серьезный вред его здоровью, и при соблюдении условий защиты, предусмотренных законом, включая процедуры наблюдения, контроля и обжалования.

В США существуют следующие формы госпитализации в психиатрический стационар без согласия пациента.

1. Временная госпитализация (неотложная госпитализация или госпитализация по рекомендации одного врача). Подобная госпитализация применяется по отношению к больным, которые не в состоянии сами принимать решение, или к больным, у которых имеются настолько острые нарушения, что они должны быть немедленно госпитализированы в психиатрическую больницу (неотложная госпитализация). При этой процедуре больной поступает по письменной рекомендации одного психиатра. После того как его доставили в больницу, он должен быть обследован двумя врачами, и если они подтвердят необходимость госпитализации, больного принимают. Эта процедура носит временный характер, так как больной не может удерживаться в больнице против своей воли более 15 дней.

2. Во всех штатах действует примерно одинаковая система недобровольной госпитализации (по рекомендации двух врачей). Это обычно делается, когда психически больные представляют опасность для себя и для окружающих в такой степени, что имеется необходимость их лечения в закрытых учреждениях. Поскольку указанные лица не осознают, что им необходимо лечиться, обращение за психиатрической помощью может исходить от родственников или друзей. После обращения за помощью такого больного должны обследовать два врача, и если они подтвердят необходимость госпитализации, она может быть осуществлена. Санкционирование госпитализации психически больных обычно осуществляется постановлением суда о задержании. Однако психиатры давно считают это название неудачным, поскольку постановление о задержании юридически означает ордер на арест. Поэтому Американская ассоциация адвокатов и Американская психиатрическая ассоциация рекомендовали заменить этот термин на более точный – «постановление суда о госпитализации», который принят

большинством штатов. Имеется установленная процедура письменного извещения ближайших родственников в случае принудительной госпитализации. Более того, больной в любое время должен быть доступен юридическому совету, который может доложить о нем судье. Если судья не считает госпитализацию необходимой, он может потребовать освобождения больного.

Недобровольная госпитализация разрешается на 60 дней. По истечении этого времени, если необходимость в госпитализации сохраняется, случай должен периодически рассматриваться советом (коллегией), состоящим из психиатров, юристов и других граждан, не связанных с данным учреждением. В штате Нью-Йорк этот совет называется Информационной службой психического здоровья. В полномочия штата входит обязанность судить о нуждаемости психически больных в заботе. Этим занимается *parens patriae*, или полицейская служба, задача которой – предотвращение опасных действий психически больных в отношении себя и других лиц.

Несмотря на четко очерченные процедуры, обеспечивающие при госпитализации гарантии для больных и для их семей, а также для врачей и юристов, недобровольная госпитализация рассматривается большинством как нарушение прав человека. Лица, подвергшиеся недобровольной госпитализации и с ней несогласные, имеют право сделать обращение с просьбой о *habeas corpus* (английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности), об их освобождении и рассмотрении вопроса о законности госпитализации. По закону заявление об освобождении может быть провозглашено от имени третьего лица, которое считает, что ограничение свободы было незаконным. С данным заявлением обращаются в суд, который должен решить, проведена ли госпитализация с должным соблюдением закона. Причем этот вопрос должен решаться судом незамедлительно, независимо от формы, в которой представлена жалоба. Медицинские учреждения обязаны представлять эти жалобы на рассмотрение суда немедленно.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что защита прав пациентов является приоритетом в совершенствовании международных норм и национального законодательства в области здравоохранения. Данный приоритет декларирован Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и направлен на защиту пациентов с психическими расстройствами[9].

В Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) дано определение здоровью, как состоянию полного физического, душевного и социального благополучия (а не только отсутствие болезней и физических дефектов). Таким образом, целью программных документов ВОЗ является побуждение государств – членов ВОЗ принять конкретные меры, направленные на защиту прав лиц, которым оказывается медицинская помощь без их согласия[10].

Развитие правовой базы Республики Казахстан в области охраны здоровья, также должно идти по пути принятия специальных законодательных актов, отвечающих международным стандартам для решения проблем, связанных с защитой прав пациентов при оказании им медицинской помощи.

Список использованной литературы:

1. Алма-Атинская декларация по первичной медико-санитарной помощи (12 сентября 1978 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30354910
2. Жаппарова А.С. Международные и национальные механизмы защиты прав человека в сфере здравоохранения. Соотношение норм международного и национального права в сфере защиты прав человека // <https://kze.docdat.com/docs/2781/index-204688.html>
3. Международный альянс организаций пациентов (МАОП). Декларация о медицинской помощи, ориентированной на пациента 2005г. www.patientsorganizations.org/
4. Джакартская декларация о приоритетах охраны здоровья в XXI веке. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). 21-25 июля 1997 г. www.who.int/hpr/NPH/docs/jakarta_declaration_en.pdf.
5. Позиционный документ: медсестры и права человека. Международный совет медицинских сестер // www.icn.ch/pshumrights.htm
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010755
7. Хартия о праве на здоровье. Международный союз юристов. Генеральная Ассамблея МСЮ 31 августа 2005 г. www.uiagnet.org/documents/quia/resolutions/Sante4GB.pdf.
8. Лиссабонская Декларация о правах пациента (принята 34-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Лиссабон, Португалия сентябрь/октябрь 1981) // <http://www.med-pravo.ru/Ethics/LisbonDecl.htm>
9. Основные международные правовые инструменты по защите прав лиц с психическими расстройствами // https://studme.org/159024/pravo/osnovnye_mezhdunarodnye_pravovye_instrumenty_zaschite_prav_psihicheskimi_rasstroystvami
10. Комплексный план действий в области психического здоровья на период 2013–2020 гг. Официальный сайт ВОЗ. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru/>

Серикова Л. С.,

З.Ғ.М., оқытушы

І.Жансүгіров атындағы Жетісу университеті,

Талдықорған қ.

E-mail: ss_laura@mail.ru

Жубайбекова Э.,

І.Жансүгіров атындағы Жетісу университеті,

«құқықтану» мамандығының 4 курс студенті,

Талдықорған қ.

E-mail: eldana0215@mail.ru

ЕУРОПА ЕЛДЕРІНІҢ ҚОРШАҒАН ОРТАНЫ ҚОРҒАУ САЛАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ

Түйін. Бұл ғылыми мақалада Еуропа елдерінің қоршаған ортаны қорғау саласындағы құқықтық тәжірибесі, отандық заңнамалармен арақатынасы, айырмашылықтары қарастырылған. Экологиялық құқықбұзушылық үшін жауапкершілік табиғи ресурстарды тиімді пайдалану және қоршаған ортаны қорғау бойынша заңнамалар талаптарын орындауды қамтамасыз етудің негізгі құралдарының бірі ретінде қызмет етеді.

Түйінді сөздер: экология, санкция, қоршаған орта, табиғи қор, әкімшілік жауапкершілік, азаматтық жауапкершілік, қылмыстық жауапкершілік.

Резюме. В данной научной статье рассматривается правовой опыт Европейских стран в области охраны окружающей среды, взаимосвязь и различия с отечественными законодательствами. Ответственность за экологические правонарушения является одним из основных инструментов обеспечения соблюдения требований законодательства о рациональном использовании природных ресурсов и охране окружающей среды.

Ключевые слова: экология, санкция, окружающая среда, природный ресурс административная ответственность, гражданская ответственность, уголовная ответственность.

Summary. This scientific article examines the legal experience of European countries in the field of environmental protection, the relationship and differences with domestic legislation. Responsibility for environmental offenses is one of the main tools for ensuring compliance with the requirements of legislation on the rational use of natural resources and environmental protection.

Key words: ecology, sanction, environment, natural resource administrative liability, civil liability, criminal liability.

Экономикалық дамыған мемлекеттерде заманауи ҚОҚ туралы заңды қарастыруды кешенді заңдарды қабылдаудан бастады. Мысалы, ҚОҚ туралы заң (Швеция, 1969 жыл), Табиғатты қорғау туралы заң (Франция, 1976 ж) және Табиғатты қорғау және ландшафтты жоспарлау туралы заң (ГФР, 1976 ж) және тағы басқалары [1,281].

Қоршаған орта құқығының тарихи дамуы жергілікті деңгейден басталды. Судың, ауаның ластану мәселелері негізінен санитарлық заңдармен немесе денсаулық сақтау заңдарымен жергілікті өзін өзі басқару органдарының актілерді қабылдауы шеңберінде шешілді.

ЕО елдерінің қоршаған орта құқығының негізі мінездемесінде олардың ерекшелігін ескеру қажет. Ол ұлттық заңдар, тәуелді актілер, құқықтық негіздерімен қатар ЕО мүшелерінің шешімі мен ережелері. ЕО келісім шартта экология төңірегіндегі нақты міндеттемелер көрсетілген. Мысалы, 130 R бабында Римдік келісім шартта келесі міндеттер тұр:

- қоршаған ортаның сапасын сақтау, қорғау;
- Табиғи қорларды тиімді және есеппен қолдануды қамтамасыз ету.

1992 жылы Маастрихте қол қойылған ЕО туралы келісім шарт көрсетілген тапсырмаларды орындауда төрт негізгі қағиданы қолдануды талап етеді:

- Қоршаған ортаға зиян келтірмеуді ескерту;
- Ластануды «құбырдың аяқ жағынан» емес, негізінен бақылау;
- Ластаушы ақы төлейді.

ЕО елдерінде экологиялық саясат жүргізу және қаржыландыру негізіне ластанудың әр түріне стандарттар орнату жолымен жеткен қоршаған ортаның сапалы күйі қағидасы қойылған.

Бұл стандарттарға өту тиісті салық саясатымен қамтамасыз етіледі, ол жазалаушы және қарапайым ынталандыру сипаттар, датацияны қолдану, жеңілдікпен несие беру, тәжірибеге ластанудың сауда жүйелерін енгізу немесе нормативтік және нормативтен тыс деңгейдегі төлемдер, айыппұлдар.

Экономикадан тыс тетіктердің қатарына өндіріске тікелей тыйым салу жатады, яғни өндірісті жабу туралы әкімшілік шешім және қылмыстық жауапкершілікке тарту. Еуропалық экология саясатының негізгі әкімшілік құралдары нормативтік актілермен конвенция және директива құжаттары, сонымен бірге регламенттер болып табылады.

Сонымен қатар екінші құқыққа жататын ЕО директивалары экономикалық саясаттың ең маңызды құралы болып табылады.

Маңызды актілердің бірі болып табылатындар: «Кеңес директивасы 85/337/ЕЭК 1985 жылдың 27 маусымынан, кейбір мемлекеттік және жеке жобалардың қоршаған ортаға әсерін бағалау және Кеңес Регламенті ЕЭК 1210/90 1990 жылдың 7 мамырынан» қошаған орта Еуропа агенттігін бекіту туралы, сонымен бірге еуропалық ақпарат желілері және қоршаған ортаны бақылау, жеке алғанда 85/337/ЕЭК кеңес директивасында ЕО экономикалық факторларды және азаматтық қоғамды қоршаған ортаны қорғауға тартуы көрінеді. ЕО қоршаған ортаны қорғау заңында оның талаптарының бұзылуына әкімшілік, қылмыстық және азаматтық құқықтық жауапкершілігі қаралған.

Қоршаған ортаны ластауға тыйым салу мүмкін емес, себебі кез келген табиғатты қолдануға байланысты іс әрекет ластануға әкеледі. Бірақ ластану деңгейін бақылауға болады және ол қажетті. Бұл үшін ауаның ластануына салық енгізу қарастырылған. Салық салу жүйесі бірнеше елдерде жұмыс істейді, мысалы, Германияда біраз уақыттан бастап ауаны ластау салығы барлық ластаушы өндіріс орнына салынады. Нидерландыда бұндай жүйе он жыл бойы жұмыс істеп келеді, ал Францияда алпысыншы жылдарда басталған.

ЕО әрбір елдерінде әкімшілік айыппұлмен жазаланатын бұзушылықтардың меншікті құқықтық нормалары бар, сонымен қатар бұл санкцияларды әкімшілік және сот жүзінде қудалау нормалары бар, айыппұлдардың жалпы элементтері бар, әрбір бақылау – қадағалау органдарымен есепке алыну керек. Әкімшілік қаржылай санкциялар жүйесі басқа да саясат құралдары сияқты нақты, әділетті, ашық ережелерді, ретті және ыңғайлы қолданылуын талап етеді, ол айыппұл төлеуінің бақылауына теңдесті [2,319].

Б. Макрори өзінің «Нормативті әділеттілік. Санкциялардың нәтижелілігі» атты есебінде әкімшілік құқық доктринасына сүйенеді. Ол Біріккен Королдік құқық қолданылуын реттейтін органдар Кодексіне салынған. Бұл кодекс бақылау – қадағалау органдарының міндетін көрсетеді:

1. құқық қолдану саясатын жариялау;
2. әкімшілік санкцияларды салу және ашық есептеумен қамтамасыз ету;
3. ол мақсатты болған кезде құқық қолдану нәтижелерін бағалау;
4. қызметтің қарқынын ғана емес, нәтижесін өлшеу керек.

«Экология туралы жауапкершілік» (ЭЖД 2004/35/ЕО) директиваларында қорғалатын мекен ету ортасы мен түрлеріне жағалаудағы, жерасты суларға және топырақтың ластануына залал тигізгені үшін жауапкершілік ескерілген. ЭЖД тек қана маңызды экологиялық залалды қамтиды, оған келесі анықтама беріледі: «егер оның «қолайлы қорғау жағдайына жету және қолдау үшін маңызды қолайсыз салдарлары болса, қорғаудағы табиғи мекен ету ортасы мен түрлеріне тигізген залал орнын өтеуге жатады» ».

Директиваға сәйкес, егер экологиялық залал әлі келтірілмеген болса, бірақ қауіп төніп тұрса, онда құзырлы органдар залалдың алдын алу үшін керекті шараларды қолдануды талап ету керек немесе өз алдына осындай шаралар қолдану қажет. Егер экологиялық залал келтірілген болса, құзырлы орган қоршаған ортаны қалпына келтіруге қажетті шараларды қолдануды талап ету керек немесе өз алдына мұндай шараларды қолданып, олардың құнын операторлардан төлеттіріп алады.

ЭЖД сәйкес, оператордан өздері қабылдаған қалпына келтіру шаралары мен құнын өтеуді тек қана мемлекеттік органдардың талап ету құқығы бар. Кері әсері тиген экологиялық залал келтірілген немесе тиюі мүмкін жеке тұлғалар мен қоғамдық топтардың құзырлы органдардан шаралар қолдану туралы өтініш сұрауға құқығы бар. Егер шаралар туралы өтінішпен ілеспе ақпарат экологиялық залал туралы фактіні растаса, онда мемлекеттік орган өтінішті қарастыруға міндетті және өтініш берушіге қабылданған шешім туралы ақпарат беру керек. Қоғамдық топтар құзырлы органдардың шараларды қолдану туралы өтінішіне берген жауабын қайта қарауы туралы сотқа шағымдануға құқықтары бар.

СРГ ПДООС Хатшылығы дайындаған құжатта көптеген ЕО мемлекеттерінде табиғи ресурстарға келтірілген залалдың өтелімі деп, мемлекетке жауапты тараптың төлейтін ақшалай санкциясы емес, жауапты тараптың қалпына келтіру шараларын қабылдауы немесе мемлекеттен ластануды жоюға шыққан шығынды орнына келтіру деп көрсетілген.

Көптеген жағдайда талап етілген өтелімнің есептеу өлшемінің екі әдісі қолданылады:

– Залалды ақша есебімен анықтау;

– Зиянды өтеу үшін қажетті табиғи ресурстарды қалпына келтіру деңгейінің жеткіліктілігін анықтау (ақшалай емес, нақты) [3, 45].

ЕО елдерінде экологиялық залал екінші әдіспен бағаланады. Демек, залалданған ресурстардың қалпына келтірудегі қажеттілігі бағаланады (мысалы, мекен ету ортасының ауданы, түрлерінің саны). Басты себеп табиғи ресурстарға келтірілген залалдардың ақшалай бағалымы субъективті және болжамсыз болуында, ал ластынуды жоюдың техникалық нормативтері құзырлы органдармен анықталуы және де жеткілікті түрде ашық, тұрақты, болжамды болуы мүмкін.

Еуропада ҚОҚ саласында бизнес пен мемлекет арасындағы қатынасты және энергиялық тиімділік бойынша қолданатын басты қағида «ластаушы төлейді», ол ластаушы компания қоршаған ортаға әсер ету деңгейіне жету үшін мемлекеттік органдар бекіткен шығындарды өтеуінде болып табылады.

Еуропа ҚОҚ әсер ету үшін төлемдердің әртүрлі схемаларын қолдануда үлкен тәжірибе жинақтады. 1985 жылы Францияда үлкен электр станцияларында, қоқыс өртейтін зауыттарда ауаға шығарылған бір тонна ластайтын заттарға 150 франк есебімен ірі өнеркәсіптік кәсіпорындарда қолданылатын ластауға ақы төлеу енгізілді.

Төлемді енгізудің негізгі мақсаты қаражат жинақтау болды. Ол атмосфералық ауаның мониторинг жүйесін жетілдіруге қажет, дегенмен, бұл шара тікелей мақсатқа қаржы қорын жинақтау арқылы жетті. Бұл жүйенің негізгі кемшілігі лақтыруларды төмендетуге қызығушылықтың жоқтығы болды.

ЕО жұмыс істейтін әрбір мемлекет ерікті келісім шеңберінде кәсіпорындар үшін қызықтыру жүйелерін даярлайды. Олар технологиялық инновацияны қолдауға, энерготиімділікті көтермелеу арқылы бу газдарының лақтыруларын қысқартуға бағытталған, сонымен бірге қызықтыру жүйесі жаңа кәсіпорын аймақтары мен жұмыс орындарын құруға мүмкіндік жасайды.

Бұл ретте өндірістік кәсіпорын энерготиімділік жабдықтарына немесе таза технологияны енгізуге инвестициядан жартылай компенсация ала алады.

Жоғарыда көрсетілген авторларға сүйене отырып, Нидерландыда шыны өндірісіне заманауи технологияны енгізгені үшін табысқа 44% дейін салықты төмендетуге болады, масалы, жылудан шығатын газдарды қазандық арқылы жою немесе электр түтікшелерін қолдану арқылы тазалау салықты 15% төмендетіп табысқа жеткізеді [4, 150].

Еуропалық заңмен және қоғам мен табиғаттың өзара әрекеттесу тәжірибесімен танысуға деген үлкен қызығушылық тек қазақстандық және еуропалық құқықты салыстырып қана қоймай, сонымен қатар маңызды және нәтижелі тәжірибемен алмасу тұрғысынан да өте маңызды.

Сонымен қатар, ҚОҚ мен табиғатты пайдалану әрекерінің интернационализациялану мөлшеріне қарай ұлттық зыңнаманың гармонизация үрдісі жүзеге асып келеді.

Экологиялық заңнаманы жетілдіру үкімет үшін өзіне пайда көретін сфера болып табылады, яғни қосымша «жасыл» экономикаға көшуге бағытталған фискалды және басқа да шараларға ішкі реформаны жүргізуді бастау.

Мысалы, көміртектің лақтыруларын шектеу және жаңартылған құрылымдардан энергиямен қамтамасыз ету мөлшерін анықтайтын жоспарлы көрсеткіштерді орнату. Бұл ұлттық деңгейдегі жалпы энергетика құрылымында энергетика саласына қаржы салатын инвесторларға белгі ретінде қызмет көрсетеді [5, 42].

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Директива 2004/35/ЕС Европейского парламента и Совета от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности по предотвращению и устранению экологического ущерба».
2. Экологическая ответственность за причинение ущерба природных ресурсам в странах ОЭСР: Концепция и ключевые подходы. <http://www.oecd.org/dataoecd/47/19/42751493.pdf>
3. Современная экологическая политика. <http://www.greensalvation>.
4. Гусев А.А., Гусев А.А. Международные стратегические приоритеты Европейского Союза в области экологической политики и охраны окружающей среды. <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit31.html>
5. Fact Sheets on the European Union, Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009 – P.298

Адибаева А. К.,
доктор PhD, ст. преподаватель
КазУМОиМЯ имени Абылай Хана,
кафедра международного права
г.Алматы, Республика Казахстан
email: ka_alina84@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НАКАЗУЕМЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ В СОВЕРШЕНИИ ГЕНОЦИДА ПО КОНВЕНЦИИ ООН 1948 ГОДА В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ

Түйін. Мақалада геноцид қылмысының “қысқартылған құрамын” 1948 жылғы геноцид туралы БҰҰ Конвенциясына қатысушы мемлекеттердің Қылмыстық кодекстеріне енгізу қажеттілігін негіздеуге арналған.

Түйінді сөздер: БҰҰ Конвенциясы, геноцид, қысқартылған құрам, қылмыстық кодекстер, трибуналдар.

Резюме. Статья посвящена обоснованию необходимости включения так называемых «усеченных составов» преступления геноцида в уголовные кодексы государств-участников Конвенции ООН о геноциде 1948 года.

Ключевые слова: Конвенция ООН, геноцид, усеченные составы, уголовные кодексы, трибуналы.

Summary. The article is devoted to the justification of the need to include the so-called “truncated elements” of the crime of genocide in the criminal codes of the States parties to the UN Convention on Genocide of 1948.

Key words: UN Convention, genocide, truncated constitutions, criminal codes, tribunals.

В рамках ООН при почти единогласной поддержке государств-членов 9 декабря 1948 года была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (в английской версии: Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide), которая вступила в юридическую силу 12 января 1951 года.

12 января 2015 года исполнилось 65 лет с момента введения в действие рассматриваемого международного договора. Сегодня его участниками являются 150 государств и среди них практически все постсоветские республики, включая Азербайджан, Молдову, Казахстан, Россию и других.

И, кстати, пока последним государством, присоединившимся к Конвенции в мае 2019 года, является Доминика.

Уголовные законодательства большинства государств-участников Конвенции признают и закрепляют в качестве приоритетной задачи защиту общечеловеческих ценностей. В этой связи имплементация положений документа ООН 1948 года должна служить юридической основой для развития и совершенствования национального уголовного права.

Одним из путей повышения эффективности Конвенции является выполнение государствами-участниками своих обязательств по приведению внутренних законодательств в соответствие с ее нормами. В данном аспекте можно говорить, например, о необходимости признания в уголовных кодексах противоправности наказуемых форм участия в совершении геноцида.

Анализ ст. III Конвенции ООН о геноциде согласно ст. III Конвенции уголовно наказуемыми является не только собственно «а) геноцид», но и:

- « b) заговор с целью совершения геноцида;
- c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- d) покушение на совершение геноцида;
- e) соучастие в геноциде» [1].

Эти нормы были воспроизведены в ст. 4 (2,3) Устава Международного трибунала для преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1 января 1991 года, в ст. 2 (2,3) Устава Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних

государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года, а также частично (без указания форм участия соучастия) в ст.6 Римского Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года. Тем самым, включая указанные статьи в свои Уставы, разработчики этих учредительных актов гарантировали, что международные судебные учреждения не только будут руководствоваться определением геноцида, закрепленным в Конвенции 1948 года, но и имеют юрисдикцию по всем уже общепризнанным формам участия в нем, перечисленным в ст. III Конвенции. В частности, сказанное согласно мнения британского проф. У.А.Шабаса подтверждается тем, что геноцид, пожалуй, единственное преступление в пределах уставов (специальных трибуналов ООН), в котором начальные формы (по терминологии казахстанского уголовного права «усеченные составы») преступлений являются наказуемыми вообще [2, с.179]. Отсюда следует, что нормы Конвенции и положения учредительных актов трибуналов в этой части взаимодополняемы.

Геноцид (п. а) ст. III) как наказуемое деяние требует отдельного рассмотрения. В данной статье мы акцентируем внимание на формах не имплементированных в уголовные законы большинства государств – участников Конвенции.

Заговор с целью совершения геноцида (п. б) ст. III) во многих судебных решениях МТР, в частности в Решении Судебной камеры трибунала «по делу Нахимана и др.» от 3 декабря 2003 года определяется как «соглашение между двумя и более людьми, чтобы совершить преступление геноцида» [3]. Следовательно, он есть определяющий элемент данного вида участия в преступлении [4]. Согласно Решению Судебной камеры «по делу Мусема» от 27 января 2000 года вина рассматриваемого деяния «опирается на согласованное намерение совершить геноцид» [5]. Соглашение не должно иметь характер некоего формального или специального договора и может быть выведено судом из скоординированных действий людей, которые имеют общую цель и действуют в пределах объединенной структуры, – отмечается в том же Решении Судебной камеры МТР «по делу Нахимана и др.» [6]. В нем же сделан акцент на том, что коалиция, даже неофициальная, может составить такую структуру, пока действующие в ее пределах лица знают о существовании такой коалиции, об их участии в ней и о ее роли в содействии достижения общей цели [7]. При этом заговор – длящееся преступление, имеющее соответственно продолжающийся характер и достигающее кульминации в совершении предусмотренных им действий [8]. В рамках Решения Судебной камеры МТР «по делу Нийитечека» от 16 мая 2003 года подчеркивается, что заговор с целью совершить геноцид сам по себе является оконченным преступлением с момента составления такого заговора и наказуем даже в том случае, если само преступление геноцида не было фактически совершено [9].

Прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида (п. «с») ст. III Конвенции) один из современных исследователей юридической природы преступления У.А. Шабас называет как форму «наказуемого соучастия, определяемого как «соучастие» в том случае, когда другой человек совершает преступление непосредственно» [10, с.182]. Далее он пишет: «более нестандартным является криминализация подстрекательства даже в отсутствии непосредственного совершения преступления» [11], и «чтобы сосредоточиться на профилактическом значении запрещения геноцида, разработчики Конвенции о геноциде 1948 г. решили объявить наказуемым начальное», т.е. усеченное «преступление «прямого и публичного подстрекательства» [12]. Оно есть «международное преступление даже в отсутствии доказательства, что геноцид был фактически совершен в результате подстрекательства» [13]. В судебной деятельности МТБЮ данное наказуемое деяние практически не рассматривалось в отличие от МТР. По этому поводу тот же У.А. Шабас отмечал: «поскольку геноцид был фактически совершен в Руанде, судебное преследование за «прямое и публичное подстрекательство» может казаться не соответствующим» [14] и «те, кто произносил речи или иначе убеждал других совершать геноцид, публично или конфиденциально, являются виновными в соучастии, которое охвачено статьями 2 (3) (е) и 6 (1) Устава МТР» [15]. Исходя из вышеизложенного «многие из решений судебных камер, казалось, путали начальную форму подстрекательства с подстрекательством как формой соучастия, и решения обвиняют исполнителей «прямого и публичного подстрекательства» после заключения, что геноцид был фактически совершен» [16]. Однако несмотря на такую оценку судьи МТР в ряде вынесенных решений (в частности, это: Решение Судебной камеры «по делу Акаезу» от 2 сентября 1998 г., пар.562; Решение Судебной камеры «по делу Ругиу» от 1 июня 2000 г., пар. 16; Решение Судебной камеры «по делу Нийитегека» от 16 мая 2003 г., пар.431) делали оговорки, согласно которым прямое и публичное подстрекательство к геноциду не должно быть успешным и для установления вины не требуется устанавливать причинной связи между подстрекательством к геноциду и актом геноцида. Более детально

об этом говорится в Решении Судебной камеры «по делу Нахимана и др.» от 3 декабря 2003 года [17], в рамках которого также высокопоставленные сотрудники руандийских средств массовой информации, как Фердинанд Нахиман, Жана-Боско Бараягвизы и Хассан Нгеа, вовлеченные в пропаганду геноцида, обвинялись в совершении данного деяния. В ходе судебного разбирательства было установлено, что у названных лиц было «желание... создать своими действиями в умах людей элемент настроения, необходимый для побуждения к совершению такого преступления» [18] и, следовательно, подстрекательская к совершению геноцида, они непосредственно имели специальное намерение осуществить его, «а именно уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [19].

Что касается следующей наказуемой формы участия – *покушения на совершение геноцида* (n.d) ст. III Конвенции), то она не рассматривалась в практике ни МТБЮ, ни МТР.

Соучастие в геноциде, ссылка на которого содержится (в п.е) ст. III Конвенции, накладывается на п.1 ст.7 Устава МТБЮ и п.1 ст.6 Устава МТР. В соответствии с нормой, закрепленной в первом документе, «лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало к планированию, подготовке или совершению преступления, указанного в статьях 2-5 (*напоминаем, что ст.4 Устава посвящена геноциду*) настоящего Устава, несет личную ответственность за это преступление» [20]. Таким образом, это деяние охватывая достаточно большой перечень запрещенных действий, «относится к различным формам «вторичного» участия в преступлении» [21], «не включающих прямое совершение исполнителем преступного акта» [22].

В деятельности как МТР, так и МТБЮ соучастие в геноциде приравнивается к пособничеству и подстрекательству. В этом можно убедиться, ознакомившись, к примеру, с Решением Судебной камеры МТР «по делу Семанза» от 15 мая 2003 года (пар.394) и Постановлением Судебной камеры МТБЮ «по делу Милошевича относительно движения решения об оправдании» от 16 июня 2004 года (пар.297). Позже такая позиция трибуналов была отражена в Решении Апелляционной камеры МТР «по делу Нтакирутимана» от 13 декабря 2004 года (пар.500). По существу критерии пособничества и подстрекательства (в англ. версии – *aiding and abetting*) были определены, кроме предыдущего, и в нескольких иных решениях. Так, в Решении «по делу Семанза» от 15 мая 2003 года Судебная камера МТР подчеркнула, что оба деяния практически всегда рассматриваются вместе и имеют широкую трактовку, указывая на любую форму содействия и поощрения другого лица к совершению преступления [23]. Тем самым они по подразумевают прямой и значительный вклад в совершение преступления [24]. В том же Решении судьи отметили, что подобный вклад может быть выражен в физических действиях, устных заявлениях или даже в присутствии [25]. Присутствие лица, наделенного властными полномочиями, на месте совершения преступления или рядом с ним, может рассматриваться как знак одобрения преступлений, что равнозначно «пособничеству и подстрекательству» [26]. Ранее аналогичный подход был закреплен в Решении Апелляционной камеры МТР «по делу Кайишема и Рузиндана» от 1 июня 2001 года (пар.201-202), позднее в Решении Апелляционной камеры этого же трибунала в рамках упомянутого «дела Нтакирутимана» (пар.788-789). Касаясь обязательного субъективного элемента оба трибунала ООН твердо установили, что лицо, обвиненное в пособничестве и подстрекательстве, может не иметь изначального намерения на совершение геноцида, но должно, по меньшей мере, знать об общем и конкретном намерении исполнителя преступления на осуществление геноцида. В частности, об этом говорится в Решении Судебной камеры МТР «по делу Семанза» (пар.338), а также в большинстве решений Апелляционной камеры МТБЮ (к примеру, в Решении «по делу Крстича» от 19 апреля 2004 года, пар.140; в Решении «по делу Крноелаца» от 17 сентября 2004 года, пар.51; в Решении «по делу Алексосовского» от 24 марта 2000 года, пар.162; в Решении «по делу Васильевича» от 25 февраля 2004 года, пар.102). «По делу Мухимана» Судебная камера МТР установила, что обвиняемый «позволил» одному из боевиков (на языке хуту – *«interahamwe»*) увести женщину, которую тот собирался изнасиловать [27]. Судьи постановили, что данный эпизод говорит о поощрении к совершению преступления со стороны Мухиманы [28].

Рассмотренные наказуемые формы участия в геноциде еще раз указывают на то, что, как и ранее, так и в настоящее время актуальным остается призыв бывшего Верховного Комиссара ООН по правам человека к государствам – участникам выполнять обязательства по Конвенции 1948 года [29, с.2-3]. При этом отдельными авторами в соответствии с новым подходом Международного Суда ООН выявляется, в частности, дифференциация между теми требованиями, за выполнение которых государство-участник должно нести ответственность в связи с невыполнением обязательств по принятию мер,

направленных на предупреждение геноцида (ст. I Конвенции) и требованиями за выполнение которых государство-участник должно нести ответственность за «соучастие в геноциде» (ст. IV (е) Конвенции). На основе подобного подхода суда в науке международного права концептуально обосновывается тезис о том, что ответственность по Конвенции о геноциде 1948 года является ответственностью «за совершение геноцида», а не ответственностью «за неспособность» государств принимать меры по предупреждению геноцида или о наказании за его совершение. Данный тезис согласно мнениям ученых полностью соответствует принципу комплементарности МУС в отношении национальных средств борьбы с актами геноцида.

Учитывая то обстоятельство, что в Конвенции 1948 года геноцид как с точки зрения объекта, так и с объективной стороны складывается как преступление из системы действий, а именно предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности на стадии приготовления (заговора) или покушения, за прямые и публичные призывы (подстрекательства) и соучастие, назрела также необходимость в уголовных кодексах тех государств-участников, в которых они не закреплены, отдельно или дополнительно предусмотреть их в качестве самостоятельных признаков. Эти усеченные составы, а также выделяемые законодательствами некоторых государств иные их модификации по мнениям экспертов, в частности, ХДжи Ван дер Мерве, помогут преодолевать правовые препятствия для эффективного преследования преступников внутри страны. В этой связи автор анализируя до этого отмеченный Закон ЮАР 27 от 2002 года (Закон ICC), принятый во исполнение Римского Статута МУС (ст. 25 (3) (е) этого документа включает в себя преступления прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида), пишет о том, что нужно внести соответствующую поправку и в текст национального нормативно-правового акта. Х.А. Хасан в предлагаемую редакцию статьи о геноциде в УК Ирака считает необходимым включить все противоправные действия: заговор с целью совершения преступления геноцида; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на его совершение и соучастие в нем. Признавая значимость объекта, на который посягает геноцид, а также высокую степень общественной опасности данного преступления Ж.Г. Калишева еще при обсуждении проекта ныне действующего Уголовного кодекса РК обращала внимание на то, что в нем в рамках самостоятельной статьи не предусматривается ответственность за подстрекательство (прямые и публичные призывы) к совершению геноцида соучастие и покушение в нем, как это имеет место в УК ряда стран. Вместе с тем следует отметить, что так как геноцид отнесен УК РК к категории особо тяжких преступлений, то в общем контексте их квалификации, установления меры ответственности и назначения наказания за их совершение порядка его исполнения и погашения судимости, отечественным законодателем в ст. 24 и ст. 31 раздела 1 предусмотрены: приготовление к преступлению, покушение на совершение преступления и совершение преступления группой.

Фактор криминализации преступления геноцида ставит задачу и модернизации национального уголовного закона в целях обеспечения его соответствия с положениями Конвенции. В этой связи недостаточна только юридически формальная адаптация положений Конвенции уголовными кодексами или специальными актами государств-участников. Исходя из требований современной действительности в уголовных кодексах государств-участников, нужно предусмотреть также дополнительно другие наказуемые формы участия («усеченные составы») в совершении геноцида, это не столько заговор, подстрекательство, покушение и соучастие в геноциде, сколько его такая неоконченная форма, как сговор в качестве самостоятельных признаков объективной стороны преступления а также ввести в уголовное законодательство институт ответственности юридических лиц. Дополнительно следует отметить, что суды государств-участников при применении соответствующих статей уголовных кодексов должны будут руководствоваться прецедентным правом международных уголовных трибуналов.

Список использованной литературы:

1. Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года // <http://tass.ru/info/2577607>
2. William A. Shabas. Problems of International Codification – Were the Atrocities in Cambodia and Kosovo Genocide? *New England Law Review*. – 2006. – Vol.35: 2, P. 179.
3. Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры “по делу Нахимана и др.” от 3 декабря 2003 года, пар. 1041.
4. Там же. пар. 1042.
5. Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры “по делу Мусема.” от 27 января 2000 года, пар. 192.

6. Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры “по делу Нахимана и др.” от 3 декабря 2003 года, пар. 1045.
7. Там же. пар. 1047.
8. Там же. пар. 1044.
9. Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры “по делу Нийитечека” от 16 мая 2003 года, пар. 423.
10. William A. Shabas. Op.sit. – P. 182.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Международный уголовный трибунал по Руанде. Решение Судебной камеры «по делу Нахимана и др.» от 3 декабря 2003 года, пар. 1007, 1013, 1015, 1029.
18. Там же. пар. 1001.
19. Там же.
20. Устав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии от 23 мая 1993 года // Действующее международное право. Документы в 2-х т. – Т. II. – М.: Междунар. Отношения, Юрайт – Издат, 2007. – С. 301 (768с.).
21. William A. Shabas. Op.sit. – P. 183.
22. Дмитриевский С. Геноцид (гл. 14) // Вестник Международного уголовного правосудия // URL: <http://www.mup-info.com/>
23. Дадуани Т.Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида: автореф. ... канд. юрид. наук: – М., 2012.- с.9.
24. Там же. С.10.
25. HJ van der Merwe. The Prosecution of Incitement to Genocide in South Africa // PER/PELJ, 2013. Volume 16, №5. – P.356. (P. 328-614).
26. Ibid. P. 331, 356.
27. Хасан Х.А. Преступления геноцида в Ираке: проблемы уголовной ответственности. Дисс.канд. юрид. наук. – М., 2015. – с. 79.
28. Калишева Ж.Г. Уголовная ответственность за международные преступления в проекте Нового Уголовного кодекса Республики Казахстан // Право и государство. – 2013. – №3. – С.49-50.
29. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года. – Алматы: ЮРИСТ, 2015. – С. 16, 18. (208 с.).

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚТА МҮШЕ-МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ ЗАҢНАМАЛАРЫН ҮЙЛЕСТІРУ МЕН БІРІЗДЕНДІРУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Түйін. Мақалада Еуразиялық экономикалық одақ шеңберінде заңнамаларды үйлестіру мен біріздендіруге қатысты атқарылып жатқан жұмыстар қарастырылады. Сонымен қатар, мақалада Одаққа шеңберінде жасалған үйлестіру мен біріздендіру саласындағы келісімдер де қарастырылады.

Түйінді сөздер: Еуразиялық экономикалық одақ, үйлестіру, біріздендіру, интеграция, мүше-мемлекеттер.

Резюме. В статье рассматривается работа по гармонизации и унификации законодательств в рамках Евразийского экономического союза. Кроме того, в статье рассматриваются соглашения в области гармонизации и унификации, заключенные в рамках Союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, гармонизация, унификация, интеграция, государства-члены.

Summary. The article deals with the work on harmonization and unification of legislation within the framework of the Eurasian economic union. In addition, the article discusses agreements in the field of harmonization and unification concluded within the framework of the Union.

Key words: Eurasian economic union, harmonization, unification, integration, member states.

Интеграция – дамыған мемлекеттерді қоса алғанда дамушы мемлекеттерді де тарта отырып, жүзеге асырылатын саясаттың бір бөлігіне айналған құбылыс. Еуропалық одақтың негізін қалаушылар біздің заманымыздың алғашқы маңызды аймақтық орталығының пайда болуына маңызды үлес қосты. Сондықтан бұл күш-жігер көптеген жылдар бойы әмбебаптылыққа бағытталған қозғалысты қамтамасыз етті.

2015 жылдың 1 қаңтарынан бастап Армения Республикасының, Беларусь Республикасының, Қазақстан Республикасының және Ресей Федерациясының азаматтары Еуразиялық экономикалық одақ (бұдан әрі -ЕАЭО) жағдайында өмір сүре және жұмыс істей бастады. ЕАЭО-дан біздің үмітіміз зор екені сөзсіз.

Күшейіп келе жатқан экономикалық жаһандану процессі мемлекеттерді ЕАЭО-ның басты мақсаты ретінде тауарлардың, көрсетілетін қызметтердің, капиталдың және жұмыс күшінің еркін қозғалысын қамтамасыз ететін экономикалық қатынастарды реттеудің бірыңғай қағидаларын жасауға мәжбүрледі. Сонымен бірге, бүгінгі таңда біздің ойымызша ЕАЭО-ның дамуында белгісіздік бар. Сол себептен ЕАЭО шеңберіндегі біздің өзара қарым-қатынастарымыздың нысанын анықтап, Одақтың екінші ТМД-ға айналуына жол бермеуіміз қажет. Әлемдік экономикадағы дағдарыс құбылыстары мен сырттан туындайтын сын-қатерлер ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің экономикаларына теріс әсер етуде. Ал бұл өз кезегінде сыртқы және жағымсыз көрсеткіштердің өзара сауда қатынастарының нашарлауына әсер етуде. Сондықтан, Одаққа мүше-мемлекеттер үшін өзара алдын-ала әрекет ету, қалыптасқан жағдайлармен келеспей және оларды өзгерту арқылы ЕАЭО үшін даму және өсу көздері мен факторларын құру маңызды.

2015 жылы 16 сәуірде Санкт-Петербургтегі «Еуразиялық экономикалық перспектива» III-халықаралық форумда Беларусь Республикасы Ұлттық жиналысы кеңесі Төрағасы М.В. Мясникович ұсынғандай [1], олар ЕАЭО-ның даму және өсу көздері мен факторлары бірнеше:

Біріншісі – заңнаманы біріздендіру (унификация) және үйлестіру (гармонизация). Бұл жұмыстың басты мақсаттары – құқықтық реттеудің (біріздендірудің) және ұқсас (салыстырмалы) нормативтік құқықтық реттеудің (үйлестірудің) бірдей тетіктерін белгілеу.

Біріздендіру мен үйлестіру ұғымдары 2014 жылғы 30 қазанда қабылданған Еуразиялық экономикалық одақ туралы шартта берілген [2]. Осы Шартқа сәйкес «заңнаманы үйлестіру» – мүше мемлекеттердің жекелеген салаларда ұқсас (салыстырмалы) нормативтік құқықтық реттеуді белгілеуге бағытталған заңнамасын жақындастыру болса, «заңнаманы біріздендіру» – осы Шартта айқындалған жекелеген салаларда құқықтық реттеудің бірдей тетіктерін белгілеуге бағытталған мүше мемлекеттердің заңнамасын жақындастыру.

Шарт заңнаманы үйлестіру мен біріздендіруді жүргізу талап етілетін салаларды (мысалы, техникалық реттеу, валюталық саясат, банктік реттеу, салықтар, бағалы қағаздар нарықтары, энергетикалық ресурстар, көлік қызметтері және т.б.) айқындайды. Сонымен қатар, онда оларды аяқтаудың уақыт шектері және үйлестіру жөніндегі жұмыс нәтижелерін бағалау үшін нақты критерийлер толығымен айқындалмаған. Сондықтан біріздендіру мен үйлестіру іс жүзінде Одаққа мүше мемлекеттердің ізгі ниеті деп айтуға болады. Біздің жағдайымызда біріздендірілген және үйлестірілген нормаларды жедел құрудың жалғыз тәсілі мемлекеттердің, соның ішінде олардың парламенттерінің тығыз ынтымақтастығы болып табылады.

Осыған байланысты, М.В. Мясникович ұсынғандай [1], келесі жолдарды атап өтуге болады:

– ынтымақтастықтың бағыттарын іске асыру, заңнаманы «сындарлы» салаларда біріздендіру және үндестіру бойынша ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің бірінші кезектегі іс-қимылдарының жиынтық жоспарын қалыптастыру және оны мемлекет басшылары деңгейіндегі Жоғары Еуразиялық экономикалық Кеңестің бекітуіне ұсыну;

– Шарттың бірқатар ережелерін іске асыру 2025 жылға дейінгі кезеңге кейінге қалдырылғандығына байланысты ЕАЭО құру туралы Шарттың ережелерін іске асыруды қамтамасыз ететін қатысушы елдердің заң жобаларын әзірлеуді жеделдету.

Екіншісі – өзара саудадағы бар кедергілерді тез арада жою, үшінші елдердің нарықтарына бірлесіп шығу үшін күш-жігерді біріктіру, сондай-ақ тауарлар қозғалысындағы «алып қоюлар» мен «шектеулерді» толық жою.

«Алып тастауларсыз» және «шектеулерсіз» ортақ нарықты құруды тезірек ұйымдасқан түрде шешілуі керек, сондай-ақ өзара саудадағы кедергілер заңнамалық деңгейде жойылуы керек. Мүше мемлекеттердің ұстанымдарын келісу барысында «422 алып тастаудың» тізімі жасалды. Бірақ ЕАЭО туралы шартта тек оның 71 ғана алынды. Қалғандары белсенді түрде жойылуы керек. Бұдан басқа, 290 жуық «кедергілер», «алып қоюлар» мен «шектеулер» бар, олар бойынша қосымша зерделеу жүргізілуге тиіс.

Үшіншісі – келешекте бірыңғай өнеркәсіптік және агроөнеркәсіптік саясатқа жедел көшу, өнеркәсіптік кооперацияны дамыту, Одақ ішінде де, одан тыс жерлерде де бірлескен инвестициялық жобаларды іске асыру жөнінде келісілген шаралар қабылдау. Бұл жерде өнеркәсіптік кешен ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің экономикаларын дамытудың негізі болып табылатыны ескеруіміз қажет.

Төртіншісі – ұлттық органдардың, Еуразиялық экономикалық комиссияның және бизнес-қоғамдастықтың жоғарыда аталған мәселелер бойынша өзара іс-қимылының түсінікті жүйесін құру.

Ең бастысы, ЕАЭО шеңберіндегі мүше-мемлекеттердің келісімдері Одақтың мүше-мемлекеттерінің заңнамалары нормаларын үйлестіру және біріздендіру құралы ретінде де пайдаланылуы мүмкін. Бұл ретте бұндай келісімдер өз мазмұны бойынша аралас сипатта болуы мүмкін. Кейбір жағдайларда ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің негіздемелік келісімдері жекелеген құқық институты шеңберінде нормаларды үйлестіру және біріздендіру функциясын бір мезгілде орындай алады.

ЕАЭО қызмет етуі барысында күшіне енген 5781 құжат, оның ішінде:

- 1) 1 бірыңғай кодекс – ЕАЭО Кеден кодексі;
- 2) 49 техникалық регламент;
- 3) Жоғары Еуразиялық экономикалық кеңестің 260 актісі;
- 4) Еуразиялық үкіметаралық кеңестің 152 актісі;
- 5) Еуразиялық экономикалық комиссияның 4272 актісі қабылданды [3].

Аталған актілер кедендік ынтымақтастық, техникалық реттеу, ішкі нарық, энергетика, сауда, макроэкономика мен интеграция, қаржылық саясат секілді салаларда құқықтық үйлестіру мен біріздендіруге айтарлықтай әсер етті.

ЕАЭО-да заңдылық пен құқықтық тәртіптің бірыңғай кеңістігін құруға деген ұмтылыс Еуразиялық экономикалық комиссияның [4] жыл сайынғы қорытынды құжаттарында да, сол сияқты соңғы жылы ЕАЭО органдарында өткен Кеңестердің кең Күн тәртібінде де айқын байқалатын Еуропалық даму жолы бар.

ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің заңнамасын үйлестіру жөніндегі жұмыстағы соңғы маңызды табыстардың ішінде мыналарды атап өтуге болады:

- Қаржы нарығы саласындағы заңнамасын үйлестіру туралы Келісім (2018 ж.);
- Ұжымдық негізде авторлық және сабақтас құқықтарды басқару тәртібі туралы Келісім (2017 ж.).

2018 жылдан бастап Еуразиялық экономикалық комиссиясы жаһандық сын-тегеуріндерді ескере отырып, дамудың жаңа парадигмасын әзірлеуде. Зерттеу нәтижелері 2020-2021 жылдардағы интеграцияның жаңа тұжырымдамасын қабылдау үшін негіз болуға тиіс.

Еуразиялық экономикалық комиссия Алқасының Төрағасы Тигран Саркисянның пікірінше, ЕАЭО шеңберіндегі Жаңартылған парадигмада жария және жеке заңнаманы үйлестіру мен біріздендіруге бағытталған бағыт дамудың маңызды бағыты болып қала береді [5]. ЕАЭО-дағы жеке-құқықтық заңнама нормаларын үйлестіру мен біріздендірудің неғұрлым маңызды 5 бағыты мыналар болып табылады:

- корпоративтік құқық;
- зияткерлік меншік құқығы;
- отбасы құқығы;
- басқа бағыттар.

Мемлекеттердің неғұрлым серпінді дамып келе жатқан ЕАЭО жекеше-құқықтық заңнаманы үйлестіру мен біріздендіруге мәселелері Еуропалық одақ мәселелерімен бірдей деп айтуға болады. Мұның себептеріне тараптардың – ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің жоғары саяси ерік-жігерінің болмауын (келісу рәсіміне жұмсалатын уақыт шығындары), сондай-ақ ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің жекелеген заңнама институттарын құқықтық реттеудегі елеулі айырмашылықты жатқызуға болады.

ЕАЭО осындай типтегі мемлекеттердің неғұрлым жас бірлестігі ретінде соңғы жылдары әмбебаптылық жолымен қозғалысын жалғастыруда. Осылайша, ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің заңнамасын үйлестіру мен біріздендірудің 2-ші кезеңіне іс жүзінде кірісті, ол жариялы түрде жекелеген салалардың институттарын ғана емес, сондай-ақ осы мемлекеттердің жеке құқықтарын да қозғайды [6, с.127.].

ЕЭК аппаратының ықшамдылығының арқасында одақ ЕАЭО ішінде де, сол сияқты бірлестіктен тыс жерлерде де қазіргі заманғы халықаралық күн тәртібінде туындайтын келіспеушіліктерді тиімді еңсеруге қол жеткізді.

ЕАЭО-ға мүше-мемлекеттердің жеке-құқықтық заңнамасын одан әрі жақындастыру үшін Еуразияда жеке құқықты үйлестіру жөніндегі халықаралық ұйым құру мүмкіндігін қарау ұсынылады.

Бірақ, ЕАЭО-тың ортақ нарық шеңберінде экономикалық ынтымақтастықты, жеке-құқықтық қатынастарлы жеңілдету және ынталандыру мақсатында құқықтық қатынастарды үйлестіру мен біріздендіру бойынша ЕАЭО-та бүгінгі күнге дейін дерлік ешқандай ортақ құжат қабылданбағанын атап өтуіміз қажет.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. По материалам Пленарного заседания третьего международного форума «Евразийская экономическая перспектива» в Санкт-Петербурге, 16 апреля 2015 г. // Проблемы современной экономики, 2015. – №3 (55). – С. 8-9. [Электронный ресурс] URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5462>
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 1 октября 2019 года) [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/420205962>
3. Евразийский экономический союз. Правовой портал. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru>
4. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза 2018 год // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: [Электронный ресурс] URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Pages/.aspx
5. Тигран Саркисян: «Нам необходимо осуществлять гармонизацию законодательства на нашем пространстве» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕЭК. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/04-02-2019-1.aspx>
6. Власов А.А., Мальгинов Е.А. Унификация и гармонизация частноправового законодательства в государствах членах Евразийского экономического союза // Ученые труды РААН. – 2018. – №1(48). – С. 124-127.

THE NETIQUETTE: THE MATTER OF ONLINE MANNERS IN THE EDUCATION PROCESS

Түйін. Бұл мақалада виртуалды әлемнің неттикетіне негізделген принциптер мен нормалар талқыланады. Университет пен қоғам арасындағы сапалы қарым-қатынасты қамтамасыз ету, мекеме қызметінің мазмұны туралы ақпарат тарату үшін заманауи электронды технологиялар қолданылады. Киберкеңістік дегеніміз – бұл виртуалды ортадағы ақпараттық белсенділік пен өзара әрекеттесу мәдениеті, цифрлық ақпаратты қолдану және қабылдау мәдениеті. Нетикет – неологизм, оны Интернеттің жазылмаған этикасы деп анықтауға болады. Нетикетке сүйену – бұл адамға топтық әсер ету әдістерінің бірі, ал егер адам шынайы өмірде немесе кибер кеңістікте қалғысы келсе, қоғамдық пікір бұл тежегіш рөлін атқарады. Осы мақалада кейбір өмірлік нормалар талқыланады.

Түйінді сөздер: нетикет, онлайн білім, компьютерлік сауаттылық, педагогика.

Резюме. В статье рассматриваются принципы и нормы, лежащие в основе нетикета виртуального мира. Для обеспечения качественной коммуникации между ВУЗом и общества, для распространения информации о содержании деятельности учреждения используются современные электронные технологии. Под киберпространством понимается культура информационной активности и взаимодействия в виртуальной среде, культура потребления и восприятия цифровой информации. Нетикет – неологизм, который можно определить как неписаную этику Интернета. Следование нетикету – один из методов группового воздействия на человека, а общественное мнение действует как сдерживающий фактор, если человек хочет остаться в реальной жизни или в киберпространстве. Некоторые жизненно важные нормы обсуждаются в этой статье.

Ключевые слова: нетикет, онлайн образование, компьютерная грамотность, педагогика.

Summary. The article examines the principles and norms underlying the netiquette of the virtual world. To ensure a high-quality communication between the institution of education and society, to disseminate information about the content of the institution's activities, modern electronic technology is used. Cyberspace is understood as a culture of information activity and interaction in the virtual environment, a culture of consumption and perception of digital information. Netiquette a neologism that can be defined as the unwritten ethics of the Web. Following netiquette is one of the methods of group influence on an individual, and public opinion acts as a deterrent if an individual wants to stay in real life or cyberspace. Some vital norms are discussed in this paper.

Key words: netiquette, online education, computer literacy, pedagogy.

Introduction.

The regulation of human behavior and communication permeates the entire history of mankind [1]. Etiquette – is a set of rules of conduct that regulate the external manifestation of human relationships: dealing with other individuals, forms of treatment and greetings, behavior in public places, manners and clothing. Etiquette is an integral part of the external culture of a person and society. Each society develops its own system of values and has its own criteria for proper behavior.

The culture of students' everyday life is a set of social connections, relationships, as well as a complex of social, cultural norms, rules that regulate the behavior of students and allow them to interact with other individuals. Etiquette in interpersonal communication of students largely reflects the internal culture of a student, its moral, intellectual and emotional intelligence [2]. The ability to behave correctly in student society is very important: it facilitates the establishment of contacts, promotes mutual understanding, and creates good, stable relationships [3].

Student etiquette is expressed in a steady desire to preserve one's own dignity without humiliating the dignity of another; respect his individuality, tolerance to other parties. Student age is precisely characterized by the desire to independently and actively choose one or another lifestyle. Consequently, university education is

a powerful factor in the socialization of a student's personality, and this process of socialization is carried out in the course of the very life of students and university teachers.

A powerful socializing and educational impact on the personality of a student is exerted by the student environment itself, especially by the student group. The behavior of people in a group has its own specifics in comparison with individual behavior. There is bilateral unification, an increase in the similarity of the behavior of group members due to the formation and subordination of group norms and values, conformism, submission to authority, and an increase in the ability to exert one's own reciprocal influence on the group [4]. The student group is undergoing dynamic processes of structuring, forming and changing interpersonal (emotional and business) relationships, distributing group roles and nominating leaders. All these group processes have a strong influence on the personality of the student, on the success of his educational activities and professional development.

Like any society, a student develops a specific system of behavioral patterns that they have adopted, approved, cultivated and expected from everyone in the corresponding situation. The existence and acceptance of norms is evidenced by the unambiguous response of others to an act of someone that differs from the behavior of everyone else [5]. The range of student norms is extremely wide – from patterns of behavior during class to the rules of politeness in the student group.

It should be noted that etiquette requirements are not absolute: compliance with them depends on place, time and circumstances. Behavior that is unacceptable in one place may be appropriate in another place under different circumstances. Student etiquette also differs under different circumstances. It consists of:

1. Communication during the session presupposes the most tense problematic environment, which conditions the rallying of students for a more fruitful implementation of educational activities. The etiquette of this time period generates both mutual assistance between students during exams, and joy for the success of fellow students.

2. Communication during classes takes place in the presence of a university teacher, and therefore it is rather restrained. Despite this, communication between students does not stop. Moreover, in the student environment, it is considered appropriate to conduct various dialogues in the classroom on topics that both coincide and do not coincide with the topics of the lecture.

3. Communication at breaks gives more opportunities for interaction. Such gaps between individuals are given to take a break from classes, and students move freely around the classroom and interact. During a break, it is considered appropriate to joke, have conversations on various topics, talk on the phone, etc.

4. Communication in free time is characterized as the most relaxed type of student interaction. For such communication, the student chooses people with whom he will most enjoy spending time. In their free time, students take a break from classes, work, and household activities. As a result, this time is characterized by minimal regulation of both behavior and interpersonal communication.

5. Communication in cyberspace requires different attention as students' perception and personality differs from the real (offline) life.

Computer literacy for students and university teachers.

Each institution of higher education has a charter and is a subject of legal relations. The charter of an educational institution is the main document that regulates the activities of the University. It must indicate university general policy, strategy, ethics for both students and staff.

In a modern university, the role of the teacher is increasing, the range of one's psychological and pedagogical impact on students is expanding. A teacher is no longer only a conductor of knowledge and information, he must be a teacher, psychologist, psychotherapist with computer literacy skills [6].

The teacher's readiness for innovative activities in the field of information and communication technologies (ICT) is an internal condition for his professional creative self-realization. In 2020, when the mechanisms for introducing innovations into educational institutions have emerged, pedagogical science has come to the idea of the organic coexistence of modes of functioning and development of traditional and innovative teaching.

To ensure a high-quality communication between the institution of education and society, to disseminate information about the content of the institution's activities, modern electronic technology is used. The phenomenon of innovation and creativity turns into a natural component of the educational process of a developing educational institution. It allows creating a single educational space.

In recent years, globalization has shifted the focus towards openness [7], the formation of new traditions and values, and stereotypes [8-9]. Employees who were unable to change priorities left, the new ones have

raised [11]. The shifts in the corporate culture of the institution began with a change in the organizational climate. It is vital that university teachers are able to use ICT in their work. One of the most important conditions for the success of the informatization of educational and educational processes is the mastering of new forms of work by teachers.

Etiquette in cyberspace.

Cyberspace is a product of the information society, informatization, and the IT industry that provide effective and efficient interaction with the electronic virtual world and in the virtual world [12]. It is an abstract representation of the world.

Cyberspace is understood as a culture of information activity and interaction in the virtual environment, a culture of consumption and perception of digital information. With regard to cyberspace, this is the culture of creating media and media objects, organizing media resources, searching and consuming digital information. The interaction with cyberspace develops human knowledge and culture, while human culture and knowledge optimize this interaction [13]. For the cognitive system, this means that cyberspace, considered in the context of modal logic, allows:

1. to carry out the personal development of educational subjects in a harmonious combination;
2. knowledge and culture;
3. evaluate the state of development of the subject, the level of mind and feeling;
4. to increase the efficiency and safety of interaction with cyberspace in the aspect of achieving the goals of knowledge.

Subjects, leaving for the virtual world, begin to settle down in it, improving it at his own discretion and building his subspace in it. However, subjects are not always aware that any model has feedback. Sometimes, even worse, subjects deliberately commit improper or illicit actions, but this due to the lack of digital culture. As soon as negative changes occur in the virtual world, they immediately manifest themselves with the reproduction in the real world. Therefore, a person's withdrawal from the virtual world is dangerous both for himself and for society.

Netiquette a neologism that combines the English word "network" and the French one "étiquette" (good manners) also can be defined as the unwritten ethics of the Web. Originally described by the Internet Engineering Task Force in 1995 [14].

General rules of netiquette: use respectful language; share data with discretion; don't email large files; respect people's privacy; email with TO, CC, OR BCC; fact check before reposting (information intelligence); update online information; avoid using uppercase and multiple punctuation signs. Along with many communication platforms, the effect of different media channels should be applied properly as it may cause the disruption in the communication process [15].

Online video conferencing is a communication medium and all of its elements should work harmoniously. There are some unwritten rules that are required to be considered by the parties:

1. avoid being late and insist that other participants do the same;
2. notify on commencing session;
3. maintain eye-to-eye contact;
4. avoid interrupting other individuals;
5. speak in a normal voice (do not shout or whisper) at a normal pace;
6. stick to neutral and muted colors (light blues or pastels) in your clothing to help the camera focus better;
7. avoid intricate patterns in clothes and ties, such as pinstripes or stripes;
8. mute microphone when exchanging comments with neighbors while taking break;
9. despite the noise reduction, do not make noise with objects on the table if it does not require so. For example: do not knock on the table with paperwork.
10. don't clutter up graphics: don't overload the information slide, even if you are using a large LCD display, don't put more than 6 lines of text on a slide;
11. use soft pastel colors in the design of materials, use red in a minimal amount only as the most basic accents throughout the presentation

Some states have already adopted the guidelines on the governing bodies [16].

Conclusion.

In cyberspace it is barely able to see the interlocutor's gestures, observe his facial expressions, hear the tone and directly react to his emotions and it is difficult to interpret the interpersonal message. That is why the

written information that we are trying to convey must be very clear and verified. If subjects communicate in cyberspace, then cultural differences can play a great role and some just ignore cyberspace rules. Finally, it is crucial to note that each subject is guided by their own principles and values. The adherence to one point of view and sincere belief in its correctness, does not mean that such are inherent with other subjects. In order to remain an adequate user on the Internet, the general guidelines should be followed.

Following netiquette is one of the methods of group influence on an individual, and public opinion acts as a deterrent if an individual wants to stay in real life or cyberspace. Although in a real social environment and in virtual communication, despite the anonymity of the latter, the norms of etiquette are valid only if each participant in the interaction voluntarily and consciously assumes certain obligations.

Ethics and netiquette are a kind of close moral and ethical principles. The principles and norms underlying the netiquette of the virtual world are not different from the traditional norms of etiquette. The specifics of network communication and Internet communication are based on real life. Along with universal moral and ethical norms and rules of general etiquette, there are a number of specific requirements, rules and norms of netiquette that regulate the communication process and embody social expectations in relation to the behavior of an individual as a member of a certain virtual community. Netiquette is based on the principles of equality, fairness and mutual respect.

Thus, it can be argued that the models of interaction and the mechanisms of their regulation of both Internet communication and real communication by and large coincide with the exception of some features of cyberspace.

References:

1. Lichtheim, Miriam, ed. *Ancient egyptian literature*. Univ of California Press, 2019. pp.59-60
2. Brackett, D., D. Divecha, and R. Stern. "Teaching teenagers to develop their emotional intelligence." *Harvard Business Review* (2015). Accessed November 20, 2020. <https://hbr.org/2015/05/teaching-teenagers-to-develop-their-emotional-intelligence>
3. Thornberg, Robert. "The moral construction of the good pupil embedded in school rules." *Education, citizenship and social justice* 4, no. 3 (2009): 245-261.
4. Lamm, Helmut, and David G. Myers. "Group-induced polarization of attitudes and behavior." In *Advances in experimental social psychology*, vol. 11, pp. 145-195. Academic Press, 1978.
5. Lehman, Joseph. "A brief explanation of the Overton window." *Mackinac Center for Public Policy* (2014). Accessed November 22, 2020. <https://www.mackinac.org/OvertonWindow>
6. Caspersen, Michael E., Judith Gal-Ezer, Andrew McGettrick, and Enrico Nardelli. "Informatics as a fundamental discipline for the 21st century." *Communications of the ACM* 62, no. 4 (2019): 58-58.
7. Wiley, David, T. J. Bliss, and Mary McEwen. "Open educational resources: A review of the literature." In *Handbook of research on educational communications and technology*, pp. 781-789. Springer, New York, NY, 2014.
8. St. Amant, Kirk. "Online education in an age of globalization: Foundational perspectives and practices for technical communication instructors and trainers." *Technical Communication Quarterly* 16, no. 1 (2007): 13-30.
10. Tapscott, Don, and Anthony D. Williams. "Innovating the 21st-century university: It's time." *Educause review* 45, no. 1 (2010): 16-29.
11. Meret, Chiara, Silvia Fioravanti, Michela Iannotta, and Mauro Gatti. "The digital employee experience: Discovering generation Z." In *Digital Technology and Organizational Change*, pp. 241-256. Springer, Cham, 2018.
12. Ning, Huansheng, Xiaozhen Ye, Mohammed Amine Bouras, Dawei Wei, and Mahmoud Daneshmand. "General cyberspace: Cyberspace and cyber-enabled spaces." *IEEE Internet of Things Journal* 5, no. 3 (2018): 1843-1856.
13. Kenny, Amanda J. "Interaction in cyberspace: an online focus group." *Journal of Advanced Nursing* 49, no. 4 (2005): 414-422.
14. Hambridge, Sally. "Netiquette guidelines (No. RFC 1855). IETF." (1995).
15. Bissaliyev, Marlen S. "The Effectiveness of Collaboration Tools on Virtual Project Management." *International Journal of Applied Engineering Research* 12, no. 21 (2017): 10747-10755.
16. *Guidelines for Digital Education*. Department of School Education & Literacy Ministry of Human Resource Development Government of India. 2020. Accessed November 20, 2020. https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/pragyata-guidelines_0.pdf

Wang Heyong,
Doctor student
Al-Farabi Kazakh National University
307204815@qq.com
Scientific Supervisor: Tatarinov D. V.,
Candidate of Juridical Sciences,
lecturer of International Law Department
of Faculty of international relations
Al-Farabi Kazakh National University

A STUDY OF AMERICAN LONG-ARM JURISDICTION

Түйін. “Ұзын қол юрисдикциясы” – бұл Америка Құрама Штаттарының “минималды байланыс “теориясына негізделген тұжырымдама, бұл Америка Құрама Штаттарының” әлемдік империя” мәртебесін сақтау үшін басқа елдердің сот егемендігіне қарсы үстемдігінің актісі. Ұзақ мерзімді юрисдикцияны түсіну Үстірт догматикалық түсіндірумен шектелмейді, бірақ оны жаһандық саясаттың перспективасына енгізу керек. Бұл мақала ұзақ қолдардың юрисдикциясын оның эволюциясы, тәсілі мен мәні тұрғысынан қайта құрылымдайды, сайып келгенде, осы мақаланың ұстанымын көрсетеді және адам тағдыры қауымдастығын құруға және локализацияланған Заңның жолын таңдауға қарсы шаралар қолданады.

Түйінді сөздер: ұзақ Қарулы юрисдикция, құқықтық империяның деконструкциясы.

Резюме. «Юрисдикция длинных рук» – это концепция, основанная на теории «минимального контакта «Соединенных Штатов, это акт верховенства права Соединенных Штатов против судебного суверенитета других стран для сохранения своего статуса «мировой империи». Понимание длиннорукой юрисдикции не может ограничиваться поверхностным догматическим толкованием, но должно быть помещено в перспективу глобальной политики. Эта статья деконструирует юрисдикцию длинных рук с точки зрения ее эволюции, способа и сущности, наконец, показывает позицию этой статьи и выдвигает некоторые контрмеры построения сообщества человеческой судьбы и выбора пути локализованного верховенства права.

Ключевые слова: длиннорукая юрисдикция, деконструкция правовой империи.

Summary. “Long-arm jurisdiction” is a concept based on the theory of “the minimum contact “of the United States, is an act of the United States’ rule of law against the judicial sovereignty of other countries to safeguard its “world empire” status. The understanding of long-arm jurisdiction can not be limited to the superficial dogmatic interpretation, but should be placed in the perspective of global politics. This paper deconstructs the long-arm jurisdiction from its evolution, mode and essence, at last, shows the position of this paper, and puts forward some countermeasures of building a community of human destiny and choosing the road of localized rule of law.

Key words: long-arm jurisdiction legal empire deconstruction.

“Man is measure of all things”

Protagoras

INTRODUCTION

Pope Gregory VII launched the famous “Papal revolution” in 1075. This revolution not only made the Pope independent from the monarch, but also established the status of the Pope above the monarch. Gregory VII absorbed the principles of Roman law and formed a system of church law, which brought all clergy and believers under the jurisdiction of church law. In the classical rule of law period of “the rule of sacred law”, Christian civilization in Western Europe formed a pluralistic rule of law order including the blend of religious law, law and customary law. However, Gregory VII’s papal revolution put the church law above the authority of secular law, that is, when there was a conflict between church law and secular law, the effect of church law was higher than that of secular law. In the whole Christian world, “rational, common good oriented, formulated by the Pope (sovereign) and publicly promulgated” church law serves as European public law. The effect of secular law is only limited to the fiefdoms of Lords or kings, and becomes local law. In this pluralistic rule of law order, the Pope has supreme power. When the Pope decides who is “heretic”, he can expel it from the Christian world.

When the transcendental sacred law is gradually replaced by the statutory law containing rational elements, the modern society of rule of law can be established. However, the dark period in history is likely to repeat itself in modern society. For example, the United States arrested Meng Wanzhou without any evidence. This kind of behavior of imposing sanctions on “Huawei” without any evidence and with the conviction that it is a potential threat to itself is completely the logic of medieval religious trial. When the United States declared a country to be a “rogue state”, it actively took measures to exclude it from the international economic order dominated by the United States, which is similar to the Pope’s expulsion of “heresy” from the Christian world in the middle ages. In other words, the internal logic of long-arm jurisdiction is that the United States constructs the whole world into a inquisition with the United States as the Pope through the legal system supported by economy, technology and finance.

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF LONG-ARM JURISDICTION

The emergence of long arm jurisdiction in the United States has profound historical roots. At the beginning of the founding of the United States, it was a political entity built on the foundation of 13 independent states. Although the United States was regarded as a sovereign state in international law, there was a tension between state power and federal power in the United States. Based on historical and economic reasons, there are huge disputes on jurisdiction between States and between the Federation and states, which is the direct reason for the emergence of long-arm jurisdiction.

1. The origin of long-arm jurisdiction

At the time of the founding of the United States, the thirteen states were independent political entities, and their jurisdiction was limited to the citizens of the state and the cases within the territory of the state. Because judicial sovereignty is an important manifestation of sovereignty, in order to protect the Judicial Sovereignty between states from infringement, the Federal Supreme Court established the principle of judicial assistance procedure between states through the “*Pennoyer v. Neff*” case in 1877, that is, if a non-state citizen wants to appear in this state as a defendant, the court of the state where the defendant is located must perform the relevant judicial assistance procedure. Although international practice stipulates the obligation of interested parties to provide judicial assistance, and Article 86 of the <Rome Convention>, which is mainly composed of international treaties and international customs, also proves this point, it should be noted that both the requesting party and the assisting Party are independent sovereign states. Because of the high litigation cost of confrontation and the lengthy judicial assistance procedure, the US Supreme Court derived the principle of “minimum contacts” through the “*International Shoe Co. v. Washington*” case in 1955. The principle of minimum connection means that if a non-local citizen can realize that his activities or gains in this state are likely to be sued in the local court, or the case involves the interests of the state, or it does not violate the concept of fair competition and substantive justice to sue a non-local citizen, then the state court can exercise jurisdiction over the non-local citizen. The independent jurisdiction between states was limited, and the long arm-jurisdiction appeared.

As the principle of minimum connection is absorbed and developed by the States, the scope of long arm jurisdiction is also extended from natural person to enterprise, the scope of application is expanding and the conditions of application are getting lower and lower. In 1963, the <Uniform Interstate and International Procedure Act> enacted by the judicial unification Commission stipulated that: “If the act or omission outside this state make inroads on this state, it also belongs to the jurisdiction of long-arm.” Long-arm jurisdiction has gained legitimacy and justifiability in American domestic law.

2. Internationalization of long-arm jurisdiction

Long-arm jurisdiction has gained legitimacy in the United States. Restricting the jurisdiction of a state belongs to the internal law and order of the U.S.A. However, the United States gradually applies the long-arm jurisdiction to the international community and extends the jurisdiction to the whole international community, which is contrary to the principle of “sovereign equality” in international law.

The internationalization of long-arm jurisdiction has experienced the long-term efforts of the United States, one of the most important is the promulgation of the <Foreign Corrupt Practices Act>. In the 1970s, American media frequently exposed scandals about American companies’ bribery and trading power for money abroad, such as the “banana gate” incident and the “Lockheed company’s bribery of the Japanese government” incident, etc. In order to recover its moral image in the international market, the U.S. government urgently needs to curb the overseas corruption of American companies by legal means, so as to save its moral image. In order to punish overseas corruption, the United States must upgrade the <Foreign Corrupt Practices Act> to the level of international law. The United States first adopted the <Foreign Corrupt Practices Act> on General Assembly of the

United Nations and the International Chamber of Commerce, trying to obtain the power of extraterritorial application of American law through its huge judiciary and judicial action capacity, but it has not been recognized. In 1997, the United States internationalized the overseas <Foreign Corrupt Practices Act> through the Organization for Economic Cooperation and Development, America's long-arm jurisdiction leaps out of its own territory, and extends to any country, corporation or individual associated with the United States.

3. Strong evidence acquisition capability to implement long-arm jurisdiction

"The purpose of modern criminal law is to prosecute those who are believed to have committed crimes, not to punish them, unless they are proved guilty". Therefore, the practice of long arm jurisdiction requires the prosecution organ to obtain relevant evidence as the premise.

In the Internet age, the acquisition of evidence means that law enforcement agencies must have strong information and data collection capabilities. Because in the era of data, everything, even the abstract value and character of person can be expressed in the form of data. As the number one power of the Internet, the United States is facing two constraints in the collection of evidence. First of all, the law enforcement agencies of the United States should not infringe upon the privacy and freedom of communication of its citizens. The preamble of the U.S. <Constitution> clearly points out the protection of individual rights of citizens, and the United States passed <The Privacy Act> in 1974 to protect citizens' privacy from illegal infringement. Secondly, in order to prevent individual rights from being infringed by public power, "the information and intelligence among the CIA, DHS, the Department of justice, the Department of finance, the financial regulatory agency, the immigration administration and other agencies are relatively independent and blocked from each other", which sets another obstacle for the U.S. law enforcement agencies to collect evidence.

However, the "9.11" terrorist incident provides an opportunity for the US government to break the two restrictions. In 2001, the United States passed the <Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001>. The administrative law enforcement agency of the United States not only established the information-sharing mechanism among law enforcement agencies, but also suspended <The Privacy Act> in reality: First of all, American law enforcement agencies can use "suspected terrorism" as an excuse to legally collect information from anyone's correspondence, telephone, e-mail and other records by using the exception provisions in <The Privacy Act>; Secondly, it breaks the pattern of independence between law enforcement agencies in the past and establishes an information sharing mechanism among all law enforcement agencies, which greatly enhances the information collection ability of law enforcement agencies in the United States.

If the <Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001> is a bill to deal with the threat of terrorism and protect national interests, it also has a certain legitimacy. The <The Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act> passed by the United States in 2018 is entirely serves the realization of its jurisdiction on a global scale. In 2018, the Trump government stipulated in section 102 of the <Consolidated Funding Proposals 2018> that: "timely access to electronic data held by communication service providers is the core measure of the government to protect public security and combat serious crimes." And "the <Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act> confirms that: According to the order issued by the <Electronic Communications Privacy Act> of the United States to the technology companies under its jurisdiction, government agencies can obtain the data owned, kept or controlled by the company, no matter where the data is stored." This means that as long as there is enough contact with the United States, whether the company is listed in the United States, or traded in US dollars, or the server is in the United States, it all falls into the jurisdiction of the United States. The information protection provided by the laws of other countries cannot be the judicial defense for refusing to provide information to the United States government. So far, the United States has built a global data Empire, which can freely access all information and data that are not conducive to the interests of the United States.

IMPLEMENTATION OF LONG-ARM JURISDICTION

Through a series of bills, the United States has established its jurisdiction in the world, formed a "law's Empire" in which the United States plays the role of kingdom, and established its jurisdiction over the international community on juridical logical level. The importance of proposition lies not in whether it is logically self-consistent, but in its practical effect. To understand the long-arm jurisdiction, we must go deep into the practical way of long-arm jurisdiction.

1. Internal deposition and internal investigation

The implementation of <Foreign Corrupt Practices Act> has established the jurisdiction of the United States in the international scope. Any enterprise legal person within the jurisdiction of the long arm may enter

the examination scope of the U.S. law enforcement agencies because of “corruption” and “fraud”. The US Department of justice and the securities and Exchange Commission issued the <Guidelines For The Implementation of the Foreign Corrupt Practices Act>, which has become a treasury of knowledge for transnational enterprises to conduct internal investigations. As the bill is a part of the legal system of the United States, it can only be understood in the context of the United States law, which means that business corporate which have contact with the United States need to hire a U.S. lawyer team to conduct compliance review and risk control. The problem lies in the requirement of “due process principle”: one can’t be one’s own judge, and the compliance of corporate practice depends on the judgment of American lawyer team, as Lord Acton points out in <Essays on Freedom and Power>: “power tends to corrupt, and absolute power corrupts absolutely.” The American lawyer team conducts compliance review on business corporate according to the <Guidelines For The Implementation of the <Foreign Corrupt Practices Act>, but its impartiality cannot be guaranteed. The direct consequence of the employment of the American lawyer team by the enterprise is that the American lawyer team can obtain the qualification of “internal review” of the enterprise. When the American lawyer team enters the enterprise for investigation, they can check all the information records and communications of the enterprise, as a result, the enterprise has no business secrets. The supreme status and power of the American lawyer team depends on the US control over the core technology. When corporate do not cooperate with the American lawyer team during the investigation, the US will take advantage of its own technological and economic advantages to impose sanctions on enterprises, such as “the US imposed sanctions on the ‘ZTE’ case”. If the U.S. lawyer team believes that there are violations within the transnational enterprise, then the enterprise needs to provide a clarification report to the U.S. judiciary. The U.S. lawyer team judges that, which are compliant and which are illegal. The daily review and internal deposition are all undertaken by the U.S. lawyer team.

The position of the American lawyer team is vague. It is neither the defender of the enterprise nor the prosecutor of the American government, and his impartiality cannot be guaranteed. As Plato pointed out in the <Republic>: “the guardian is like a dog, brave to the enemy, kind to friends... Guard his own city.” As American citizens, the American lawyer team must safeguard the interests of the United States on behalf of American citizens, and the “Revolving Door” system in American politics paves the way for lawyers to work in government. When American lawyers enter the law enforcement agencies through the “Revolving Door”, they can investigate or punish the enterprise under investigation. Once American lawyers who participate in internal deposition and internal investigations enter the American political arena through the “revolving door”, the business secrets they collect will be completely mastered by the administrative law enforcement agencies of the United States. In this way, the fate of transnational enterprises will be in the hands of the United States and become puppets at the mercy of the United States.

2. “Rubber stamp” judge: administrative law enforcement agencies lead the settlement agreement

Another way to implement the long-arm jurisdiction is the application of “pre-trial reconciliation procedure” and “plea bargaining”. Both of the two ways greatly reduce the pressure of the court and shorten the litigation process. However, both of them are based on the premise that both parties reach an agreement, otherwise they will enter into the formal proceedings. Freud Feeney pointed out: “the criminal justice experience of the United States shows that, if there is no plea bargaining system in more than 90% of cases, the adversarial litigation system based on the extremely high litigation cost will be in a state of unbearable burden or even on the verge of collapse.” According to statistics, about 95% of the federal cases in the United States are settled through pre-trial conciliation proceedings, such as “Siemens case”, “Alstom case” and “BNPP case”.

American jurist Dworkin pointed out that: “the court is the capital of the law’s Empire, and the judge is the prince of the Empire” in the American judicial system. He just emphasized the supremacy of the Supreme Court in the establishment of legal rules in a metaphorical sense, however, with the advent of the era of popular democracy, “In the post-metaphysical era, the modern rule of law has also stepped down from the value shrine of metaphysics in the Enlightenment era and is becoming a tool of social governance. The autonomous law advocated by the formal rule of law has also begun to turn to the responsive law, and the law has become a tool to respond to and solve social problems. As a result, legal instrumentalism and legal pragmatism have sprung up, which has promoted the transformation of modern form rule of law to post-modern essence rule of law. The rule of law not only means to restrict the state power, but also means to give the state the power to promote social development.” In the global “law’s Empire” constructed by the United States, the real princes are not judges, but administrative law enforcement agencies and prosecutors. According to the practical experience, a large number of enterprises have been directly punished before they enter the trial procedure, and a few of

them are often solved by the pre-trial conciliation proceeding dominated by prosecutors. After the enterprise submits the clarification report, the U.S. administrative law enforcement agency will use the “Philip factor” standard to review the quality of the report. According to the quality of the report, the U.S. administrative law enforcement agencies will reach “no prosecution agreement”, “deferred prosecution agreement” and “guilty plea agreement” with enterprises respectively. These agreements are completely dominated by the administrative law enforcement agencies of the United States, and are often made directly on the basis of investigation without being reviewed by judges. When the enterprise does not agree to the composition deed, institutes legal proceeding, and enters the judicial process, the high litigation costs and lengthy trial procedures, coupled with the unequal status of the enterprise legal person in the face of the U.S. administrative law enforcement agencies, undoubtedly make the uncertainty of the judgment result greatly enhanced. The long-term litigation drag not only affects the business efficiency of enterprises, but also reduces the image and reputation capital of enterprises. In this case, enterprises are often forced to take the plea bargaining procedure and take the initiative to plead guilty. The system of pre-trial conciliation and plea bargaining emphasizes the leading role of the parties. The judge often intervenes after the agreement is reached. The judge does not need to know the facts of the case, or don’t review the fairness of the agreement in substance. He can only make a conciliation judgment and stamp on the conciliation agreement. The pre-trial conciliation procedure is completely reduced to a drama dominated by prosecutors and administrative law enforcement departments. The role of judges who review the conciliation agreement is weakened. The enterprises restricted by the U.S. government are completely in a weak position and can only be forced to accept the extremely unfair conciliation agreement. The fairness and legitimacy of the judgment are seriously lacking.

THE ESSENCE AND PHILOSOPHICAL CAUSE OF LONG-ARM JURISDICTION

The key reason why the sovereign states in the international community can not do anything about the long-arm jurisdiction of the United States is that the United States controls the global economic system. In other words, the United States has built its own “world empire” around the world. The essence of long arm jurisdiction can only be understood in this context.

1. The essence of long arm jurisdiction

With the advancement of globalization and the governance dilemma of “Nation-State” in the context of globalization, the expression of sovereign state theory in mainstream utterance and the era background of universal imperial political practice, we must transcend the limitation of sovereign state vision in modern sense and think about the possibility of super large political entity—empire. At the end of the cold war, “the reform and opening up of the Soviet Union not only led to the collapse of the socialist camp in Eastern Europe, but also led to the collapse of the Soviet Union, thus ushering in the opportunity for the United States to build a world empire. In the post-Cold War era, the United States perfectly displayed its post-Cold War world order through desert storm operation, that is, the era of world empire in which the United States constructed the New Roman Empire.” In the era of globalization, the market economy almost covers the whole world. The United States has controlled the whole world by means of financial control, intellectual property protection and cultural enlightenment. The United States bypasses the United Nations and the International Chamber of Commerce and adopts the <Foreign Corrupt Practices Act> through the organization for economic cooperation and development, which indicates that the “world empire” led by the United States has been constructed.

With the continuous rise of the European Union, Russia and China, the “New Roman Empire” constructed by the United States is increasingly threatened. In order to enhance the national ability to control the world, the application of long-arm jurisdiction is an important step.

As mentioned above, the key reason why the sovereign states in the international community can not do anything about the long-arm jurisdiction of the United States is that the United States controls the global economic system. The financial and economic empire constructed by the United States using the US dollar needs the support of the legal system. Because the key to the transformation of wealth from tangible to intangible is a set of laws on finance, securities and even intellectual property rights, which constructs the intangible value of capital. Without the support of this legal system, we can not understand why a paper currency can do everything. Max Weber’s discussion on the formal rational law is based on the market transaction system of maintaining abstract wealth. Weber pointed out: “the cause of modern capitalism is mainly based on calculation, and is premised on such a legal and administrative system, that is, the operation of this system, at least in principle, may be rationally predicted through its established general principles, just like the prediction of the operation of machines.” Formal rational law constructs stable expectation, and capital is the value moving in this stable expectation. This expectation needs violence as the backing to ensure its implementation. The

United States has the most powerful military capability in the world, which undoubtedly provides a strong backing for its rule of law skills. As Max Weber said: “without such legal protection, the cause of capitalism is impossible.”

The United States exercises its extraterritorial legal power to open the door for its own capital expansion, at the same time, in order to dispel the resistance, resistance and revolution of the post developed countries to American law, the United States, through the world trade organization, the world bank and other international organizations and American institutions, especially promoting various foundations around these international institutions, provides financial assistance to the post developed countries with corresponding political conditions, including the adoption of the American rule of law system. Even the United States provided a large amount of funds to promote the research of American law in post developed countries, and provided theoretical explanation and policy suggestions for the integration of American law into the local society. This kind of action to build a stable expectation in the world provides social conditions for the operation of American capital in the world.

The United States has extended its legal system to a wide space and time, which provides an institutional framework for the operation of its economic, financial and other intangible capital. It also uses its own strong economic, technological and military strength to maintain the effective operation of the legal system, which provides a guarantee for the implementation of the American legal system—The United States adopts a politically and economically policy of blockade and embargo against countries that do not submit to the legal order of the United States, and excludes them from the trade system dominated by the United States, in the era of globalization, if any country or enterprise is excluded from globalization, it means that this country is deprived of the right of development and even survival in the world. Long-arm jurisdiction has “two sides”: “building an international legal system for capital expansion” and “sanctions whoever resists legal expansion”. In short, the essence of long-arm jurisdiction is the rule of law skill of the United States to maintain the status of the world empire.

2. The philosophical causes of long arm jurisdiction

Thinking about the global order cannot be separated from thinking about the philosophical basis of the global order. Long-arm jurisdiction is the rule of law skill of the United States in governing the world. If we lack the understanding of the internal philosophical basis of long-arm jurisdiction, we will lose the ability of thinking and criticizing long-arm jurisdiction.

In order to reduce the resistance to the implementation of long-arm jurisdiction in the world, the United States actively promotes the concept of the rule of law that appears to be “freedom and equality”. However, the concept of “freedom” promoted by the United States itself contains a sense of war, which forms the philosophical basis of long-arm jurisdiction—“subjective philosophy”. Because in western philosophy, freedom is understood as the free action that people take under the consciousness of freedom, and they are encouraged by desire to achieve their goals by all means. Under the control of passion, this kind of action will inevitably lead to a state of war, based on this, the “master personality” with strong desire for power is different from the timid “slave personality”. From Hobbes to Montesquieu, western thinkers have always advocated freedom and equality. Whether it is Hobbes’ absolute monarchy, Montesquieu’s constitutional monarchy, or Rousseau’s Republic, they all take independent and equal free man as the prerequisite. To obtain freedom, people need to win or be equal in the war. Those who are greedy for life and afraid of death or defeated in the war can only be “slaves” engaged in labor. The “master personality” needs to establish a country equally according to the contract to end the state of war, while the “slave personality” can be achieved just by conquest. The philosophical logic of long-arm jurisdiction is “subjective philosophy”, that is, the relationship between the “master personality” is equal and has equal international law qualification, “slave personality” can only be the object of domination. This philosophy formed the “internal” and “external” sides of the “New Roman Empire” of the United States: internally, equal subjects or countries subject to the interests of the United States were free and equal; externally, they were sanctioned with extraterritorial legal power.

Long-arm jurisdiction is the legal expression of the “subjective philosophy” of the United States. The countries that share the common values of the United States, obey the interests of the United States, and recognize each other in the struggle are civilized countries with equal status in international law, countries that threaten the status of the United States and have different interests from the United States are the targets of sanctions under long-arm jurisdiction. The United States has built a “New Roman Empire” all over the world, in other words, the United States is the only country with a master personality, in the logic of “subjective philosophy”, the United States, relying on its huge law enforcement agencies and powerful scientific, technological and military forces, has the philosophical legitimacy to rule the whole country on the edge of the empire by means of civilized “legal technology”— long-arm jurisdiction.

CRITICISM ON LONG-AEM JURISDICTION AND COUNTERMEASURES

The long-arm jurisdiction of the United States is a rule of law skill to consolidate its world empire status. In order to maintain judicial sovereignty, we must clarify the illegality of the long-arm jurisdiction of the United States and specify specific strategies.

1. On the illegality of long arm jurisdiction

First, the long-arm jurisdiction of the United States seriously violates the “principle of sovereign equality” in international law. The “sovereign equality of States” is an important principle of traditional international law. “Equality is an extension of the foundation of international law.” the <Charter of the United Nations> solemnly declared in the preamble that: “to reaffirm in the equal rights of nations large and small”, and it is determined in Articles 1, 2 and 78. The reason why the principle of sovereign equality is so important is that the international community is a society full of sovereign states. All States are independent sovereigns. They need to respect each other’s sovereignty and communicate equally, otherwise they will fall into a state of war, as stipulated in the <Charter of the United Nations> in the principle of sovereign equality—“respect for the principle of equal rights is for strengthening universal peace.” The United States uses the principle of “minimum contact” to bring any country, enterprise and individual that has contact with the United States into its jurisdiction, ignores the jurisdiction restriction of “territorial principle” and “principle of personal jurisdiction”, and uses its own advantages in science and technology to avoid the restriction of “international judiciary assistance” in collecting evidence, thus placing the United States Court in the position of the International Court of justice, which ride on the judicial sovereignty of other countries. It is a serious violation of the “principle of sovereign equality” in international law. Moreover, the long-arm jurisdiction of the United States may lead to resistance and revolution of the infringed country, thus endangering world peace.

Second, the long-arm jurisdiction of the United States violates the principles of “due process” and “exclusionary principle of illegally obtained evidence”. First of all, the principle of “due process” means that when administrative law enforcement agencies take actions that affect the rights and interests of the opposite party, they must follow the due process. The most important form is that—nobody can be a judge in his own case. As pointed out above, both internal deposition and internal investigation are carried out by the administrative law enforcement agencies and the lawyer team of the United States, and the composition deed is completely dominated by the administrative law enforcement agencies. The judges become the “rubber stamp”, and the administrative law enforcement agencies become the virtual judges, that is, they become the judges of their own cases, which violates the “principle of due process”. Secondly, the <Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001> and the <Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act> issued by the United States guarantee that the administrative law enforcement agencies of the United States can obtain data evidence in the world, and give the administrative law enforcement agencies the legitimacy to obtain evidence. However, the United States ignores the legal provisions of other countries on the protection of data sovereignty, and by virtue of its advanced Internet technology obtain data in other countries without permission, so the means are illegal. For example, “the U.S. v. five soldiers case” seriously violated Article 52 of the <Criminal Procedure Law of The People’s Republic of China>: “it is strictly prohibited to extort confessions by torture and collect evidence by threatening, luring, deceiving and other illegal means.” And when the United States uses the advantage of root server to access other countries’ network data, it often evades the provisions of international law on “international judiciary assistance” and suspends international law. Whether from the perspective of domestic law or from the perspective of international law, the behavior of the United States to obtain data evidence lacks legitimacy.

2. Coping strategies of long-arm jurisdiction

The long-arm jurisdiction of the United States is the rule of law skill for the United States to maintain its world empire. After understanding the essence of the long-arm jurisdiction, we can no longer romantically legalize and govern politics, so that we forget that politics is essentially committed to exploring and constructing a valuable, pursuing, believing and ideal common life, thus suffocating the fresh political consciousness and political thought. The “two sides” of long-arm jurisdiction are as follows: first, to bring other countries into the jurisdiction of the United States to maintain the status of the world empire; second, to popularize their own concept of the rule of law to facilitate the expansion of their own capital. The two sides of long-arm jurisdiction can be summarized as “empire problem” and “problem of rule of law road”. The following will put forward countermeasures for the two sides of long-arm jurisdiction.

(1) Transcend “subjective philosophy” and build “community with shared future for mankind”

The construction of “world empire” by the United States is internally driven by “subjective philosophy”,

which does not mean that we need to compete with the United States for the status of world empire, but to rethink the overall fate of mankind and the diversity of human political civilization. There is a long history of thinking about the overall fate of mankind. As early as Plato and Aristotle's conception of "city state", as well as Kant's conception of "permanent peace", and Jaspers's prospect of "socialism, world order and common belief", all provide rich imagination space for the development of mankind's overall destiny. In the era of globalization, we need to learn from the skills and achievements of Western civilization in constructing world order, and to construct community with shared future for mankind with the goal of maintaining world peace and common development. The community of shared future for mankind requires every country to unswervingly follow the path of peaceful development and build a world of lasting peace, universal security, common prosperity, openness, inclusiveness, cleanness and beauty. Countries coexist peacefully and actively participate in world governance as equals, contributing wisdom to human development. The philosophical basis of the community with shared future for mankind is "human's subjective status", which is not "people full of power desire" in "subjective philosophy", but a high-level life with soul, spirit and value pursuit, which can be called "the measure of all things". Only when such citizens get together can the world be diversity and stability, and peace can last forever. Only in this stable world order can the economy develop steadily.

(2) The road of localized rule of law: safeguarding judicial sovereignty

The economic motive of the long-arm jurisdiction of the United States is to establish a stable expected order for the development of the market economy in the world, and to popularize its own rule of law system in the international community, but it is the governance skill of building a stable order within the Empire and preventing other countries from revolting. "The whole discourse system created by the United States serves a political purpose: to use rational, abstract and even neutral academic concepts and theoretical categories to carry out academic disinfection for the United States to promote the political planning of the world empire in the world," thus, the construction of the world empire by the United States is regarded as an objective rational and neutral social development process or an objective historical process. We must see the essence of legal colonization through the phenomenon of the universalization of the concept of "democracy and rule of law" of the United States, and see the consequences of "conflicts, chaos, massacres, riots, separatist regimes, wars and revolutions brought about by the United States' implementation of its concept of rule of law and democratic system in the third world countries".

Law "is the product of history, geography, economy, politics and culture. Different historical and cultural environments and different stages of economic development will form different laws", "the rule of law that is specific and suitable for a country is not a set of abstract principles and rules without background, but involves a knowledge system." The construction of the national legal system must be based on the national conditions, in line with the legal spirit of the country, and in line with the needs of social development. Anything that does not meet the needs of modern society, at least on the whole, needs to be abandoned, and what can be learned is only some specific and individual practices and views. The United States has advanced legal technology and experience, which needs to be used for reference, but not copied. Experience shows that if we ignore the local national spirit and legal spirit and rely on the national coercive force to implement the laws of other countries, even if the laws are fair, we will encounter failure. Even under the background of rule of the United States—the world empire, we will lose judicial sovereignty and become a "Province" of the "law's Empire" of the United States.

CONCLUDING REMARKS

The long-arm jurisdiction of the United States is similar to the religious rights of the pope in the middle ages. As a world empire, the United States is equivalent to the pope in the middle ages. When threatening the U.S. imperialist status or economic interests in the world, the long arm jurisdiction is just like the way of the Pope expelling the "heretical", excluding the state or enterprise legal person from the U.S. dominated world economic system through economic sanctions. Long arm jurisdiction is the rule of law skill of American to govern the world. What we need to do is to recognize the essence of long arm jurisdiction, and actively take strategies to maintain the integrity of our sovereignty and the stability of the world order.

References:

- [1] 【意】托马斯·阿奎那：《论法律》【M】，杨天江【译】，商务印书馆2018年版，pp.1-10.
- [2] Bassiouni. International Extradition, Ch. I, p.35.
- [3] <Consolidated Funding Proposals 2018>, section 102.
- [4] 《Electronic Communications Privacy Act》.
- [5] 【古希腊】柏拉图：《理想国》【M】，黄颖【译】，中国华侨出版社2012年版，p.61-94.

- [6] 【美】弗洛伊德·菲尼、【德】约阿希姆·赫尔曼、岳礼玲：《一个案例、两种制度——美德刑事司法比较》【M】，中国政法大学出版社2006年版，p. 329.
- [7] 【美】罗纳德·德沃金：《法律帝国》【M】，李长青【译】，中国大百科全书出版社1996年版，p. 351.
- [8] 强世功：《从行政法治到政党法治——党法和国法关系的法理学思考》【J】，载《中国法律评论》，Vol. 3(2016)，p. 36.
- [9] 强世功：《中美“关键十年”——“新罗马帝国”与“新的伟大斗争”》【J】，载《东方学刊》，Vol. 3(2020)，p. 2.
- [10] Max Weber, *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*, ed. By Guenther Roth and Claus Wittich, University of California Press, 1978, p.1394.
- [11] 【英】詹宁斯、瓦茨【修订】：《奥本海国际法》【M】，王铁崖【译】，中国大百科全书出版社1995年版，p. 58.
- [12] <Charter of the United Nations>.
- [13] Aristotle, *Politics*, trans. By Benjamin Jowett, Batoche Books Press, 1999.
- [14] 【德】伊曼努尔·康德：《永久和平论》【M】，何兆武【译】，上海人民出版社2005年版，pp.1-2.
- [15] 【德】卡尔·雅斯贝斯：《历史的起源与目标》【M】，魏楚雄、俞新天【译】，华夏出版社1989年版，p. 144.
- [16] 【英】霍布斯：《利维坦》【M】，黎思复、黎廷弼【译】，商务印书馆1985年版，p. 15.
- [17] 【英】尼尔·弗格森：《帝国》【M】，雨珂【译】，中信出版社2012年版，p. 302.
- [18] 【美】塞缪尔·亨廷顿：《变化社会中的政治秩序》【M】，王冠华等【译】，上海人民出版社2008年版，p. 279.
- [19] 【法】孟德斯鸠：《论法的精神》【M】，彭盛【译】，当代世界出版社2008年版，p. 5.
- [20] 苏力：《法治及其本土资源》【M】，中国政法大学出版社2004年版，p. 18.
- [21] <Uniform Interstate and International Procedure Act>.

Фу Тин,
докторант 1-курс кафедры
международного права КазНУ имени аль-Фараби
mail: 331690195@qq.com
Научный руководитель: **Алтаева К. Ж.,**
доктор PhD, доцент кафедры международного права
Факультета международных отношений
КазНУ им. аль-Фараби

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Түйін. Соңғы жылдары халықаралық сауда мен экологиялық мәселелер арасындағы шиеленіс айқын байқалды және қоршаған ортаны қорғаудың ғаламдық толқыны күшейе түсті. Сонымен қатар, бұл халықаралық сауда саласында келіспеушіліктер мен шиеленістерді күшейтті. Халықаралық сауда және экологиялық мәселелер әлем елдерінің үлкен назарын аударуда. Халықаралық сауда мен қоршаған ортаны қорғаудың өзара байланысы туралы тұтас құқықтық ой қалыптастыру үшін мысал ретінде тунецтер мен теңіз тасбақасы асшаяндарының ісін қарастыруға болады.

Түйінді сөздер: халықаралық сауда, қоршаған ортаны қорғау, өзара байланыс, келісілген даму.

Резюме. В последние годы противоречие между международной торговлей и проблемами окружающей среды становится все более заметным, и сопровождающая его волна глобальной защиты окружающей среды усилилась. В то же время она также обострила споры и трения в области международной торговли. Вопросы международной торговли и защиты окружающей среды привлекают большое внимание стран всего мира. На примере таких дел как «Дело о тунце» и «дело о морских креветках- морских черепахах», можно понять и сформировать комплексное правовое мышление о взаимосвязи между международной торговлей и защитой окружающей среды.

Ключевые слова: международная торговля, охрана окружающей среды, взаимосвязь, согласованное развитие.

Summary. In recent years, the tension between international trade and environmental issues has become more pronounced, and the accompanying wave of global environmental protection has intensified. At the same time, it has also exacerbated disputes and tensions between international trade. International trade and environmental issues are attracting great attention from countries around the world. Take the Tuna Case and the Sea Turtle Shrimp Case as examples to provide holistic legal thinking on the relationship between international trade and environmental protection.

Key words: international trade, environmental protection, interconnection, coordinated development.

С точки зрения концепции международной торговли в настоящее время существует два определения торговли: первое: международная торговля – это акт обмена товарами между странами, второе – это сумма внешней торговли разных стран. В исследовании которая стала основой для этой статьи объяснение концепции международной торговли в основном основывается на первом типе, а именно на определении что международная торговля это обмен товарами между странами. Чтобы эффективно устранить препятствия для международной торговли, вызванные различиями в законодательствах о международной торговли разных стран, в рамках Организации Объединенных Наций принята «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров». Эта конвенция применима только к договорам международной купли-продажи товаров. Установление и развитие отношений играют активную роль в продвижении конвенции. По состоянию на 2017 год в этой конвенции приняли участие 85 страны. На практике эта конвенция широко используется для разрешения международных торговых споров.

В последние годы, с постоянным совершенствованием концепции защиты окружающей среды во всем мире, усугубились большие различия о конкретных путях защиты окружающей среды в разных странах и международных организациях. К проблемным областям защиты окружающей среды относятся защита и улучшение среды обитания, экологической среды, рациональное развитие и использование природных ресурсов, предотвращение и контроль за загрязнением окружающей среды и

морей, чтобы окружающая среда соответствовала условиям жизни и способствовало развитию человека. Возьмем, к примеру, «Международную конвенцию по предотвращению загрязнения с судов». Конвенция устанавливает особые условия и стандарты для сброса нефти с судов. Морские перевозки – важнейший вид транспорта в международной торговле. Во время транспортировки могут произойти несчастные случаи, например, утечка топлива с корабля. Возникновение этой неожиданной ситуации неизбежно вызовет загрязнение океана и разрушит морскую экологическую среду. Конвенция эффективно снизила риск загрязнения морской среды.[1, с. 26]

Благодаря анализу дел о тунце, морских креветках и морских черепахах мы можем получить полное юридическое понимание взаимосвязи между международной торговлей и защитой окружающей среды.

Краткое введение в дело о тунце: В октябре 1990 года Соединенные Штаты ввели запрет в соответствии со своим внутренним законодательством, законом о защите морских млекопитающих, запрет на импорт желтоперого тунца из Мексики, включая свежую рыбу и готовые продукты из тунца, на том основании, что Мексика использует большие неводные сети для ловли тунца, которое имеет серьезный негативный эффект на уровень выживания дельфинов. Мексика считала, что запрет на импорт со стороны США нарушает основные условия ГАТТ, и подала жалобу в ГАТТ 6 февраля 1991 года. В сентябре того же года, после тщательного сбора материалов и всестороннего изучения мнений обеих сторон, группа экспертов, созданная ГАТТ, пришла к выводу, что меры, принятые Соединенными Штатами для запрета импорта тунца из Мексики, несовместимы с ГАТТ и принципами недискриминации. Соединенные Штаты не могут обосновывать запрет на импорт тунца основываясь на причинах использования различных методов промысла в двух странах, а также не могут использовать внутреннее законодательство для ограничения производственного процесса за пределами Соединенных Штатов. Дело подняло новую проблему в истории ГАТТ – вопрос защиты окружающей среды и международных торговых отношений, поэтому дело было признано знаковым.

Краткое введение в дело о морских креветках и морских черепахах: Соединенные Штаты приняли поправку к Закону об исчезающих видах, требующую использования изолятора морских черепах (TED) для защиты морских черепах, и сформулировали Раздел 609, запрещающий ввоз в Соединенные Штаты рыбы и креветок, пойманных в сложные сети. Поскольку Индия, Малайзия, Пакистан, Таиланд используют сложные сети, Соединенные Штаты запрещают импорт креветок и продуктов из креветок из вышеуказанных четырех стран. После того, как переговоры были признаны недействительными, орган по урегулированию споров ВТО создал группу экспертов и рассмотрело дело. Оно посчитало, что статья 609 США нарушает правила мировой свободной торговли, и постановило, что Соединенные Штаты проиграли иск. Соединенные Штаты подали апелляцию, и в октябре 1998 года Апелляционный орган выпустил отчет о постановлении, решив, что запрет США был законным, и подтвердил, что закон, принятый Соединенными Штатами по охране окружающей среды, был оправдан.[2, с. 83]

Развитие международной торговли является одним из важных факторов, способствующих быстрому экономическому росту. Неограниченная свободная торговля привела к распространению проблем загрязнения окружающей среды и экологического ущерба на международном уровне и вызвала непоправимые негативные последствия для окружающей среды. Основные проявления противоречия заключаются в следующем:

1. Из-за разного уровня экономического развития в разных странах, чтобы защитить свою окружающую среду, страна неизбежно предпочтет перенос производства экологически загрязняющих продуктов в другие страны, что приведет к переносу и увеличению загрязнения окружающей среды;
2. Уровень производства в развивающихся странах несопоставим. Чтобы получить конкурентное преимущество, развитые страны активно выбирают более низкие экологические стандарты, жертвуют окружающей средой ради развития экономики и выбирают путь «сначала загрязнение, потом управление»;
3. Дефицит ресурсов варьируется от страны к стране, и международная торговля сближает страны. Развитые страны с высокими стандартами защиты окружающей среды импортируют большое количество сырья и первичных продуктов из развивающихся стран, вызывая косвенное разграбление природных ресурсов;
4. Международная торговля неизбежно требует транспортировки на большие расстояния, и процесс транспортировки также оказывает воздействие на окружающую среду, которое нельзя недооценивать. При морских и воздушных перевозках небольшая случайная утечка загрязненных продуктов во время транспортировки серьезно загрязнит окружающую среду.

Международная торговля изменила распределение ресурсов в глобальном масштабе, способствовала экономическому развитию различных стран и оказывает положительное влияние на окружающую среду, которое нельзя игнорировать.

1. Международная торговля не только привела к экономической глобализации, но и способствовала глобальному идеологическому и культурному обмену, углубила осведомленность различных стран об охране окружающей среды и улучшила их возможности и технологии в области защиты окружающей среды

2. Несомненно, международная торговля способствовала повышению экономической мощи различных стран, обеспечила прочную материальную основу для решения экологических проблем в различных странах, активизировала усилия по защите окружающей среды, а корректировка и преобразование производственной структуры также уменьшили загрязнение окружающей среды и ущерб;

3. Международная торговля изменила распределение ресурсов. Это позволяет ресурсам перетекать из богатых районов в районы с дефицитом и улучшает пропускную способность окружающей среды.

В то же время влияние экологических проблем на национальную торговлю одинаково.

Во-первых, вопросы защиты окружающей среды могут способствовать развитию международной торговли. Хорошая окружающая среда обеспечивает лучшую почву для развития международной торговли и предоставляет большое количество высококачественных ресурсов для международной торговли, так что ресурсы в глобальном масштабе эффективно распределяются; страны ввели знаки защиты окружающей среды и стандарты защиты окружающей среды для повышения качества продукции. Эти требования открыли новые возможности для развития международной торговли и повысили международную конкурентоспособность продукции. В мире появится зеленый рынок с экологически чистыми продуктами в качестве ядра.

Во-вторых, проблемы защиты окружающей среды также могут препятствовать развитию международной торговли. По мере обострения экологических проблем страны вместе стремятся к устойчивому развитию, а торговые барьеры и соответствующие законы и постановления по охране окружающей среды неизбежно будут ограничивать международную торговую деятельность.

Окружающая среда и международная торговля не изолированы друг от друга, между ними существует фундаментальная связь. В частности, международная торговля в основном относится к товарным сделкам между странами, а охрана окружающей среды – к конкретным действиям, применяемым странами для защиты окружающей среды. Оба эти действия являются действиями государства. Следовательно, существует разумная возможность “конфликта или единства” между международной торговлей и защитой окружающей среды. Если существует конфликт между международной торговлей и охраной окружающей среды, фактическая эффективность сводится к расширению масштабов международной торговли. Некоторые страны придерживаются принципа верховенства интересов и, не колеблясь, заплатят цену загрязнения окружающей среды.[3, с. 193].

Целью ВТО является постепенное устранение международных торговых барьеров, установленных членами с помощью тарифов, количественных ограничений, законодательства о контроле и других внутренних законодательных и административных мер, а также содействие процессу либерализации торговли. В отличие от традиционного принципа международного права «невмешательства во внутренние дела других стран», он налагает все больше и больше ограничений и вмешивается во внутренние дела государств-членов, особенно в области охраны окружающей среды, что отражает требования и ограничения в отношении правоприменительной практики в области международной свободной торговли и ограничения разрешенных внутренних мер защиты. Ограничения и вмешательство правил ВТО на государства-члены становятся все более заметными в сфере защиты окружающей среды. Так называемые экологические проблемы относятся к «экологическому ущербу и изменениям качества окружающей среды, вызванным естественными изменениями или деятельностью человека, и, как следствие, неблагоприятным воздействием на жизнь и развитие человека». Экологические проблемы тесно связаны со свободной торговлей.

Защита окружающей среды и свободная торговля вызывают все больше и больше международных споров, таких как «Дело о тунце» и «Дело о морских креветках и морских черепахах». Взаимозависимость и совместимость окружающей среды, торговли, экономики и международного права будут и дальше укрепляться. Однако в положениях об охране окружающей среды в системе ВТО отсутствуют эффективные и четкие обязательные нормы, а процедуры несовершенны. Например, с точки зрения

правоприменительной практики при возникновении противоречия между «Генеральным соглашением по тарифам и торговле», и многосторонних природоохранных договоров, государство сталкивается с диллемой, какие нормы приоритетны. В нынешних обстоятельствах лучше применять международные договоры об охране окружающей среды в сочетании с торговыми условиями ВТО. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде четко заявила, что торговые правила ВТО и многосторонние договора об охране окружающей среды могут сосуществовать и дополнять друг друга. Поскольку международные договора об охране окружающей среды являются относительно зрелыми, государства-члены достигли хорошего консенсуса по этому вопросу и часто могут быстро разрешать споры.

Для регулирования отношений между суверенными государствами и другими субъектами, обладающими международной правосубъектностью, международное право является единственным универсальным базисом на основе которых и можно урегулировать споров где затрагиваются как проблемы торговли так и проблемы окружающей среды. Деятельность ВТО имеет незаменимую позицию и ведущую роль в координации и гармоничного развития международной торговли и защиты окружающей среды. В качестве примера возьмем миссию ВТО (ее часть): “Расширение торговли товарами, соблюдение принципов устойчивого развития, а также членство участников, способствующих рациональному использованию мировых ресурсов и защите окружающей среды”. Эти цели отражают защиту международной торговли и окружающей среды международным правом. [4, с. 70]

Список использованной литературы:

1. Шуленина Н.В., Экологическая политика в современном мире: генезис и развитие правовой основы // Вестник РУДН, серия Политология, 2008, № 1 20-29.
2. Чэнь Х., Ли С., Правовые мысли о свободной торговле и охране окружающей среды // Журнал Университета Янчжоу (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2003, № 05 83-85.
3. Водолажская Е.Л., Основные аспекты устойчивого развития экономики промышленных комплексов // Вестник технологического университета. 2012, № 15(23) 193-196 .
4. Лю С., Международно-правовые исследования в области международной торговли и защиты окружающей среды // Современный бизнес. 2020, № 2 70-71.

Негматулла А. О.,
«Халықаралық құқық» мамандығының
2-курс магистранты,
Ғылыми жетекші: PhD докторы.,
доцент Баймагамбетова З.М

СЫРТҚЫ ЕҢБЕК КӨШІ-ҚОНЫН РЕТТЕУДІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Түйін. Мақалада сыртқы еңбек көші-қонын реттеудің халықаралық-құқықтық негіздері анықталып, еңбекші-мигранттардың құқықтарын қорғауды халықаралық-құқықтық реттеудің ерекшеліктері ашылады.

Түйінді сөздер: еңбек көші-қоны, мигранттар, халықаралық стандарттар, құқықтар мен бостандықтар, қорғау, құқықтық мәртебе, конвенция.

Резюме. В статье определены международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции, раскрыты особенности международно-правового регулирования защиты прав трудящихся-мигрантов.

Ключевые слова: трудовая миграция, мигранты, международные стандарты, права и свободы, защита, правовой статус, конвенция.

Summary. The article reviews international legal framework for regulating external labor, and the features of international legal regulation of the protection of the rights of migrant.

Key words: labour migration, migrants, international standards, rights and freedoms, protection, legal status, Convention.

Сыртқы еңбек көші-қонын мемлекеттік реттеудің мақсаты қабылдаушы ел үшін қажетті иммиграция ауқымына қол жеткізу, сондай-ақ қажетті қызметкерлерді таңдау болып табылады. Сыртқы еңбек көші-қонын реттеу екіжақты және көпжақты үкіметаралық келісімдер арқылы жүзеге асырылады.

Т.А. Прудникова өзінің «Международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции» мақаласында: «Жұмыс күшінің халықаралық орын ауыстыруын реттеу мынадай деңгейлерде жүзеге асырылады: елдік, екіжақты өзара іс-қимыл, өңірлік және халықаралық. Елдік деңгейде реттеу мемлекеттің еңбек мигранттарының келуі мен кетуінің оңтайлы шамасына қол жеткізуге бағытталған ынталандыру және шектеу шараларын қолдануды көздейді. Ынталандыру шараларына кірудің және кейіннен жұмысқа орналасудың арнайы жеңілдетілген режимі кіреді және көбінесе жұмыс күшінің ғана емес, капиталдың да, тауарлар мен қызметтердің де қозғалу еркіндігін білдіретін ортақ нарық қалыптасқан интеграциялық бірлестіктер аясында қолданылады»-деп жазады [1]. Менің ойымша, осындай ерекшеліктермен аталған тығыз өзара әрекеттесудің мысалы ретінде НАФТА –ны алуға болады, оның аясында Солтүстік Американың еңбек саласындағы ынтымақтастық туралы келісімі және ЕО бар. Сонымен қатар Еуропалық Одақта 1961 жылғы Еуропалық әлеуметтік хартиясы, 1988 ж., 1991 ж., 1995 ж. қосымша хаттамалармен, 1950 ж. адам құқықтары мен іргелі бостандықтарды қорғау жөніндегі Конвенция, 1972 ж. Әлеуметтік қамсыздандыру туралы Еуропалық конвенция, 1977 ж. еңбекші – мигранттардың құқықтық мәртебесі туралы Еуропалық конвенция бар.

Сыртқы еңбек көші-қонына қойылатын шектеулер:

– қабылдаушы елге кіру және тұру құқықтарын рәсімдеуге байланысты Әкімшілік рәсімдер жиынтығы (визалар, рұқсаттар, шақырулар және т. б.);

– реципиент елдің экономикасына инвестицияларды жүзеге асыратын көшіп келушілерді бірінші кезекте қабылдау;

– еңбекші көшіп келушілердің жұмысқа орналастырғаны үшін баж төлеуі;

– иммигранттардың қабылдаушы елде болу уақытын шектеу;

– көшіп келушілердің еңбегін пайдаланатын кәсіпкерлерге салынатын салық;

– кіруге тыйым салу;

– квоталар-шетелдік қызметкерлердің келуіне сандық шектеулер;

– реэмиграцияны ынталандыру бағдарламалары;

– еңбекші көшіп келушіге қойылатын талаптар: жас шектеуі, денсаулық жағдайы, кәсіби біліктілігі (дипломның болуы, сондай – ақ мамандығы бойынша жұмыс өтілі растайды), Әлеуметтік және саяси шектеулер-қылмыстық қылмыстары үшін сотталған адамдарды, тоталитарлық партиялардың мүшелерін және т. б. жұмысқа орналастыруға тыйым салынады;

– заңсыз көші-қонмен күрес бойынша арнайы шаралар [2].

Жұмысқа орналастыру мақсатындағы көші-қон алғаш рет 80 жыл бұрын халықаралық құқықтық реттеу объектісіне айналды. Содан бері Біріккен Ұлттар Ұйымының қамқорлығымен кәсіби қызметті шыққан елінен тыс жерлерде жүзеге асыратындардың құқықтарын, заңды мүдделерін қорғауға бағытталған бірқатар актілер қабылданды.

Ең маңызды акт комиссия әзірлеген және 1948 жылы БҰҰ Бас Ассамблеясы қабылдаған адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы болды, ол қабылданғаннан бері еңбекші – мигранттар көптеген елдерде ұзақ уақыт бойы орын алған кемсітуден қорғану құқығына ие болды [3].

Жалпыға бірдей декларацияның бірінші және екінші баптарында барлық адамдар еркін және қадір-қасиеті мен құқықтары тең болып туылады және нәсілге, түске қатысты қандай да бір айырмашылықсыз барлық құқықтар мен бостандықтарға ие болуға тиіс деп жарияланады. Азаматтық және саяси құқықтардан басқа, Декларация адамның экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтарын, соның ішінде еңбек құқығын, бірдей жұмыс үшін тең жалақы алу құқығын, кәсіподақтар құру және оларға кіру құқығын, сондай-ақ денсаулық пен әл-ауқатты сақтау үшін қажет өмір сүру деңгейін анықтайды.

60-жылдары 1976 жылы үкіметтер қол қойғаннан кейін «Азаматтық және саяси құқықтарды қорғау туралы халықаралық пакт» және оған қосымша хаттама сияқты құжаттар күшіне енді.

Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіде мигранттар өз мәдениетін сақтау, дінін ұстану және өз тілдерін пайдалану құқығынан айырылмауы керек делінген [4].

Жалпы құжаттардан басқа, БҰҰ мигранттарды жекелеген салаларда кемсітуден қорғауды қамтамасыз ететін нормативтік актілер қабылдады.

1965 жылы «Нәсілдік кемсітушіліктің барлық нысандарын жою туралы Конвенция» қабылданды [5].

Мигранттарды қорғау саласындағы көп жылдық әлемдік тәжірибеге қарамастан, әлі күнге дейін халықаралық деңгейде «мигрант» терминінің әмбебап заңды анықтамасы жоқ. Әртүрлі деңгейдегі халықаралық-құқықтық құжаттарда «еңбекші-мигрант» ұғымының қамтылу дәрежесі бойынша әртүрлі анықтамалар беріледі.

1990 жылғы 18 желтоқсанда Бас Ассамблея БҰҰ арнайы жұмыс тобының он жылдық жұмысының нәтижесі болып табылатын «Барлық еңбекші -мигранттар мен олардың отбасы мүшелерінің құқықтарын қорғау туралы халықаралық конвенцияны» қабылдады.

Конвенция сыртқы еңбек көші-қонының негізгі құқықтарын анықтайды және олардың заңды түрде келгеніне немесе заңсыз келгеніне қарамастан, басқа елде болған барлық уақыт ішінде оларды қорғау қағидаттары мен шараларын қалыптастырады. Мигранттар экономикалық субъектілер ретінде емес, әлеуметтік деп түсіндіріледі.

Конвенцияда шетелде жұмыс істейтін сыртқы еңбек көші-қоны мен олардың отбасы мүшелері қабылдаушы елдің ұлттық заңнамасында да, олардың шыққан елінде де құқықтары жиі бекітілмеген халықтың қорғалмаған бөлігін құрайтынын атап өткен жөн.

1990 жылғы Конвенция белгіленген құжаттары немесе тиісті мәртебесі бар еңбекші-мигранттар мен олардың отбасы мүшелері үшін қосымша құқықтарды көздейді. Бұл құқықтар жұмыс істейтін мемлекеттің аумағында еркін жүруге; қауымдастықтар мен кәсіподақтар құруға; жалдамалы жұмыс мемлекетіндегі саяси құқықтарды пайдалануға (егер бұл мемлекет оларға осындай құқықтар берсе); елдің азаматтарымен білім алуға, тұрғын үйге, әлеуметтік қызметтерге және денсаулық сақтауға, жұмыстан босатудан қорғауға, жұмыссыздық бойынша жәрдемақыларға тең қол жетімділік. Сондай-ақ ақы төленетін қызмет түрін еркін таңдау құқығы (кейбір шектеулермен); ақы төленетін қызмет тоқтатылған жағдайда белгілі бір мерзім ішінде жұмыспен қамту мемлекетінің аумағында қалу құқығы көзделген.

Конвенция оның сақталуы үшін сарапшылардың байқау комитетін құруды көздейді, ол конвенцияның ережелерін іске асыру үшін қабылданған шаралар туралы, оны іске асырудағы қиындықтар туралы және жекелеген елдерге тән көші-қон ағындарының ерекшеліктері туралы мемлекеттердің бағандамаларын қарауға тиіс.

Осы Конвенцияны ратификациялау науқаны шеңберінде және көші-қон проблемаларының жалпы әлемдік маңыздылығын тану ретінде БҰҰ Бас Ассамблеясы 18 желтоқсанды Халықаралық мигрант күні деп жариялады.

1999 жылы БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі комиссиясы мигранттар құқықтары жөніндегі Арнайы баяндамашы лауазымын бекітті. Оның міндеттеріне құжаттары жоқ адамдарды және елдегі заңсыз (реттелмейтін жағдайда) адамдарды қоса алғанда, көшіп-қонушылардың құқықтарын қорғау жолындағы кедергілерді еңсеру жолдары мен құралдарын зерделеу кіреді.

Сыртқы еңбек көші-қоны мәселелерін мемлекетаралық деңгейде реттеу кезінде мемлекеттер арасындағы бейбіт және достық қатынастарды айқындайтын халықаралық құқық қағидаттары да маңызды, оның ішінде:

- мемлекеттер арасындағы дауларды бейбіт жолмен реттеу қағидаты;

- адамдардың халықаралық қозғалысына байланысты екіжақты және көпжақты қатынастар заңдар негізінде жүзеге асырылуы керек деген қағида;

Халықаралық қорғаныс пен көмекке мұқтаж босқындар мен мигранттардың үлкен ағымына қатысты халықаралық ынтымақтастық, ынтымақтастық және ауыртпалықты бөлу принциптері;

- адам құқықтарына, іргелі бостандықтарға және заңның үстемдігіне қатысты мәселелер халықаралық маңызға ие қағидат.

Еңбек құқығын қорғау тек БҰҰ – ның ғана емес, сонымен қатар оның мамандандырылған мекемелерінің да маңызды саласы болып табылады, олардың бірі – Халықаралық еңбек ұйымы (ХЕҰ) [6] және оның негізгі органы-жыл сайын шақырылатын Халықаралық еңбек конференциясы, ол тиісті конвенциялар мен ұсыныстарды әзірлеу және қабылдау арқылы осы саладағы халықаралық стандарттарды белгілейді.

Еңбекші-мигранттардың жағдайын реттеу үшін халықаралық ұйымдар шеңберінде мемлекеттер әзірлеген барлық құқықтық нормалардың ішінде ХЕҰ Конвенциялары мен ұсынымдары неғұрлым толық және жан-жақты болып табылады.

ХЕҰ-ға мүше елдердің үкіметтері өздерінің ұлттық заң шығарушы органдарының қарауына оларды ратификациялау немесе өзге де шаралар қабылдау үшін ХЕҰ конвенциясын ұсынуға міндетті. Конвенциялар оларды ратификациялаған мемлекеттер үшін міндетті сипатқа ие. Бұдан басқа, мемлекеттер Конвенция ережелерін орындау жөнінде елде қабылданған шаралар туралы екі жылда бір рет баяндамалар ұсынуға міндетті. Ратификациялау туралы шешім қабылданбаса да, үкіметтер бұл жағдайда ХЕҰ-ға Конвенцияда қозғалған мәселелер бойынша заңнама мен практиканың жай-күйі туралы хабарлауға міндетті. Конвенцияларға қарағанда неғұрлым нақты аспектілерді қарастыратын ұсынымдар ратификациялауға жатпайды және ресми түрде мемлекеттерге халықаралық міндеттемелер жүктемейді, бірақ көбінесе ұлттық заңдар мен практикада көрініс табады.

ХЕҰ Сарапшылар комитеті конвенциялар мен ұсынымдарды қолдану үшін елдің заңнамасы мен құқық қолдану практикасы оларда бар нормаларға сәйкес келетіндігін қарайды. Ол өз қорытындыларын баяндама нысанында Халықаралық еңбек конференциясының арнайы комитетіне ұсынады, ол осы баяндаманы қарайды және ХЕҰ стандарттарын сақтай отырып, тиісті Үкіметтің өкілімен нақты жағдайды талқылайды.

Қазіргі уақытта еңбек қызметінің барлық салалары бойынша халықаралық нормалардың тұтас жүйесі әзірленді: өндірістік қатынастардан, жұмыспен қамту саясатынан, еңбек жағдайларынан бастап жұмыс орнындағы адам құқықтарын қорғауға және жұмысшылардың, мысалы, мигранттардың ерекше санаттарының құқықтарын қорғауға дейін.

Айта кету керек, шетелдік жұмысшыларды қорғау ХЕҰ-ның 1919 жылы құрылғаннан бері жариалаған негізгі мақсаттарының бірі болды.

Бұл МОТ [7] Жарғысының кіріспесінде көрініс тапты, онда еңбек жағдайларын, оның ішінде шетелде жұмыс істейтін жұмысшылардың мүдделерін қорғау арқылы шұғыл жақсарту қажеттілігі туралы айтылады.

ХЕҰ-ның 1939 жылы қабылдаған осы саладағы алғашқы актілері (жұмысқа орналастыру мақсатындағы көші-қон туралы № 66 Конвенция; Еңбекші-мигранттар туралы № 61 ұсыным және еңбекші-мигранттардың еңбегі саласындағы мемлекетаралық ынтымақтастық туралы № 62 ұсыным) жеткілікті қолдау таппады және күшіне енген жоқ.

ХЕҰ-ның кейбір конвенциялары толығымен мигранттарға арналған. Басқалары жұмысшылардың, соның ішінде мигранттардың әртүрлі еңбек құқықтарын реттейді. Атап айтқанда, олар жұмыспен қамту, еңбек жағдайлары, демалыс, Әлеуметтік қамсыздандыру проблемаларына, жұмысшылардың бірігу құқығына қатысты: жазатайым оқиғаларды өтеу саласындағы теңдік туралы № 19 Конвенция (1925 ж.); мигранттардың зейнетке шығу құқығын сақтау туралы № 48 Конвенция (1935 ж.); Әле-

уметтік қамсыздандырудың ең төменгі нормалары туралы № 102 Конвенция (1952 ж.); Еңбек және жұмыспен қамту саласындағы кемсітушілік туралы № 111 Конвенция (1958 ж.); Әлеуметтік саясаттың негізгі мақсаттары мен нормалары туралы № 117 Конвенция (1962 ж.); жұмыспен қамту саласындағы саясат туралы № 122 Конвенция (1964 ж.).

Көші-қон саласындағы теріс қылықтар туралы және көшіп-қонушы еңбекшілердің мүмкіндіктер мен айналымдардың теңдігін қамтамасыз ету туралы № 143 Конвенция (1975 ж.) [8] «Көшіп-қонушы еңбек» термині «Көшіп-қонатын адамды» білдіреді немесе өз есебінен басқа жұмыс алу мақсатында бір елден екінші елге қоныс аударған және Көшіп-қонушы еңбекші ретінде елге заңды түрде келген кез келген адамды қамтиды» (11-Б.). Бұл анықтама шекара маңындағы аудандардың еңбекшілеріне, әртістерге, теңізшілерге, оқушыларға, шектеулі уақыт кезеңіне арнайы функцияларды немесе міндеттерді орындау үшін елге жіберілген мекемелердің қызметшілеріне қолданылмайды.

Конвенция осы Конвенция күшінде болатын ХЕҰ-ға мүше мемлекеттерді еңбек етуші көшіп-қонушыларға қатысты адамның негізгі құқықтарын сақтауға міндеттейді. Бұл заңсыз көші-қонның жолын кесуге және мигранттарды заңсыз жалдауға бағытталған алғашқы халықаралық актілердің бірі. Онда осы мәселе бойынша басқа мемлекеттермен жүйелі байланыстар мен ақпарат алмасу, сондай-ақ ұлттық және халықаралық деңгейлерде шаралар қабылдау қажеттілігі атап өтіледі.

Осылайша, мемлекеттердің халықаралық еңбек көші-қоны саласындағы ынтымақтастығы халықаралық нормаларда бекітілген адамның негізгі құқықтары мен бостандықтарының иеліктен шықпауы және осы құқықтар мен бостандықтардың нәсіліне, түсіне, жынысына, азаматтығына, тіліне, дініне, этникалық немесе әлеуметтік шығу тегіне қарамастан, кез келген адамға қолданылуы сияқты жалпыға бірдей танылған әмбебап құқықтық қағидаттар негізінде жүзеге асырылады.

Соңғы онжылдықтар ішінде БҰҰ мен ХЕҰ үлкен жұмыс атқарды: олардың конвенцияларын ратификациялаған мемлекеттер Еңбекші мигранттар мен олардың отбасыларының құқықтарын халықаралық қорғаудың жеткілікті жоғары деңгейін қамтамасыз етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Прудникова Т.А. Международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции // Вестник экономической безопасности, №2, 2019. – С. 262-265. doi: 10.24411/2414-3995-2019-10099
2. Вешкурова А.Б. Регулирование процессов внешней трудовой миграции населения из стран Центральной Азии в РФ и Казахстан: дис. к.э.н., Москва. 2011. – 154 с.
3. Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [дата обращения: 08.12.2020]
4. Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности. В сб.: Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml [дата обращения: 08.12.2020]
6. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml [дата обращения: 05.12.2020]
7. Устав Международной организации труда [Электронный ресурс] <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public> [дата обращения: 01.12.2020]
8. Михайлова О.Э. Международные стандарты обеспечения прав и свобод трудящихся-мигрантов. Психопедагогика в правоохранительных органах, №4 (55), 2013. – С. 51-53.

СЕКЦИЯ 3

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА»

Нысанбекова Л. Б.,
доктор PhD, и.о. доцента кафедры
международного права ФМО
КазНУ им. аль-Фараби,
e-mail: Nysanbekova.lazzat@kaznu.kz

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ К ПОНИМАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИНДИВИДА

Түйін. Бұл мақала, ең алдымен, жеке тұлғаның құқықсубъектілігін негізін құрайтын нәрсені анықтауға бағытталған. Біріншіден, мақалада ғалымдардың әр түрлі пікірлеріне назар аударылды және соған сүйене отырып, олардың әрқайсысының мәні мен мағыналық мағынасын ашуға, сонымен бірге жеке тұлғаның құқықсубъектілігін анықтауға ықпал ететін кейбір негізгі элементтерді талдауға тырыстық.

Түйінді сөздер: жеке тұлға, құқықсубъектілік, адам құқығы.

Резюме. Данная статья направлена, прежде всего, на выяснение того, что составляет основу правосубъектности физического лица. В первую очередь, в статье акцентировали внимание на разнообразные мнения ученых, и, исходя из этого, попытались раскрыть суть и смысловое значение каждого из них, а также определить некоторые ключевые элементы, определяющую правосубъектность индивида.

Ключевые слова: индивид, правосубъектность, права человека.

Summary. This article was aimed, first of all, at finding out what constitutes the basis of the legal personality of an individual. First of all, the article focused on the various opinions of scientists, and, based on this, tried to reveal the essence and semantic meaning of each of them, as well as to identify some key elements that contribute to determining the legal personality of an individual.

Key words: individual, legal personality, human rights.

Сегодня участниками международно-правовых отношений являются настолько широкий круг социальных акторов, что вполне справедливо в доктрине отмечается открытый характер международно-правовой системы с принципиально плюралистическим составом субъектов международного права. В международном праве нет и никогда не существовало запрета обладать международной правосубъектностью для любого участника международных отношений. Возможны дискуссии по поводу международно-правового статуса того или иного субъекта международного права, но не сама постановка вопроса о международной правосубъектности.

Так, наряду с государством как традиционным (оригинальным) субъектом международного права и межправительственными организациями, в уставах которых прямо указывается на их международную правосубъектность, Участниками международно-правовых отношений могут выступать комплементарные (дополнительные, факультативные, неоригинальные) субъекты международного права – субнациональные территориальные единицы (субъекты федераций, автономии, административно-территориальные единицы), неправительственные организации, коммерческие предприятия и др. У каждого из них есть свой особый международно-правовой статус, который необходим для нормального функционирования всей международно-правовой системы. Этот статус не является «ограниченным», «частичным», «второстепенным» каким-то «ненормальным» для международного права. Он такой, какой есть. его можно совершенствовать, приводить в соответствие современным международным отношениям, но не следует принимать международно-правовой статус государств как единственно возможный «эталон» для всех субъектов международного права.

Особенно это касается международной правосубъектности человека. Признать международно-правовую «второстепенность» физического лица в том, что человек не имеет суверенитета, терри-

тории и населения – это видимо высшая стадия юридической схоластики, до которой дошел этатизм. Более того, сами государства рассматриваются как некие «полулюдские» образования, действующих самостоятельно от людей. Простая идея, что именно человек является первоисточником права, что именно физические лица образуют все остальные субъекты любого права, в том числе МП, недосягаемая для этатиста в силу догматических теоретико-методологических подходов. Поэтому постепенно этатистский подход на протяжении второй половины XX века. терял свою актуальность и адекватность.

Современная доктрина международного права находится в поиске новых теоретических, методологических и аксиологических концепций, способных решить научные и практические задачи юриспруденции в условиях глобализации. Уже не вызывает сомнения потеря этатизмом своей ведущей роли среди научного сообщества. В то же время контуры новой парадигмы начинают проявляться как отдельные элементы или сегменты нового знания, которое требует своей дальнейшей системной разработки, анализа и синтеза.

По нашему мнению, новая парадигма международного права включает в себя следующие положения. Международное право является открытой, общедемократической правовой системой с принципиально плюралистическим кругом своих субъектов. Любой участник международных отношений не исключается априори из перечня носителей международной правосубъектности. Первоисточником правосубъектности в любой правовой системе всегда выступает человек. Без человека право не может существовать в принципе. Без государственных служащих государство является пустой оболочкой. Без корпоративных служащих юридическое лицо является правовым нулем. Поэтому физическое лицо является обязательным субъектом всех правовых систем. Отрицание международной правосубъектности индивида означает превращение человека из субъекта в объект права, то есть концептуальное обоснование возможности легитимного уничтожения представителей человеческой расы любыми национальными, этническими, политическими, идеологическими, экономическими или иными признаками. Наличие различных по своей социальной природе субъектов международного права является проявлением яркого многообразия человечества и демократичности международно-правовой системы. Именно эти характерные черты международного права позволяют ему постоянно приспосабливаться к сложному социальному окружению, к глобальным политическим, экономическим и социокультурным преобразованиям, служить эффективным инструментом поддержания международного мира и безопасности. Поэтому одной из важнейших задач современной доктрины международного права является окончательное преодоление остатков этатизма в правоведении и участие в формулировании новой парадигмы международного права вместе со всем мировым научным сообществом.

Безусловно, индивид и государство – явления неоднородные. Только благодаря нормотворческим усилиям вторых первые способны приобретать тот или иной международно-правовой статус. Физическое лицо не в состоянии создавать своими действиями нормы международного права. Однако, как показывает практика, непосредственным адресатом некоторых из таких норм, а, следовательно, и субъектом международных правоотношений оно, несомненно, является. Отсутствие при этом у индивида нормотворческих функций свидетельствует лишь о его специфичности как субъекта права, а не о том, что у него нет и не может быть международной правосубъектности. «В науке международного права, – вполне справедливо отмечает Х.М.Б. Шутурова, – нет оснований отказываться от общепринятого определения категории “субъект права”, которое служит для обозначения тех, к кому обращено право, на кого распространяются его нормы». Следует признать правильным также то ее замечание, что «качество правосубъектности лицо приобретает вне зависимости от величины круга правоотношений, в которых оно участвует или может участвовать. Достаточно наличия одних таких правоотношений, чтобы приобрести качество правосубъектности».

Что касается индивида, то на сегодня более сотни универсальных и региональных международных договоров, а еще больше двусторонних международных соглашений признают и закрепляют за индивидами международные права. Среди них такие авторитетные международные договоры, как Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и два Дополнительных протокола к ним от 8 июня 1977 г., Международный билль о правах человека, Конвенции об отмене рабства «О предупреждении преступления геноцида, О политических правах женщин, многочисленные конвенции, принятые МОТ, и много других. У многих из таких международных договоров прямо зафиксировано, что «каждый человек, где бы он не находился, имеет право на признание его правосубъектности» (ст. 6 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 16 Международного пакта о гражданских и поли-

тических правах 1966 г., ст. 23 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. и др.). Понятно, что здесь речь идет не о внутригосударственную правосубъектности человека, поскольку закрепление подобных положений относится к сфере национального законодательства.

Нередко противники международно-правовой субъектности индивида требуют придерживаться таких критериев, которые не предусмотрены ни договорами, ни авторитетными решениями международных судов. Так, в Консультативном заключении Международного суда ООН от 11 апреля 1949 г. в деле «Возмещение ущерба, понесенного на службе ООН» Суд достаточно четко определил, кого следует считать субъектом международного права: «Быть субъектом международного права – значит иметь способность обладать международными правами и обязанностями, а также способность поддерживать эти права обращениями, заявлениями в международные судебные инстанции».

Предостережение об обращении в международные судебные институты противники международной правосубъектности физического лица всегда считали краеугольным камнем в обосновании их позиции. Как только государства сняли запрет на такие обращения, они начали выдвигать новые критерии: «участвовать в создании норм международного права и... иметь полномочия по обеспечению выполнения норм международного права». Под обеспечением выполнения норм международного права они понимают как способность выполнять обязанности и нести ответственность, так и иметь право обращения с иском к государству в международные учреждения. Если исходить из критерия «участвовать в создании норм международного права», то почти половина государств (и не только малых, непризнанных или зависимых) и международных организаций выпадает из круга субъектов международного права, поскольку они мало принимают участие в международном правотворчестве. Вместе с тем нельзя категорически заявлять, что физические лица вовсе отстранены от международного правотворчества. А.С. Новиков считает, что «утверждение о том, что индивиды не принимают участия в выработке международного права, нельзя признать абсолютным». В частности, они называют влияние доктрин на выработку норм международного права, разработку учеными проектов конвенций (например, Конвенции о правах ребенка) для обсуждения и утверждения в рамках ООН и тому подобное.

Не может вызвать особых возражений вопрос о способности индивидов нести обязанности и ответственность по выполнению норм международного права. После провозглашения приговора Международным военным трибуналом в Нюрнберге: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и только путем наказания индивидов, совершающих такие преступления, предписания международного права могут быть принудительно осуществлены», каких-либо серьезных возражений по этому поводу ни в науке международного права, ни на практике не говорило.

Из российских юристов-международников наиболее последовательным противником признания правосубъектности индивида является С. В. Черниченко. Он считает, что «индивид ни при каких условиях не может быть приравнен ни к такой организации людей, как государство, ни тем более к такой форме сотрудничества государств, как межправительственные организации. Поэтому он объективно не способен быть участником межгосударственных отношений и подчиняться прямому воздействию норм международного права. Он не имеет и не может иметь ни одного элемента международной правосубъектности».

Л. Оппенгейм еще в 1947 г. отмечал, что «хотя нормальными субъектами международного права являются государства, они могут рассматривать физических и других лиц как непосредственно наделенных международными правами и обязанностями и в этих пределах делать их субъектами международного права». Дальше он уточняет свою мысль следующим образом: «Лица, которые занимались пиратством, подлежали действия норм, установленных в первую очередь не внутригосударственным правом разных государств, а международным правом».

По этому поводу М.С. Атькова пишет, что «в современном международном праве существует ряд норм, которые распространяются непосредственно на индивида. А если есть отношения, в которых участвуют индивиды и эти отношения урегулированы международным правом, то, конечно, что участники таких отношений должны признаваться субъектами международного права». В поддержку своей позиции ученый ссылается на труды Г. М. Вельяминова, В. С. Верещетиной, Н. В. Захаровой.

Согласно вышеприведенного можно выделить физическое лицо как отдельный субъект международного права. Среди основных оснований для признания международной правосубъектности индивида могут быть названы следующие:

- 1) Международное право может непосредственно создавать для лица права и обязанности;
- 2) Возможность индивида обращаться в международные судебные учреждения для защиты своих прав;

3) Индивиды являются субъектами международной уголовной ответственности за международные преступления.

В настоящее время права и обязанности индивидов или государств по отношению к индивидам закреплены во многих международных договорах:

- во Всеобщей декларации прав человека 1948 года (статья 6);
- в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года (статья 2);
- в Международной конвенции о защите прав всех людей-мигрантов и членов их семей 1990 года (статья 8).

Это дает основание В.Л. Толстых говорить о том, что индивиды становятся участниками международных отношений, урегулированных нормами права, то есть, в определенном смысле субъектами международного права.

По возможности индивида свободно обращаться с сообщениями и жалобами о защите прав в международные судебные учреждения, то здесь прослеживаются определенные противоречия.

Противники признания индивида субъектом международного права как основной аргумент в подтверждение своей позиции ссылаются на то, что индивиды не могут заключать международные публично-правовые договоры и тем самым не могут участвовать в создании норм международного права. Мы согласны с таким мнением, однако, как показывает практика, непосредственным адресатом некоторых из таких норм, а, следовательно, и субъектом международных правоотношений индивид, несомненно, является. Отсутствие при этом у индивида нормотворческих функций свидетельствует лишь о его специфичности как субъекта права, а не о том, что у него нет и не может быть международной правосубъектности.

На наш взгляд, приведенные выше примеры дают основание предположить, что индивиды в конкретных случаях, предусмотренных международным законодательством, обладают качествами международной правосубъектности, но объем такой правосубъектности, бесспорно, является достаточно ограниченным.

Список использованной литературы:

1. Черниченко С.В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 85-90.
2. Насандратра Л. Проблема международной правосубъектности индивида // В сборнике: Международное право и современный мир материалы международной научно-практической конференции. под редакцией Н. Ю. Жуковской, Е. В. Калининной. 2016. С. 112-114.
3. Стрельцова М.А., Письменов В.Н. Международная правосубъектность ребенка в практике европейского суда по правам человека // В сборнике: Права человека: история, теория, практика сборник научных статей пятой Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 188-190.
4. Шутурова Х.М.Б. К вопросу о международной правосубъектности индивида // Успехи современной науки. 2016. Т. 7. № 12. С. 156-158.
5. Черенданова Ю.В. Международная правосубъектность индивида // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 11-3. С. 221-224.
6. Приказ Министра обороны СССР от 16.02.1990 N 75 «Об объявлении Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительных протоколов к ним» (вместе с «Руководством по применению Вооруженными Силами СССР норм международного гуманитарного права»)
7. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml
8. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml
9. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года
10. Ларионова А.В., Агеева В.В. Международная правосубъектность непризнанных государств и их граждан // В сборнике: НАУКА. ТЕХНОЛОГИИ. ИННОВАЦИИ сборник научных трудов: в 9 частях. 2016. С. 281-283.
11. Новиков В.В. Гражданская правосубъектность иностранцев, международное частное право. Правоотношения с участием иностранных физических лиц в России: цивилистические аспекты // Гражданское право. 2009. № 1. С. 30-32.
12. Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы. М., 1993. С. 99.
13. Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948. Т. 1 Полутом 1. С. 42.
14. Атькова М.С. Закон гражданства лица как одна из наиболее распространенных коллизионных привязок при определении правосубъектности граждан в международном частном праве // Studium. 2016. № 4-3 (41). С. 44.
15. Толстых В.Л. Фундаментальный труд по актуальным проблемам международного права // Российское правосудие. 2009. № 3. С. 106-109.

Насонова О. О.,
старший преподаватель
кафедры «Международное частное право»
Дальневосточного филиала ФГБОУВО
«Всероссийская академия внешней торговли»
Министерства экономического развития РФ
г. Петропавловск-Камчатский

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Түйін. Ғылыми-техникалық прогрестің дамуымен және азаматтық-құқықтық айналымның күрделенуімен шарттық міндеттемелерді тиімді орындаудың заңды жолдарын іздеу мәселесі өзекті болып отыр. Шекарааралық шарттық қатынастарда міндеттемелерді қамтамасыз ету әдістерін қолданудың құқықтық алғышарты жеке құқық қатынастарын жүзеге асыруда халықаралық және ішкі деңгейде тараптардың ерік-жігері мен дербестігі қағидаттарының ролін арттыру болып табылады. Бірыңғай халықаралық нормалардың кешенді сипаттамасы көрсетілген қоғамдық қатынастар сферасын құқықтық реттеудің тиімді құралына айналады.

Түйінді сөздер: Міндеттемелердің орындалуын қамтамасыз ету әдістері, қамтамасыз етілген мәмілелерді халықаралық-құқықтық унификациялау, мемлекеттік емес құқықтық реттеу.

Резюме. С развитием научно-технического прогресса и усложнением гражданско-правового оборота, проблема поиска правовых способов эффективного исполнения договорных обязательств становится актуальной. Правовой предпосылкой применения способов обеспечения обязательств в трансграничных договорных отношениях является увеличение роли принципов диспозитивности и автономии воли сторон в реализации частноправовых отношений, как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Комплексная характеристика унифицированных международных норм, становится эффективным средством правового регулирования указанной сферы общественных отношений.

Ключевые слова: Способы обеспечения исполнения обязательств, международно- правовая унификация обеспеченных сделок, негосударственное правовое регулирование.

Summary. With the development of scientific and technological progress and the complication of civil law turnover, the problem of finding legal ways to effectively fulfill contractual obligations becomes urgent. The legal prerequisite for the application of methods of securing obligations in cross-border contractual relations is to increase the role of the principles of discretion and autonomy of the will of the parties in the implementation of private law relations, both at the international and domestic levels. A comprehensive characteristic of unified international norms becomes an effective means of legal regulation of the specified sphere of public relations.

Key words: Methods of ensuring the fulfillment of obligations, international legal unification of secured transactions, non-state legal regulation.

Правовое регулирование способов обеспечения исполнения обязательств в современных условиях прогрессивного развития частноправовых отношений весьма разнообразно. Каждая национально-правовая система признаёт свой объем обеспечительных мер, призванных защитить имущественные права участников торгового оборота. С развитием научно-технического прогресса и усложнением гражданско-правового оборота, проблема поиска правовых способов эффективного исполнения договорных обязательств становится актуальной.

Еще большую значимость указанная проблема приобретает в международных трансграничных правоотношениях, осложненных иностранным элементом, как необходимое и достаточное условие современного эффективного правового регулирования.

Правовой предпосылкой применения способов обеспечения обязательств в трансграничных договорных отношениях является увеличение роли принципов диспозитивности и автономии воли сторон в реализации частноправовых отношений, как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Международно-правовая унификация обеспеченных сделок заключается в создании в праве различных государств единообразных по содержанию норм, которые предназначены для регламентирования обеспечительных мер и заменяют соответствующие положения национального законодательства, создавая тем самым единообразное правовое пространство, позволяющее обеспечить единые или сходные правовые условия функционирования хозяйствующих субъектов[3.1., с.6].¹²³

Комплексная характеристика унифицированных международных норм, особенно в сфере правовой регламентации способов обеспечения исполнения договорных обязательств становится эффективным средством правового регулирования указанной сферы общественных отношений, особенно в условиях развития современного правового регулирования..а Деятельность международных организаций, направленная на создание унифицированных норм в частноправовой сфере, связанной с реализацией обеспечительных мер, существенно расширяет возможности сферы применения права, оказывая существенное влияние не только на межгосударственные, но и на национально-правовые механизмы реализации права, что в условиях прогрессивного правового регулирования на межгосударственном уровне во много способствует формированию и развитию национальной правовой среды.

Обеспечение исполнения договорных обязательств – особый правовой механизм, направленный на защиту интересов кредитора (обеспеченной стороны) от нарушений должником обеспеченных обязательств. Его значение состоит в наделении обеспеченной стороны, либо её уполномоченного лица, помимо основных прав по обеспеченному обязательству, дополнительными правами, которыми они могут пользоваться случае нарушения должником обеспеченного обязательства, либо в иных случаях, указанных в законе или в договоре. В силу реализации предварительного обеспечения имущественного интереса, получения гарантий надлежащего исполнения обязательства, способы обеспечения исполнения обязательств, как правовая категория – есть правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности, используя специальные меры обеспечительного характера, [1.2.] предусматриваемые законодательством правовой системы соответствующего государства или договором участвующих в нём лиц. Такие меры характеризуются имущественным содержанием, определяя конкретную цель в их реализации – прежде всего, побуждение должника к исполнению имеющегося долга. При этом, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, указанные меры могут являться и формой юридической ответственности и мерой наказания для правонарушителя.

Способы обеспечения исполнения обязательств – это такие предусмотренные законодательством или договором специальные меры имущественного характера, которые стимулируют надлежащее исполнение обязательств должником, посредством установления дополнительных гарантий удовлетворения требований и интересов кредиторов. Указанные меры, имеющие в своей основе обеспечительную правовую природу, подлежат применению в регулировании трансграничных коммерческих отношений.

Указанное обстоятельство является безусловным подтверждением того, что весь смысл и содержание способов обеспечения исполнения обязательства заключается в надлежащем исполнении условий договора.

Анализ действующих международно-правовых актов с правотворческих и правоприменительных позиций позволяет сделать вывод о том, что наиболее совершенным и эффективным методом международной унификации является материально-правовой метод, предусматривающий создание единых норм, применимых как к международным, так и к внутренним сделкам. Такие нормы могут содержаться в международных конвенциях. Положения международных конвенций применяются по отношению к внутригосударственному праву после того, как соответствующий документ принят заинтересованным государством в соответствии с действующим в нем конституционным порядком [3.4.].¹

К числу современных универсальных международно-правовых актов, регулирующих обеспеченные сделки, относятся: Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (Кейптаунская конвенция) 2001 года; [2.1] Конвенция Организации Объединенных Наций об уступке дебиторской задолженности в международной торговле 2001 года. [2.2.]

В сфере реализации обеспечительных мер особое место занимают правотворческие акты Комиссии Организации объединенных наций по праву международной торговли и прежде всего, Типовой

закон ЮНСИТРАЛ об обеспеченных сделках, [2.3.] Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по обеспеченным сделкам, [2.6.] отражающим чаще всего общие начала функционального подхода. Данный подход заключается в использовании таких правовых категорий, как «обеспеченная сделка», «обеспечительный интерес» и «обеспечительная мера». [2.6.] При этом, под понятием обеспеченной сделки понимается такая сделка, которая создает обеспеченное право. Обеспечительный интерес – вид имущественного интереса, который обеспечивает возможность продажи имущества при неисполнении обязательств в целях удовлетворения обязательства, обеспеченного этим интересом. Обеспечительные меры – это способ сохранить спорное имущество, либо иначе защитить права пострадавшей стороны. [2.6.] 23456 Обеспечительный интерес как форма реализации права исследуется в таких актах Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли как, например, Доклад Генерального секретаря ЮНСИТРАЛ «Исследование об обеспечительных интересах», [2.10.] «О роли обеспечительных интересов в кредитной системе». [2.11.] К числу источников правового регулирования в указанной сфере следует отнести Единообразные правила, касающиеся договорных условий о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательств, [2.7.] Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по международным встречным торговым сделкам. [2.8.] Указанные правовые акты направлены на единообразное правовое регулирование обеспечения исполнения обязательств и представляют унифицированные формы права, внешним выражением которых является правовой обычай – сложившийся в течение длительного времени способ правового регулирования отношений, при котором определенный порядок действий воспроизводится в общественных отношениях и признается в качестве правомерного.

В самих источниках негосударственного права можно найти нормы о возможности применения правового обычая, например в ст. 3 Принципов о выборе права в международных контрактах, одобренных Гаагской конференцией по МЧП, [2.5.] в преамбуле принципов УНИДРУА, [2.4.] п. 1:101 Модельных правил [2.9.].hg

Существуют правовые подходы, с обоснованной ссылкой на правоприменительную арбитражную практику МКАС при ТПП РФ и Арбитраж ИСС, которые высказывают мнение о том, что разрешение споров только на основании документов вненационального права вполне возможно. [3.1. с.212] Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что такие источники являются одной из прогрессивных форм реализации права, оказывая влияние на формирование негосударственных форм права. as1234567123456789 1234569 1234567

В целом же, особенностью применения негосударственных правил является то, что они не связаны коллизионными нормами конкретного правового порядка, что позволяет их охарактеризовать, как современные унифицированные формы правового обычая-мягкие универсальные правила регулирования международных частноправовых отношений, оказывающих весьма благоприятное влияние на развитие права.

Обеспечение исполнения обязательств в целом и способы обеспечения исполнения обязательств, в частности, занимают особое место в реализации частноправовых норм, их влиянии на экономические отношения, в том числе отношения трансграничного характера.

В условиях совершенствования правового регулирования общественных отношений механизмы международно-правового регулирования и формы реализации права позволяют более широко взглянуть на правовое регулирование способов обеспечения исполнения обязательств в правоотношениях, осложненных иностранным элементом, не только за пределами правового поля Российской Федерации, но и в условиях позитивного развития отечественной правовой системы.

Список использованной литературы:

1. Нормативно-правовые акты

- 1.1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, дата обращения 20.09.2019
- 1.2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 5.12.1994 г. N 32. ст. 3301 56789101112131415161718191065 78569 456 879 09823

2. Международные соглашения

- 2.1. Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (Кейптаун, 16 ноября 2001 г.) <http://base.garant.ru/2563837/#ixzz5nfshTwVG>, дата обращения 30.09.2020 г.

- 2.2. Конвенция ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле (Нью-Йорк, 12 декабря 2001 г.) (не вступила в силу) // <http://base.garant.ru/5423842/#ixzz5nftnPAgk>, дата обращения 20.09.2020 г.
- 2.3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об обеспеченных сделках (2019) // https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/19-08781_r_ebook.pdf дата обращения 17.09.2020 года.
- 2.4. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 // <https://ppt.ru/newstext.phtml?id=8193378> дата обращения 18.09.2020 года. 12345686 9876 92.5. Принципы о выборе права, применимом в международных коммерческих контрактах (2012) // <https://pravo.hse.ru/data/2016/04/05/1126266101/%D0%9F%D1%80%D0%B8D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF%D1%8B%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> дата обращения 18.09.2020 года
- 2.6. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по обеспеченным сделкам (2010) // https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/security-1g/r/09-82672_R_Ebook.pdf, дата обращения 17.09.2020 года.
- 2.7. Единообразные правила касающиеся договорных условий о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательств (1983) // <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/vol14-p692-p701-r.pdf>, дата обращения 18.09.2020 год.
- 2.8. Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по международным встречным торговым сделкам // https://www.uncitral.org/pdf/russian/clout/Second_edition_russian.pdf, дата обращения 18.09.2020 года.
- 2.9. Модельные правила Европейского частного права, 2013 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17510#0053721814254240385> дата обращения 18.09.2020 года
- 2.10. Доклад Генерального секретаря ЮНСИТРАЛ «Исследование об обеспечительных интересах» 23 мая – 17 июня 1977 года, Вена // <https://uncitral.un.org/ru/commission#10>, дата обращения 17.09.2020 года.
- 2.11. Доклад Генерального секретаря ЮНСИТРАЛ «О роли обеспечительных интересов в кредитной системе» // <https://uncitral.un.org/ru/texts/securityinterests/earlierprojects> дата обращения 17.09.2020 года.
3. *Литература*
- 3.1. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М., 2004.-511с.
- 3.2. Комаров А.С. Международная унификация правового регулирования внешнеэкономической деятельности // Законодательство-1999-№ 11 // <http://base.garant.ru/3541549/>, дата обращения 29.04.2020 года.
- 3.3. Рассказова Н.Ю. Вопросы общей теории обеспечительных обязательств // Правоведение-2004-№4-С.43

АНАЛИЗ ВЫДАЧИ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ПАТЕНТОВ В СТРАНАХ СНГ

Түйін. Мақала авторы ТМД елдерінде ғылымды қажетсінетін технологиялардың дамуының маңыздылығы мен осы саладағы жетекші елдерден артта қалу себептерін қарастырады. Зерттеу пост-кеңестік дәуірдегі цифрлық технологиялардың әлсіз даму себептерінің бірі патенттеу мен патенттерді одан әрі коммерциализациялау қиындықтарымен байланысты екенін көрсетті. Әлемдік нарыққа шығу және инвестициялық тартымдылықты арттыру үшін бұрынғы КСРО елдері патенттік заңнаманы жүзеге асыру мен оның орындалуын бақылау процесін өзгертуі керек.

Түйінді сөздер: ТМД, патент, нормативтік құқықтық актілер, ғылымды қажет ететін салалар, әлемдік экономика

Резюме. Автор статьи рассматривает актуальность развития наукоемких технологий в странах СНГ, а также причины отставания от стран-лидеров в данной области. Исследование показало, что одной из причин слабого развития цифровых технологий в постсоветских странах выступают трудности патентования и дальнейшей коммерциализации патентов. Для того, чтобы выйти на мировой рынок и повысить инвестиционную привлекательность, бывшим странам СССР следует изменить подход к процессу реализации и контроля исполнения патентного законодательства.

Ключевые слова: СНГ, патент, нормативно-правовые акты, наукоемкие отрасли, мировая экономика

Summary. The author of the article examines the relevance of the development of science-intensive technologies in the CIS countries, as well as the reasons for the underdevelopment from the leading countries in this area. The study showed that one of the reasons for the weak development of digital technologies in the post-Soviet era are the difficulties of patenting and further commercialization of patents. In order to enter the world market and increase investment attractiveness, the former USSR countries should change their approach to the process of implementing and monitoring the implementation of patent legislation.

Key words: CIS, patent, normative legal acts, science-intensive industries, world economy

«Холодная война» между двух мировых систем СССР и США после Второй мировой войны послужила акселератором для развития таких наукоемких отраслей промышленности, как ракетостроение, атомная энергетика, микроэлектроника, машиностроение, боевая техника. Советский союз за всю свою историю функционирования был научным центром, где были разработаны и созданы многие высокотехнологичные и наукоемкие изобретения. Советский Союз был первой страной, отправившей человека в космическое пространство, советские инженеры изобрели первые в мире лампочки освещения, вычислительные машины, лазеры и т.д.

Однако, несмотря на наличие огромной научной базы, зачатков наукоемких отраслей промышленности, высокого индекса образованности, Советский союз так и не смог закрепить свои изобретения на международном уровне. И сейчас страны бывшего СССР импортируют высокие технологии из таких высокоразвитых стран, как США, Германия, Япония и т.д.

Конец XX – начала XXI в. запомнились крупномасштабными социально-экономическими и политическими изменениями постсоциалистической трансформации. Они затронули почти три десятка стран, включая страны бывшего СССР. Вследствие, современный мир – это мир капитализма, где все страны перешли на рыночную экономику. Из этого следует, что спрос и предложение рождает мировой рынок, а не отдельное правительство, как это было при плановой экономике в СССР.

Большинство стран постсоветского пространства после приобретения независимости все еще располагают обилием полезных ископаемых, человеческим капиталом и земельными ресурсами, так почему же высокие технологии развиваются на Западе, а не в странах бывших членов СССР? Сегодня товары, запатентованные западными странами, завоевали весь мир, проникли даже в хижины африканцев и островитян южных морей, а теперь уверенно пробивают дорогу на наш формирующийся рынок.

Почему же в XXI веке иностранные инвесторы больше заинтересованы в полезных ископаемых стран СНГ, а не в развитии их цифровых технологий? Почему КНР, где преобладал социалистический строй, также как в СССР, смог прорваться в списки лидирующих стран по уровню цифровизации экономики и привлечь огромное количество иностранных инвестиций в сферу высоких технологий?

Несмотря на то, что страны бывшего Советского Союза долгое время были под одним экономическим режимом и получили независимость примерно в одно время, экономическое развитие в нынешнее время не идентично, также, как и политика привлечения прямых иностранных инвестиций. Привлечение прямых иностранных инвестиций для развивающихся стран особенно важно, так как переход на рыночную экономику и восстановление народного хозяйства требовали не только финансовых вложений, но и опыта, и менеджмента. Спустя почти 30 лет (2018 г.) в пятерку стран лидеров по привлечению ПИИ вошла Россия (13332 млн. долл. США), Казахстан (3817 млн. долл. США), Украина (2355 млн. долл. США), Туркменистан (1985 млн. долл. США) и Беларусь (1469 млн. долл. США) [1]. В таких странах как Азербайджан, Казахстан, Россия и Таджикистан экономические интересы зарубежных инвесторов в основном направлены в добывающиеся отрасли, ПИИ в обрабатывающиеся производства доминирует в странах как Беларусь, Кыргызстан, Молдова, Узбекистан, Украина и Россия. В сферу обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха основной объем ПИИ вложили в государствах Армении и Узбекистана. В такие отрасли, как оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов вложено больше 20% ПИИ в Российской Федерации, больше 10% в Беларуси, Казахстане и Украине. В сферу информации и связи инвестировано более 15% ПИИ в Армению и Кыргызстан, и самый низкий показатель 0,5% в Казахстане. Если учитывать, что сегодня как для национальной, так и региональной экономики, актуальна проблема обеспечения эффективности цифровых технологий и усиление их положительного влияния на экономический рост и социально-экономическое развитие стран, привлечение ПИИ именно в эту отрасль является актуальным. Кроме того, именно привлечение ПИИ в цифровую экономику имеет особое значение в XXI веке, так как основными движущими силами мировой экономики стали не нефтяные и горнодобывающие предприятия, как это было в прошлом столетии, а представители цифровой экономики, как Apple Inc. (1981 млрд. долл. США), Microsoft (1592 млрд. долл. США), Amazon (1577 млрд. долл. США), Alphabet Inc. (999,57 млрд. долл. США), Alibaba (795,4 млрд. долл. США) и т.д. [2].

Понимая всю актуальность и пользу развития наукоемких технологий, такие страны, как Южная Корея, Китай, Сингапур, США и Нидерланды активно внедряют информационно-коммуникационные технологии и в совокупности их доля в экспорте составляет 104%, доля экспорта ИКТ стран СНГ составляет 2,9 %, это 11 раз меньше чем показатели Сингапура. Среди крупнейших цифровых компаний стран СНГ можно назвать Mail.ru, Yandex, Kaspersky Lab, Megafon, Mobile TeleSystems, которые являются российскими. Однако эти софтверные компании еще не на том уровне, чтобы конкурировать с такими цифровыми гигантами, как Apple Inc., Microsoft, Amazon, Alphabet Inc., в долгосрочной перспективе.

Позиции в глобальном индексе инноваций стран СНГ невысокие (Россия – 46 место, Украина – 47 место, Молдова – 58, Армения – 64 место, Беларусь – 72 место, Казахстан – 79 место, Азербайджан – 84 место, Киргизия – 90 место, Таджикистан – 100 место) [3]. Причина отставания в развитии инновационных технологий обусловлена тем, что после распада СССР страны СНГ унаследовали традиционную структуру экономики, которая базируется преимущественно на низких технологиях, к которым можно отнести добычу полезных ископаемых, сельское хозяйство, строительство и т.д. В списке крупнейших компаний 2019 года на территории СНГ можно назвать ГазПром (98,2 млрд. долл. США), Лукойл (71,1 млрд. долл. США), НОРНИКЕЛЬ (49,2 млрд. долл. США), КазМунайГаз (17,3 млрд. долл. США), SOCAR (1,15 млрд. долл. США) и т.д. [4], которые в основном сосредоточены в добывающей промышленности.

Отставание цифровой экономики между странами СНГ и странами – лидерами в сфере наукоемких отраслей экономики (США, Германия, Япония, Китай), также обусловлена с тем, что с господством социалистической формации общества почти 70 лет, фактически это означало, что все предприятия находились под властью Коммунистической партии, а общественная собственность и невозможность социального лифта привели практически к отсутствию конкуренции в нишах рынка, вследствие которого потребность в высоких технологиях отсутствовала. Согласно Декрету СНК РСФСР «Об изобретениях», принятый в 1919 г., нельзя было получить патент на то, что разрабатывалось в процессе трудовой деятельности в государственной организации и связанной с особо важной государственной

разработкой. Также, патент практически невозможно было коммерциализировать, но при этом требовалось уплачивать пошлины [5. с. 845]. Это и послужило основной причиной того, почему изобретения советских инженеров так и не получили реализации и не дошли до массового рынка.

После вступления во Всемирную торговую организацию, почти все постсоветские страны должны были следовать Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), касающееся объектов авторского и смежного права, патентного права и иных объектов интеллектуальной собственности (топологии интегральных микросхем, товарные знаки, закрытая информация и т.д.). кроме того, чтобы соответствовать международным стандартам и гармонизировать нормативно-правовые акты в сфере защиты интеллектуальной собственности страны СНГ стали участниками Мадридской системы регистрации товарных знаков (WIPO), Парижской Конвенции по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.), 9 стран СНГ (кроме Украины и Узбекистана) подписали Евразийскую патентную конвенцию (Москва, 9 сентября 1994 г.), вследствие чего система защиты прав интеллектуальной собственности постсоветских стран претерпела существенные изменения.

Введенные реформы в системе выдачи патентов привели к унификации и цифровизации, это позволило упростить процесс получения заявки и повысить защиту интеллектуальных изобретений. За 2018 год в мире было выдано 3,3 млн. патентов, лидерами по получению патентов являются Китай 1,5 млн., США 597 тыс., Япония 313,5 тыс., Республика Корея 210 тыс., а среди постсоветских стран количество выданных патентов составило 44,5 тыс., из них 85,3 % приходится на Российскую Федерацию [6]. По количеству поданных заявок на получение патента, постсоветские страны более чем в 10 раз отстают от наиболее экономически развитых стран мира. Также и иностранные заявители из стран с развитой культурой патентования не спешат патентовать свои разработки в странах СНГ (в российской Федерации за 2019 г. от иностранцев было выдано 26% заявлений, в то время как в США этот показатель составляет 40%), даже если они ведут свою экономическую деятельность на ее территории. Отсюда напрашивается вывод, нежелание патентовать свои разработки в постсоветских странах связано не с отсутствием культуры патентования, а с наличием проблем по получению патента и его защиты. К тому же анализ данных показывает, что во многих постсоветских странах полностью не реализованы положения международных договоров о гармонизации законодательств, процесс не полностью прозрачный, следовательно, уровень защиты не отвечает международным стандартам [7].

Также на практике встречаются недоверие и предубеждение к процедуре регистрации изобретений. Так как заявителю отказывают в регистрации не потому, что нет самого изобретения, а по формальным причинам – несоблюдение каких-либо процессуальных требований, а потом другие лица дорабатывают новую заявку и регистрируют первыми схожий патент». Оспорить подобную регистрацию долгий и затратный процесс [8]. Невысокий уровень защиты интеллектуальной собственности постсоветских стран можно заметить по глобальному рейтингу защиты интеллектуальной собственности за 2019 год, где Россия занимает – 86 место, Украина – 109 место, Молдова – 116, Армения – 93 место, Казахстан – 89 место, Азербайджан – 80 место [9].

Другой основной задачей является продвижение наукоемких технологий в мировую экономику, так как в XXI веке это стало еще тяжелее из-за большой конкуренции и малого интереса со стороны инвесторов. Очевидно, что патент – это еще не пропуск в большой мировой рынок, если у изобретателей нет возможностей продвинуть свою разработку, тогда о ней никто и не узнает. Так, в России значительная часть зарегистрированных объектов (от 20% до 40%, по оценкам экспертов), представляет собой иностранные разработки, которые готовятся к запуску на российском рынке; еще от 15% до 30% заявок подаются для отчетности научными и государственными учреждениями и после не используются. Определенную часть (от 10% до 20%) составляют заявки физических лиц, лишь небольшая часть из которых коммерчески реализуется. Менее половины заявок являются российскими разработками, которые в дальнейшем будут коммерциализироваться, но не более чем трети из них это удастся [5. с. 854-855]. Схожая ситуация и в Казахстане. Согласно данным министерства юстиции РК, в период с 2015 года по сентябрь (включительно) 2020 года Национальной системой патентования промышленных образцов выдано 5369 патентов на изобретения [10]. Это объясняется сложностью коммерциализации технологий, понимания механизмов функционирования современного рынка интеллектуальной собственности и правил игры на нем. Особенно это проявляется у разработчиков проектов, которые воспринимают коммерциализацию своих идей, прежде всего как проблему поиска дополнительных финансовых средств для продолжения научных исследований и в силу этого достаточно поверхностно

относятся к вопросам оценки окупаемости своих разработок и необходимости учета интересов инвесторов [11]. Также в странах СНГ люди, заинтересованные в развитии бизнеса чаще всего прибегают к государственным субсидиям или услугам банка, чем инвесторам.

У Сингапура, который является одним из лидеров по защите интеллектуальной собственности, иной подход к процессу реализации и контроля исполнения патентного законодательства. Министерство юстиции Сингапура отвечает за законодательную базу, разработку политики и стратегии интеллектуальной собственности и занимает ведущую роль в координации работы структур, связанных с интеллектуальной собственностью. Ведомство по интеллектуальной собственности Сингапура (далее – ВИСС), ранее известное как Реестр товарных знаков и патентов подчиняется Министерству юстиции. ВИСС, ответственное за администрирование режима функционирования интеллектуальной собственностью, способствует использованию интеллектуальной собственности для развития бизнеса, проводит просветительские и образовательные программы, а также обеспечивает развитие экосистемы интеллектуальной собственности Сингапура. ВИСС близко сотрудничает с двумя агентствами – Сингапурской полицией и Сингапурской таможней. В 1995 году в составе полиции было создано подразделение, которое в 2000 году было расширено до Отдела по правам интеллектуальной собственности, ответственного за применение прав интеллектуальной собственностью и расследований случаев их нарушений [12].

Таким образом регулятивное воздействие Сингапура направлена на научную, финансовую, правовую и информационную сферы. Кроме того, значительное внимание уделяется механизмам стимулирования активности рынка интеллектуальной собственности через реализацию государственных программ в сфере долевого финансирования патентных расходов, последовательной информационно-консультативной поддержке владельцев интеллектуального продукта на этапах создания и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. Показано, что развитие инновационной экосистемы и налаженная система контроля за защитой прав интеллектуальной собственности позволяет создать в Сингапуре благоприятный климат для деятельности высокотехнологичного бизнеса.

Анализируя вышеизложенные можно прийти к следующему выводу: чтобы выйти на мировой рынок и повысить инвестиционную привлекательность, бывшим странам СССР следует изменить подход к процессу реализации и контроля исполнения патентного законодательства, ввести прозрачную систему контроля и выполнения нормативно-правовых актов и гармонизировать законодательство согласно международным требованиям.

Список использованной литературы:

1. Статистического отчета стран СНГ. Армения. URL:https://armstat.am/file/article/sv_02_20a_420.pdf; Азербайджан. URL:<https://www.stat.gov.az/source/construction/?lang=en>; Белоруссия. URL: <https://www.economy.gov.by/ru/pezzultat-ru/>; Казахстан. URL: <https://bsbnb.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian>; Киргизия. URL:<http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/>; Молдова. URL:https://www.bnm.md/files/PII_2019_q1_1.pdf; Россия. URL: Узбекистан. URL:<https://stat.uz/uploads/doklad/2019/yanvar-sentyabr/ru/5.pdf>; Украина. URL:https://dei.kyivcity.gov.ua/files/2020/2/10/Zvit_OPU_2019.pdf.
2. List of public corporations by market capitalization URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_public_corporations_by_market_capitalization
3. The Global Innovation Index // <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-innovation-index>
4. ТОП-100 крупнейших по капитализации компаний России – Рейтинг 2020. URL: <https://riarating.ru/info-grafika/20200131/630152195.html>
5. И.О., Невров А.В., Чурсина А.В. Влияние патентного законодательства России на развитие наукоемких технологий: социологический анализ. // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4. – С. 844-858
6. ВОИС ИС: факты и цифры 2019 год. Швейцария 2019. – С. 40-45.
7. Булгакова Р.Х. Некоторые вопросы правовой охраны изобретений в Казахстане: На примере охраны изобретений в области медицины, биотехнологии и сельского хозяйства. Автореферат на соискание степени канд. юр. наук. – М., 2006. – 26 с.
8. Никитова А. Почему интеллектуальная собственность в России не продается // <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/06/05/803013-intellektualnaya-sobstvennost>
9. Intellectual Property rights index // <https://www.internationalpropertyrightsindex.org/countries>
10. Маркова А. Казахстанцам упростят процедуру получения патента в нескольких странах... Электронный ресурс: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2020-11/kazakhstancam-uprostyat-proceduru-polucheniya-patenta-v-neskolkih-stranakh>
11. Мухамбетжанов С.К. О процессе коммерциализации технологий в Казахстане. Электронный ресурс: https://nauka.kz/page.php?page_id=75&lang=1&article_id=33
12. Ларин А.Ю. Государственная политика Республики Сингапур в сфере интеллектуальной собственности // <http://inter-legal.ru/gosudarstvennaya-politika-respubliki-singapur-v-sfere-intellektualnoj-sobstvennosti>

THE LEGAL REGULATION OF PUBLIC PROCUREMENT: THE CONCEPT AND PROBLEMS

Түйін. Мақалада мемлекеттік сатып алу ұғымы, сондай-ақ мемлекеттік сатып алуды реттеу саласындағы Қазақстан Республикасының құқықтық актілерінің және негізгі халықаралық-құқықтық құжаттардың жалпы сипаттамасы берілген. Автордың пікірінше, мемлекеттік сатып алуларды ұйымдастыру, сонымен қатар оларды басқару мемлекеттің қажеттілігі үшін сенімді жеткізуші мен ұтымды бағада тауарлар мен қызметтерді қажетті сапа мен мөлшерде алуға бағытталған елдің экономикасына мемлекеттің әсер етуінің басты құралдарының бірі болып табылады. Қорытындылай келе, автор мемлекеттік сатып алудың тек мемлекеттік қажеттіліктерді ғана емес, мақсатты бағдарламаларды іске асыруды, сондай-ақ тұтастай алғанда мемлекеттің экономикалық, құқықтық, әлеуметтік дамуын қамтамасыз ету үшін маңыздылығын атап өтеді.

Түйінді сөздер: мемлекеттік сатып-алулар, тиімділік, ашықтық, құқықтық реттеу.

Резюме. В статье дано понятие государственных закупок, а также общая характеристика правовых актов Республики Казахстан и основных международно-правовых документов в сфере регулирования государственных закупок. По мнению автора, организация государственных закупок, а также управление ими являются одним из главных инструментов воздействия государства на экономику страны, направленным на получение необходимого качества и количества товаров и услуг в качестве надежного поставщика и разумных цен для нужд государства. В заключении автор подчеркивает важность государственных закупок для обеспечения не только государственных потребностей, но и реализации целевых программ, а также экономического, правового, социального развития государства в целом.

Ключевые слова: государственные закупки, эффективность, прозрачность, правовое регулирование.

Summary. The article presents the concept of Public Procurement, as well as a general description of legal acts of the Republic of Kazakhstan and the main international legal documents in the field of Public Procurement Regulation. According to the author, the organization of Public Procurement, as well as their management, is one of the main tools of state influence on the country's economy, aimed at obtaining goods and services of the necessary quality and quantity at a reliable supplier and rational price for the needs of the state. Summing up, the author notes the importance of public procurement for ensuring the implementation of not only state needs, but also targeted programs, as well as the economic, legal, and social development of the state as a whole.

Key words: public procurement, efficiency, transparency, legal regulation.

The transition to a market management system is reflected not only in the emergence of a market represented by many sellers and buyers, freely establishing the partnership between the seller and the buyer, between which a purchase and sale transaction of goods and services is concluded. In this general market, there is a unique, specific market represented by many sellers and one buyer on behalf of the state.

As world practice shows, the effective use of the state's financial resources for the implementation of its activities is carried out through public procurement.

The state acts on the market as the largest buyer in all countries. Thus, in the United States, public procurement accounts for about 15% of the state budget, and in other countries, where the state makes purchases to meet social needs, this share is even higher. In countries where the market economy replaces centrally managed products, up to 50% of the national budget is spent on public procurement [1].

One of the determining factors for the development of market relations and the creation of competitive economic potential is the activation of financing activities through the use of state support opportunities. The main task of the National Public Procurement System is to ensure the purchase of goods, works and services for state needs.

Disposing of financial resources, the state body acts as an authorized representative of the state, so the expenditure of taxpayers funds should be carried out with the adoption of the necessary measures to ensure the maximum implementation of state interests.

Over the past half-century, the functions of the state have significantly expanded, in particular, in industrialized countries. One of the main mechanisms of state influence on the country's economy is the state order system, the purchase of goods and services for various needs. The organization of Public Procurement, as well as procurement management, is aimed at obtaining the necessary raw materials, materials or goods and services in terms of quality and quantity from a reliable supplier and at a reasonable price. It affects the price level, the income of individual entrepreneurs who will be interested in increasing the volume of production and the total number of sales. Thus, it can be noted that the private business sector will be involved in solving social and economic problems through public procurement.

Public procurement is a process used by the government to conclude contracts with service providers and suppliers [2].

From the point of view of the goals and interests of the state, procurement performs the following tasks::

- serves as a way to meet the needs of the state for goods and services produced by its own, domestic producers, entrepreneurs;

- it will increase and revive the demand for goods and services in the country, which will create motivating reasons for the development of production and entrepreneurship, and economic growth;

- promotes competition between producers who play the role of suppliers of products for state needs, which strengthens market principles in the economy and contributes to the growth of production efficiency and quality [1].

The issues and ways to modernize the public procurement system are currently the subject of public discussion. Special attention to this topic is explained by the large amount of budget funds allocated for the purchase of goods, works and services for state needs and corruption risks in this area.

One of the goals that buyer government agencies should focus on when conducting procurement campaigns is to reduce the cost of completing an order or get the greatest result at a given cost level. Therefore, taking into account the conditions and restrictions formed by the customer, it is necessary to choose a supplier who can and agrees to fulfill the order at the lowest price. As world practice shows, a universal tool for solving the problem of choosing a suitable supplier is conducting competitive bidding.

All over the world, procurement decisions for public needs are made by civil servants. The vast majority of corruption actions fall on the support of officials in the interests of specific suppliers. The most common schemes of corruption in this area are rollbacks, fraud with tender offers, and the use of fake or fake companies.

In the process of organizing purchases, it is very important to combat inefficiency. At the same time, the main mechanisms used are increasing information transparency, improving the skills of employees, regulating the rules of conduct of employees responsible for public procurement, and applying sanctions in case of detection of violations.

Corruption in the public procurement system leads not only to financial losses, but also to huge losses for any country. The state seeks to protect itself and protect itself from it. For this purpose, there is a constantly updated legal framework.

However, the problem of corruption in the field of public procurement cannot be solved in isolation by a single law. The solution to this problem can only be systematic, since the problem itself is part of a wide range of problems.

Analyzing international experience, we can conclude that no country in the world has managed to completely eliminate corruption in public procurement, but this does not mean that measures to reduce its level are ineffective. Today, the main efforts of all state bodies are aimed not at preventing and preventing corruption manifestations, but at eliminating the consequences of crimes committed.

To solve the problem of corruption, it is necessary to have political will, regulate procedures and tighten control, as well as a deeper approach related to the organizational and personal motivation of decision-makers, the development of competition both between suppliers and customers.

The fight against corruption in the field of public procurement of the Republic of Kazakhstan is carried out in accordance with the Constitution, the Criminal Code, the Law of the Republic of Kazakhstan "On combating corruption" and other legal acts. In accordance with the Law of the Republic of Kazakhstan "On Public Procurement" [3], the fight against corruption is also carried out by state regulation of procurement provided for in Chapter 2 of the law. The government, the authorized body, and a single operator in the field of public procurement are assigned certain powers.

The legislation of the Republic of Kazakhstan on public procurement is based on the Constitution of the Republic of Kazakhstan, consists of the norms of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan, the law of the Republic of Kazakhstan on Public Procurement dated December 4, 2015, the rules for public procurement approved by the order of the Minister of Finance of the Republic of Kazakhstan dated December 11, 2015 No. 648 and other normative legal acts of the Republic of Kazakhstan.

The Law of the Republic of Kazakhstan “On Public Procurement” regulates relations arising in the process of purchasing goods, works and services from suppliers for the purpose of effective use of funds owned by state bodies, state institutions, state-owned enterprises, as well as Joint-Stock Companies and legal entities with a controlling stake in them owned by the state.

In accordance with the Law «on public procurement», public procurement is carried out in one of the following ways:

- competition;
- request for price offers;
- from one source;
- auctions;
- commodity exchanges [3].

The procurement policy requirement is that all public procurement should be based on the price-quality ratio, which is defined as «the best combination of quality and efficiency for the lowest costs during the period of use of the purchased goods or services». This should be achieved through competition if there are no valid reasons for the return.

Procurement in the public sector is regulated by a legal framework that encourages free and open competition and price-quality relations in accordance with international and national agreements and norms. Within the framework of its strategy, it coordinates the public procurement policy with this legal framework, as well as its broader political goals [4].

The generally accepted principles of procurement and order placement in world practice are formulated in the legislation of individual countries and registered in a number of international documents: the UNCITRAL Model Law on public procurement [5], the WTO agreement on government procurement [6], the EU directives, documents of the Organization for Economic Cooperation in the Asia-Pacific region, and others.

The model law on public procurement, developed by the United Nations Commission on international trade law (UNCITRAL), defines approaches recognized by the world community to the norms and rules of public procurement, the application of which allows different countries of the world to form modern national legislation. The model law on public procurement replaces the model law on the purchase of goods (works) and services of 1994. The new document accurately corresponds to the realities of the time, introducing new procurement technologies that have developed in recent years into the legal sphere, as well as inevitably modernizing relations between procurement subjects in accordance with current social trends.

The model law is aimed at ensuring maximum cost-effectiveness and efficiency of procurement; expanding and stimulating supplier participation in procurement, thereby promoting international trade; developing competition between suppliers in relation to purchased goods (works) or services; ensuring fair and equitable treatment of all suppliers; promoting objectivity and fairness of the procurement process and public confidence in it; and ensuring transparency of procurement procedures.

The law reflects the consequences of revolutionary changes, such as the widespread use of the Internet, the development of electronic forms of trade and automated electronic trading procedures.

The use of information and communication technologies for state needs in the field of public procurement will eliminate existing shortcomings.

The introduction of Electronic Procurement Information Systems will ensure the improvement of procurement procedures by automating all stages and stages of procurement planning, formation and implementation processes, as well as functions for analyzing and monitoring their implementation.

Transparency of the procurement mechanism at all stages and levels will prevent reduction of budget expenditures when purchasing products for state needs and increase the economic efficiency of the work of executive bodies of state power.

It is very relevant to conduct electronic auctions for the purchase of products for state needs. The advantages of electronic trading are obvious.

Electronic auction is the main electronic procurement method used in the world. This method allows you to determine in real time the price offered by the supplier for a particular product, work or service. This

method is the most complex in terms of implementation, as it provides for specific trades in which suppliers can respond to each other's offers and compete with each other in a strictly competitive mode.

The introduction of electronic bidding in the implementation of public procurement is aimed not only at automating the daily processes of interaction of procurement authorities with potential contractors, but also at reducing the cost of performing procurement procedures and sharply reducing the time frame for conducting these operations.

It should be noted that the electronic procurement system of each country is unique, since each country has its own institutional features that are unique only to a particular country, so each system is characterized by its own features.

The first electronic Public Procurement Service in the Republic of Kazakhstan appeared on the portal recently, in 2007 the automated integrated information system «electronic public procurement», the web portal of public procurement in the Republic of Kazakhstan is a state information system that provides a single point of access to electronic public procurement services. Participation in the web portal of public procurement of the Republic of Kazakhstan is completely free of charge. All information posted on the web portal of public procurement is provided free of charge.

Since 2013, public procurement in Kazakhstan has been transferred to the e-commerce format. Tasks of the web portal:

- reduction of budget expenditures for the purchase of goods, works and services for state needs;
- unified procedure for forming and placing a state order;
- reduction of costs for conducting public procurement procedures;
- creating equal conditions for competition between suppliers;
- quick access to the collected information;
- significant reduction in paper document flow;
- increasing transparency and transparency of the public procurement process;
- reducing the number of offenses in the process of Public Procurement [7].

Thanks to the electronic public procurement system in Kazakhstan, the state saves a large amount of budget funds.

However, in addition to the advantages that an electronic form of Public Procurement provides in Kazakhstan, there are some disadvantages in this area [8].

Currently, most of the public procurement in Kazakhstan is carried out through the web portal of public procurement in Kazakhstan by means of price offers. Despite the simple procedure for submitting price offers, there are often situations of misunderstandings between suppliers and customers when conducting public procurement procedures. In order to ensure the victory of the price offer, avoid difficulties in fulfilling the terms of the contract and enter into the Register of unfair participants in public procurement in Kazakhstan, potential suppliers need to know and comply with the procedure for submitting price offers and concluding contracts based on the results of procurement.

One of the most important problems for the customer is the ability to purchase low-quality goods when requesting price offers, since price is the main criterion.

Since customers do not know their suppliers, in order to protect themselves, they must carefully write down all the points that require a lot of time and conclude voluminous contracts.

Also, the procedure may be delayed due to the refusal of suppliers who have won the competition to conclude a contract for certain reasons. There are situations when the customer cannot find their suppliers.

If the supplier refuses to conclude a contract, the customer applies to the court to include them in the Register of unscrupulous suppliers, which also prolongs the procedure. Technical problems are noted.

The above presupposes the need for further elaboration in the field of Electronic Procurement, simplification of procedures and creation of a harmoniously understandable and accessible system for the supply of goods and services.

The study of the mechanism of functioning of Public Procurement involves abstraction from specific forms of formation of public goods, its division into pure and mixed forms and allows us to focus the main attention on factors that determine the dynamics of demand and supply of public goods, pricing features.

Legal regulation of public procurement is a complex and continuous process of adoption, adjustment and application by the state of legal norms regulating the sphere of public procurement by establishing uniform rules, rights and obligations of its subjects. Public procurement as an object of international and National Legal

Regulation is a complex, continuous process of ensuring state needs by attracting external performers on a paid basis and consists of a set of interrelated and consistent stages: forecasting, planning, formation, placement, execution and control.

References:

1. Государственные закупки в системе управления производством [electronic resource]. Access mode: <http://cbor.kz/stateiki/49-gosudarstvennye-zakupki>
2. Government Contracts & Procurement [electronic resource] // Justia Legal Resources: [the site]. Access mode: <https://www.justia.com/administrative-law/government-contracts-procurement/>
3. Law of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2015 No. 434-V “on public procurement” // <https://www.pavlodar.com/zakon/?dok=06003&uro=080004>
4. Public procurement policy [electronic resource] // Official website of the UK government: [the site]. Access mode: <https://www.gov.uk/guidance/public-sector-procurement-policy>
5. UNCITRAL Model Law on public procurement // <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/procurem/ml-procurement/2011-Model-Law-on-Public-Procurement-r.pdf>
6. WTO agreement on government procurement // https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/rev-gpr-94_01_e.htm
7. Электронные правительственные закупки [electronic resource]. Access mode: <https://ecc.kz/ru/project/elektronnye-gosudarstvennye-zakupki>
8. Система государственных закупок в Казахстане [electronic resource]. Access mode: <http://cbor.kz/stateiki/72-perspektivy-goszakupok-v-kazahstane>

Нуртай М. Н.,
з.ғ.м., халықаралық құқық кафедрасының докторанты,
Әл – Фараби атындағы ҚазҰУ,
madinur@mail.ru
Ғылыми жетекшісі: Сайрамбаева Ж. Т.,
з.ғ.к., профессор,
халықаралық құқық кафедрасы
Халықаралық қатынастар факультеті
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ

ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІКТІ ҚОРҒАУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Түйін. Осы мақалада зияткерлік меншік объектілерінің құқықтары мен қорғалуын регламенттейтін негізгі халықаралық және ұлттық нормативтік құжаттарға шолу жасалған. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша зияткерлік меншік ұғымы және зияткерлік меншік объектілерінің түрлері қарастырылған.

Түйінді сөздер: зияткерлік меншік, зияткерлік қызмет, халықаралық шарт, халықаралық – құқықтық норма.

Резюме. В данной статье представлен обзор основных международных и национальных нормативных документов, регламентирующих права и защиту объектов интеллектуальной собственности. Кроме того, понятие интеллектуальной собственности и виды объектов интеллектуальной собственности раскрывается через законодательство Республики Казахстан.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальная деятельность, международный договор, международно – правовая норма.

Summary. This article provides an overview of the main international and national regulations governing the rights and protection of intellectual property. In addition, the concept of intellectual property and types of intellectual property objects is disclosed through the legislation of the Republic of Kazakhstan.

Key words: intellectual property, intellectual activity, international treaty, international legal norm.

Соңғы онжылдықта әлемдік экономикадағы зияткерлік меншіктің рөлі өсті. Әр түрлі салалардағы заманауи техникалық әзірлемелер – бұл елдің игілігі үшін жұмыс істеуі және қорғалуы қажет капитал болып табылды.

Қазақстан Республикасының 2020-2025 жылдарға арналған индустриялық-инновациялық дамуы бекітілген тұжырымдамасы және Қазақстан Президентінің әлемнің бәсекеге барынша қабілетті 50 мемлекетінің қатарына кіру міндеті отандық ғалымдарды, мамандарды, өнертапқыштарды жандандыруы тиіс. Олардың бұрыннан бар зияткерлік меншікке және алдағы бірегей идеяларға, әзірлемелерге, өнімге және т.б. авторлық құқықтары сенімді қорғалуы тиіс [1].

Отандық және шетелдік құқықтық ғылымда «зияткерлік меншік» санаты кеңінен қолданылады. Қазақстанның заңнамасында, көптеген елдердегідей, бұл термин Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің 125-бабында бекітілген. Осы бапқа сәйкес «зияткерлік меншік» ұғымы зияткерлік қызмет нәтижелерімен байланысты құқықтардың белгілі бір бөлігін, атап айтқанда айрықша құқықтарды қамтиды [2].

А.А. Амангелді өзінің жұмыстарында келесіге түсіеіктемеге назар аударады Азаматтық кодекстегі азаматтық объектілер жүйесіндегі зияткерлік меншік деп: 1) зияткерлік қызметтің объективтендірілген нәтижелері және оларға теңестірілген дараландыру құралдары ретінде қалыптастырылған; 2) ерекше құқықтар. Оның ішінде, ерекше құқықтар – бұл зияткерлік меншік саласындағы мүліктік құқықтар, олар объектіде, субъектіде, мазмұнда, қорғау тәсілдерінде және т. б. ашылатын ерекшеліктеріне байланысты құқықтардың көп бөлігінен ерекшеленеді. Мүліктік құқықтар азаматтық құқықтардың объектісі болып табылады және тұтастай алғанда «мүлік» ұғымына жатады. Мүліктік құқықтар құндық бағалауға жатады және оларға байланысты оларды құру, иелену, беру, иеліктен шығару қатынастарын бұзады, демек, өзінің табиғаты бойынша меншік құқығы болып табылатын ерекше құқықтардың белгілері бар: ерекше құқықтық режим, бағалау және айналым қабілеттілігі қасиеті (иеліктен шығару) [3].

Мәселен, ҚР АҚ 961-бабына сәйкес Қазақстанда зияткерлік меншік құқығына келесі объектілерді жатқызады:

1) интеллектуалдық шығармашылық қызметтің нәтижелері;
2) азаматтық айналымға қатысушыларды, тауарларды, жұмыстарды немесе қызмет көрсетулерді дараландыру құралдары жатады.

2. Интеллектуалдық шығармашылық қызметтің нәтижелеріне:

1) ғылым, әдебиет және өнер туындылары;
2) эфирлік және кәбілдік хабар тарату ұйымдарының орындаушылығы, қойылымдары, фонограммалары мен хабарлары;
3) өнертабыс, пайдалы үлгілер, өндірістік үлгілер;
4) селекциялық жетістіктер;
5) интегралдық микросызба топологиялары;
6) ашылмаған ақпарат, оның ішінде өндіріс құпиялары (ноу-хау);
7) ҚР Кодексінде немесе өзге де заң актілерінде көзделген реттерде интеллектуалдық шығармашылық қызметтің басқа да нәтижелері жатады.

Азаматтық айналымға қатысушыларды, тауарларды, жұмыстарды немесе қызмет көрсетулерді дараландыру құралдарына:

1) фирмалық атаулар;
2) тауарлық белгілер (қызмет көрсету белгілері);
3) тауарлар шығарылатын жерлердің атаулары (шығатын жерін көрсету);
4) ҚР Азаматтық Кодексінде және заң актілерінде көзделген реттерде азаматтық айналымға қатысушылардың, тауарлар мен қызмет көрсетулердің басқа да дараландыру құралдары жатады [4].

Зияткерлік қызмет нәтижелеріне деген құқықтардың жалпы ерекшелігі бірі – олар аумақтық сипатта болады, яғни олар бастапқыда пайда болған мемлекеттің аумағында танылады және қорғалады. Осы құқықтардың аумақтық сипаты басқа мемлекеттерде туындаған шығармашылық қызметтің нәтижелеріне құқықтарды өзара тану және қорғау туралы халықаралық шарттарды қолдануға мүмкіндік береді.

Зияткерлік меншікті құқықтық реттеу жүйесі халықаралық шарттар мен келісімдермен сипатталады. Бұл келісімдерді әртүрлі белгілеріне сәйкес бірнеше топқа бөлуге болады.

Қатысушылар тобы бойынша зияткерлік меншік саласындағы халықаралық шарттарды дәстүрлі түрде жіктеуге болады:

1) жалпы маңызы бар шарттар (қатысушылардың шектеусіз санымен);
2) өңірлік немесе партикулярлық шарттар (қатысушылар саны шектеулі);
3) екі жақты (екі мемлекет қатысатын шарттар не бір тараптан бір мемлекет, ал екінші тараптан бірнеше мемлекет қатысатын шарттар).

Жалпы маңызы бар шарттар әлемнің әртүрлі аймақтарында орналасқан, әртүрлі әлеуметтік – саяси және құқықтық жүйелерге жататын қатысушы мемлекеттердің құрамына кіреді. Жалпы маңызы бар халықаралық шарт ретінде, мысалы, Өнеркәсіптік меншікті қорғау жөніндегі Париж конвенциясы, зияткерлік меншік құқықтарының сауда аспектілері жөніндегі Келісім (1994 ж.), Олимпиадалық таңбаларды қорғау туралы Найроб шарты (1981 ж.) қолданылады.

Африкалық зияткерлік меншік ұйымын құру туралы келісім өңірлік деңгейде әрекет ететін шарт.

Шарт жасасатын субъектіге байланысты халықаралық келісімдерді үш түрге бөліп қарастырады:

1) мемлекетаралық (Қазақстан Республикасының атынан жасалатын шарттар), мысалы, Өнеркәсіптік меншікті қорғау жөніндегі Париж конвенциясы (1883 ж.);

2) үкіметаралық (ҚР Үкіметі атынан жасалған), мысалы, Ресей Федерациясының Үкіметі мен Қазақстан Республикасының Үкіметі арасындағы екі жақты әскери-техникалық ынтымақтастық ба-рысында пайдаланылатын және алынған зияткерлік қызмет нәтижелеріне құқықтарды өзара қорғау туралы келісім (2005 ж.);

3) ведомствоаралық (жергілікті деңгейде жасалатын келісімдер).

Реттеу пәніне байланысты әмбебап және арнайы келісімдер деп ажыратылады.

Әмбебап келісімдерге келесі маңызды конвенциялар жатады: Дүниежүзілік зияткерлік меншік ұйымын (ДЗМҰ) құратын конвенция (1967 ж.) және Өнеркәсіптік меншікті қорғау туралы конвенция (1883 ж.).

ДЗМҰ құратын Конвенция зияткерлік меншік объектілерінің барлық түріне қолданылады. Ол мемлекеттердің ынтымақтастығы және тиісті жағдайларда кез келген басқа халықаралық ұйыммен өзара іс-қимыл жасау арқылы бүкіл әлемде зияткерлік меншікті қорғауға жәрдемдесуге арналған.

Париж конвенциясы өнертабыстарды, пайдалы модельдер мен өнеркәсіптік үлгілерді ғана емес, сонымен қатар тауар белгілерін, қызмет көрсету белгілерін, тауар шығарылған жерлердің атауларын, фирмалық атауларды құқықтық қорғау жөніндегі қағидатты ережелерді белгілейді. «Өнеркәсіптік меншік» ұғымының мазмұнын көрсетеді: «Өнеркәсіптік меншік кең мағынада түсініледі және тек өнеркәсіп пен саудаға ғана емес, сонымен қатар ауылшаруашылық өндірісі мен тау-кен өндірісі салаларына және өнеркәсіптік немесе табиғи шыққан барлық өнімдерге қолданылады, мысалы: шарап, астық, темекі жапырағы, жемістер, мал, қазба, минералды су, сыра, гүлдер, ұн». Зияткерлік меншік құқығының келісімі әмбебап сипатқа ие құжат (1994 ж.).

Нормативтік құқықтық актілердегі құқықтық нормалардың сипаты бойынша халықаралық келісімдерді төрт топқа бөлуге болады:

- 1) декларативті халықаралық құқықтық актілер;
- 2) зияткерлік меншік объектілерін қорғау туралы шарттар;
- 3) зияткерлік меншік объектілерін тіркеу туралы шарттар;
- 4) зияткерлік меншік объектілерін сыныптау туралы шарттар.

Бірінші топтың мысалы 1948 жылғы 10 желтоқсанда БҰҰ Бас Ассамблеясы бекіткен адам және азамат құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы, оның 27-бабыда былай деп жариялайды: «Әрбір адам қоғамның мәдени өміріне еркін қатысуға, өнерден ләззат алуға, ғылыми прогреске қатысуға және оның игіліктерін пайдалануға құқылы. Әрбір адам өзінің авторы болып табылатын ғылыми, әдеби немесе көркем еңбектерінің нәтижесі болып табылатын моральдық және материалдық мүдделерін қорғауға құқылы».

Зияткерлік меншік объектілерін қорғау туралы шарттарға мыналар жатады: Өнеркәсіптік меншікті қорғау жөніндегі Париж конвенциясы (1883 ж.), Әдеби және көркем туындыларды қорғау туралы Берн конвенциясы (1886 ж.), Тауарлардағы жалған және жаңылыстыратын нұсқаулардың жолын кесу туралы Мадрид келісімі (1891 ж.), Авторлық құқық туралы Дүниежүзілік конвенция (1951 ж.), Орындаушыларды, фонограмма жасаушыларды және хабар тарату ұйымдарын қорғау туралы Рим конвенциясы (1961 ж.), Өсімдік сорттарын қорғау жөніндегі халықаралық конвенция (1961 ж.) Фонограмма жасаушыларды олардың фонограммаларын рұқсатсыз шығарудан қорғау туралы Женева конвенциясы (1971 ж.), Спутниктер арқылы берілетін бағдарламалардың сигналдарын тарату туралы Брюссель конвенциясы (1974 ж.), Олимпиадалық таңбаны қорғау туралы Найроб шарты (1981 ж.), Зияткерлік меншік құқықтарының сауда аспектілері туралы келісім (1994 ж.), Тауар таңбалары жөніндегі заңдар туралы шарт (1994 ж.), Авторлық құқық жөніндегі ДЗМҰ шарты (1996 ж.), ДЗМҰ-ның орындаулар мен фонограммалар жөніндегі шарты (1996 ж.), Патенттік құқық туралы шарт (2000 ж.), Тауар таңбалары жөніндегі заңдар туралы Сингапур шарты (2006 ж.).

Зияткерлік меншік объектілерін тіркеу туралы шарттар: Таңбаларды халықаралық тіркеу туралы Мадрид келісімі (1891 ж.) және Тауар таңбаларын халықаралық тіркеу туралы Мадрид келісіміне хаттама (1989 ж.), Өнеркәсіптік үлгілерді халықаралық тіркеу туралы Гаага келісімі (1925 ж.), Шығарылған жерлердің нұсқауларын қорғау және оларды халықаралық тіркеу туралы Лиссабон келісімі, Патенттік кооперация туралы шарт (1970 ж.), Патенттік рәсім мақсаттары үшін микроорганизмдерді депозиттеуді халықаралық тану туралы Будапешт шарты (1977 ж.) болып табылады.

Зияткерлік меншік объектілерін жіктеу туралы шарттарға мыналарды жатқызуға болады: Таңбаларды тіркеуге арналған тауарлар мен қызметтердің халықаралық жіктемесі туралы Ницца келісімі (1957 ж.), Өнеркәсіптік үлгілердің халықаралық жіктемесін құру туралы Локарн келісімі (1968 ж.), Халықаралық патенттік жіктеме туралы Страсбург келісімі (1971 ж.), Таңбалардың бейнелеу элементтерінің халықаралық жіктемесін құру туралы Вена келісімі (1973 ж.).

Қолданыстағы халықаралық шарттар халықаралық зияткерлік меншікті қорғау жүйесін құрайды [5, 177 б.].

Тәуелсіздік жылдарында зияткерлік меншік саласында заңнамалық база құрылды, халықаралық келісімдерге қол қойылды. Зияткерлік меншік құқығы Конституция, Қазақстан ратификациялаған халықаралық шарттар, ҚР Азаматтық кодексе, ҚР Қылмыстық кодексе және ҚР әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексе негізінде Қазақстан Республикасында қорғалуға жатады. Сондай-ақ Патент Заңымен, Қазақстан Республикасының «Тауар таңбалары, қызмет көрсету таңбалары және тауар шығарылған жерлердің атаулары туралы», «Селекциялық жетістіктерді қорғау туралы», «Авторлық құқық және сабақтас құқықтар туралы», «тарихи-мәдени мұра объектілерін қорғау және пайдалану туралы» заңдарымен реттеледі.

Қазақстан Республикасы үшін зияткерлік меншік дамуының қазіргі кезеңінде негізгі міндеттердің бірі болып табылады. Бұл мәселенің өзектілігі елдің ДСҰ-ға кіруіне байланысты одан әрі артып келеді.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. «Қазақстан Республикасын индустриялық-инновациялық дамытудың 2020 – 2025 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2018 жылғы 20 желтоқсандағы № 846 қаулысы.
2. Қазақстан Республикасының Азаматтық Кодексі (Жалпы бөлім) (2020.03.07. берілген өзгерістер мен толықтырулармен)
3. Қазақстан Республикасының Азаматтық Кодексі (Ерекше бөлім)(2020.06.10. берілген өзгерістер мен толықтырулармен)
4. Амангельды А.А. Законодательство Республики Казахстан об интеллектуальной собственности. Поставленный научно – практический комментарий в двух томах. Том 1-Алматы: ОФППИ «Интерлигал», 2016
5. Луханова С.Н. Система международно-правовых соглашений в области защиты интеллектуальной собственности [электронный ресурс] // [https://cyberleninka.ru/ article/n/sistema-mezhdunarodno-pravovyh-soglasheniy-v-oblasti-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti-1](https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-mezhdunarodno-pravovyh-soglasheniy-v-oblasti-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti-1)

Akhmetova A. A.,
PhD student
of Chair of International Law
of Faculty of international relations
Al-Farabi Kazakh National University
Scientific Supervisor: Baimagambetova Z. M.,
Doctor Ph.D., associate professor
of Chair of International Law
of Faculty of international relations
Al-Farabi Kazakh National University

GRAIN FUTURES CONTRACT AS A TYPE OF EXCHANGE TRANSACTION

Түйін. Мақалада астық фьючерстік шартының ерекшеліктері ашылады, мұндай шарттардың маңыздылығы атап өтіледі, әлемдік астық биржаларының қызметіне және оның қатысушыларының қатынастарына құқықтық баға беріледі. Автор Қазақстан Республикасының заңнамасында астық фьючерстік шарты ұғымының анықтамасы жоқ екеніне назар аударады. Талданған материал негізінде автор астық фьючерстік келісім-шарт ұғымының анықтамасын ұсынады.

Түйінді сөздер: астық фьючерстік шарты, фьючерстік мәміле, биржалық сауда, астық биржасы, астық саудасы.

Резюме. В статье раскрываются особенности зернового фьючерсного договора, подчеркивается значимость и важность таких договоров, дается правовая оценка деятельности мировых зерновых бирж и отношений ее участников. Автор акцентирует внимание на то, что в законодательстве Республики Казахстан отсутствует определение понятия зернового фьючерсного договора. На основе проанализированного материала автор предлагает свое определение понятия зернового фьючерсного договора.

Ключевые слова: зерновой фьючерсный договор, фьючерсная сделка, биржевая торговля, зерновая биржа, торговля зерном.

Summary. The article reveals the features of the grain futures contract, emphasizes the importance and significance of such contracts, gives a legal assessment of the activities of the world grain exchanges and the relations of its participants. The author focuses on the fact that the legislation of the Republic of Kazakhstan does not define the concept of a grain futures contract. Based on the analysed material, the author offers his own definition of the concept of a grain futures contract.

Key words: grain futures contract, futures transaction, exchange trading, grain exchange, grain trading.

The transition to a market economy of the Republic of Kazakhstan has influenced the development and spread of exchange trading. The development of exchange activity contributes to the formation of equilibrium of market prices. The contractual form of exchange activity, in turn, is a futures contract.

The history of the appearance of exchange trading, where the first auctions of fixed-term contracts were held, originates from the appearance of the exchange platform in the city of Chicago in 1848, which was at that time a grain terminal [1]. The peculiarity of such contracts was that in order to insure production risks, farmers made transactions, the execution of which was to be carried out in the future, which meant that the peasants had to deliver their agricultural products at a specified time in the future.

However, the peculiarity of such fixed-term contracts concluded at the Chicago Board of Trade was the lack of a single unification of contracts. In 1965, within the framework of the exchange, fixed-term contracts were standardized, which became known as futures contracts. The essential terms of the futures contracts were: the quantity and quality of the grain delivered, the place and period of delivery.

It should be noted that grains such as wheat, oats and corn were the first commodities traded through exchange activities. The leading grain variety on the Chicago Mercantile Exchange is soft red winter wheat (SRW), which is analysed during grain trading.

There are the following grain exchanges to date:

- The Chicago Board of Trade (CBOT);
- London International Financial Futures and Options Exchange –LIFFE (Euronext);
- ICE Futures Canada (ICE);

- Paris Futures Exchange (MATIF);
- Budapest Stock Exchange (BSE);
- The South African Futures Exchange (Safex);
- The Brazilian Mercantile & Futures Exchange (BM&F);
- The MidAmerica Commodity Exchange (MACE);
- Greater Kansas City Chamber of Commerce;
- Minneapolis Grain Exchange (MGE);
- The Winnipeg Commodity Exchange (WCE);
- The Sydney Futures Exchange (SFE);
- The Tokyo Grain Exchange (TGE).

However, to a greater extent, the modern world grain market is determined by the conditions and circumstances that are formed on the Chicago Mercantile Exchange and Euronext, which price indicators are usually used when concluding local grain futures contracts. The main activity of grain trading exchanges is to set world grain prices.

The use of foreign experience in the organization of exchange trading contributed to the creation of grain futures in the Republic of Kazakhstan. The center of Kazakhstan's grain exchange trade today is the International Kazakhstan Agro-industrial exchange (IKAE). The main activity of the exchange is related to the provision of information on wheat prices, advice on the conclusion of transactions, legal support of transactions. The IKAE is an integral part of the Exchange Union of Kazakhstan and the Grain Union of Kazakhstan.

However, exchange activity, in particular operations related to futures contracts, is limited for a number of reasons –

- weak financial position of the bulk of grain producers and consumers;
- lack of reliable guarantees of transactions, market infrastructure mechanisms on the part of the exchange;
- imperfection of the price and tax policy of the state and a high level of taxation on brokerage activities;
- creation of obstacles by the Executive authorities to the free inter-regional movement of grain and its processed products;
- high tariffs for transportation of grain cargo and others [2].

However, today, the conclusion of futures contracts is a common transaction in the practice of developed countries. In the United States, for example, such contracts are usually governed by commercial law [3]. In accordance with the definition of a futures transaction, enshrined in the law of the Republic of Kazakhstan on commodity exchanges, “a futures transaction is an exchange transaction, the object of which is a futures”, which implies a referential nature of interpretation [4]. The Civil Code provides the following definition: “futures is a derivative financial instrument traded only on an organized market, the buyer (or seller) of which undertakes to buy (or sell) the underlying asset after a certain period of time in accordance with the standard conditions established in the organized market” [5]. According to the Rules of exchange trade futures contracts, approved on 28 May 2010 by the Exchange Council decision of JSC “Kazakhstan stock exchange” No. 11 “a futures contract is a term contract under which a buyer (or seller) undertakes an obligation after a certain period of time to buy (or sell) the underlying asset in accordance with the conditions established by the Exchange internal documents” [6].

By the definition of the Russian lawyer Dmitry Sidorov, “a futures contract is a bilateral agreement of trading participants, in which one party (seller) undertakes to transfer to other party (buyer) rights and obligations with respect to future contracts for the supply of exchange goods, and the other party agrees to pay a set the contract price by a certain date” [7, p. 9].

As noted by R.K. Kanatov, “a futures contract is a standard document confirming the obligation to buy or sell securities, goods or funds at a certain time and under certain conditions in the future with a fixed price at the time of fulfilment of obligations by the parties to the contract” [8, p. 150].

By a futures contract, Sh.A. Tadzhibayev understands that “this is a standardized contract concluded between participants of exchange trading and registered in accordance with the procedure established by law, under which the parties transfer rights and obligations for the supply of exchange goods in the future or conduct future settlements at the price and volume agreed upon at the time of its conclusion” [9, p.8].

Thus, a futures contract is a contract under which one party undertakes to deliver a certain product in the future, in a specified quantity and quality, at a certain place, and the other party undertakes to pay by a certain date and at a fixed price the amount set for this product at the moment.

In order to ensure the fulfilment of the obligation, the parties to the futures contract make a guarantee by means of a certain amount of money. Accordingly, the execution of all the terms of the transaction requires the participation of a third party, which is a trading exchange. Exchange activity is an essential condition of the transaction and the regulator that distinguishes the futures contract from the forward. The market determines the quantity and quality of goods, method of delivery, period of enforcement of the warranty.

A feature of such transactions is the subject of the contract, which implies not a certain product, but the value of a certain exchange asset. The legislation of the Republic of Kazakhstan recognizes the underlying asset as the subject of a futures contract. Article 156 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan directly establishes that the subject of exchange transactions is property admitted to circulation on the exchange, and which are concluded on the exchange by participants in its trading [5].

In accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan, futures refers to derivative financial instruments and is a contract, respectively, is not legally controlled by the rules governing securities.

Directly, the emergence of grain futures contracts was due to the application in practice of forward transactions, which through exchange trading were standardized into futures. Grain futures are considered to be one of the oldest, well-known futures contracts. The purpose of entering into grain futures contracts is to accelerate the turnover of investments, insurance of risks and the emergence of liability of the parties.

It should be noted that the definition of grain futures contains the following types of grain:

- Wheat;
- Corn;
- Soybeans;
- Rice;
- Oats;
- Soy flour;
- Soy oil.

T.A. Matveeva notes that “grain futures exchange is presented as a derivative financial instrument providing for the obligation of the seller or buyer to periodically transfer money to the clearing house of the exchange, depending on changes in the market prices of grain (asset) or the obligation involving the supply of grain in the specified period” [10, p. 8].

The essential conditions of a grain futures contract are the subject of the contract, the amount of grain, the term of ensuring the delivery of grain and the price of the grain asset on the exchange. It should be noted that such terms of the contract as the quantity, location and delivery time of grain are a trade secret of the contract.

Grain futures contract implies a financial obligation, which involves the sale of the grain assets, monetary liabilities and the agreement, which contains rights and obligations for parties to the contract. The peculiarity of such contracts is that the parties to the contract are not related to each other and do not enter into contacts with each other. The agreement is reached by matching the price of the submitted orders to the exchange’s trading system.

The main participants of the grain market include farmers, merchandisers and elevators, processing enterprises and food industry enterprises, grain exporters and importers. International governmental organizations, such as the USDA U.S. Department of Agriculture, also have a significant impact on the global grain market.

Participants in grain futures trading are directly, the exchange itself, the clearing organization, the trader and broker, the dealer, the seller and buyer of the grain asset. The parties to the grain futures contract are only the seller and buyer of the grain asset, as well as the dealer (intermediary). It should be noted that from a legal point of view, the exchange couldn’t be a party to a grain futures contract, but acts as an organized trading platform.

A feature of grain futures is that the subject of such transactions is the cost of grain. However, the exchange grain market is part of the grain and financial markets. The subject of grain futures contracts is property rights to standard contracts, i.e. such transactions imply the purchase and sale of rights to grain, and not the obligation to supply grain, or calculations of the difference in the price of a grain asset. The end of such transactions is the payment or receipt of the difference between the price of the contract on the day of its conclusion and the price on the day of its execution.

Thus, the distinguishing features of grain futures contracts are that:

- organization of payments and delivery of grain are carried out in the future;
- there is a delay in execution;
- the terms of the agreement are standardized by the grain exchange.

In summary it can be noted that grain futures contract is a contract under which one party undertakes the obligation to transfer a sum of money to the other party in accordance with the change in the market prices of grain and (or) occurrence of obligations involving the delivery of the specified quantity and quality, in a certain place, grain in the prescribed time.

Having analysed the legal provisions regulating grain exchange trading, it can be stated that grain futures contracts are a type of exchange contract concluded with the purpose of simplifying trade and insuring the exchange activities of exchange participants. A clear definition in the legislation of the Republic of Kazakhstan of the concept of “grain futures contract” will improve the conditions for the widespread and more effective application of this contract.

References:

1. Telford Taylor. Trading in Commodity Futures. A New Standard of Legality? // The Yale Law Journal, Vol. 43, No. 1 (Nov., 1933), pp. 63-106. URL: <http://www.jstor.org/stable/790827> [date of request: 10.11.2020]
2. Regional economy: textbook. manual for universities / Edited by prof. T. G. Morozova. – M.: Banks and exchanges, UNITY, 2004. – 304 p.
3. Roger A. McEowen. Legal Issues Involving Cash Forward Grain Contracts // Principles of Agricultural Law, Agricultural Law Press, Eugene, OR. – 1998. – Sections 2.05, 2.06[3], 2.09 [3] and 2.10. URL: <https://cdn-ext.agnet.tamu.edu/wp-content/uploads/2019/10/EL5286-legal-issues-involving-cash-forward-grain-contracts.pdf> [date of request: 10.11.2020]
4. Law of the Republic of Kazakhstan dated on May 4, 2009 No. 155-IV “On commodity exchanges” (with amendments and additions as of 01.07.2019) [electronic resource] / / Information system Paragraph. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30413553#pos=3;-106 [date of request: 14.11.2020]
5. Civil code of the Republic of Kazakhstan (General part), adopted by the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on December 27, 1994 (with amendments and additions as of 03.07.2020) / / Information system Paragraph. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061&doc_id2=1006061#pos=5;-98&pos2=1833;-26 [date of request: 14.11.2020]
6. Rules of exchange trading in fixed-term contracts approved by the decision of the Exchange Board of Kazakhstan stock exchange JSC (minutes of the meeting No. 11 dated on May 28, 2010). – Almaty, 2010. – 8 p.
7. Sidorov D.V. Civil law regulation of futures contracts: author’s abstract ... candidate of legal Sciences:12.00.03. – Moscow: RSUH, 2006. – 24 p.
8. Kanatov R.K. Analysis of problematic aspects of practical application and prospects of a futures contract in the market of derivative financial instruments of the Republic of Kazakhstan // Bulletin Of the Institute of legislation of the Republic of Kazakhstan. – 2017. – No 4 (49). – pp. 146-151.
9. Tadzhibayev Sh.A. Legal regulation of futures contracts concluded on commodity exchanges: author’s abstract ... candidate of legal Sciences:12.00.03. – Dushanbe: Tajik National University, 2014. – 25 p.
10. Matveeva T.A. Grain futures on the Russian market of derivative financial instruments: problems and prospects of development: author’s thesis ... candidate of economic Sciences. Orenburg, 2013.

Турсунбаева А. А.,
Магистрант 1 курса
Казахский Национальный Университет им.Аль-Фараби
Факультет международных отношений
Кафедра международного Права
Научный руководитель: Нысанбекова Л. Б.,
доктор PhD, и.о. доцента кафедры
международного права

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Түйін. Бұл мақала, Ең алдымен, ҚР-дағы төлем жүйелерінің негіздері мен құқықтық реттеу түсінігін анықтауға бағытталған. Біріншіден, мақалада төлем жүйелерінің жалпы тұжырымдамасына назар аударылды, төлем жүйелерінің жалпы жіктелісін ашты және осыған сүйене отырып, олардың әрқайсысының мәні мен семантикалық мағынасын ашуға, сондай-ақ нормативтік құқықтық актілерде анықталған кейбір негізгі элементтерді анықтауға тырысты. Мақалада сондай-ақ төлемдер мен төлем жүйесінің кемшіліктері мен артықшылықтары және статистикалық ақпарат қарастырылған.

Түйінді сөздер: төлем жүйелері, құқықтық мәртебе, электрондық ақша, банктік шот, қаржылық операциялар, банктік қызметтер.

Резюме. Данная статья направлена, прежде всего, на выяснение понятия основы и правовое регулирование платежных систем в РК. В первую очередь, в статье акцентировали внимание на общем понятии платежных систем, раскрыли общие классификации платежных систем и исходя из этого, попытались раскрыть суть и смысловое значение каждого из них, а также определить некоторые ключевые элементы, определяющиеся в нормативных правовых актах. В статье также рассмотрены недостатки и преимущества и статистическая информация платежей и платежной системы.

Ключевые слова: платежные системы, правовой статус, электронные деньги, банковский счет, финансовые операций, банковские услуги.

Summary. This article is primarily aimed at clarifying the concept of the basis and legal regulation of payment systems in the Republic of Kazakhstan. First of all, the article focused on the General concept of payment systems, revealed the General classification of payment systems and, based on this, tried to reveal the essence and meaning of each of them, as well as identify some key elements defined in regulatory legal acts. The article also examines the shortcomings and advantages and statistical information of payments and the payment system.

Key words: payment systems, legal status, electronic money, Bank account, financial transactions, banking services.

Вступление Республики Казахстан в ВТО, реализация планов по построению международного финансового центра в государстве, активное участие в интеграционных объединениях со странами СНГ, продвижение тенге в качестве расчетной валюты обуславливают необходимость нового качественного развития национальной платежной системы РК.

С принятием законодательных актов в сфере валютного регулирования в Казахстане введена и начала функционировать система государственного регулирования и надзора за рынком платежных услуг. Платежная отрасль и ее регулирование построены отдельно от надзора и регулирования других финансовых услуг, что связано со спецификой данной отрасли и это соответствует общемировой практике. В течение полугода после его принятия, то есть до февраля 2017 года, действующим субъектам платежного рынка, то есть операторам платежных систем, поставщикам платежных услуг, в том числе не банковским субъектам необходимо было привести свою деятельность в соответствие с новыми требованиями. То есть обратиться в Национальный Банк с соответствующими документами для подтверждения статуса платежной системы, оператора или пройти учетную регистрацию в качестве платежной организации. После выхода Закона была проведена целая серия семинаров и других информационно-разъяснительных мероприятий среди субъектов платежного рынка.

В настоящее время зарегистрировано 19 платежных систем. Из них по закрепленным законодательством критериям одна система признана системно значимой и отнесены Национальным Банком

к значимым платежным системам. Системно значимая платежная система – это Межбанковская система переводов денег, владельцем или оператором которой выступает сам Национальный Банк. Данная система обеспечивает расчет свыше 95% от общей суммы всех безналичных межбанковских платежей, проведенных в стране. Ежедневно через эту систему проводится транзакций объемом 3,5 трлн тенге, практически вся ликвидность финансового сектора «находится» в этой системе. Поэтому Национальный банк уделяет первостепенное внимание обеспечению непрерывности функционирования данной системы, управлению рисками и проводит мониторинг за ее работой на постоянной основе. По другим платежным системам осуществляется сбор статистической или иной информации, в том числе по инцидентам и операционным событиям, и ведется наблюдение за их функционированием.

Достигнутый важный показатель – сокращение сроков исполнения банками указаний клиентов. Если раньше в распоряжении, как банка отправителя, так и банка получателя денег имелось до 4 дней на обработку и проведение платежа, то сегодня указания клиентов должны исполняться в течение операционного дня поступления в банк. Есть исключения для некоторых случаев, например, если отсутствуют деньги и документ помещается на хранение в картотеку, или исполнение карточных платежей и платежей с будущей датой валютирования [2]. В целом данное нововведение полностью отвечает реалиям современного времени и направлено на ускорение проведения платежей. Другим заметным изменением стал новый механизм исполнения банками платежных требований при взыскании с должников просроченной задолженности по банковским займам. Напомню, что с 1 января 2017 года такие платежные требования исполняются банками с текущих счетов физических лиц в пределах пятидесяти процентов от суммы денег, находящейся или поступающей на текущий счет. Также с 1 января текущего года установлено ограничение на выставление банками-кредиторами к банковскому счету должника одновременно нескольких платежных требований в рамках одного договора займа. Ранее банки отправителей денег принимали платежные требования без ограничений. Данные меры направлены на защиту прав заемщика и предполагают сохранение средств должника для обеспечения его жизнедеятельности. С момента введения нового порядка исполнения платежного требования Национальным Банком за его нарушение в отношении 6 банков были применены ограниченные меры воздействия и 2 банка привлечены к административной ответственности. Также был существенно модифицирован с учетом общемировой практики механизм применения прямого дебетования банковского счета как способ осуществления платежей.

Всего за январь-май 2020 года через МСПД было осуществлено 5,5 млн. транзакций на сумму 282,0 трлн. тенге. По сравнению с аналогичным периодом 2019 года количество платежей уменьшилось на 4,3% (на 248,4 тыс. транзакций), сумма платежей уменьшилась на 26,7% (на 102,9 трлн. тенге).

В среднем за день через МСПД за январь-май 2020 года проходило 56,4 тыс. транзакций на сумму 2,9 трлн. тенге, что меньше по сравнению с аналогичным периодом 2019 года по количеству на 3,3% (на 1,9 тыс. транзакций) и меньше по сумме на 26,0% (на 1,0 трлн. тенге) [3].

По состоянию на 1 июня 2020 года эмитирование платежных карточек осуществляли 22 банка и АО «Казпочта». Указанные организации выпускают и распространяют платежные карточки международных систем VISA International, MasterCard Worldwide, UnionPay International, American Express International и Diners Club International. Кроме того, банки Казахстана выпускают платежные карточки локальных систем: Altyn Card – АО «Народный Банк Казахстана», локальная карточка Ситибанка Казахстан – АО «Ситибанк Казахстан» и Система платежных карт Kaspi.kz – АО «Kaspi Bank».

По состоянию на 1 июня 2020 года в обращении находится 38,8 млн. платежных карточек, а количество держателей данных карточек составило – 33,2 млн. держ. (по сравнению с ситуацией на аналогичную дату 2019 года – рост на 54,7% и 52,3% соответственно). Наиболее распространенными являются дебетные карточки, их доля составляет 79,6%, доля кредитных карточек – 17,0%. На долю дебетных с кредитным лимитом и предоплаченных карточек приходится 2,3% и 1,1% соответственно.

За период январь-май 2020 года объемы транзакций с использованием платежных карточек казахстанских эмитентов составили 16 011,6 млрд. тенге (рост по сравнению с аналогичным периодом 2019 года 53,9%). Количество транзакций за период январь-май 2020 года составило 937,8 млн. транзакций и увеличилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 73,2% [3].

При этом количество безналичных транзакций выросло в 2,1 раза (количество составило 814,0 млн. единиц) и сумма – в 2,4 раза (объем составил 9 975,2 млрд. тенге). Держателями платежных карточек было проведено 123,9 млн. операций по снятию денег на сумму 6 036,4 млрд. тенге. Наблюдается уменьшение количества операций по снятию наличных денег в сравнении с периодом январь-май 2019 года на 17,3% и по объему – на 3,3%.

Основная доля безналичных операций в Казахстане совершена посредством интернет/мобильного банкинга (50,6% и 78,9%, соответственно) и POS-терминалов (49,2% и 20,4% от общего количества и объема безналичных платежей и переводов денег). Операции по выдаче наличных денег в основном совершались посредством банкоматов (98,8% и 92,9% от общего количества и объема операций по выдаче наличных денег).

За май 2020 года банками и АО «Казпочта» с использованием представленных в таблице платежных инструментов были проведены транзакции в количестве 247 418,1 тыс. документов на сумму 39 038,4 млрд. тенге [3].

По-прежнему наиболее распространенными на территории Казахстана платежными инструментами являются платежные карточки и платежные поручения. При этом за май 2020 года средняя сумма одного платежного поручения составила 1,7 млн. тенге. Вместе с тем, высокий удельный вес платежных карточек по количеству и низкий – по объему транзакций характеризуется использованием данного платежного инструмента в основном для платежей и переводов на небольшие суммы.

В указанный период наименее используемыми платежными инструментами являются чеки и средства электронного платежа. Незначительная доля использования данных инструментов в общем количестве и объеме обусловлена их спецификой.

Рынок платежей растет, показывая высокие темпы роста по всем основным направлениям. Особенно быстро развивается сегмент онлайн платежей – это Интернет и мобильные платежи. Свыше 70% платежей юридических лиц и каждый второй безналичный платеж физических лиц проводятся сегодня через дистанционные каналы. Мы видим, что в мире наиболее значимые тренды сегодня также связаны с ростом дистанционных услуг, появлением новых небанковских игроков, технологий и решений, дополнительных сервисов, в результате которых меняется роль банков в обслуживании платежей и действующие бизнес-процессы. В целом нормы нашего главного отраслевого Закона закладывают необходимую правовую основу для будущего развития рынка и повышения его инновационного потенциала. Что касается новых сервисов, то одно из новых появлений со стороны банков новые технологий оплаты с применением мобильных устройств, в том числе на основе использования QR-кодов, в торговой сети [4]. Ведется также работа совместно с банками и заинтересованными госорганами над проектом по онлайн открытию банковского счета на этапе регистрации юридического лица/предприятия посредством портала «электронного правительства». Продолжается работа по организации в банках сервисов онлайн оплаты административных штрафов путем организации их доступа к информации о наложенных штрафах в системах госорганов. Совместно с банками постепенно планируем двигаться в сторону внедрения моментальной обработки и исполнения отдельных категорий платежей, а также создания интегрированной платежной среды [4]. Очевидно, что цифровые технологии создают новые возможности, в т. ч. в части организации банками и другими участниками рынка новых услуг с добавленной стоимостью, которые раньше не были доступны. В тоже время диктуют необходимость совершенствования, а в ряде случаев построения новой инфраструктуры, ориентированной на эффективное обслуживание таких услуг. Большой блок вопросов, который требуют совместных решений с банковским сообществом в предстоящий период – это вопросы внедрения удаленной идентификации клиентов, биометрической технологии для повышения безопасности операций, создания открытых платформ для инициирования платежей посредством приложений сторонних провайдеров, переход на использование финансовых (платежных) сообщений, основанных на стандартах ISO 20 022 для гармонизации коммуникации между финансовыми институтами и их клиентами, и естественно, перспективы использования в финансовой сфере технологии блокчейн.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 268-ХІІІ
2. Закон Республики Казахстан «О платежах и платежных системах» от 26 июля 2016 года № 11-VI ЗРК. Online.zakon.kz
3. Официальный сайт Национального Банка РК <https://old.nationalbank.kz>
4. Платежные системы РК: Год по новым правилам. Интервью директора Департамента платежных систем Е. Ашыкбекова <https://m.nationalbank.kz/cont.Kapital.kz>

МАЗМУНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО-ПРАВОВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РК Н. ЖУМАҚАНОВА	3
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ РУКОВОДИТЕЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Д. АБАЕВА	4
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ, СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ СЕНАТА ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В.В. ВОЛКОВА	5
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Р. СЭРПЕКОВА	6
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ДЕПАРТАМЕНТА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РЕПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Н. БАЙТІЛЕСОВА	7
ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕКТОРА ВСЕРОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.Г. СИНЕЛЬНИКОВА-МУРЫЛЕВА.....	8
ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕКТОРА АКАД. ПЕТРОВСКОЙ АН РФ А. ТОКТЫБЕКОВА	9
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРОРЕКТОРА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ СВЯЗЯМ РТСУ (РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ) У.А. МАНСУРОВА	10
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ЭСПЕРТИЗ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА) Е.Р. РОССИНСКОЙ	11
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ПРАВА СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КИЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Д.Ю.Н., ПРОФ. А. ТРУНКА	12
ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ ДОНГ ЖУНА	13
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА М.М. КОМАРОВА	14
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДОКТОРА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК УНИВЕРСИТЕТА ГАВР-НОРМАНДИЯ ПЬЕРА ШАБАЛЯ	15
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА ГОРОДА ХАЛЛЕ А. АЛИЕВА	16
ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕКТОРА ЕВРАЗИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ИМЕНИ Д. А. КУНАЕВА О.Ш. ЖАЛАИРИ	17
ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА «ТУРАН» Р.А. АЛШАНОВА	18
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА СОРБОННА-КАЗАХСТАН САБИТОВОЙ А.А.....	19
ПОЗДРАВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА АЛМАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РК ИМ. МАКАНА ЕСБУЛАТОВА О.Х. СМАЙЛОВА.....	20
ПОЗДРАВЛЕНИЕ И.О. РЕКТОРА НАО «УНИВЕРСИТЕТА НАРХОЗ» С.Г. БУЯНСКОГО	21

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРОРЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА АЛМАТЫ С. ӘЛДЕКЕНОВА	22
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА АЛМАТИНСКОГО ФИЛИАЛА «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФСОЮЗОВ» Н.Б. ЕРКЕБАЕВА	23
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АЛМАТИНСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА А.С. СМАЙЛОВА	25
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА (СОДРУЖЕСТВА) АДВОКАТОВ Г.А. ВОСКРЕСЕНСКОГО	26
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДИРЕКТОРА КАЗАХСТАНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА А.Е. ДУЙСЕНОВОЙ	28
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН А.К. ТАСТАНОВОЙ.....	29
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ЦЕНТРА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ И СНИЖЕНИЮ РИСКА СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ ДЖ. УКАШЕВА	30
ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТНИКА ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Ж.О. КУЛЖАБАЕВОЙ И ВЕДУЩЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ОТДЕЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И СРАВИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН А.С. ИРЖАНОВА	31
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ А.А. САЛИМГЕРЕЙ.....	32
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА АЛМАТИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ С.Т. МАХЫШЕВА.....	33
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДЕКАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАРАГАНДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА А.М. СЕРИКБАЕВА.....	34
ПОЗДРАВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАРАГАНДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА	35
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА ЭКОНОМИКИ И ПРАВА КАЗАХСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА Н.А. КУДАЙБЕРГЕНОВА	36
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ТОО «KAZAKH HOLDING» Д.К. БАЗАРБЕКОВА	37
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА «ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА КАПИТАЛ» А.Ж. АГИБАЕВОЙ.....	38
ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И СОВЕТА НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «НАУКА И ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА».....	39
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА ТЕЛЕКАНАЛА «GAKKU MEDIA» С.Н. НҮРОЛЛА	40
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА РАДИОКАНАЛА «LOVE RADIO» Е.В. ГОЛУБЯТНИКОВОЙ	41
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА РАДИОКАНАЛА «ТОЙ ДУМАН РАДИОСЫ» А.А. СОЛОДКОГО	42
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРА РАДИОКАНАЛА «РАДИО ДАЧА» О.С. СУХОМЛИНОВОЙ	43

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ САЛАСЫНА ЗАҢГЕРЛЕР ДАЯРЛАУ ҚАЖЕТ // ЗАҢ ГАЗЕТІ.....	44
АВНЫЕ СРЕДИ ПЕРВЫХ // ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА	45
АЙДАРБАЕВ С.Ж. 30-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ: ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ	46
САЙРАМБАЕВА Ж.Т. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ КАФЕДРАСЫНА 30 ЖЫЛ!	49
САЛИМГЕРЕЙ А.А. О РОЛИ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАЗНУ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ КАЗАХСТАНА	51

СЕКЦИЯ 1

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

САРСЕМБАЕВ М.А. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ	54
АЙДАРБАЕВ С.Ж., УДЕРБАЕВА Б.А. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚҚА ҚАТЫСТЫ РЕСЕЙ КОНСТИТУЦИЯСЫНДАҒЫ СОҢҒЫ ӨЗГЕРІСТЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ САЛДАРЫ	58
САЙРАМБАЕВА Ж. Т. ДҮНИЕЖҮЗІЛІК САУДА ҰЙЫМЫ ШЕҢБЕРІНДЕ ДАУЛАРДЫ ШЕШУДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ	60
ШАКИРОВ К.Н. КАЗАХСТАН И СИНГАПУР: О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ К АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ).....	63
КАЛИШЕВА Н.Х. К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ «КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА 2020 – 2030 ГОДЫ».....	69
МАШИМБАЕВА Г.А. ЖЕТІМ БАЛАЛАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕСІНІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ	73
ДОСЫМБЕКОВА М.С., ТОКТЫБЕКОВ Т.А. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	77
ЕРГОБЕК Ш.К., АЛТАЕВА К.Ж. ТРЕТЬЯ ВОЛНА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ – ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНЗИТА	81
ТАТАРИНОВ Д.В. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	86
ТУСУПОВА А. Ж. КОНСТИТУЦИОННО – ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ	90
РЫСАЛДИЕВА А.Е. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ НЕГІЗГІ ҚҰҚЫҚТАР ТУРАЛЫ ХАРТИЯСЫ БОЙЫНША ТИІСТІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ МІНДЕТТЕМЕЛЕР АЛУ МӘСЕЛЕСІНІҢ ШЫНАЙЫ ЖӘНЕ ЫҚТИМАЛ ТҰСТАРЫ	96
OTYNSHIYEVA A.A., BALABEKOVA N.E. PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS IN THE NATIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	100

BAITUKAYEVA D.U. ACTIVITIES OF THE CIS INTERSTATE SPACE COUNCIL	104
MAULEN A.A. HISTORICAL BACKGROUND AND LEGAL ADAPTATION OF REPATRIATES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	108
БАЙЗАКОВА Р. Б. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	112
ХАМИТ А.Х. ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В СФЕРЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОД.....	115
ADIBAEV A.M. THE LEGAL AND PRACTICAL ISSUES OF INCLUSIVE EDUCATION FOR PEOPLE WITH DISSABILITIES IN KAZAKHSTAN AND ABROAD: FROM THE HUMAN RIGHTS PERSPECTIVE.....	118
БЕККАЙРОВ Н.Б. СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚҚА ҚАРСЫ КҮРЕСТІ ЖҮЗЕГЕ АСЫРАТЫН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМДАР	123
КАДЫРАЛИЕВА Ж.А. НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	127
ШАЙМАРДАН С.Д. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ИНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	130
СЕКЦИЯ 2	
МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В ПРАКТИКЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ	
ЛИФШИЦ И.М. БАЗЕЛЬСКИЕ СТАНДАРТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ.....	134
АЙДАРБАЕВ С.Ж., ТЛЕУБЕКОВ С.Т. ДСҰ ЕТ ДАУЛАРЫН ШЕШУ ТӘЖІРИБЕСІНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҰЙЫМДАРДЫҢ ҚАТЫСУЫ.....	142
BAIMAGAMBETOVA Z.M., SYBANBAYEVA N.K. ANALYSIS OF THE WTO AGREEMENT ON THE APPLICATION OF SANITARY AND PHYTOSANITARY MEASURES (SPS).....	146
САМАЛДЫКОВ М.К. ОБЗОР НАЦИОНАЛЬНОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИШЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	150
АБДРАХМАНОВА Э.С. ИНСТИТУТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	155
АПЕНОВ С.М., УМБЕТБАЕВА Ж.Б. СОТҚА ДЕЙІНГІ ТЕРГЕУ САТЫСЫНДАҒЫ ТЕРГЕУ СУДЬЯСЫ МЕН ПРОКУРОРДЫҢ ӨКІЛЕТТІКТЕРІНІҢ АРАҚАТЫНАСЫ	158
СЫЛКИНА С.М. НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПАЦИЕНТОВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	163
СЕРИКОВА Л.С., ЖУБАЙБЕКОВА Э. ЕУРОПА ЕЛДЕРІНІҢ ҚОРШАҒАН ОРТАНЫ КОРҒАУ САЛАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ.....	167
АДИБАЕВА А.К. К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НАКАЗУЕМЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ В СОВЕРШЕНИИ ГЕНОЦИДА ПО КОНВЕНЦИИ ООН 1948 ГОДА В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ	170

ЖУНИСОВ Ж.С. ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚТА МҮШЕ-МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ ЗАҢНАМАЛАРЫН ҮЙЛЕСТІРУ МЕН БІРІЗДЕНДІРУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ	175
BISSALIYEV M.S. THE NETIQUETTE: THE MATTER OF ONLINE MANNERS IN THE EDUCATION PROCESS	178
WANG HEYONG A STUDY OF AMERICAN LONG-ARM JURISDICTION.....	182
ФУ ТИН. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	191
НЕГМАТУЛЛА А. О. СЫРТҚЫ ЕҢБЕК КӨШІ-ҚОНЫН РЕТТЕУДІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ	195

СЕКЦИЯ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

НЫСАНБЕКОВА Л.Б. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ К ПОНИМАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИНДИВИДА	199
НАСОНОВА О.О. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ.....	203
ОТАРБАЕВА А.Б. АНАЛИЗ ВЫДАЧИ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ПАТЕНТОВ В СТРАНАХ СНГ	207
BEGZHAN A.M. THE LEGAL REGULATION OF PUBLIC PROCUREMENT: THE CONCEPT AND PROBLEMS.....	211
НУРТАЙ М.Н. ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІКТІ ҚОРҒАУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ.....	216
АКНМЕТОВА А.А. GRAIN FUTURES CONTRACT AS A TYPE OF EXCHANGE TRANSACTION	220
ТУРСУНБАЕВА А.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	224

Научное издание

СБОРНИК
материалов международной научно-практической конференции
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»,
посвященной 30-летию образования кафедры международного
права факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби
25 ноября 2020 года

ИБ №14226

Подписано в печать 16.02.2021. Формат 70х100 1/12.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Объем 19,33 п.л. Тираж 10 экз. Заказ №1339. Цена договорная.

Издательский дом «Қазақ университеті»

Казахского национального университета имени аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71, КазНУ.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».

ҚАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
БАСПА ҮЙІ